

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

выпуск 5

Санкт-Петербург
Издательский Дом "ОРЕОС"
2008

Куратор проекта: Антонина Максимовна КАЧАЛОВА

начальник отдела культуры администрации Гатчинского
муниципального района.

Составители: Елена Леонидовна БАБИЙ

заслуженный работник культуры РФ,
директор Муниципального учреждения культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»,
Светлана Александровна ТОПОРИКОВА

ведущий методист Муниципального учреждения культуры
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

На обложке фотография Д. Шумилина

**Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 5.. — СПб.:
«Издательский Дом «ОРЕОС», 2008. — 280 с.: ил., — 12 л.цв.ил.**

В пятом выпуске литературно-краеведческого альманаха продолжена публикация материалов по истории и культуре Гатчинского района, этнографии, природе края.

На страницах сборника вы познакомитесь с историческими личностями, чья жизнь была связана с гатчинским краем. Вашему вниманию предложены материалы, посвященные Гатчинской пушкиниане. Вас порадуют встречи с нашими современниками, которые живут и работают среди нас. Включает сборник прозаические и поэтические произведения писателей и поэтов, а также открывает для читателей новые имена. Альманах иллюстрирован живописными работами художников и фотографов нашего района.

Альманах адресован широкому кругу читателей, краеведам, библиотекарям, музейным работникам и всем тем, кто интересуется историей нашего края.

Дорогие друзья!

Необыкновенно приятно держать в руках и перелистывать еще пахнущий типографской краской новый номер нашего альманаха «Оредеж». У журнала маленький, но значимый юбилей — он пятый! Сегодня можно с уверенностью сказать, что замысел этого издания оправдал себя и наши ожидания. От номера к номеру полнится летопись народной пушкинианы, а это значит, что мы лучше узнаем ее. Открываются новые страницы истории знаменитых людей, именитых владельцев усадеб Гатчинской земли. Исследуется топонимика района. Журнал демократично представляет творчество наших жителей, явленное в живописи, музыке, поэзии, прозе, художественных промыслах, самодеятельном и профессиональном театральном искусстве. Все это не может не волновать... Радует, что сложился коллектив постоянных авторов и появляются новые имена. Вместе с ними мы изучаем, исследуем, осмысливаем прошлое, настоящее и думаем о будущем нашей земли.

В связи с этим вспоминаются слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Благодаря памяти, прошедшее входит в настоящее... построить этот мост между прошлым и будущим — дело сегодняшнего поколения».

Успехов вам в прочтении.
С уважением,
Александр Петрович Худилайнен

Геннадий Михеев

ПРОГУЛКА

*Как хорошо по Гатчине пройти
В вечерний час, когда снежок кружится,
Закончив трудный день, спокойствие найти.
И не сравнится с нею шумная столица:
Стоит собор, величественно-стройный,
Он не задавлен мощью этажей,
И Гатчинский дворец — спокойный и достойный,
Притягивает строгостью своей.
А Приорат, а парки и озера!
Неповторимо Гатчины лицо!
Беречь нам надо этот милый город
И помнить — он достоинство твое.*

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

Душа поэта — душа народа

ЗВЕЗДА АРИНЫ

Михаил Лейкин

Пушкинские торжества на Гатчинской земле

С 1986 года на Гатчинской земле проводятся пушкинские торжества. За это время сыграно немало спектаклей. Самых разнообразных по темам, жанрам, форме. От камерных до громадных — ландшафтных. Среди них особняком стоят музыкально — поэтические композиции, основанных на документальном материале. Своеобразные явления поэтического театра, основным выразительным средством которых является иносказание. У них особая роль, значение их особенно важно. Они суть тематических прологов праздников, их смысловое, исто-

рическое насыщение. Организаторы наших пушкинских художественных действий ратуют за сохранение глубокой содержательной, исторической — художественной составляющей. Не дай Бог, превратить уникальную часть культурного российского наследия в очередное «поп — разгуляево».

Поэтому и необходим театр документальный — современный по содержанию и новаторский по сценической форме. Но документальный театр — один из самых сложных в постановочном процессе, у него своя специфика. Вот и на профессиональной сцене, за

феерическим взлетом Таганки 60—80 годов, ярких последователей не густо.

Как и все произведения документального театра, наши литературно — музыкальные, поэтические композиции, должны содержать в драматургической основе своей факты не банальные, более того — желательно сенсационные. Чтобы показать судьбу героя — Пушкина ли, Рылеева, Тютчева — необходимо найти малоизвестные факты жизни, ярчайшие поступки героя, в которых прорастет привлекающее зрителя «зерно образа».

Нужно так выстроить конфликт, чтобы он захватил публику. А это, прежде всего, возможно лишь в том случае, если проблемы спектакля будут волновать людей XXI века. Современность живет не в костюмах и стилистике. Она проявляется в актуальной проблематике, яркости характеров, правде страстей человеческих. Так что это работа весьма сложная — с одной стороны — поиск малоизвестного документального материала, его точность, с другой стороны — действенность! Принципиально важно, что бы самые маститые ученые-пушкинисты согласились с фактической основой, благословили, подтвердив, что материал безупречен с их точки зрения. С другой стороны не менее важно, чтобы зрителю были живо интересны истории с людьми, жившими за два и больше века до нас. Не просто интересны, а захватили души в плен, включили в размышления, в социальный или нравственный конфликт, вызвали желание принять соучастие в действии... Действенность, преодоление «четвертой стены» — задача режиссера массовых праздников.

Как правило, эти задачи решаются. Прежде всего, потому, что объекты поисков — судьбы необычных, одаренных личностей. Самого Александра

Сергеевича, а также его предков и людей ближнего и дальнего пушкинского круга. К счастью о них писали современники в государственных бумагах и письмах, эти люди оставили зафиксированные следы своих судеб, поступков в разных документах, которые, благодаря изысканиям настоящих ученых, вдруг всплывают подобно таинственным островам, в океане современной информации. И тогда, эти новые факты будят воображение, помогают найти современные аналогии, заставляют постановщика создавать единственную форму, тщательно отбирая выразительные средства.

Наступивший в 2008 году 250-летний юбилей выдающейся русской женщины Арины Родионовны, поставил перед нами всеми непростые задачи. Интерес к Арине Родионовне огромен. Для гатчинцев она совершенно «своя». На этой земле Ирина родилась, жила

в своей семье, пришла в семью Пушкиных. Здесь, в Кобринно ее родовое крестьянское гнездышко. Арина Родионовна может сегодня очень помочь потомкам, она дарит поводы для развития музейного дела, образования, воспитания, туризма. Тем обиднее скороспелые домыслы, «сенсационные откровения» желтой прессы о нашей «наперснице волшебной старины»... Как у нас не любят, не хотят подняться над своим уровнем, а вот опустить героя до своего плintуса — с удовольствием!

Действительно, образ Арины Родионовны — няни поэта — находится в пушкинской литературе и серьезных исследованиях как-то особняком. С Ариной Родионовной все оказалось намного сложнее, чем с ее современниками. Почему?

Да, ведь, Арина, а точнее Ирина, Иринья — была крепостная крестьянка, человек, находившийся на очень низкой ступени общественной пирамиды. Кому были интересны персоналии крестьян в 18 — 19 веке? Вспомните Н.В. Гоголя и пикантную трагикомическую историю про мертвые души...

У крепостных фамилий не было! Глядя на великолепие дворянских усадеб, вспомним, поднатужимся и найдем имена хозяев и архитекторов, а вот имена людей из народа, тех, кто строил, ковал металлическое кружево, занимался каменной кладкой, лепнину дивную создавал? О них — этих мастерах трясина забвения.

Как мало, к примеру, мы знаем о верном дядьке Пушкина Никите, который был с баринком неразлучен по жизни и студеным февралем его в последний путь проводил.

И сразу же первый миф развенчаем. Арина маленького Александра Сергеевича не нянчила. Алексея, двоюродного брата, Ольгу — сестру, бра-

та — Льва, — да... Отчего же забыли Ульяну — действительно нянюку маленького Пушкина?

Не является ли вообще образ Арины Родионовны мифом? Ну, полюбилась она Пушкину, так бывает с творческими людьми, написал он о ней блистательно, а дальше другие люди подсутились в своих целях...

Что же надо было сделать Арине, какой быть, что бы о ней писали стихи блистательные дворянские поэты, чтобы крепостной крестьянке в письмах просили кланяться князья?! Для этого надо было совершить нечто особенное! А, ведь все было — и в стихах ее обессмертили, и выдающиеся люди ей кланяться просили!

Возникла необходимость поставить спектакли об Арине Родионовне, массовые праздники, да не один, другой, а настоящую программу ей посвятить. Каким человеком она была? Как сделать ее образ живым, убедительным и близким?

С чего начать? Одним из важнейших завлекающих приемов театрального действия является интрига. То есть непредсказуемость, пробужденный у зрителя интерес к сюжету, который не ослабевает, наоборот становится все ярче. Вспомните, какие задачки задавала Василиса Премудрая своему жениху Ивану — царевичу: «Пойди туда, не знаю куда. Возьми то, не знаю что». А кто бы стал смотреть, если ясно и куда идти и что брать?! Интрига необходима, но приходится признать, что в интриге собственной жизни Арина Родионовна уступает многим. Может ли сравниться интрига ее жизни с жизнью А.П. Ганнибалы, например?

Тот — генерал — аншеф русской армии, «арап Петра Великого»! Это известно всем. Но посмотрите на детали — какая экзотическая судьба! Из султаната Лагон, в сердце черной Африки,

через турецкий султанский двор, в котором воспитывался он — похищенный сын властителя Лагона, — в приполярную Россию, в диковинный Петербург. И не один он здесь чернокожий был — три африканских мальчика были привезены. А он выдвинулся среди других. И куда? В денщики Государю Российскому! Не забудем, что Абрама лично Петр Великий крестил, и отчество Петрович, ему царем дарено. И осознается иначе связь Пушкин — Петр I. Правнук находился с Петром I через прадеда в своеобразном духовном родстве. Перемена имен и фамилии нашего героя — то он Ибрагим, то Абрам Петров, то Абрам Петрович Ганнибал... очень непросто был. А этапы жизни? Учеба в престижном учебном заведении во Франции, любовные романы, служба в тамошней королевской армии, война... Возвращение в Россию молодую, взлет и ссылка на границу с Китаем в России. Кажется конец? Нет — возвращение, служба и трагедия любви. Разочарование в первой семье. Страсти сродни Отелло. Развод. Новые надежды, решительное двоеженство, риск во имя любви, женитьба на шведке, женщине иного вероисповедания. Потом — счастье в семье, головокружительная карьера, отставка, и новая мечта «в охлаждены леты» о возвращении в Африку! Заmeshано круто?!

А что Арина? Крестьянская дочь, крестьянка. Мать четырех детей. Няня великого поэта. И это все? Какая же здесь интрига? Неинтересно это для сценического сюжета. Но не будем делать выводы — не может быть все так просто!

Другой фактор очень важный — конфликт. Без конфликта нет действия, нет театра, сценического искусства. Речь идет не о простой борьбе людей за место или должность, а о современ-

ном истолковании конфликта, как о столкновении нравственных или философских позиций. Какие же, у безграмотной Арины, могли быть «позиции»?

Вот у Кондратия Рылеева, другого уроженца этих мест, они были. И какие!

Только это имя произнеси — и сегодня раскаленный спор вспыхнет. О великих событиях в истории России, о вечных проблемах — совесть, власть — вспомнится! В заговоре дворян — вольнодумцев — «вестников свободы», Рылеев нравственной доминантой был. Какой журнал достойный «Полярная звезда» выпускал?! А его дискуссии, вновь они современные, о гражданской ответственности, о верховенстве чести... Столь глубоко им проблемы подняты, что потомкам впору их продолжить! Немного фантазии — и видишь, как Рылеев говорит: горячо и ладно, лицо преображается, темные глаза горят. Вся ордежская молодежь им была увлечена: и Константин Чернов, и молодой Михаил Малютин, и юный Левушка Витгенштейн — члены Северного тайного общества... «В дружбе Рылеев был чрезвычайно пылок — честь друга для него была выше всяких соображений».

А Набоков Владимир Владимирович? Блистательный российско-американский писатель, человек мира, что не успел целительным воздухом родных здешних мест Выры, Батова да Рождествено надышаться. Он — истинный аристократ духа... Как никто сумел выразить конфликт между героем и обществом. И конфликт внутри самого героя. Жестокою беспощадною борьбу в человеке между «хочу» и «надо», между правом на свободу выбора и общественной ролью, маской, имиджем.

К чему эти сравнения? К тому, что

основной пушкинский круг и круг людей, составляющий список «действующих лиц» огромного исторического спектакля, который мы играем 23 года — это дворяне, аристократы, элита... Люди получившие образование высокое, и генетическую от предков установку на свершения выдающиеся. Как Рылеев говаривал: «Не хочу молодые годы ленивым сном убить».

Как же с ними — такими блистательными и незаурядными, встала в единый ряд Арина Родионовна — женщина из самого простонародья? Крепостная с рождения до смерти. Раба господ своих. В детстве и юности ломила работу крестьянскую бесконечную за кусок хлеба себе, сестрам, братьям. А потом, когда замуж вышла и четырех детей родила, в работу эту как в ярмо впрягалась с еще большей силой. Детей поднять нужно было!

Посещали ее мысли о высоком? Вряд ли. Ну, хороша была в юности, сметлива, говорлива, хозяйственна... Но разве мало таких молодых на Руси? Откуда неподражаемая индивидуальность, мудрость и гордость взялись? Действительно ли Господь ее талантом особым выделил, которым она через Пушкина прославилась? Возможно ли такое? Не миф ли это про Арину — дочь крестьянскую... Не создание ли это идеологов разных мастей, которым был нужен пример пушкинской народности для сочинения современных «...измов»?

Такая точка зрения возможна. Потому что в недавнее советское время произошла явная эксплуатация образа Арины Родионовны, впрочем, как и ее «ангела любезного» Александра Сергеевича. Он был определен в поэты — декабристы, во враги самодержавия, она — в представительницу угнетенного класса, верную соратницу борца с монархией. И множество авторов эту

линию воплощали в жизнь. Даже чешский публицист Юлиус Фучик написал статью «Няня поэта». Этот социальный заказ привел к тому, что в искусстве вообще и на театральной сцене в том числе, появились столь схематичные и политизированные образы поэта и няни, которые сегодня вызывают у нормальных людей отторжение. Чем были вызваны анекдоты Д. Хармса про Пушкина? Той массовой политической истерией «любви к Пушкину», которая развернулась в СССР в 1937 году, когда масштабно, на государственном уровне развернулись торжества в честь 100 — летия смерти поэта. Кто только не создавал сусальные и «политически грамотные» творения про Арину Родионовну?! А недалекий 1999 год? Бесконечный гвалт по поводу юбилея, пышные «Мероприятия», как по сигналу выключенные 7 июня, на другой день.

Конечно, были разумные высказывания. Поэт В. Майков написал в 1892 году: «Будем беспристрастны и не станем преувеличивать влияния Арины Родионовны на Пушкина. Таких добрых старушек было много на Руси, и многим из наших писателей они рассказывали свои сказки, но только на одного Пушкина эти сказки повлияли так беспримерно».

Но некоторые изыскания, особенно работа А.И. Ульянского «Няня Пушкина», появившаяся в 1940 году, опирались на принципиально правдивый документальный материал. В частности, гатчинцы должны быть особенно признательны этому автору, именно А.И. Ульяновский изыскал материалы об Арине Родионовне в метрических книгах Суйдинской церкви... Подтвердил малую родину Арины. Большое значение имели для нас — организаторов пушкинских праздников, кроме книги А.И. Ульянского и работа Н.О.

Лернера под тем же названием и первый великолепный очерк — путеводитель по пушкинским местам Гатчинского района Н.И. Грановской «Если ехать вам случится»... Книга Грановской вышла в 1989 году, к четвертому нашему празднику. Автор — Н.И. Грановская принимала непосредственное участие в создании музея «Дом няни поэта» в Кобрино, Нина Ивановна мечтала о возрождении художественного наследия Арины Родионовны.

Налицо конфликт — столкновение двух точек зрения на образ Арины Родионовны. С одной стороны «конфетно-китчевый» с другой — реальный. Причем эту реальность нам предстоит выстроить самостоятельно.

Любил ли А.С. Пушкин свою няню? Бесконечно. Кучер Пушкина Петр Парфенов, дворовый села Михайловского, который Пушкина «помнил хорошо и знал», говорил: «Арину-то Родионовну? Как же еще любил — то... И он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: “Здорова ли, мама?” — он ее все мама называл... и уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней...». Мамой, мамушкой величал Пушкин Арину. Пушкин, который был скор на саркастическую оценку людей. Но некоторых обожал. Арину особенно. За что?

Перед началом определения собственной позиции давайте беспристрастно посмотрим на оппонентов. Обратимся к мнению русского писателя, жившего в XIX веке, который хорошо знал деревню и тогдашний семейный уклад, Ивану Аксакову: «Внешнюю разгадку этого явления следует искать, прежде всего, в деревенских впечатлениях детства и в его отношении к няне. В самом деле, от отрочества до самой могилы, этот блистательный прославленный поэт, ревностный посе-

титель гусарских пиров и великосветских гостиных, не стыдился всенародно, в чудных стихах, исповедовать свою нежную привязанность — не к матери (это было бы еще не странно, так и многие поэты делали), а к “мамушке”, к “няне”, и с глубоко искренней благодарностью величать в ней первоначальную свою музу...

Так вот кто первая вдохновительница, первая муза этого великого художника и первого истинно русского поэта, это — няня. Это простая русская деревенская баба!.. Точно припав к груди матери-земли, жадно в ее рассказах пил он чистую струю народной речи и духа! Да будет же ей, этой няне, и от лица русского общества вечная благодарная память!»

Но в официальной оценке и оценке разных литераторов по поводу Арины Родионовны было принципиальное расхождение. Суть противостояния можно понять, взглянув на противоборствующие стороны. С одной стороны — классовая. Ее выражали «пушкиноведы в шинелях с наганами» (по меткой оценке О.Э. Мандельштама). С другой стороны славянофилы, которые не могли заявить в советские времена себя явно, но через намеки и критику явной публицистической глупости получали поддержку читающей публики. Была и третья часть — чаще эмигрантская, смотревшая на роль Арины Родионовны с пренебрежением.

И все-таки, для понимания сути жизни Арины Родионовны, рассмотрим ее образ с действенных позиций. Проведем режиссерский анализ образа в театре жизни. Чем отличается взгляд режиссера от других точек зрения? Профессия обязывает верить только действию. Слова, частные поступки, письма — они часто не соответствуют правде действия, даже очень часто служат вопреки им, для

маскировки, например, истинных измерений. Важно понять главное действие человека — его целенаправленный психофизический процесс, ведущий к достижению цели. А приспособлений у талантливого человека для выполнения задачи множество! Не будем путать действие с приспособлением. Суть — действие!

А все вместе — целенаправленность действия и яркость приспособлений определяют богатство натуры. Откуда берется действие? С выполнения поставленной задачи. Беда человеку, если нет у него задачи — такой субъект бездейственен, безынициативен. Сыграть эту роль почти невозможно, приходится прикрывать истинность чувств разными приспособлениями... Все как в жизни, правда? Задача должна быть большая, и такая, что бы могла подчинить себе всего человека, с его душой, разумом, страстями. Но, увы... Только в рамках своих обстоятельств. Станиславский называл эти обстоятельства — предлагаемыми.

Какова же была действенная роль Арины с рождения и почему она так поздно (по тогдашним меркам) — в 22 года вышла замуж? Почему за бедного парня, без дома?

Ответы на эти вопросы начинаются с детства. Мать Арины — Лукерья Кириллова — коренная жительница Суйды, русская. Предки ее были новгородцами. А отец Арины — Родион Яковлев, был из карелов. Это не диво — на земле бывшей Ингермаландии разные люди жили — русские, финны, карелы, ижоры... Важно другое — семья Родиона Яковлева изначально жила очень бедно. Известно — дома своего у них не было. Ирина была третьим ребенком в семье. Именно Ирина, по записи в Суйдинской церковной книге. Ариной она станет спустя годы по прихоти господ. Когда ей девять лет

исполнилось — отец умер. Осталось от него семь детей — двое сыновей и пять дочек. Семь сирот от двух до шестнадцати лет! Жили вместе с приемными родителями отца — Полуектовыми. Та семья тоже потеряла кормильца... Такие вот, предлагаемые обстоятельства. Тяжелые, говоря по-житейски.

Яковлевы и Полуектовы продолжали жить вместе. Легко ли? Да еще оброк платить надо! С детства Арина стала мастерицей — рукодельницей знатной. Нужда заставила. Научилась зарабатывать! Выросла Ирина, терпеливо перенося лишения, и обернулась невестой. Хороша она была или не очень — неизвестно, здесь место для фантазий. Но можно с уверенностью предполагать, что оказалась хваткой, способной к творчеству. Ирина грамоте не обучилась — зато успешно постигла иную науку — узнавала сказки и былины, песни, поговорки и пословицы. Зачем? Нравилось. Запоминалось. Талантлива была! А талант не от образования, от Бога. Здесь, на Суйдинской мызе начинается ее исток народного творчества.

Логика действий Ирины в это время очевидна. Нужно было не просто трудиться, а трудиться так, чтобы уже в девичестве зарабатывать, матери помочь семью поднять. Поэтому рукодельничать было необходимо! Во многих деревнях под Петербургом умелые мастерицы трудом своим зарабатывали на жизнь больше чем трудом крестьянским традиционным. Но далеко не всем это мастерство дается. И замуж не могла она уйти быстро. Совестливая была. Видимо, только тогда согласилась, когда братья и сестры подросли. Отметим эту черту характера — любовь к детям, стремление защитить их. Потом эта черта доминирующей станет.

Муж — Федор Матвеев из Кобрин

был старше ее на два года. Федор привез жену в Кобрин, (писали Коприно) в семью чужую... Своего дома у молодых не было. Поселились у родичей, у которых своих детей было четверо.

Определенно видим, что Ирина вышла замуж за равного. За бедного. Экономические отношения в русских селах были суровы и конкретны. За «просто так» разбогатеть не получится. За песни да сказки в деревне не платят.

Когда Ирина родилась, ее господином был Федор Алексеевич Апраксин. Только, всего год. Суйду купил у него (со всем народцем, естественно) генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал. Помимо Суйды, приобрел он Мельницу, Коприно и еще кой — какие земли. Так Арина стала крепостной барина диковинного, — в мундире генеральском, а лицом как сажа черным.

Что делать дальше Арине? Семью создавать, для этого трудиться पुше прежнего. Цель? Она понятна — свой дом! Но как на свой дом заработать?

Конечно, заботы заботами, а любовь свое, всегда возьмет! Через год после замужества Ирина родила Егора, потом Надежду, следом Марью. В семье все держалось на ней. К этому она привыкла.

И тут, вдруг, — событие свершилось. Великое!

В 1792 году по распоряжению Марии Алексеевны Ганнибал она была определена в дом к Анне Андреевне Пушкиной — в качестве няньки к младенцу — Алексею Михайловичу Пушкину. Мальчик приходился Марье Алексеевне племянником. Почему Марья Алексеевна Ирину выбрала? Понятно — приглядывалась — как та как своих детей содержит. За младенцем требовался уход, да и за домом тоже. Барин Михаил Алексеевич —

брат Марьи Алексеевны, умер. Вдова, Анна Андреевна одна осталась. Часто болела.

Расчет Марьи Алексеевны был точен — Ирина работала на совесть. Тем более, что надежда на свой дом стала обретать реальные очертания. В барском доме ее Ариной звать стали. Посчитали, что так благозвучнее. Ариной, так Ариной. Господам виднее...

Сделаем отступление. До приглашения в барский дом, Ирина жила как все. Событие поставило перед ней совсем новую задачу. Другой профессией овладеть следовало и в барском доме естественной стать. Оказалось, что Арина легко обучаема. Она стала незаменимой. И, вот оно — счастье — в награду за труды ей был подарен в Кобрин дом! Смотрим сегодня на этот сохранившийся дом в Кобрин — маленький, тесный... Глядя на него понимаешь настолько бедно жили, что дом этот хоромами казался.

Мечта сбылась — появился у Арины свой угол, — но обжить его не довелось. Случилась так, что теперь в семье Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных ждали первенца. Пошли разговоры о кормилице и нянюшке. Всем верховодившая бабушка Мария Алексеевна, сказала, что лучше Арины не сыскать. Так, на исходе четвертого десятка лет, стала Арина Родионовна неотделима от семьи Пушкиных. А в конце 97 или в начале 98 года у нее родился свой четвертый ребенок, сын Стефан. Так что в случае с Оленькой Пушкиной она могла быть и кормилицей. Дом оставила детям.

В барской семье сначала нанчила дочь Оленьку. Со всем семейством Пушкиных переехала в Москву. Там у Надежды Осиповны и родился сын Александр. Няnek в семье было несколько, — за Александром, тогда тучным и молчаливым мальчиком,

ухаживала Ульяна Яковлева. Арине же был поручен, родившийся в 1805 году братец Лев. Внимание — не будем приписывать Арине того, чего не было! Нянчила в детстве Александра Пушкина нянька Ульяна. О ней нам и В. В. Набоков напомнил.

Значительно важнее для нас другое — Арина выделилась из многочисленной дворни и стала для всей трех «пушкинчат» общей няней. Здесь и полюбил Александр Сергеевич Арину Родионовну ... Умела Арина душу детскую чувствовать, обогреть, да развеселить. Вот дети к ней и потянулись.

Значительно позднее поэт напишет, вспоминая Арину Родионовну

«Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...»

Это будет значительно позднее, но начало любви и душевной взаимоприязннности — в московском детстве.

Арина Родионовна становится в семье Пушкиных лицом более значительным и важным чем няня. Можно предположить, что Мария Алексеевна, которая ценила душевное воспитание, сначала выделила Арину, потому что углядела в ней особый воспитательный и художественный дар, а затем и хозяйские склонности.

Теперь о предлагаемых обстоятельствах жизни Пушкиных в Москве. Многие исследователи горько пишут, что у Пушкина не было детства. Как же так — при живых родителях, людях образованных и состоятельных? Наверное — «Не было детства» — преувеличение. Но такой вывод рождается из-за печальных сведений о том, что Надежда Осиповна и Сергей Львович относились к Александру весьма холодно. Надо заметить, что и в дальнейшем

тепло сердечное они к сыну проявляли скудно. Супруги жили не ладно. Часто ссорились из-за нехватки денег и прочих причин. В народе о таких говорят «блажные». В доме царила атмосфера нервозности, суматохи. Пушкины часто меняют квартиры — в Москве за 11 лет они сменили 11 или 12 адресов. И еще фактор, на мой взгляд, определяющий. Об этом мало знают и говорят — не печальную, а трагическую атмосферу в доме создавали частые смерти детей. У Надежды Осиповны в Москве в 1801 году рождается сын Николай, который через четыре месяца умирает. Затем рождаются Павел, Михаил и Софья — и все умирают в младенчестве! Кстати, этот печальный список этим не завершается. В 42 года Надежда Осиповна рождает Платона, который тоже умрет двух лет от роду и будет похоронен в Михайловском...

Вышло так, что Арина компенсировала детям то, чего не добавляли им родители. Не вступая ни в какой конфликт, не смея и думать о таком, Арина Родионовна стала той, необходимой каждому ребенку, носительницей любви, ласки и радости. Важно — она была веселая! Арина привнесла в их жизнь то светлое, что в психологическом плане детей спасало. И потом, в зрелые годы, они оценили это, и все ответили Арине Родионовне преданной любовью. Вот такая разворачивается интрига. Не внешняя, бросакая, а глубоко психологическая! Для нас важно отметить то, что духовная неразрывная связь между Александром Сергеевичем и Ариной Родионовной возникла не в Михайловском во время ссылки, а значительно раньше.

Интересно, что Александр, и Ольга, и Лев Пушкины, в своих записках, вспоминая о тех, кто их нянчил употребляют слово нянька. А про Арину Родионовну так никто не говорит ни-

когда. Только уважительное — няня.

И здесь же опровергнем еще один миф — о том, что Арина Родионовна была вынуждена расстаться со своими детьми. Ничего подобного! Из документов видно, что Арина Родионовна устраивала дела так, что родные дети всегда были с нею, под присмотром. В 1801 году, на 45 году жизни ушел муж Федор. Арина постепенно переместила детей из Кобринно. Марья замужем в подмосковном Захарово, Егор с семьей и младший Стефан в псковском Михайловском. Надежда в Петербурге. Все дети были не просто устроены, а устроены хорошо. Парни женаты, девушки выданы замуж за состоятельных крестьян. Свое родительское действие, предназначение Арина Родионовна осуществляла очень целенаправленно!

Забегая вперед, вспомним, что когда уже Арины Родионовны не будет на этом свете, в Захарово, к ее дочери Марье специально приедет А.С. Пушкин. Марье уже было 42 года, вероятно, она была похожа на Арину. Хозяйка потчевала А.С. Пушкина яичницей, а он рассказывал ей о предстоящей женитьбе, и все вглядывался в лицо, словно надеялся увидеть в нем «мамушку» Арину Родионовну, хотел посоветоваться с ней перед решительным жизненным шагом...

Арина Родионовна неотделима от семьи Пушкиных. Она путешествует с господами по городам, управляет слугами, ведет хозяйство. Когда Александра увезли учиться в Петербург, в Царскосельский Лицей наступила разлука с няней. Тосковала ли она по своему «ангелу»? Бесконечно. А он? Юный поэт, живущий в реальном и вымышленном мире студентов, гусар и муз не забыл няню, в некоторых стихотворениях ее образ является читателю.

Арина Родионовна живет в Михайловском. Здесь она проводила в последний путь и Марию Алексеевну, которая так резко развернула всю ее жизнь.

А.С. Пушкин становится большим художником, а няня — изначальный образ Музы, той, детской еще до Лицея.

«Наперсница волшебной старины.
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны.
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных Муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ. Твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...»

Любят цитировать начало этого стихотворения, написанного в 1822 году. В конце, мол, няня уж совсем не похожа на себя... Напрасно! Именно иносказательный переход от бытовой сцены в мир воображения, показывает как высоко, на уровень Музы возмечивает поэт Арину Родионовну и тот художественный мир, который она открыла Александру. И в театральной постановке, именно эта фантазмагорическое превращение — точное выражение любви и благодарности А.С. Пушкина няне. Здесь выражен порыв юной любви!

«Ангел» закончит лицей, переполошит Петербург стихами и поведением. Напишет то, за что во Франции, например, дали бы премию, а в России ссылают. И на юге гениальность, гордость рвутся наружу, и, к сожалению, снова сорят с властями. Весною 1824 года поэт сочинял в Кишиневе «Евгения Онегина» и не ведал, что скоро ему доведется встретиться с няней, встретиться вследствие грозных событий.

И вот она — ссылка в Михайловское. Ссылка. Чем она была страшна? Какие угрозы таила? Обратимся к заинтересованному современнику.

Из письма Вяземского Тургеневу: «Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Да и что такое наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? Неужели в столице нет людей более виновных Пушкина?»

Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина! Не предвижу для него исхода из этой бездны».

Вяземский тонко прочувствовал ситуацию — отлучение Пушкина от живого мира, именно в период его всестороннего расцветания, заточение, изоляция обязательно вызовет у того острейшую депрессию.

И она, конечно, наступила. Дополнением к горьким разочарованиям стало событие, когда поэт понял, что родной отец согласился официально наблюдать за ним, докладывать о переписке. Это был нравственный удар огромной силы. Все складывается по законам классической трагедии. Герой — носитель светлых идеалов одинок. Ему противостоят все. И он обречен

на поражение. Трагедии традиционно заканчиваются смертью героя. Если не физической, то нравственной. Что за удел, например, спиться в глуши российской?!

Наступила глубокая осень. По полям полетела паутина — белые мухи. Отец был панически напуган ссылкой сына. Он боялся, что из-за Александра и на него падет царская опала. Ему казалось, что сестра Ольга и брат Лев попадают под дурное влияние брата, ибо он им внушает безбожие. Мать старалась их примирить, но это не удавалось. Время тянулось бесконечно медленно, будущее смахивало на тюремный коридор. Все, что напоминало море, наводило грусть. Голубое небо заставляло плакать от бешенства. Что касается соседей — то он отводил их от себя. Между родителями и Александром пробежала черная кошка.

Затем отец выхлопотал разрешение на отъезд и все родственники, один за другим уехали. Родители забрали с собой даже крепостного повара. Пушкин остался в царстве «скуки смертной». Впереди были две михайловских зимы и около двух лет затворничества.

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной.
Читай: вот Прадт, вот Вальтер Скотт.
Не хочешь? — поверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой — как пройдет, а завтра тож,
И славно зиму проведешь.

Кроме нравственных страданий, вызванных жестокой изоляцией от социальной жизни, от общения с людьми с которыми рос и к которым стремился

всей душой, А.С. Пушкина угнетали и бытовые обстоятельства. Он был не очень здоров, врачей рядом не было, и теперь только от него одного зависело, как будет изменяться его физическое состояние. Как и все богатые люди того времени, он любил изысканную пищу. Вспомните описание поданных блюд на петербургском балу. А тут и повара родители не оставили!

Но осталась Арина Родионовна. Она была врач и повар, ключница и тонкий психолог. Без этих двух лет и без Арины Родионовны, поэт не стал бы тем «единственным явлением русского духа», которым ему было суждено стать.

Почти все пушкинские вечера теперь безраздельно принадлежали «мамушке». И в остром конфликте победила «наша» сторона. Герой драматургической истории оказался не одинок. И пьеса не трагедия! Все — таки драма, но с элементами веселья, радости, счастья! То, что сделала Арина Родионовна — пример для подражания практикующим психологам. Как она добилась этого, в подробностях мы знаем немного, но Александр Сергеевич стал бороться за себя, свое здоровье. Здоровый образ жизни — хорошая еда, ванна со льдом, прогулки пешие и верховые...

Чего только стоило умение Арины готовить? Кто понимает в кулинарном искусстве, тот оценит сложность новой работы, которую предстояло ей выполнить. И она справилась с этим блестяще! Пушкин не только с удовольствием ел простую еду, приготовленную Ариной Родионовной — домашний суп, кашу, печеный картофель. Он приглашал своих друзей в гости. Вспомним, что Алексей Вульф и Николай Языков — друзья поэта за столами сживали разными в России и в Германии, но тут они были в восхищении!

Кулинарное искусство няни Пушкина так поразило поэта Н.М. Языкова, что он воспел его в своих стихах!

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены, —
Всегда приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника — поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебопечение
Нас баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красую древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный
И легкие часы летали беззаботно!

Ясно, что на столе были не суп и каша. Откуда же Арина Родионовна узнала про изыски столовые, когда вся первая часть жизни ее прошла в нужде великой? Вывод прост — умна была, восприимчива. На лету схватывала, опыт перенимала... Все те замечательные качества, которые когда — то Мария Алексеевна в ней заметила, Арина Родионовна с блеском в очередной раз применила. И что важно — понимала, что народные, естественные провиантские запасы Михайловского были велики и разнообразны. Все что требуется для хорошей кухни, дает русская деревня: утку и кур, индюшек... Есть коровы — кормилицы. Пчелы трудолюбивые. До сих пор петербуржцы, в Пушкиногорье приезжая, здесь молоко да сметану, масло, сливки и творог берут с удовольствием! А водное

богатство? Язи, лещи, сомы, раки... Вспомнишь и Аксакова перечитать тянет. А лесные богатства? Ягоды, грибы... Местные жители уверяют, что Пушкин любил бродить по лесам «тихой охоте» предаваясь. А большой сад с яблонями, грушами, сливами...

Как ни будь, в другой статье, приведем рецепты его любимого варенья — крыжовенного. И другого из айвы, которое обожали в доме Ганнибалов. Может быть, на одном из праздников удастся угостить гостей обедом из любимых пушкинских блюд?

Водку, и наливки с настойками Арина Родионовна подавала молодым людям не абы какую, а собственноручно изготовленную. Может быть, отсюда и пошли разговоры о ней как о специалистке в этом вопросе. А откуда в глухой псковской деревне испанской мадере или французскому коньяку взяться? Для званных обедов, разумеется, привезут из далекого Петербурга. А для жизни повседневной? Качественная водка, настойка, наливка для русской кухни, для нашей жизни на севере — продукт важнейший. И уметь приготовить его хорошо редко кто умеет.

Кстати, сегодня часто мы встречаемся с названием блюда из картофеля «картофель по — пушкински». Приводят разные рецепты. Самый простой: «Старый картофель чисто обмыть. Мокрый осыпать солью. Испечь в золе русской печи или в духовой печи, чаще переворачивая. Чтобы не пригорел. Печь около часу. Не менее. Подается к завтраку. Отдельно — соль и масло». В чем диовинка?

Не забывайте — в двадцатые годы 19 века картофель был редкостью. Образованнейшие люди того времени относились к нему с опасением. Так, В.А. Левшин, великий знаток ведения хозяйства и всероссийский авторитет,

в 1810 году, признавая высокую питательную ценность картофеля, вместе с тем писал: «Сырые, только что из земли выкопанные картофели также нездоровы: надлежит оным дать вывертеть и пообвянуть. Врачебная сила сего растения неизвестна».

Вплоть до второй половины XIX века картофель, несмотря на грозные указы правительства, так и не занял достойного места в питании народа.

Арина Родионовна была без предрассудков. Он ведь, из Суйды была, где Ганнибалы одними из первых в России эту культуру научились возделывать и применять. И еще блюдо из картофеля. Тогда и сегодня диовинное для многих — картофельный кисель. «... тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поближе. На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель» — Из воспоминаний Е.Е. Синецкой. Больше рецептов приводить не буду, их у меня много накопилось — оставлю на потом.

Скажу только, что наш патриарх — пушкинист «Михайловский домовой» С.С. Гейченко тщательно собирал все рецепты Арины Родионовны. А по поводу названий блюд по — пушкински, у него была такая версия. Благодаря имени поэта, слава о народных кушаньях прокатилась по России. Императорский Дом разыграл в Петербурге действо по роману «Евгений Онегин», где Государь выступил в роли Онегина, а Государыня в роли Татьяны. На обед во дворце были поданы русские кушанья. Особый успех был у яблочных пирогов, привезенных из Пскова. А по ресторанам да трактирам Руси стали подавать пушкинские супы, котлеты, компоты, мороженое, мармелад, и, конечно, картофель!

Какой получился неожиданный эпизод в нашем повествовании! Веселый, как русский пир, где хозяйкой

Арина Родионовна. Но еще больше, чем вкусные вещи на столе, поражает то, что молодые образованные, по тем временам ультра — современные люди, просят Арину Родионовну присесть с ними за стол, ведут с нею беседу. И она поражает их остротой, наблюдениями, смелыми суждениями. Так поражает, что спустя много лет Н.М. Языков снова посвятит Арине Родионовне стихи. И в них вспомнит о счастливом времени.

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улеся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.
Вон там — обоями худыми
Где — где прикрытая стена,
Пол нечищенный. Два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченную мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан!
Ты Расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало? Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудреней и мудреней.
И мы... как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье.
На гроб твой свежие цветы!
Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улеся, изнуренный

Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленной мечтою
Душа разнежится моя!»

Вот это восхищает. А. Пушкин, А. Вульф, Н. Языков и Арина Родионовна за одним столом. Им весело, прилично и счастливо вместе!

А что же с конфликтом? Увы, он не исчез, жестокие силы еще обрушатся на наших героев, не раз и не два проверят их стойкость.

Обратимся к стихотворению, которое каждый знает со школьной скамьи. А, быть может, только кажется, что знает? От того, что оно давно и наизусть известно, часто проходим мы мимо него, замечая только бытописание... А попробуем взглянуть с позиций масштабно — философского конфликта. Попробуем оценить, что это публичное признание в любви к крепостной, очень старой женщине. Поэт и няня вместе противостоят всеобщей буре, всенародной и всемирной мгле, которая затмевает Небо! Этот хаос ужасен, он прикидывается то зверем, то ребенком, то пытается вызвать сочувствие... Он готов уничтожить весь мир, а мир людской затаил дыхание и как бы исчез. Устоит ли против этого ужаса «ветхая лачужка»? Не поглотит ли ее стихия? И что могут противопоставить два человека в этой лачуге враждебным силам? Что они могут? Спеть душевную песню и вместе «сдвинуть кружки», поддержать друг — друга. Вижу, что в постановке, этот эпизод современен и пугающе выразителен!

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшавшей
Вдруг соломой зашумит,

То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка.
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Буря мглой небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Арина Родионовна спела своему «ангелу» не только про синицу, которая «тихо за морем жила», и про то «как девица за водой поутру шла». Много чего. Эти песни, так и сказки народные, и прелесть языка — все сердцем воспринял Александр Пушкин от Арины Родионовны, нам подарил... Они стали источником великолепного, звонкого и одухотворенного русского языка.

А интрига развивается. После неудачного восстания декабристов, среди пушкинских друзей и знакомых начались аресты. Круг сужался. Наступил и черед Пушкина. В конце лета 1826 года, державная рука вызвала его в Москву. Проводив Александра Сергеевича, Арина кое — как перетерпела ночь, а утором, еле волочущая ноги, рыдающая навзрыд очутилась в усадьбе Осиповой в Тригорском!

Слава Богу, обошлось... Государь проявил милость... Жизни не лишил — к себе приблизил... Арина Родионовна тоже путешествовала вместе с господами, о делах заботилась. Александру Сергеевичу книги пересылала,

диктовала письма...

Свыше десяти лет жизнь Арины Родионовны была связана с Михайловским. Тут она водила в храм молодых, стояла у купели, провожала на погост. А в начале 1828 года, семидесятилетней Арину Родионовну, хозяйева вновь позвали на подмогу, в Петербург, в новую семью только что повенчавшейся Ольги.

Жилось Арине Родионовне у Ольги с мужем тягостно. Нет, Ольга заботилась о верной няне, но супруг ее, господин Павлищев оказался человеком очень холодным. Жили в атмосфере разлада. Арина переживала за Оленьку, тосковала по Левушке, который воевал на Кавказе, да и Александр Сергеевич, когда в гости заходил, был хмур.

Одно наблюдение. Пушкинисты спорят — как выглядела Арина Родионовна внешне. Общие детали совпадают, невысокий рост, подвижная, веселая, всегда вяжет... А вот какое лицо? Одни описывают и рисуют ее с лицом худым. Другие отмечают, что лицо у нее, как на горельефе Я.П. Серякова — полное. Кто прав? Правы и те и другие. По — разному жилось нашей героине. Горько, и сладко, печально и радостно. Говорят, что однажды А.С. Пушкин заметил, как похудела Арина Родионовна и велел менять управляющего при которой его няне плохо жилось!

У Ольги все не заладилось. Она была, как и мать ее, Надежда Осиповна, хозяйка была плохая. Весь Петербург знал, какой беспорядок в доме Пушкиных... Вот на Арину Родионовну и возложили заботы по дому. А было нашей героине уже 70 лет. Для того века, а для крестьянки особенно — очень преклонный возраст.

В мае 1828 года Арина Родионовна тяжело заболела, а 29 июля 1928 года, в

тихий летний день, отдала Богу душу. Отпели ее, как положено, и похоронили. Когда старушки не стало, такой любви к Александру Пушкину не сумел высказать уже никто — ни мать, ни появившаяся вскоре жена.

Заканчивая режиссерский обзор надо ответами на поставленные вопросы. Интересна ли будет современникам судьба героини? Неужели нет? Проблема — как преуспеть в этом сложном, конфликтном мире и не потерять своего лица? Как подняться вверх и не изменить себе? Как построить жизнь, чтобы только добром о тебе отзывались? Арина Родионовна нам советует быть искренними, спешить добро делать и не отрываться от родных мест, родной духовной культуры нашей.

Конфликт также современен. Много возможностей для мастера открывает. Может быть сохранение живой души в современной социально — экономической гонке, вообще самая сложная сверхзадача творчества.

Федор Михайлович Достоевский писал: «Ведь не няньки ж и мамки наши уберегли нас от перерождения. Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было бы Арины Родионовны, няньки Пушкина, так может быть, и не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор? А что, если и в самом деле не вздор? Вот теперь много русских детей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого — ни будь другого Пушкина и там у него не будет ни Арины Родионовны, ни рус-

ской речи с колыбели? А уж Пушкин ли не русский был человек!»

В этом году, к юбилею няни поэта в престижной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга М. Филина «Арина Родионовна». Давно обсуждается вопрос о памятнике Арине Родионовне, сооружение которого стало бы знаком государственного и общественного почитания. Совсем недавно депутаты ЗАКСа Ленинградской области обратились в Государственную Думу РФ с ходатайством о присвоении статуса заповедника родным местам Арины Родионовны...

По крупичкам собирается, вьется гнездо.

В апреле 2008 года в честь Арины Родионовны проведена научно — практическая конференция во Всероссийском Музее Пушкина. В ней приняли участие все наши крупнейшие ученые — пушкинисты. И праздники, и документально поэтические спектакли ставятся... Большой, конкурс «Арина, Аринушка, Арина Родионовна» развивается. Он новые таланты открывает. Давайте же обращаться к Арине Родионовне, как к живому и мудрому человеку. Помните?

... я плоды своих мечтаний
и гармонических затей
читаю только старой няне,
подруге юности моей.

Если бы Арина Родионовна не понимала, Пушкин не стал бы читать ей свои произведения. А она все понимала и понимает.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЧАСТУШКИ В ЧЕСТЬ

АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Алла Мельникова

*День рожденья у Арины
Поздравляем от души!
Это праздник всей России,
Праздник Кобринской земли!*

*А мы девицы-подружки
В гости к нянюшке пришли,
И веселые частушки
Ей в подарок принесли.*

*Пойдем плясать,
Нынче некогда скучать,
Будем пляскою и песней
Мы Арину поздравлять!*

*У меня платочек синий
Им взмахну, да в пляс пуцусь,
А зовут меня Арина,
Этим именем горжусь!*

*А во Кобрине-то нашем
Сказки, как грибы растут,
Потому что и поныне
Здесь Аринушки живут!*

*Стоит домик у дороги,
Домик няни Пушкина.
Заходите, добры люди
Сказочку, послушайте!*

*Старины обычай милый
Дух народа здесь живет
Нынче Ключина Наталья
Все, как есть, тут бережет!*

*С колыбели Саша Пушкин
Сказки няни любил.
И когда он стал поэтом,
Сам их много сочинил!*

*Разлетелися по свету,
По сей день гремит молва:
Лучшей сказкой для поэта
Все ж Аринушка была!*

*А как в Кобрине-то нашем,
Все девицы хороши,
И поют они и пляшут,
Не зевайте женихи!*

*Эко чудо! Эко диво!
Удивляется народ —
Домик нянюшки Арины
Кот ученый стережет!*

*Ты играй, играй, гармошка,
Веселей наяривай!
На мне новые сапожки
Да платочек аленький!*

*Со всего большого света
Тянутся дороженьки
В гости к няне и поэту,
Прямо в наше Кобрино!*

*В Суйде колокол ударил,
То благая весть летит:
С днем рождения, Арина! —
Вся округа говорит!*

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

КОБРИНСКОЙ УСАДЬБЫ

Наталья Ключина

Усадебный дом Ганнибалов —Пушкиных в деревне Кобрино.
Старая фотография.

Судьба уготовила Кобрино особую роль и великое предназначение в русской истории и культуре.

Первое упоминание о селце Кобринно встречается в Новгородской писцовой книге Вотской пятины 1499 года.

Считается, что название Кобринно произошло от старославянского слова «Копра», что значит «запрятанное, затаенное». На протяжении нескольких веков здесь сталкивались культуры разных народов — старой новгородской и карело-финской, шведской и затем великорусской. Потерпев поражение в войне со шведами, по Столбовскому договору 1617 года село Кобринно вместе с другими поселениями Ижорской земли было уступлено Швеции. Однако за 80 лет шведского влады-

чества Кобрино не утратило ни своего местоположения, ни названия. После освобождения Ижорской земли, которая тогда называлась Ингерманландией, Петр I, стремясь к скорейшему заселению края, раздает здесь земли членам царской фамилии, государственным деятелям и полководцам, обязывая заселять крестьянами из русских областей.

В 1759 году Абрам Петрович Ганнибал приобретает село Воскресенское с деревней Мельница и позже мызу Рунново с деревней Кобрино, у внука Апраксина Федора Алексеевича. И началось строительство имения в Кобрино. В этом же году Абрам Петрович получает чин генерал-аншефа, и должность главного директора Ладожского

канала. К 1760 году А.П. Ганнибал — кавалер двух орденов: Святой Анны и Святого Александра Невского. В возрасте 74-х лет Абрам Петрович уходит в отставку и поселяется в Суйде и занимается благоустройством своего имения.

После смерти А.П. Ганнибала в 1781 году имение в Кобрино вместе с Михайловским под Псковом отошли сыну Осипу (деду поэта). Осип Абрамович, капитан морской артиллерии, женится на Марии Алексеевне Пушкиной. От его брака с Марией Алексеевной родилась в Суйде дочь Надежда Осиповна, мать будущего поэта. Но брак Марии Алексеевны с Осипом Абрамовичем оказался недолговечным. Осип Абрамович покинул свою семью и поселился в селе Михайловское на Псковщине. Осип Абрамович «сорвиголова и ужас семьи» был горяч, легкомыслен и чрезвычайно доверчив. Пушкин писал о нем в автобиографических записках: «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка была принуждена подать просьбу на имя императрицы...» После драматического развода Марии Алексеевны и Осипа Абрамовича мыза Руново с деревней Кобрино в 1784 году по решению Екатерины II, отошли Марии Алексеевне на содержание дочери Надежды. Деревня Кобрино с мызой Руново оставалась в ведении дворянской опеки, и доходами с них пользовалась Мария Алексеевна с дочерью. Доходы с имения и десять тысяч рублей, выделенные Иваном Абрамовичем Ганнибалом из наследства отца на воспитание племянницы, дали возможность бабушке Пушкина жить безбедно. Она в то время купила соб-

ственный дом в Петербурге, «в Преображенском полку». Мария Алексеевна усердно занималась воспитанием дочери. Большое внимание уделял Надежде Осиповне холостой и бездетный Иван Абрамович. К ней приглашают лучших гувернанток и учителей, она обучается французскому языку, танцам — получает великосветское воспитание. В свете ее прозвали «прелестной креолкой».

Сергей Львович Пушкин, двадцатилетний гвардейский капитан-поручик, сватается к своей внучатой племяннице Надежде Осиповне Ганнибал, и предложение его принимается. Иван Абрамович дает благословение от всей семьи Ганнибалов, объяснив свое решение тем, что «жених не очень богат, но весьма образован». Сохранился документ в Воскресенской суйдинской церкви, где говорится, что двадцать восьмого сентября 1796 года здесь венчались «Лейб-гвардии измайловского полку поручик отрок Сергей Львович Пушкин, артиллерии морской II ранга капитана Осифа Абрамовича Ганнибала з дочерью ево девицей Надеждой Осиповной, оба первым браком».

Со времени замужества Надежды Осиповны деревня Кобрино и мыза Руново становятся ее приданым. А до замужества Надежды Осиповны Кобриным распоряжался ее дядя, брат матери Михаил Алексеевич Пушкин, один из опекунов. Здесь у него родился сын Алексей в 1792 году, к которому и была взята кормилицей и няней Арина Родионовна.

В Кобринской усадьбе жила после свадьбы молодая чета Пушкиных — Сергей Львович и Надежда Осиповна. В этом доме родилась у них старшая дочь Ольга — 20 декабря 1797 году.

За несколько месяцев до рождения второго ребенка — сына Александра — семья Пушкиных переезжает в Москву.

Мария Алексеевна Ганнибал продала Кобрино и Руновскую мызу Шарлотте Карловне Жандр, жене известного русского мореплавателя адмирала Юрия Федоровича Лисянского. В 1803—1806 гг. русские корабли «Надежда» под командованием Ивана Федоровна Крузенштерна и «Нива», капитаном которого был Ю.Ф. Лисянский совершили кругосветное плавание и открыли морской путь к Камчатке и Аляске. В 1809 году Ю.Ф. Лисянский вышел в отставку. Он подолгу жил в Кобрино, где много работал над записками о первом русском путешествии вокруг света. После его смерти имение перешло дочери — Марии Юрьевне. Мария Юрьевна вышла замуж за известного музыканта, певца, композитора, собирателя народных песен Ивана Алексеевича Рубини. У Ивана Алексеевича была русская фамилия Рупин, которую ему пришлось в угоду тогдашней моде переделать на итальянский лад — Рубини. В Кобринской усадьбе родилась широко известная песня, которую многие считают народной:

Вот мчится тройка удалая

Вдоль по дороге столбовой...

Авторами этой песни являются поэт декабрист, горячо любивший А.С. Пушкина Федор Глинка, и композитор Иван Рубини.

В 1842 году имение это купила Надежда Тимофеевна Карташевская. Она была сестрой замечательного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, сказку которого «Аленький цветочек» знают и любят все. Надежда Тимофеевна Аксакова вышла замуж за любимого учителя своего брата — Григория Ивановича Карташевского, ставшего профессором, видного деятеля Министерства

иностраннных дел. Имение было достаточно просторным — более восьмисот десятин земли с парком в тридцать десятин, прудом и оранжереей. Сергей Тимофеевич Аксаков часто приезжал в имение сестры, здесь же он писал свою книгу «Детские годы Багрова-внука» (1858 г.). При Аксаковой Кобрино славилось молочной фермой, в которой насчитывалось двести восемьдесят племенных коров, выведенных из Голландии. Впоследствии молочная ферма Аксаковой стала образцом для организаций молочных ферм Витгенштейна, Гейкина, Фоминой и Фредерикса.

В 1887 г. у Карташевских произошел пожар, уничтоживший дом почти до основания. Состоятельным Карташевским ничего не стоило заказать новый проект, в соответствии с модой и вкусами конца прошлого века, но они на это не идут. Они любили Пушкина и, прекрасно понимая историческое значение Кобринской усадьбы, восстановили дом в первоизданном виде. Без суесловия и шумихи хранила русская интеллигенция памятники своего Отечества.

Гостями Кобринской усадьбы были видные люди России. Среди них — известный критик, историк и этнограф Н.И. Надеждин, художник — ваятель, автор знаменитого памятника «Тысячелетие России» в Новгороде М.О. Микешин и многие другие. Н.Т. Карташевская одной из первых после указа императора Александра II об отмене крепостного права по Уставной грамоте от 30 мая 1861 г. предоставила свободу Кобринским крестьянам. Когда провели Варшавскую железную дорогу, и в двух верстах от Кобрино образовался полустанок, то его назвали станцией «Карташевская» по фамилии владелицы усадьбы в Кобрино Н.Т. Карташевской, оставившей пос-

Кобринская усадьба. Фото 2008 г.

ле себя добрую память в этих местах.

Последними владельцами усадьбы в Кобрино были Марковичи. Андрей Николаевич Маркович, юрист по образованию, стал сенатором. Он был учредителем и членом русского императорского музыкального общества, созданного в Санкт-Петербур-

ге. С 1881 года и в течение 9 лет он являлся помощником председателя этого общества. Его стараниями был учрежден «устав музыкальных училищ», и под его надзором осуществлялась деятельность консерваторий. В последние годы своей жизни он стал товарищем председателя Император-

Кобринская усадьба. Фото 2008 г.

ского человеколюбивого общества. Его летний особняк в Кобрино посещали известнейшие музыканты Санкт-Петербурга. Близким другом хозяина усадьбы был Антон Рубинштейн. В Кобринском усадебном доме проходили блестящие музыкальные вечера с участием замечательных композиторов и музыкантов, в том числе А.Г. Рубинштейн, Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов, А.К. Лядов. Известный русский композитор Анатолий Константинович Лядов, ввиду слабого здоровья и материального неблагополучия, подолгу гостил в Кобринской усадьбе. Марковичи занимались форе-левым хозяйством.

После революции в этой усадьбе была средняя школа, затем интернат

для слепых. С 1961 г. здесь располагалась областная туберкулезная больница.

23 мая 1989 года произошел пожар, который уничтожил бельведер, украшенный большими часами. Областная туберкулезная больница восстановила большую часть крыши, перекрытия и часть стен второго этажа. По инициативе общественности больницу закрыли и перевели в Дружноселье (1989 г.). Руновский дом, хранящий память о стольких замечательных людях, сейчас брошен в буквальном смысле на произвол судьбы. Руновский дом — один из редких в окрестностях Санкт-Петербурга памятников русского деревянного классицизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.В. Сони́на. Сиверская в судьбах русских литераторов. Гатчина, 2002 г.
2. А.В. Бурлаков. Гатчинская правда. Статья. 3 июня 1989 г.
3. Геннадий Новиков. Сиверская и ее окрестности. Санкт-Петербург, 2004 г.
4. А.И. Ульяновский. Няня Пушкина. Академия наук СССР. Ленинград, 1940 г.
5. Н.И. Грановская. Вместе с Пушкиным. От Царского села до Михайловского. Изд-во «Нотабене», Санкт-Петербург, 1999 г.
6. Д.К. Дирин. Форелевое хозяйство под Петербургом. Зоологический институт. (Гримм, 1893 г., Иранин, 1911 г., Васильев, 1920 г., Сомов, 1922 г.).
7. Н.И. Грановская. Если ехать вам случится. Очерк-путеводитель. Лениздат, 1989 г.
8. Е.В. Тарле. Северная война. Изд-во АН СССР, Москва, 1958 г.
9. Н.В. Юхнева. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Наука, Л., 1984 г.
10. А.В. Бурлаков. Гатчинский р-н Ленинградской области. Достопримечательности. Экскурсионные маршруты: Путеводитель. Изд-во «Инкери», Санкт-Петербург, 2004 г.
11. Новгородские писцовые книги, т.3, СПб., 1868, стр.691.

Птицы

Слова М. Лейкина

Музыка Оксаны Бражниковой

1. В де - рев - не с наз - ва - ни - ем Суй - да о - паль-ный жи - вет ге - не -
 рал. Пусть тот ге-не-ра-ла о - су - дит, кто счас-тья в люб-ви не ис - кал. То
 Аф-ри - ка но-чью при - снит-ся, то фла - ги пет-ров-ских сол - дат. И пти -
 - цы, тре-вож-ны - е пти - цы, е - му не да-ва-я за - быть - ся,
 ле-тят, не за-ме-тив гра - ни - цы, сквозь серд -
 - - це сол-да - та ле - тят!

2. Что правнуку прадед оставил
 Анфас африканский лица,
 Да блеск переменчивой славы,
 Да счастье любить до конца.
 Пурга над Михайловским злится
 Светает, монахи звонят...

Прпев.

3. От предков даны нам с рожденья
 Рискость, да русская речь.
 И женщины обожествленье,
 Как это богатство сберечь.
 И в Суйде моей, и столице
 Сердца от неправды болят...

Прпев.

ЗВЁЗДНАЯ ДОРОГА

Музыка Дины ОГОРОДНОВОЙ
 Слова Анны ОГОРОДНОВОЙ

Подвижно, ритмично

1. По до-ро - ге, ве - ду - шей к звёз - дам,
 2. По до-ро - ге, ве - ду - шей к мо - рю,
 о - бре-ту я счас-тье и меч-ту. По до-ро - ге, ве -
 я най-ду лишь го - ре и бе-ду. По до-ро - ге, ве -
 ду - шей к звёз - дам, я най-ду лю-бовь сво-ю. Та до -
 ду - шей к мо - рю, по - те - ря - ю я меч-ту. Чтоб на -
 ро - га ве-дёт по млеч - но - му пу - ти, и по
 деж-ду мо - ю не раз-бил мор-ской при-бой, звёзд-ный
 ней смо-гу звез-ду сво - ю най-ти.
 путь, про-шу, у - ве - ди ме - ня с со-бой!
 Припев: Звёз-ды,звёз - ды, ваш лу-чи-стый свет льёт-ся мне в ок-но роб-ко и неж - но.
 Звёз - ды,звёз - ды, мож - но и-ли нет мне не по-те-рять
 сво - ю на - деж - ду?

А.С. ПУШКИН В СОВРЕМЕННЫХ СКУЛЬПТУРНЫХ КОМПОЗИЦИЯХ

(Путевые заметки народного пушкиниста)

Геннадий Антонов

Время начала XXI века в России начинают связывать с возрождением былой мощи России, чуть не до уровня распавшегося Советского Союза. Это возрождение имеет массу признаков, в том числе подъем военно-промышленного комплекса. К автору этих строк это имеет самое непосредственное отношение: существенное увеличение числа служебных командировок в разные города России от Санкт-Петербурга до Камчатки, от Мурманска до Сочи. Как человеку, увлеченному темой Пушкина, ему представляется уникальная возможность познакомиться с памятными местами поэта, в т.ч. с современными скульптурными композициями, о которых хочется сказать несколько слов. Надеюсь, что эти слова будут услышаны специалистами и должностными лицами при принятии ими решения о выборе варианта памятника няне Пушкина — Арине Родионовне.

Прежде всего, о скульптурной композиции. Следует отметить, что среди многочисленной гипсово-бетонно-мраморно-бронзовой бюстовой и памятной пушкинианы, скульптурных композиций с А.С. Пушкиным не так уж много. Наиболее известных несколько: «Пушкин и Даль» (Оренбург); «Пушкин и бабушка М.А. Ганнибал» (Подмосковное Захарово); «Пушкин и крестьянка» (Псков); «А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова» (Москва, Старый

Арбат); «Александр и Наталья» в той же Москве у Церкви Вознесения Господня, на площади у Никитских ворот; «А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова» в Ханты-Мансийске, и в таком же стиле скульптурная композиция, установленная в столице Черногории городе Подгорице; и еще одна новая композиция «Пушкин и Абай» (Петропавловск-Камчатский). Последнее оставляем без комментариев, поскольку тема взаимовлияния культурных национальных наследий выходит далеко за рамки Пушкинской эпохи.

ПОДМОСКОВНОЕ ЗАХАРОВО

Характерная для природы ближнего Подмосковья мягкая палитра пологих холмов, березовых перелесков, речек и водоемов со склонившимися к ним ветвистыми деревьями. Среди такого великолепия — воссозданный усадебный дом, владелицей которого была бабушка поэта, многострадальная невестка Арапа Петра Великого — Мария Алексеевна Ганнибал.

В долинейскую пору маленький Пушкин проводил у своей бабушки в Захарово каждое лето. Впоследствии Мария Алексеевна была воспета Пушкиным в стихах и прозе [9, с.2].

В погожий летний день большой сад усадьбы очень хорош. Пруды и речка дополняют всю полноту замечательного деревенского детства маленького

Саши в подмосковной деревне.

Среди этого великолепия самым неожиданным и самым приятным из увиденного оказался памятник, скульптурная композиция «Бабушка и внук» установленная 05 июня 2005 года.

Вернее сказать. Автор скульптор из Калача А.Е. Козинин.

Подмосковное Захарово.
Скульптурная композиция «Бабушка и внук».
Фото автора, 2007г.

Набегавшийся, уставший мальчик прижался к теплым коленям своего родного человека. Просто, ясно, сердечно и органично. Лишним кажется только массивный круглый постамент, который утяжеляет и как бы выдавливает композицию из ландшафта.

К сожалению, до нас не дошли живописные изображения Марии Алексеевны, и ее образ Александру Козинину пришлось «выдумывать». Кое-что дали сохранившиеся портреты ее родителей. Но главное, по словам художника, он взял из словесных характеристик современников.

ПСКОВ

Простой и одновременно сложный для понимания памятник, автором которого является скульптор народ-

ный художник СССР О.К. Комов (архитекторы М.П. Константинов и П.С. Бутенко. Известно, что замечательный скульптор Олег Комов, выполняя официальный заказ на социально-идеологическую тему о единении Пушкина и народа, изваял скульптурную композицию «Пушкин и крестьянка». При этом О. Комов почитается не только

Псков. Двухскульптурная композиция.
Фото автора.

как маститый скульптор, но и как известный пушкинист.

Тем не менее, можно восторгаться великолепным комовским бронзовым Пушкиным на Волжской набережной в Твери, но загадка скульптурной композиции в Пскове, останется не понятой. Стоит с 03.06.1983 года памятник на Псковской земле, и исходя из концепции Михайловской пушкинианы, эта композиция должна отражать тему «Пушкин и Арина Родионовна».

На самом деле решение скульптурной композиции скорее символизирует молодого барина, указывающего своей челяди. У известного пушкиноведа — скульптуроведа А.Д. Гдалина, этот памятник назван «двухскульптурная бронзовая композиция» [4, с.89]. Историки и пушкиноведы отмечают тот факт, что 17 раз бывал Пушкин в

Пскове, прожив в нем 77 дней. При этом известно нелестное отношение поэта к Пскову, которому, кстати, он не посвятил ни одной строчки своего творчества: «... а Псков для меня хуже деревни»¹.

Так и непонятно что за памятник стоит во Пскове. А самое главное, как он символизирует близость поэта к народу. И уж никак нельзя согласится с портретным сходством старушки и известными портретными зарисовками Арины Родионовны.

И все-таки в народе, а в последние годы и в печати, все более закрепляется название этой скульптурной композиции: «Пушкин и Арина Родионовна».

МОСКВА

Очень популярная у москвичей и гостей столицы скульптурная композиция А.С. и Н.Н. Пушкины — молодожены (венчание). Памятник на Старом Арбате напротив дома № 53, где мемориальная квартира Пушкина. Московский Арбат, арбатские переулки — именно здесь проходил их медовый месяц, здесь они прогуливались — молодые, влюбленные, счастливые.

Авторами памятника являются известные московские скульпторы Александр и Игорь Бургановы (отец и сын). Архитекторы Е.Г. Розанов, А.В. Кузьмин, Е.К. Шумов. Мастер — П.Н. Щеглов. Строитель А.В. Егоров. Композиция, исполненная в натуральную величину, устанавливалась в связи со 175-летием венчания поэта.

Четырехугольный постамент на плите с приступком. Правый край отколот. Арка в обрамлении двух колонн со стилизованными 3-х ламповыми фо-

нарями. Ажурная металлическая каркасная арка с натянутым полотном, на котором нарисована триумфальная арка.

Памятник А.С. Пушкину и Н.Н. Гончаровой в Москве на Арбате.
Апрель 2008 года. Фото автора.

Перед памятником вделаны в тротуар именнные плитки влюбленных типа: «Ольга + Роман. Два сердечка — два колечка». Самая ранняя из них датирована 03.06.2006. Напротив дом № 53 с мемориальной доской, в котором находится дом-музей А.С. Пушкина на Арбате.

Редкий случай в скульптурной пушкиниане, когда одновременно в одном городе открывали два тематических памятника, вернее, скульптурные композиции. О первой рассказано выше. Вторая находится по адресу Большая

Никитская, дом 36, у Церкви Вознесения Господня (Большое Вознесение).

В этой церкви венчались А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова. На площади у Никитских ворот к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина 06 июня 1999 года Правительство Москвы решило установить фонтан, который лицевой частью стоит на стыке Тверского и Никитского бульваров. Фонтан выполнен в форме ротонды, увенчанной позолоченным куполом. Внутри этой ротонды и расположилась скульптурная композиция А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова.

Скульптор — москвич М.В. Дронов. Архитекторы беседки-фонтана М. Белов и В. Харитонов.

Ротонда выполнена из белого мрамора, привезенного из Италии, а постамент выполнен в виде четырех кольцевых уровней из Карельского гранита. Под каждой из 12-ти гранитных опор клюза расположен трехструйный порт, что и образует фонтан.

Из этого же гранита выполнены полуколья ограждения, имеющие по 9 клюзов каждое, сквозь которые протянуты литые бронзовые цепи. Каждое звено имеет клеймо-оттиск «1799—1999». С восточной и западной стороны скульптурной композиции прикреплены бронзовые таблички с датой установки и реквизитами памятника.

Подобное оригинальное художественное решение вызывало, да и продолжает вызывать споры и много критики. Все же фонтанных тем в композиции православных храмов ранее не встречалось.

Особенно подвергается критике отсутствие сходства Натали Гончаровой с ее скульптурным изображением. Но следует отметить тот факт, что скульптурная композиция хорошо вписана в пространство красивого уголка старой Москвы.

Москва.
Фонтан «Александр и Натали» на площади у Никитских ворот.
Апрель 2008 года. Фото автора

ОРЕНБУРГ

На взгляд автора, самым ярким объектом, метой пушкинской эпохи в Оренбурге, является памятник в виде двухфигурной скульптурной композиции «Пушкин и Даль». Скульптор Н.Г. Петина. В основание постамента положен равновеликий греческий крест, символизирующий православие. Пьедестал составлен из трех частей: гранитных ступеней, блока «дикий фактуры» и верхнего обработанного гранитного блока с картушем и двухстрочной надписью.

Как утверждает сам архитектор «... ассоциативный смысл моего проекта заключается в том, что русская культура, возвышаясь и поднимаясь над “дикостью” нравов, всегда подпиты-

¹ Из письма А.С.Пушкина князю П.А. Вяземскому. 13—15 сентября 1825 года.

валась православными корнями» [4, с.107].

Оренбург. Скульптурная композиция «Пушкин и Даль». Скульптор Н.Г. Петина. Апрель 2007 г. Фото автора.

Как утверждают авторитетные скульпторы, одной из труднейших задач в скульптуре является компоновка двух фигур (5, с.31). А потому стоит постоять и полюбоваться линейно-ростовым решением скульптора: невысокий Пушкин и высокорослый Даль, а разрешение проблемы — цилиндр поэта. Все гениальное — просто! Открыт памятник в 1998 году.

Тема «Пушкин и Даль» самостоятельна и самодостаточна. Скульптурная композиция отражает и тему, и время, и место. Осталось вспомнить о том, что В.И. Даль был лейтенант флота, чем гордился всю свою долгую жизнь (1, с.17).

ХАНТЫ-МАНСЙСК

3 августа 2007 года на одной из центральных площадей Ханты-Ман-

сийска установили памятник Александру Пушкину и Наталье Гончаровой, изготовленный в натуральную величину. Автор московский скульптор А. Ковальчук. Памятник высотой — 255 см, сделан из бронзы, на шестиугольном гранитном постаменте. Изготовлен памятник в одной из московских художественных мастерских по заказу администрации города Ханты-Мансийска и воздвигнут у театрально-концертного комплекса «Югра-Классик».

Ханты-Мансийск.
Памятник А.С. Пушкину и Н.Н. Гончаровой

Оба всматриваются вдаль. В руках Натальи — поэтический сборник любимого супруга.

Как считают местные жители — смотрят супруги в сторону сибирского тракта до Березова, по которому некогда вели ссыльных декабристов.

Все это делалось в рамках подготовки к празднованию юбилея Ханты-Мансийска, который с большим размахом отмечался в первой декаде сентября 2007 года, когда городу исполнилось 425 лет.

Памятник изготовлен в одной из московских художественных мастерских по заказу администрации города.

Автор скульптурной композиции московский потомственный скульптор

А. Ковальчук. Его известные работы — памятники адмиралу Ф.Ф. Ушакову и С.В. Рахманинову, установленные в Москве.

Это не первое обращение скульптора А. Ковальчука к пушкинской теме. Широкую известность получил и созданный им памятник А.С. Пушкину, установленный в Астане, нынешней столице Казахстана.

ПОДГОРИЦА

В аналогичном стиле, как и в Ханты-Мансийске, решена скульптурная композиция «Пушкин и Натали», установленная как дар правительства Москвы в современной столице Черногории — Подгорице. Об истории этого памятника пока мало что известно.

Подгорица.
Памятник А.С. Пушкину и Н.Н. Гончаровой

Скульптурная композиция, являющаяся даром столицы одного государства другому, — культурный аспект новейшей истории.

Вот таков краткий и неполный экскурс в современное состояние скульптурных композиций посвященных А.С. Пушкину у нас в стране, ближнем и дальнем зарубежье. Увековечи-

вание памяти нашего национального гения в виде скульптур самого поэта или скульптурных композиций с лицами из его исторического окружения отражает народную любовь к Пушкину.

Из мнений мудрых наших классиков имеет смысл привести высказывание великого русского скульптора М.О. Микешина: «Публичный памятник тогда лишь соответствует своей цели, когда он отвечает сложившимся в народе воспоминаниям и передает эти воспоминания отдаленному потомству. Поэтому каждый памятник должен представлять собою известную идею, а эта идея должна быть выражена в такой ясной и наглядной форме, которая была бы понятна всем и говорила сердцу и уму людей о великих деятелях, оставивших неизгладимый след своей деятельностью в исторической жизни народа» [8, с. 7]. Высказывания отновятся ко времени создания в 1896 году памятника императрице Екатерине II в Краснодаре.

Следует отметить, что тема приурочена к объявленному Юнеско Международный Дню охраны памятников и исторических мест. Арина Родионовна заслуживает памятника как личность и как социальное явление. Общеизвестно восхищение Пушкина няниными сказками и песнями, любовью поэта к сердечной и доброй крестьянке. Ее образ читатель находит в творчестве поэта.

Хотелось бы видеть достойный памятник любимой няне Пушкина.

Высказывая свое личное мнение о предполагаемом памятнике Арине Родионовне, хочу отметить, что мне он видится как скульптурная композиция: Пушкин и няня. А место его установки в Кобрино или в Пушкинских Горах.

На цоколе постамент следовало бы поместить слова из надиктован-

ного письма неграмотной крестьянки своему воспитаннику: «...остаюсь вас многолюбящая няня Ваша Арина Родионовна» [11, с. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Г.Н. Адмирал русского слова лейтенант флота В.И.Даль.// Невский Альманах, 2004, № 2(5), с.18-19.
2. Будылин И.Т. Деревенский Пушкин: Пушкинские места Псковского края. -М.: Профиздат, 2006, с.400.
3. А.Д. Гдалин, Г.А. Дровеников, И.Л. Попелюхер. Памятники А.С. Пушкину. Материалы к аннотированному каталогу/ Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. — С.-Пб.: «Наука», 1993, с. 74-92.
4. Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя.//Состав. А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова — Оренбург.: Оренбургское книжное издательство, 2002, с. 468.
5. Ермонская В.В. Что такое скульптура. — М.: издат. изобразит. искусство, 1977, с. 96.
6. Ключина Н. Музей «Домик няни А.С. Пушкина» в деревне Кобрини./ Путеводитель.
7. Новиков И.А. Пушкин в Михайловском. — М.: Художественная литература, 1982, с. 272.
8. Павлова И. Памятник передающий воспоминания и отдаленному потомству./ Кубань сегодня 25.08.2006 г., с. 8-9.
9. Подмосковные усадьбы Захарово и Вяземы — страна Пушкинского детства.// Буклет изд. Министерства культуры Московской области и Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина. Около 2006, с. 30, ил.
10. Старк В.П. Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина. В 2-х томах. Том1. СПб.: Вита Нова, 2006, с. 448, ил. ил. Том2. СПб.: Вита Нова, 2006, с. 496, ил.
11. Филин М.Д. Арина Родионовна. — М.: Молодая гвардия, 2008, с.218, ил. (Серия: ЖЗЛ. Вып. 1110 (1310).
12. Шаталов С.Е. Герои романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». — М.: Просвещение, 1986, с. 95.

ИМЕНА И УСАДЬБЫ

*Без суесловия и шумихи хранила русская
интеллигенция
памятники своего Отечества*

ОДНОЙ СУДЬБОЙ С РОССИЕЙ СВЯЗАНЫ ХОЗЯЕВА ЖАБИНСКОЙ УСАДЬБЫ

Мария Федорова

Жабинская усадьба. Фото 2008 г.

В одном из уголков Гатчинского района, на границе с Ломоносовским и Волосовским районами, всего в пяти километрах от дороги на Ивангород и Нарву расположилась старинная деревня Большое Жабино. История ее насчитывает более 500 лет. Топонимическое исследование не выявило точного происхождения названия деревни. Вариантов несколько. Жабник — растение семейства лютиковых. Жабина — в старину так называли ямку или выбоину в жернове. Жили на Новгородской земле и бояре Жабины, которым были пожалова-

ны земли в наших краях. Мне ближе второй вариант, так как в старинных документах и картах деревни упоминаются именно как Большая и Малая Жабина. От Малой Жабины остались только пруды — единственное место для купания и детей, и взрослых.

За несколько столетий своей истории владельцами Жабинской усадьбы были разные люди.

По архивным данным одним из первых владельцев усадьбы был граф и генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский (04.01.1725 — 08.12.1796), виднейший

военный деятель XVIII века. Сын сподвижника Петра I, он поступил на службу в 14 лет и уже в 1748 году участвовал в походе русского корпуса на Рейн. Петр Александрович отличился как военачальник в Семилетней и был победителем в Первой русско-турецкой войне, которую современники называли “Румянцевской”. Боевой генерал, прошедший множество сражений, он положил начало новой эпохе в истории военного искусства. По-другому строил полководец оборону, но наиболее способности стратега он проявил именно в наступательных операциях. Румянцев был, как сейчас сказали бы, опытным аналитиком, психологом, руководителем, умеющим четко и просчитать вероятные действия противника, и знать психологию своего солдата.

После смерти П.А. Румянцева-Задунайского во владение имением вступил старший сын Михаил Петрович Румянцев. После него земли и усадьбу унаследовал Сергей Петрович Румянцев (17.03.1755 — 24.01.1838). Младший сын генерала, он с детства был записан в гвардейскую артиллерию, в 1762 году переведен вахмистром в лейб-гвардии Конный полк, затем в 1769 за службу отца пожалован в корнеты, а 1 августа 1772 высочайшим указом — в камер-юнкеры. Но военная карьера совсем не привлекала Сергея Петровича. В молодости он очень любил путешествовать, с 1779 по 1783 годы посетил Швецию, Данию, Голландию, Бельгию, Англию, Францию, ездил на модные в то время лечебные воды в Спа (Бельгия). До назначения в 1785 году на дипломатическую службу жил сначала в Санкт-Петербурге, затем в Москве. Будучи творческим и романтическим человеком, писал стихи на французском языке, литературные описания, принимал участие в журнале

«Собеседник любителей русского слова», который издавала Е.Р. Дашкова.

Дипломатическая карьера Сергея Петровича не удалась, и он вернулся на родину. В царствование Павла I и Александра I занимал различные посты. В 1810-х годах он оставил службу. Много путешествовал, занимался благотворительностью, благоустраивал свои обширные поместья.

Женат граф Сергей Петрович не был, но состоял в связи с Настасьей Николаевной Нелединской-Мелецкой, урожденной графиней Головиной. В этом союзе родилось трое дочерей: Варвара (1794 — 1875), Зинаида (1801 — 1879), Екатерина (1802 — 1876). Сначала дочери носили фамилию Сергеевы, затем Кагульские, видимо, в честь победы своего деда, П.А. Румянцева-Задунайского в битве при Кагуле.

Старшую дочь Варвару граф Румянцев выдал замуж за князя Павла Алексеевича Голицына. Родилось в этом плодотворном союзе пять сыновей и четыре дочери. В 1827 году действительный тайный советник С.П. Румянцев продал зятю деревеньки Вотин и Слудицы, чуть позже — Жабино.

После князя П.А. Голицына в Жабино сменилось несколько хозяев. В разное время его владельцами были Иван Устинович Пейкер и барон Алексей Иванович фон дер Ропп. Именно при Алексее Ивановиче в 1861 году было построено здание усадьбы, существующее и поныне. Наследники барона в 1896 году продали имение герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому, который и владел усадьбой до революции.

Герцог Г.Г. Мекленбург-Стрелицкий был членом императорской семьи. Правнук Павла I, внук великой княгини Елены Павловны, урожденной принцессы Шарлотты Вюртембергской и

великого князя Михаила Павловича, герцог родился в 1859 году в семейном имении Ремплин в Мекленбурге, но с юных лет воспитывался в лучших традициях российской императорской семьи. Он получил прекрасное образование: обучался военному делу, владел виолончелью и фортепиано (всем известен художественный салон Михайловского дворца Великой княгини Елены Павловны, да и сам герцог впоследствии организовал струнный квартет), был страстным коллекционером (предметы его коллекции были представлены на выставке «Осколки зеркала» в Ораниенбаумском дворце, одном из многочисленных владений семьи).

Несмотря на строгий и сдержанный характер матери, великой княгини Екатерины Михайловны, получившей свое имя в честь прабабушки, императрицы Екатерины II. Георгий вырос нежным и романтичным человеком. Во имя своей любви он отказался от права престолонаследия. А дело было так. В 1884 году одной из фрейлин его матери стала Наталья Федоровна Ванлярская, дочь статского советника Ф.А. Ванлярского, состоящего на службе в Министерстве финансов. Наталью и Георгия объединяли любовь к музыке и литературе, они часто встречались на различных светских мероприятиях, где Наташа сопровождала Екатерину Михайловну. Узнав об увлечении своего сына, великая княгиня разгневалась и отстранила Наталью Федоровну от фрейлинской службы. Но Георгий не отступился и в течение шести лет писал полные любви и нежности письма Наталье Федоровне. Втайне от всех, не посвятив в это даже своего брата Михаила, который сочувствовал влюбленным, Георгий Георгиевич пишет письмо своему дяде, владельческому герцогу в

Мекленбург, в котором отказывается от престола и просит разрешения жениться на любимой, но не равной по происхождению девушке. В то время морганатические браки были запрещены, в истории множество примеров, когда члены императорских семей, как поется в песне, не могли жениться по любви. Великая княгиня Екатерина Михайловна и старшая сестра Георгия Елена Георгиевна, которая в то время еще была не замужем, всячески противились мезальянсу, но сделать ничего не смогли.

2 февраля 1890 года в церкви Михайловского дворца состоялось бракосочетание герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и графини Натальи Федоровны Карловой (именно такой титул она получила от герцога Фридриха-Вильгельма Мекленбург-Стрелицкого). Император Александр III с супругой Марией Федоровной не присутствовали на свадьбе, хотя Георгий был крестником Александра II.

Семья Георгия Георгиевича и Натальи Федоровны была гармоничной во всех отношениях. Общность интересов, огромное взаимное уважение и любовь они пронесли через всю свою жизнь. У Георгия Георгиевича и Натальи Федоровны было четверо детей — три дочери: Екатерина (старших дочерей по традиции называли Екатеринами, сыновей — Георгиями). Мария (Мерика), Наталья (Таша) и сын Георгий (Тэдди). Ни они, ни супруга герцога не могли унаследовать титул и дворцовые имения, принадлежавшие императорской семье. По завещанию великой княгини Екатерины Михайловны принадлежавшие ей недвижимые имения: Михайловский дворец, Каменноостровский дворец с островом и Ораниенбаумский дворец со всем ему принадлежащим имением завещаны

Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий с семьей. Справа налево: Георгий Георгиевич, Наталья Федоровна, Катя, Мерика, Таша, Тэдди.
Фотография. Начало 1900-х гг. Государственный архив Российской Федерации.

были герцогу Михаилу и принцессе Елене (к тому времени она вышла замуж за разорившегося вдовца принца Саксен-Альтенбургского, для которого этот брак стал выходом из финансового кризиса. Елена Георгиевна своих детей не имела, но воспитывала двух падчериц как любящая и заботливая мать) в полную собственность, а герцогу Георгию — в пожизненную.

Но отношения между братьями и сестрой были настолько близкими, что никому не пришло в голову выселять Наталью Федоровну Карлову с детьми из Ораниенбаумского дворца после смерти герцога Георгия Георгиевича в 1909 году. И похоронены герцог и его дочь Наталья (умерла в 1913 году) именно в Ораниенбауме.

Тем не менее, в течение всей своей семейной жизни Георгий Георгиевич чувствовал ответственность перед своей семьей и увеличивал капитал, по-

стоянно прикупая земли и устраивая различные предприятия. Многими деревнями на территории нынешних Гатчинского и Ломоносовского районов владели Михаил и Георгий Мекленбург-Стрелицкие: Новинка, Долговка, Чаща, Жабино, Глухово, Старо-Сквирицы и многие другие.

В начале XX века специалисты определили, что лучший песок для стекольного производства находится во владениях герцогов — в деревне Новинка, но Мекленбург-Стрелицкие не решились строить стекольный завод, а занялись переработкой древесины и продажей песка. Одну из делянок герцоги подарили для строительства церкви Петра и Павла в Вырице.

Вообще, благотворительность была одной из важнейших сторон жизни семьи Мекленбург-Стрелицких. Традиции были заложены еще великой княгиней Еленой Павловной и про-

должны ее потомками. Основными направлениями благотворительной деятельности были: медицина, образование, искусство, социальная сфера. Все заведения, которые созданы и опекались Еленой Павловной, после ее смерти не остались без внимания. Дочь Екатерина Михайловна и внуки Георгий, Михаил и Елена свято чтят традиции семьи. «Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская опекала приют для детей заболевших родителей, герцоги Мекленбург-Стрелицкие стали попечителями Еленинского клинического института и Елизаветинской больницы: они продолжали заботиться о Русском музыкальном обществе и Петербургской консерватории. Они оплачивали обучение молодых людей, обратившихся к ним за помощью, учреждали специальные ежегодные стипендии» (Конюхова Е.В. Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких в России. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. СПб. 2005, с. 148).

Супруги Георгий Георгиевич и Наталья Федоровна много времени проводили в Ораниенбаумском дворце и всячески заботились о жителях Ораниенбаума: опекали 3 приюта, родильный дом, городскую больницу, учебные заведения и многие другие. Первый в России детский сад для работающих мам и приюты для выздоравливающих детей открыли герцоги именно там.

Наталья Федоровна Карлова принимала активное участие в благотворительной деятельности семьи Мекленбург-Стрелицких. Свой гражданский долг наиболее ярко исполнила она во время Русско-японской и Первой мировой войн. Назначенная помощницей принцессы Е.М. Ольденбургской в Русско-японской кампании, она фактически возглавила комитет и провела огромную работу: занималась

отправкой посылок на фронт, заботилась о раненых и инвалидах, добивалась льгот для воинов и их детей. За работу в Порт-Артурском комитете графиня Карлова была награждена орденом Святой Екатерины. После событий Русско-японской войны графиня Наталья Федоровна Карлова была принята при императорском дворе и заняла там достойное место.

Во время Первой мировой войны графиня Карлова была членом Петербургского особого комитета великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. И конечно, семья Мекленбург-Стрелицких, как и многие другие, делала огромные пожертвования на содержание госпиталей и лазаретов. Старшая дочь графини, княгиня Екатерина Георгиевна Голицына работала в мастерской по пошиву белья для раненых. Средняя дочь, Мария Георгиевна Карлова, окончила курсы сестер милосердия, работала в госпитале, находившемся в их доме на набережной Фонтанки.

Не забывали Мекленбург-Стрелицкие и Карловы о благотворительности, будучи в эмиграции в Англии. Графиня Карлова и князь Феликс Юсупов организовали помощь для русских эмигрантов, оказавшихся в Англии практически без средств к существованию (ведь многие семьи с 1917 до 1919 года потратили в Кисловодске те средства, которые смогли увезти с собой из революционного Петрограда). И в наши дни потомки этой замечательной семьи продолжают семейные традиции. Внучка княгини Е.Г. Голицыной, княжна Катя Голицына работала в лондонском хосписе с больными СПИДом, оказывала помощь детскому дому в Гатчине. В 1994 году открыла Мемориальную библиотеку памяти своего отца князя

Г.В. Голицына в фамильном особняке Мекленбург-Стрелицких на Фонтанке, 46. Жабинская библиотека в 2004 году получила в дар от Голицынской библиотеки более 600 книг, причем княжна Катя Голицына собственноручно переносила привезенные книги из машины в нашу библиотеку). Из семейного архива княжна Голицына подарила нам несколько фотографий. Посетила княжна и усадьбу, в которой жили ее родные.

Наша усадьба была одной из летних резиденций семьи. Здесь и до сих пор сохранился парк с вековыми дубами. Когда-то росли липы и березы. Небольшой уютный дом 1861 года постройки с каменным фундаментом и кирпичными оштукатуренными стенами. По воспоминаниям старожилов

когда-то перед домом было огромное поле маргариток. Выращивали различные ягоды: клубнику, смородину, крыжовник. Местные жители помогали Наталье Федоровне в сборе урожая. Имение приносило неплохой доход. При общей площади 8000 га давало до 150000 рублей дохода, тогда как Ораниенбаум с лесами площадью в 100000 га — только 500000 рублей.

Славилось Жабино и охотничьими угодьями. По воспоминаниям Георга Карлова, в среднем за охоту добывали по 150 зайцев, 40–50 фазанов, дюжину лисиц, две — три косули. В августе 1912 года поохотиться в Жабино приезжал и император Николай II.

Здание усадьбы прекрасно сохранилось до наших дней. До Великой Отечественной войны в здании был ро-

Жабинская усадьба. Фото 2008 г.

Светлейшая княжна Наталья Борисовна Голицына с дочерью Элизабет в Жабинской сельской библиотеке. 2002 год. Архив Жабинской сельской библиотеки.

дильный дом. Осенью 1941 года, когда практически все дома в деревне были сожжены, усадьба стала приютом для всех сельчан. Жили по три-четыре семьи в одной комнате. В 1970–90-х годах здесь располагалась больница. Огромную благодарность жители испытывают к главному врачу Вопилову Олегу Арсентьевичу, который строго следил за состоянием парка, поддерживал его в отличном состоянии.

Разрушение усадьбы началось в 2004 году, когда из здания переехали почта, амбулатория и библиотека.

Не хочется заканчивать статью на такой грустной ноте, но сердце кровью обливается, когда видишь, что от усадьбы XIX века, пережившей

две войны, остаются только стены. И как стыдно было перед княжной Катей Голицыной, светлейшей княжной Натальей Борисовной Голицыной и Элизабет (дочерью и внучкой Марии Георгиевны Карловой), посетившими Жабино в последние годы.

Возможно, найдутся люди, которые захотят восстановить памятник истории и прекрасный приусадебный парк.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барановский А. Вырица при царе. Дачный Петербург. СПб. «Остров», 2006.
2. Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб ИИ РАН. «Нестор-История», 2003.
3. Конюхова Е.В. Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких в России. «Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома», СПб. «Лики России». 2005. с. 146.
4. Ораниенбаум. Век XIX... СПб. 2006.
5. Отчет о посещении Департамента по охране памятников культуры Ленинградской области.
6. Попова Г.А. Особняк графини Карловой. СПб. «Алмаз», 1996.
7. Три века Санкт-Петербурга. Т.1. Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. СПб, Филологический факультет СПбГ, 2001.

Вид парка и Жабинской усадьбы. 2008 год. Архив Жабинской сельской библиотеки.

Белогорка

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАМОК

Галина Хохлова

*Как же он красив необычайно
Даже в запустении, в бурьяне,
Этот замок на холме высоком,
Кораблем большим к реке причалив.
Вход изысканный — дугой модерна.
Нет повторов, разнолик гранит.
Окна, башенки, террасы — мерно,
Веско скальный камень огранит.
Вид с реки другой, еще чуднее:
Островекий, выгнутый змеей,
Замок зачарованно немеет
Над бурлящей, стиснутой водой.*

*Где же ты, таинственный хозяин?
И когда знаменья час придет?
Кто карете прежнего величья,
Не страшась, ворота распахнет?*

СУЙДА

Галина Хохлова

*Старый парк вдохнул росистый воздух,
Опустил багряные ладони.
О былой красе грустить нам поздно:
Время поглотительно — бездонно.*

*А ведь, были, были эти липы
Молодыми, стройными когда-то.
И скамья гранитная доныне
Помнит старого арапа.*

*Только мы порою забывали
О служившем верою и правдой
Славе русской роде Ганнибалов,
Об Аврааме, об Иване.*

*Мы теряли место погребенья,
Разоряли черепа и плиты...
Во флигеле, осколочке имения,
Наконец музей живет открыто.
С храмом Воскресения Христова
Пусть воскреснут старые устои!
Пусть сегодняшние люди Суйды
Станут предков Пушкина достойны!*

1999 год

ПРОГУЛКИ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ ПРИБЫТКОВО

Андрей Бурлаков

Бывшая дача адмирала Прибыткова,
ныне Прибытковская сельская библиотека.
Фото 1950-х годов.

Среди дачных жемчужин, расположенных в окрестностях Гатчины, поселок Прибыtkовo занимает довольно популярное место наряду с такими центрами летнего отдыха, как Сиверская, Вырица, Тайцы, Суйда, Карташевская, Рождествено... Местность здесь действительно красивая и живописная, высокая и здоровая, а главное — поселок имеет хорошее со-

общение с Северной столицей, рядом находится платформа Прибыtkовo Варшавской железной дороги.

Свою родословную поселок ведет от существовавших на его месте в конце XIX — начале XX веков небольших образцовых дачных колоний. Одна из них называлась Мариининской, другая Екатерининской. В свое время они были основаны владельцами местных

Прибытковские дачники. Фотография 1910 г.

имений «Елицы» и «Мой приют». Границей колоний служила железная дорога. Среди первых дачевладельцев были служащие Варшавской железной дороги Козловские, Гроховские, Лапьер, Михновичи и другие. К Екатерининской колонии тесно примыкала старинная деревенька Покровская. Когда-то, в древние времена, она носила другое имя и называлась Хлопицами. Свое новое название она получила в честь возведенной здесь деревянной часовни Покрова Пресвятой Богородицы. Сама же платформа Прибыtkово появилась в начале XX века. Впервые в документальных источниках она упоминается в 1903 году. Своим рождением железнодорожная платформа обязана владельцу одной из местных дачных усадеб адмиралу Прибыtkову. Примерно в 1900-х годах он приобрел здесь обширный участок земли и построил несколько дач, которые выгодно сдавал петербургским дачникам.

Свою собственную дачу адмирал построил на границе Екатерининской колонии и деревни Покровской в очень

модном тогда стиле модерн, окружив ее уютным парком. Издалека двухэтажный особняк, возвышающийся среди раскидистых елей, и сегодня кажется похожим на плывущий по морю сказочный корабль. Говорят, что именно в этом и заключается главная «изюминка» необычного дома. Бывшая дача адмирала Прибыtkова, расположенная на Школьной (Викторовской) улице чудом сохранилась до наших дней. Сегодня это бесспорно лучший образец архитектуры деревянного дачного модерна в окрестностях Гатчины. Необычные архитектурные пропорции и детали, цветные витражи на окнах веранды, выполненные на морскую тему, кстати, по рисункам художника Михаила Врубеля, своеобразные интерьеры указывают на то, что автором постройки был талантливый зодчий. История этой дачи овеяна множеством легенд, которые с радостью вам могут поведать прибытковские жители.

В 1907 году у адмирала Прибыtkова эту дачную усадьбу приобрел в собственность владелец столичного чугунолитейного завода Генрих Оттович

Бюрман. Этот великолепный особняк, как вспоминали местные старожилы, он подарил своей возлюбленной, петербургской актрисе Ирине, фамилию которой установить пока не удалось. Здесь она постоянно проживала в летние месяцы, часто приглашая к себе в гости многочисленных деятелей театрального и музыкального искусства, а также знаменитых соседей-дачников. По рассказам старожилов здесь бывала известная исполнительница русских романсов Анастасия Вяльцева. По воспоминаниям старейшего жителя поселка Прибыtkова Фаддея Марцелиновича Козловского (1907–1993 гг.), потомственного дворянина, представителя известного в России рода Козловских, в дореволюционный период на калитке при входе в усадьбу была укрепленa металлическая табличка с надписью: «Дача Ирины...». Не случайно, уже после национализации усадьбы в 1919 году, местные жители еще долго называли этот особняк «Ириновской дачей».

В довоенный и послевоенный период здесь размещалась Прибыtkовская начальная школа, а после закрытия школы старинную дачу арендовал детский сад ленинградской фабрики «Большевичка». В девяностых годах прошлого века большой урон усадебному ландшафту бывшей дачи адмирала Прибыtkова нанесли руководители местной власти. Значительная часть земли, примыкавшая к даче, была продана и роздана частным лицам. Дом оказался отрезанным от главной дороги. Сильно пострадал старинный парк, были уничтожены пруд и беседка. Сам, давно не отремонтированный памятный, дом тоже уже давно мог оказаться за высоким забором, если бы не событие, которое произошло здесь в 1997 году. В пустующий дачный особняк переехала Прибыtkов-

ская поселковая библиотека. Она уютно разместилась на первом этаже. Удачи снова появился реальный хозяин, она ожила, став единственным центром местной культуры.

Если сегодня пройти по улицам поселка, то еще можно встретить немало следов былой красоты и старины. Здесь витает какой-то особый дух настоящего дачного поселка. В Прибыtkове еще сохранились столетние дачи, построенные по оригинальным проектам, огромные раскидистые ели и фрагменты старых мощеных дорог. О прошлом поселка и его именитых владельцев можно рассказывать бесконечно долго. Его история этого вполне заслуживает. Это своеобразная энциклопедия имен знаменитых людей эпохи «серебряного века» и не только...

В разное время в Прибыtkове проводили свой летний отдых: Илья Репин и Павел Самойлов, Зинаида Гippiус и Дмитрий Мережковский, Андрей Белый и Александр Грин, Исаак Бродский и Ефим Волков, Сергей Рахманинов и другие. Список этих знаменитых имен можно продолжить. В советское время здесь жили на дачах: композитор Василий Соловьев-Седой, известный литературовед В.Е. Евгеньев-Максимов, к которому в гости приезжал его ученик, будущий академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, художник П.З. Лавренев, известный исследователь Арктики И.В. Максимов, талантливый хирург И.П. Виноградов, потомки композитора Н.А. Римского-Корсакова, актер театра и кино Рудольф Фурманов и другие. В начале XX века в Прибыtkово имелся небольшой летний театр и несколько музыкально-литературных салонов. Здесь не раз выступал с концертными программами известный певец Николай Печковский. С истoрией поселка Прибыtkово связано имя великого ком-

позитора, народного артиста России Исаака Иосифовича Шварца. В одном из интервью он рассказывал: «Летом 1954 года я работал аккордеонистом в Прибытково в пионерском лагере фабрики “Большевичка”. Я как раз тогда работал над музыкой к балету “Накануне” по заказу Большого театра. И, естественно, хотел где-то за городом побыть, для чего и поехал в пионерлагерь...».

Из достопримечательностей Прибытково на Пионерской (бывшей Екатерининской) улице обращает на себя внимание бывшая дачная усадьба столичного коммерсанта А.А. Серкова. Одноэтажный дом, возведенный примерно в 1900-х годах в стиле модерн, украшен красивой башенкой. Многие годы здесь находился детский сад фабрики “Большевичка”. Сейчас здесь частные дачи.

Уцелели и другие местные дачные шедевры например, бывшая «Музыкальная вилла» на Среднем проспекте, построенная в 1907 году и принадлежавшая известной петербургской пианистке, ученице С. Рахманинова Анне Бенинг, ныне частный жилой дом.

Отсюда совсем недалеко до Пушкинской улицы, где расположена бывшая дача семейства Гиппиус, покинутая ее знаменитыми владельцами сразу после октябрьской революции. Официально оригинальный дачный особняк, строительство которого началось в 1912 году, принадлежал Татьяне Николаевне Гиппиус, талантливой художнице — родной сестре З. Гиппиус, которая часто приезжала сюда погостить вместе с мужем Дмитрием Мережковским. Рядом с дачей сохранилась раскидистая лиственница, посаженная в 1914 году самой Зинаидой Гиппиус. Был еще и кедр, погибший несколько лет назад от пронесшейся

Василий Ефимович Репин,
брат художника, с картины И.Е. Репина,
1878 год

сильной бури.

Интересны и другие дачи, многие из которых разрушаются и ветшают на наших глазах. В 2005 году погибла от пожара дача брата художника

Дача Василия Ефимовича Репина
в поселке Прибытково (не сохранилась).
Фотография 1970-х гг.

Дом Бергера, в котором отдыхали
З. Гиппиус, Д. Мережковский и А. Белый

И.Е. Репина — музыканта оркестра Мариинского театра Василия Ефимовича Репина. Она была построена в 1888 году на территории дачной усадьбы «Монплеизир» (ныне улица Репина). В 1889—1890-х годах в летние месяцы здесь вместе с семьей отдыхал великий художник. Сохранились написанные на даче письма, в которых И.Е. Репин восторгался красотой местной природы. В одном из них он сообщал: «Завтра утром еду на дачу к детям. Какой у них там рай!..»

Совсем рядом от места бывшей репинской дачи, на Речной улице, расположенной вдоль живописного берега реки Суйды, находится старинная дача, которая в дореволюционный период принадлежала машинисту сценического оборудования Мариинского театра Николаю Александровичу Бергеру. Летом 1908 года здесь снимали дачу поэты Зинаида Гиппиус и

Зинаида Гиппиус.
Фотография начала XX века.

Дмитрий Мережковский. К ним в гости приезжал поэт Андрей Белый. Замечательный отдых вдохновил его на создание нескольких стихотворений, которые он пометил названием «Суйда».

Как ни странно, в Прибыткове нет своего музея, долгое время не было даже маленького краеведческого уголка, хотя здесь нашел бы свое достойное место настоящий музей дачной жизни окрестностей гатчинского края. А ведь такого музея нет даже в Ленинградской области! Однако совсем недавно в одной из комнат Прибытковской поселковой библиотеки по инициативе музея-усадьбы «Суйда» была создана первая экспозиция «Возвращение в дачный поселок Прибытково начала XX века». Уникальные фотографии и документы, подлинные предметы дачного быта собирались для этой выставки в течение многих лет. Есть здесь и особые экспонаты, например кресло из бывшей дачи адмирала Прибыткова, которое разыскала заведующая библиотекой Людмила Александровна Яковлева. Хочется надеяться, что уже в скором времени эта экспозиция значительно расширит свои границы, а созданный новый музей займет целый этаж старинной дачи и станет филиалом суйдинского музея. А еще хочется отреставрировать старинное здание и благоустроить территорию. Ведь еще совсем недавно заросшие клумбы перед дачей утопали в цветах.

Этот дачный поселок красив в лю-

бое время года, но особенно летом. И если вы хотите познакомиться с его достопримечательностями, увидеть еще уцелевшие следы былой красоты, посетить музейную экспозицию, развернутую в библиотеке, приезжайте в Прибытково. Но поторопитесь, эпоха дачного модерна безвозвратно и, наверное, уже навсегда уходит в далекое прошлое.

Дверь на даче Василия Ефимовича Репина, расписанная художником И.Е. Репиным. Фотография 1970-х годов

МИР РУССКОЙ УСАДЬБЫ

БАТОВО

Марина Смородина

«Местоположение там чудесное. Тихая речка вьется между крутыми лесистыми берегами, инде-расширяется плесом — инде подмывает скалы, с которых сбегают звонкие ручьи.

Тишь и дичь кругом.

И я пять дней провел на воздухе, в лесу, на речке».

А.А. Бестужев-Марлинский

В Новгородской окладной книге 1499 года в Грезневском погосте среди прочих деревень упоминается деревня Батово. Вплоть до 1797 года она принадлежала к казенным землям и входила в состав Рождественской волости. С воцарением Павла I на престол, Батово попало в полосу массовой раздачи казенных земель. При пожаловании душ деревни нередко насильственно дробились. Так и в Батово, 21 душа были приписаны к 174 душам деревни Межни (ныне Межно) и пожалованы за усердную службу в Воспитательном обществе благородных девиц инспектрис М.О.Дешан. 12 душ этой же деревни получил подполковник П.Ф.Малютин, сделавший при Павле I быструю карьеру. С 16 января 1800 года Батово числится за Анастасией Матвеевной Рылеевой, урожденной Эссен. В купчих обозначено, что Малютин получил за продажу 1500 рублей серебром, а Дешан-3400 рублей. По всей видимости, П.Малютин подарил это имение Анастасии Матвеевне, войдя в ее трудное материальное положение. В переписке К.Ф. Рылеева с матерью Батово называлось «Петродаром», а сам Петр Федорович

Усадебный дом в Батово (не сохранился)

«благодетелем и другом», «отцом и благодетелем». Умер П.Ф.Малютин в 1820 году, оставив пятерых детей, опекуном которых стал К.Ф.Рылеев. Став хозяйкой имения, Анастасия Матвеевна почувствовала себя независимой от мужа, отставного полковника Эстлянского полка Федора Андреевича Рылеева, служившего в Суздальском пехотном полку под командованием А.В. Суворова и награжденного шпагой за храбрость. Выйдя в отставку, он какое-то время служил управляющим деревнями П.Малютина, живя на Выре, а затем управлял имениями кн. В.В. Голицыной под Киевом, где и умер, оставив семье долги и побочную дочь Анну. Благодарственная Анастасия Матвеевна писала сыну: «Правда твоя, что я не была счастлива, отец твой не умел устроить мое и твое спокойствие, что делать! Богу так было угодно». Возможно, одной из причин семейных неурядиц была та, что один за другим умерли четверо малолетних

детей. Да и жизнь маленького Конички, вымоленного матерью у Бога, была часто в опасности. На четвертом году жизни Коничка серьезно заболел. И опять Анастасия Матвеевна часами стояла на коленях перед иконами и молилась о спасении сына, т.к. доктора надежды на выздоровление не давали. Мать вымолила жизнь сыну, но потеряла мужа; разъехались с ним и не получала от него никакой помощи на воспитание сына.

Покоряясь своей судьбе, Анастасия Матвеевна так и прожила в Батово, едва сводя концы с концами, часто закладывая имение. В одном из писем к сыну она пишет: «Тебе, милый друг, известно, что деревня наша не так велика, ревизских душ — 42, а работников — 17, то и сам посуди, сколько они могут наработать,.. долгу на мне много, деревня в закладе, тебе известно, что я насилу могу проценты платить и то с помощью друга моего Петра Федоровича».

В Батово было всего 13 дворов, из них: 4 «белые» избы, крестьян вместе с дворами 33 чел. мужчин, 22 женщины и 37 чел. малолетних. Во всей деревне было 13 лошадей, 24 коровы, 3 телки, 47 кур. Крестьяне занимались хлебопашеством и рыбной ловлей. Имение приносило в виде оброка 200 руб. в год. У самой помещицы было 19 коров, 28 овец, 1 коза, 6 гусей, 16 кур, 24 индюшки, единственный любимый конь Рыжко. Продать было нечего. Из 900 десятин земли под пашню было 132 десятины, покосу-69 десятин. Свыше 550 десятин было под лесом, мелкой порослью и болотами. Даже хороший лес было трудно продать, т.к. река не была судоходной. Имение дохода не давало, но славилось красотой и целебными источниками. В книге А. Лучинского и Н. Никитина «Сиверская дачная местность по Варшавской же-

лезной дороге» упоминается Батово: «Это единственное место в Сиверском районе с минеральной водою (железистого характера). При наличии здесь многочисленных ключей питьевой пресной воды с ограниченным содержанием известковых и магниальных солей, можно бы с успехом устроить в Батово курорт для малокровных и изнуренных больных, так как минеральная вода Батовского источника, соответствующего № 18 Есентукской железной воды, могла бы многим оказывать пользу.... Кроме богатства родниками и минеральной водою, Батово не уступает в красоте другим местам, расположенных по реке Оредеж. Как старинное барское имение оно имеет прекрасную усадьбу с садом и парком, здесь же большой вековой лес и березовые рощи». Глава из книги, изданной в 1910 году, характеризует имение, принадлежавшее Марии Фердинандовне Набоковой (урожденной баронессе Фон Корф), унаследовавшей имение от своего мужа Дмитрия Николаевича Набокова, деда писателя В.В.Набокова.

А.А. Семочкин в своей статье «Река Оредеж» пишет о Марии Фердинандовне: «... о ней рассказывают, что всю жизнь свою зимой и летом она спала с открытыми окнами, до льда купалась в реке, сохранив до глубокой старости ясный ум, несокрушимое здоровье и ту налитую, спелую, хочется сказать красоту, которая так присуща немкам и русским купчихам». Она родила девять детей (5 дочерей и 4 сына), одним из сыновей был Владимир Дмитриевич Набоков, отец будущего писателя Владимира Владимировича Набокова, детские и юношеские годы которого прошли в трех усадьбах: Выре, Рождествено и Батово. Конечно, Выра, где поселились родители писателя, была ему памятна. Но, находясь в эмигра-

ции, он вспоминал и Рождествено, где встретился с первой любовью — Валентиной Шульгиной, и Батово — бабушкину усадьбу.

А усадьба Рылеевых имела бедный вид. Деревянный одноэтажный дом был обшит досками и покрашен темной краской. Сени делили его на две половины. В одной было четыре комнаты, в другой — две. Стены обиты досками. Скромной была и обстановка: диван, обитый красным сафьяном, семь таких же кресел, два стула, большой стол и два маленьких, три ветхих кровати. По стенам висели в старых позолоченных рамах три небольших зеркала, множество гравированных картин, да несколько старых портретов. На окнах висели ситцевые занавески с кистями и бахромою. Точно не известно, где родился К.Ф.Рылеев. Но с января 1800 года вместе с матерью он живет в Батово. Сам Кондратий Федорович подолгу в Батово не жил, но от материнского гнезда у него остались яркие впечатления, ибо все переломные моменты его жизни так или иначе связаны с Батово. Отсюда в начале 1801 года он уезжает в Санкт-Петербург, где был учрежден Первый кадетский корпус. В нем он проучился 13 лет в постоянной нужде, часто прося отца прислать ему денег на самое необходимое. Но Федор Андреевич не баловал сына, а у матери всегда были материальные затруднения. В начале 1814 года он был выпущен прапорщиком в артиллерию. Перед отъездом на службу приезжал проститься с матерью. За два года заграничных походов ему удалось посмотреть многие страны Западной Европы. Какое-то время он служил в Дрездене, где комендантом был его двоюродный дядя Михаил Николаевич Рылеев и принимал живейшее участие в судьбе родственника.

Рылеев не успел отличиться в сражениях, т.к. в конце марта 1814 года Париж капитулировал, русские войска вошли в столицу Франции, а рота Рылеева повернула обратно. Живя в Дрездене, он пишет матери: «Дядюшка находится теперь в Дрездене комендантом, место прекрасное.... Такого дяди, каков он, больше другим не найти!»

Но Михаил Николаевич по приказу свыше вынужден был в 24 часа выслать племянника из города, ибо тот писал сатиры и пасквили, быстро расходившиеся по рукам. Дядя-генерал-майор, будто бы в гневе сказал: «Если же ты осмелишься ослушаться, то предам военному суду и расстреляю!». Будущий декабрист ответил словами: «Кому быть повешенным, того не расстреляют!» Вскоре вместе с батареей К. Рылеев оказался в Острожском уезде Воронежской губернии. Военная служба мало его привлекала. Солженищев А.И. вспоминал: «Явных врагов в батарее не имел, но и лишней приязни никто с ним не водил, ибо каждый его считал человеком не совсем верным, как бы отчужденным от всего общества».

Летним лагерем батарея стояла в слободе Белогорье, а зимой в слободе Подгорное, где Кондратий Федорович познакомился с семьей отставного майора Михаилом Сергеевичем Тевяшовым. Имея достаточно свободного времени, он согласился преподавать двум дочкам-подросткам из этой семьи. Вскоре Наталья Михайловна стала невестой своего учителя. Кондратий Федорович активно ведет переписку с матерью, с любовью описывает достоинства своей избранницы: «... Ее невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, — в состоянии

сделать счастье каждого, в коем хоть только искра добродетели осталась. Я люблю ее, любезнейшая матушка, и надеюсь, что любовь моя продолжится вечно, ибо я предался оной не вдруг, как сродни пылкому юноши...»

Анастасия Матвеевна умоляла сына не торопиться с женитьбой и с отставкой по причине материальных затруднений. Однако Кондратий Федорович ослушался матери. В конце 1820 года молодая семья поселяется в усадьбе, где вместе с малолетней Настенькой прожили около года.

В январе 1821 года достопочтеннейшее дворянство Софийского уезда почтило избранием К.Рылеева в заседатели Петербургской уголовной палаты. Ему предлагали должность уездного исправника, но он отказался от «этой подлой должности». Службою по выбору гордился и почитал «самою лестною, самою приятною для каждого гражданина». Он ревностно и добросовестно исполнял нелегкие обязанности и получил признание своих избирателей. По поводу своей службы даже писал:

*«Сиди как труженик в палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыв и негу, и покой...»*

От выборов на следующее трехлетие Рылеев отказался. Еще с конца 1821 года молодая семья живет на съемной квартире в Санкт-Петербурге. В письме к матушке сын просит прислать из Батова «на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба, и что сами придумаете нужным для дома, дабы не за все платить деньги». В усадьбу Рылеевы приезжали в основном на летний отдых. Бродя по красивым берегам реки, любуясь природой, поэт вспоминал «опальную судьбу» царевича Алексея, здесь описывал с натуры знакомый с детства пейзаж:

*«Страшно воем лес дремучий,
Ветер в ущельях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.
Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты,
Здесь стоят средь красоты
Деревянного кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
Берега поросши лесом».*

Романтически освященная, но правдивая картина сменяется другой:

*«Взвыл страшно лес дремучий,
Месяц спрятался за тучи
Ветр сильнее забушевал,
И за ближнею могилой
И ужасно, и уныло
Вран зловеющий прокричал».*

«Вран зловеющий» накличет беду в 1824 году. Вслед за смертью сына-младенца Александра, 2 июня этого же года умрет многострадальная Анастасия Матвеевна, не сумев уговорить своего Коничку выйти из «проклятого общества». На рождественском кладбище сохранился мраморный памятник с краткой надписью «Мир праху твоему, женщина добродетельная». На другой стороне памятника: «Анастасия Матвеевна Рылеева. Родилась декабря 11 дня, скончалась 2 дня 1824 года».

Летом 1824 года Кондратий Федорович намеревался заняться перестройкой дома и флигеля, но развернувшиеся политические и личные события вернули его в Северную столицу. Служба в Российско-Американской компании поправила материальное положение. Рылеев получил казенную квартиру (наб. р. Мойка, 72), но общественное его служение приняло иные формы. Став членом

«Северного общества» еще в 1823 году, вскоре Рылеев стал фактическим его руководителем, наряду с Н. Муравьевым. Служба в компании позволила собирать единомышленников на своей квартире. Петербургский период жизни Рылеева длился всего пять лет, но за это время им было написано все самое значительное в его творчестве: ода-сатира «К временщику», «Гражданин», «Думы». Он осуждает тех современников, кто «с хладнокровием бросает хладный взор на бедствия страдающей Отчизны». Не все поэты разделяли его мнение: «Поэтом можешь ты не быть, но Гражданином быть обязан». А. Пушкин, чьим именем Рылеев дорожил, часто критиковал его стихи, но одобрил его «Думы». Короткая жизнь поэта обросла многими легендами. Среди местных жителей бытует и «дуэльная легенда». Будто-бы А.С. Пушкин приезжал в Батovo стреляться с Рылеевым, который неосторожно высказался: «Правительство сечет наших лучших поэтов». Об этой «литературной дуэли» говорит В.В. Набоков в комментарии к переводу «Евгения Онегина». Эта легенда напоминает сюжет повести Пушкина «Дуэль». Батовские старожилы показывают камень на берегу реки, возле которого должна была состояться эта дуэль, но из дома выбежала жена Рылеева. Кондратий Федорович торопил Пушкина с выстрелом, а тот выстрелил вверх и уехал. В упоминаемой выше статье А. Семочкин пишет: «Это легенда, им можно не верить».

Но вообще таинственная, чтобы не сказать мистическая связь двух поэтов очевидна. Андрей Чернов, литератор и прямой потомок генерала Пахома Чернова из имения Заречье утверждает, что образ Ленского в «Евгении Онегине» списан с Рылеева...»

Рылеев неоднократно приезжал в Батovo в компании друзей декабристов: Кюхельбекера, А.Бестужева-Марлинского и др. Близились события 1825 года. 10 сентября в Лесном состоялась дуэль между Константином Черновым и Владимиром Новосильцевым. Старший из шести сыновей Пахома Чернова стрелялся за честь своей сестры Екатерины, которая была помолвлена с Новосильцевым, но под давлением матери, он был вынужден отказаться от помолвки. Рылеев был секундантом на стороне К. Чернова. Дуэль закончилась смертью обоих дуэлянтов. Прощаться с Черновым пришли члены «Северного общества» и однополчане-семеновцы.

Рано утром 14 декабря 1825 года члены тайного общества покидали квартиру Рылеева, чтобы встретиться на Сенатской площади. Пять часов в истории России широко отображены в литературе. Рылеев, уйдя на поиски диктатора восстания С.П. Трубецкого, на площадь не вернулся. Придя домой, он ждал ареста. За ним пришли в 12 часов ночи. Еще находясь под следствием, Рылеев советовал жене продать усадьбу, уплатить долги, которых было много:

8400 руб. — «для уплаты долгов покойной матушки», 3000 руб. — российско-американской компании, 3500 руб. — директору компании, 8000 руб. — в ломбард, 2200 руб. — за серебро, 5000 руб. — разным лицам.

Посему видно, что последние годы Рылеевы жили в долг. Утром 13 июля 1826 года, находясь в Петропавловской крепости за несколько часов до казни, Кондратий Федорович пишет письмо жене: «Бог и Государь решили участь мою: я должен умереть, и умереть смертью позорною. Да будет Его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле Всемогущего, и он утешит

тебя. За душу мою молись Богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимого? Я ни разу не возроптал во все время моего заключения и за то дух Святой давно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего Создателя, что он меня простил, и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянию: ищи утешение в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей.

Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его может только один Бог за благодеяние, которое он оказал мне своими беседами. Ты не оставайся здесь долго, а старайся кончить скоро дела свои и отправляйся к почтенной матушке. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всех родных своих проси о том же. Катерине Ивановне и детям ее кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М.П. — не я его вовлек в общую беду. Он сам это засвидетельствует. Я хотел, было спросить свидания с тобой: но раздумал, чтобы не расстроить себя. Молю за тебя, Настеньку и за бедную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. С рассветом будет у меня священник, мой друг и благодетель, и опять причастит. Настеньку благословляю мысленно нерукотворным образом Спасителя и поручаю всех вас святому покрови-

тельству живого Бога. Прошу тебя более всего заботиться о воспитании ее. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе. Старайся перелить в нее свои христианские чувства — и она будет счастлива не смотря ни на какие превратности в жизни и когда будет иметь мужа, то осчастливит и его, как ты меня, мой милый, мой добрый и неогрешенный друг, осчастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ли мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за все. Почтеннейшей Прасковьи Васильевны моя душевная искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велят одеваться. Да будет Его святая воля. Твой истинный друг К. Рылеев».

Найти покупателя на разоренное имение было трудно. Только в 1827 году Наталья Михайловна продала его Тимофееву-Тимофеевичу за 52500 рублей. Уплатив все долги, на имя Настеньки был положен капитал в 36000 рублей. Проценты с капитала пошли на содержание и воспитание дочери, которая училась в Патриотическом институте в С.-Петербурге, но в 1835 году по слабости здоровья была уволена. В 1842 году Анастасия Кондратьевна вышла замуж за поручика Ивана Александровича Пушина, от брака с которым у них было семеро детей (три сына и четыре дочери). Одна из дочерей, Софья Ивановна, умерла в Москве в 1919 году, а ее внук Николай Николаевич Органов неоднократно бывал в Батово и Рождествено. Незадолго до своей смерти он передал семейные реликвии Рылеевых в музей истории Ленинграда. Умер Николай Органов в 1995 году, не дождавшись открытия музея декабристов ни в Москве, ни в Ленинграде. Анастасия Кондратьевна умерла в 1890 году, с ее помощью в 1827 г. был издан первый,

после запрета, поэтический сборник К. Рылеева.

Выполняя волю мужа, Наталья Михайловна уехала к родителям в село Подгорное. В 1833 году она вышла замуж за поручика Григория Ивановича Куколевского.

После Тимофеева-Тимофеевича усадьбой владел статский советник Зверев, от наследников которого в 1848 году усадьбу купила коллежская советница Евдокия Петровна Галченкова. С 60-х годов XIX века имение перешло к Набоковым, прадеду и деду В.В. Набокова. После смерти деда, Дмитрия Николаевича, имение перешло к его жене Марии Фердинандовне, о которой уже упоминалось. В 1924 году дом сгорел. О прошлом здесь напоминают лишь аллеи старого парка, когда-то воспетые К. Рылеевым:

*«Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом,...»*

На месте усадебного дома возведена памятная стела (архитектор А.А. Семочкин, скульптор В. Шевченко), посвященная пребыванию К. Рылеева в Батово. К большому сожалению, в 60-х годах XX века в Батово была построена птицефабрика «Заводская» и поселок при ней. И туристы не заглядывают в это красивое, историческое место, тесно связанное с целым рядом знаменитых соотечественников.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Верные сыны Отечества. Л., 1982. Я.Гордин
2. Декабристы т.1, т.2. Л., 1975.
3. Декабристы. Библиографический справочник. М., 1988.
4. Декабристский выпуск. СПб, 1996.
5. Из искры возгорится пламя. М., 1985.
6. «Их вечен с вольностью союз». М., 1983.
7. Рылеев К.Ф. Сочинения. М., 1983.
8. Старая Гатчина. СПб., «Лига»
9. Цурикова Г. Сто прапорщиков. Л., 1989.
10. Афанасьев В. Рылеев (ЖЗЛ) М, 1982.

Памятная стела (архитектор А.А. Семочкин, скульптор В. Шевченко), посвященная пребыванию К. Рылеева в Батово

РОДОВОЕ ГНЕЗДО РОЖДЕСТВЕНСКИХ

Нина Рождественская

Дом Степана Ивановича Рождественского. 1975 г.

Дом моего прадеда Степана Ивановича Рождественского, почетного гражданина города Гатчины, действительного статского советника, который был на протяжении 25 лет заведующим канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери Николая II), построен в 1913 году по проекту архитектора Н.В. Гаежева и не за горами то время, когда он будет праздновать свой столетний юбилей.

К счастью, наш дом не пострадал ни во время Октябрьского переворота, ни во время гражданской войны, ни во время фашистской оккупации и даже

во времена перестройки.

Дом был и остается одним из самых красивейших домов Гатчины. Улица, на которой он находится, называлась Березовой. Вокруг дома был сад в четыре десятины, который граничил с одной стороны с садом Гатчинского сиротского института, а с другой — с императорским зверинцем — огромным парком, где на свободе жили олени, дикие козы, лисицы, зайцы и другие звери.

Он был окружен замечательными цветниками с удивительными сортами роз и садом, в центре которого — небольшой пруд с карасями, там же и

огромный винный погреб. К сожалению, сейчас здесь уже нет ни сада, ни пруда с карасями. Внутри дома был большой зимний сад, так как мой прадед Степан Иванович — любитель цветов и декоративных растений.

Степан Иванович Рождественский
и его жена
Серафима Петровна Рождественская

Впервые мы с сыном посетили наш дом в 1992 г. Стоял прекрасный декабрьский вечер, падал пушистый мелкий снег, на улице было холодно. Перед парадным входом горела лампа, освещающая вход. Свет от нее был удивительно притягивающим и как будто говорящим: «Войди в дом, тебе будет тепло и уютно». И мы вошли.

Мы ходили по дому. Вот комната, где когда-то детьми играли моя мама и ее брат Олег. Мама родилась в этом доме в 1914 г. и ее крестили в церкви Гатчинского дворца.

Вот зал, в котором стоял рояль, на котором внук Степана Ивановича Олег начинал учиться музыке. Рояль и сейчас стоит здесь, только придвинут к стене, чтоб не мешать совершению брачного ритуала. Раньше здесь устраивали для детей елку, под ветки клали подарки, во время праздников пели, читали стихи и водили хороводы.

На территории, прилегающей к дому, был птичий двор. Во время боль-

Невестка Степана Ивановича Рождественского
и его внуки: Галина Алексеевна Рождественская
и Олег Алексеевич Рождественский.
1915 или 1916 год. Гатчина.

Алексей Степанович Рождественский —
сын Степана Ивановича Рождественского.
1912 год.

шевистского переворота стало очень трудно доставать провизию, мясо почти исчезло с рынка, завод Лаврова перестал работать и мой дедушка Алексей Степанович поступил на курсы птицеводства, которые были устроены бывшим заведующим гатчинской императорской фермы по фамилии Ларионов. В бывшем помещении зимнего сада устроен инкубатор, где легко было поддерживать температуру. Таким образом, семья была обеспечена яйцами.

Сын Степана Ивановича Рождественского, Алексей Степанович в Чехословакии после Октябрьского переворота в своем кабинете на заводе «Шкода»

В 1998 году благодаря усилиям Ответственного секретаря Гатчинского городского отделения ВООПИиК С.Л. Сковпнева и известного в Гатчине историка — краеведа В.И. Николаева при поддержке администрации города в лице А.И. Ильина и С.С. Богданова на доме была установлена мемориальная доска.

К счастью живет в Гатчине замечательная женщина Марина Николаевна Григорьева, которая постоянно приносит цветы и кладет их около этой доски. Низкий поклон ей от всей нашей семьи.

О нашем доме в Гатчине знают многие потомки эмигрантов, проживающие за границей. Он для них символ дореволюционного мира их предков.

Приезжая в Россию, наши друзья посещают дом, оставляют цветы, делают фотографии на память. Каждый раз, когда я бываю в Гатчине посещаю этот дом и задаю себе один и тот же вопрос: «Как, какими судьбами и почему сохранился этот дом?»

И сама себе отвечаю — Его хранил Господь Бог, чтобы мы помнили нашу историю, помнили о своих предках, гордились ими, были достойны их памяти и всегда помнили в какой Великой стране мы живем — имя которой Россия.

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Дар слышать, как растет трава

Яков Петрович Полонский
(1819–1898 гг.)

Марина Смородина

*Твой стих, красой и ароматом
Родной и небу и земле,
Блуждает странником крылатым
Между миров, светя во мгле.*

А.Н.Майков

*Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгом грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.*

К.Р.

Жизнь и творчество видного поэта послепушкинской поры, друга А.Фета, А. Майкова, А. Григорьева, И. Тургенева, тесно связаны с Гатчиной и ее окрестностями.

Яков Петрович Полонский (1819–1898 гг.) родился в Рязани в патриархальной семье обедневшего чиновника. Отец, Петр Григорьевич, не смог сделать карьеры. Мать, Наталья Яковлевна, происходившая от внебрачных детей А.К. Разумовского, умерла во время родов, когда старшему Якову было десять лет, оставив восьмерых детей. Учась в гимназии, он стал писать стихи.

Когда в 1837 году Рязань посетил наследник Александр Николаевич в сопровождении В.А. Жуковского, Полонскому было поручено написать поздравительные стихи, за которые он был награжден золотыми часами.

Окончив гимназию, мечтательный юноша приехал в Москву. Ему хотелось поступить на филологический

факультет Московского университета, но из-за недостаточных знаний иностранных языков пришлось учиться на юридическом. В Москве он поселился у двоюродной бабушки Екатерины Богдановны Воронцовой. После ее смерти он оказался без материальной поддержки. Несмотря на суровые жизненные условия, студент Полонский отличался начитанностью, любознательностью, был знаком с литераторами — А. Григорьевым, А. Фетом, Н. Хомяковым и др.

Поэт вспоминал о студенческих годах: «Учился я как бы порывами. И мое настойчивое прилежание нередко сменялось ленью и рассеянью. Нужда отчасти принесла мне немало пользы: заменила слабый, семейной жизнью избалованный, характер мой; заставила меня принаравливаться к людям и равнодушно относиться к их недоброжелательству. Я верил в дружбу и пользовался полным доверием и расположением немногих друзей своих».

В доме Николая Орлова, единственного сына декабриста Михаила Орлова (1788–1846 гг.), Полонский встретился с П. Чаадаевым (1791–1856 гг.), Н. Гоголем (1809–1852 гг.), И. Тургеневым (1818–1883 гг.).

В это время он влюбился в молодую девушку Евгению Сатину, что стало причиной провала выпускного экзамена по римскому праву.

Яков Петрович долго не решался объясниться в любви. Узнав, что она равнодушна к ветреному человеку, пишет: «Боже, я готов за один поцелуй Ваш отдать половину жизни моей... Вдруг слышу, что другой, не любя Вас, не страдая, даже не думая о Вас... говорят, что даром пользуется тем правом, за которое я готов платить так дорого.»

Позже они увидятся, и об этом поэт напишет стихотворение «Встреча»:

*Вчера мы встретились;
она остановилась,
Я так же — мы в глаза друг другу
посмотрели.
О Боже, как она с тех пор
переменилась;
В глазах потух огонь
и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я молча,
строго —
Мне руку протянув,
бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел —
она же ради Бога
Велела мне молчать,
и тут же отвернулась,
И брови сдвинула,
и выдернула руку,
И молвила:
«Прощайте, до свиданья».
А я хотел сказать:
«На вечную разлуку
Прощай, погибшее,
но милое создание».*

В 1841 году в журнале «Москвитин» было напечатано стихотворение «Солнце и месяц». Усталое Солнце обращается к месяцу:

*Брат мой месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной
И начнет рассказ свой месяц,
Кто и как себя ведет.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.*

В 1844 году вышел первый сборник стихов «Гамма» на средства подписчиков. Молодого поэта поздравлял и напутствовал писатель А. Вельтман (1800–1870 гг.): «Верьте мне: как бы Вы сами ни были даровиты и талантливы, Вас никто в толпе не заметит или заметят очень немногие, если другие не поднимут Вас».

В.Г. Белинский в «Обзоре русской литературы за 1844 год» отзывался о сборнике: «Полонский обладает в некоторой степени тем, что можно называть чистым элементом поэзии и без чего никакие умные и глубокие мысли, никакая ученость не сделает человека поэтом».

После окончания университета, не имея никакой поддержки из дома, Полонский решает уехать в Крым, несмотря на серьезное увлечение 17-летней девушкой Соней Коризной: «Влюбленный без памяти, при ней я притворялся холодным... Увлечь девушку было не в моих правилах, а жениться я не мог, т.к. и она была бедна, и я был беден... Я еще не служил и не желал служить... Да мог ли я думать о женитьбе, когда вышедши из университета и нуждаясь в партикулярном платье, я вынужден был продать золотые часы свои, полученные мною в дар, когда я был еще в шестом классе гимназии».

Осенью 1844 года он уезжает в Одессу, где пробыл два года. Позднее он опишет это время в рассказе «Дешевый город». В Одессе Полонский встречается с Львом Пушкиным, с племянницей В.А. Жуковского детской писательницей А.Зонтаг, пишет стихи. В стихотворном очерке «Прогулка верхом» Полонский делает важное признание:

*Жадный взор границ не ведает,
и слышит
Мой чуткий слух
как воздух дышит,
Как опускается роса
И движается полоса
Вечерней тени...*

В Одессе хлопотами друзей был издан его сборник «Стихотворения 1845 года», который вызвал резкую критику Белинского: «Полонскому не о чем писать». Этот удар поэт тяжело пережил, но он пошел ему на пользу.

За новыми впечатлениями и в поисках средств к существованию Яков Петрович едет на Кавказ. Близкий друг А. Фет пишет ему: «Над тобою небо Кавказа, небо, которое послало России столько пламенных вдохновений и светлых поэтических молитв».

Поэт служит в канцелярии Наместника Кавказа графа М. Воронцова и работает помощником редактора газеты «Закавказский вестник», где печатает свои произведения. Цикл кавказских стихов открывается поэтическим очерком «Прогулка по Тифлису», посвященным Л.С. Пушкину. Это был рисунок с натуры: «Повсюду я ловлю самых свежих впечатлений». Кавказ окрылил поэта. Он встречается с грузинскими, армянскими, азербайджанскими поэтами, пишет лучшие стихи: «Затворница», «Качка в бурю», «Горная дорога в Грузии» и др. В 1849

году выходит сборник «Сазандар», состоящий из 12 стихотворений. Сазандар — певец, поэт — лирический герой книги.

Он поет, «медных струн касаясь»:
*Молись, кунак,
чтоб дух твой крепнул;
Не плачь, пока весь этот мир
И не оглох, и не ослепнул.
Ты — званный гость на Божий пир.*

*Пока у нас довольно хлеба
И есть еще кувшин вина,
Не раздражай слезами небо
И знай — тоска твоя грешна!*

В 1851 году, узнав о тяжелой болезни отца, Полонский прощается с Кавказом:

*И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад —
Колокольчик звенит-заливается.
Кони юношу к северу мчат...*
(«На пути из-за Кавказа»)

Перед отъездом простился с Софьей Гулгаз, женщиной восточной красоты, любовь к которой принесла много страданий:

*Ты, с которой так много страданья
Терпеливо я прожил душой.
Без надежды на мир и свиданье
Навсегда я простился с тобой.*
(«На пути из-за Кавказа»)

Ей он посвятил стихотворение «Не жди».
*Когда сама душа —
сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать —
но просит, но желает,
Но молится пред образом небес,
И чувствует,
что уголок твой душен,
Что не тебе моим молениям
отвечать, —*

*Не жди! —
я в эту ночь к соблазнам
равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду
ревновать.*
(1849 г.)

С 50-х годов Полонский жил в Петербурге, сотрудничал в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Искра», редактировал журнал «Русское слово». На выход четвертого сборника стихов тепло отозвался Н. Некрасов, сказав, что талант Полонского «хотя и медленно, но твердым и верным шагом идет вперед — совершенствуется».

Дом на Миллионной

В Петербурге Яков Петрович часто бывает на Миллионной улице в салоне Марии Федоровны — жены архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера. Старшая их дочь Елена (инвалид детства) была особенно духовно близка поэту. Она стала первым его биографом. С этой семьей была связана почти вся жизнь Полонского, который стал душой их салона, где гостями бывали Григорович, Майков, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Айвазовский и многие другие знаменитости.

В «Дневнике и записках» Е.А. Штакеншнейдер пишет: «Субботы наши

М.Ф. Штакеншнейдер, жена архитектора

Е.А. Штакеншнейдер, дочь архитектора

разрастаются, сегодня ждут видимо-невидимо гостей. Будут, между

прочим, Гончаров, Потехин, Данауров, Горбунов. Сегодня день рождения Бенедиктова, но и он хотел быть, когда проводит своих гостей. Майков обещал прочесть новое стихотворение свое: «Земная комедия».

На вечерах рисовали, пели, читали стихи и прозу. В доме был создан свой театр. Елена Андреевна записывает: «В декабре 1854 года играли у нас первую часть «Трех смертей» Майкова. Сам Майков играл Сенеку, Бенедиктов — Лукана, Осипов — Люция, Данилевский — ученика. Костюмы доставляли из театра, сцену декорирова-

А.И. Штакеншнейдер

ли домашними средствами...».

Посетители «Суббот» узнавали здесь новости литературы и искусства. Майков писал в 1858 году хозяйке салона: «Ах, милая Мария Федоровна, как бы я желал теперь забраться к Вам в ближайшую субботу и за два месяца вдруг узнать, что делается в

Розовая дача в мызе Ивановка

нашей литературе; ведь Ваш дом есть художественно-литературный, один из немногих петербургских, который ценишь лучше, когда удалишься из Петербурга».

Большие расходы на содержание семьи архитектора Штакеншнейдера (его восьмерых детей) и салона стали огорчать главу семьи, который трудился, не зная отдыха. Пришлось продать дачу в Петергофе, а затем и дом на Миллионной (1862 г.). Семья переехала в усадьбу Ивановку под Гатчиной.

Предки Андрея Ивановича — выходцы из Германии, поселившиеся в России в конце XVIII века. Дед его Фридрих Штакеншнейдер жил под Гатчиной. Его сын Иоганн построил на реке Пудость мельницу и мызу Ивановка, где в 1802 году родился будущий знаменитый архитектор Андрей Иванович и жил там многие годы. В 1852 году на месте старой усадьбы архитектор построил новую — «Розовую дачу».

В 1856 году ему были подарены, примыкавшие к усадьбе, заболоченные земли. Пришлось заниматься их благоустройством. Постепенно участок площадью в 75 десятин превратился в живописный лесопарк.

К сожалению, к началу XXI века «Розовая дача», где родился и вырос

архитектор, где жила его семья и отдыхали близкие и друзья, утрачена.

Атмосферу семьи Штакеншнейдеров в период жизни в Ивановке передает поэт В.Г. Бенедиктов:

*В шубах ездим мы на дачу,
Под приветный кров спеша
К тем, которых я означу
Здесь начальной буквой Ш...
Догадайся! — к тем знакомым,
Что живут уютным домом,
Где сидишь, легко дыша,
И радушным их приемом
Согревается душа.*

Частым гостем Ивановки был Полонский. Елена Андреевна писала: «Поэтов изображают с лирой в руках, но у Полонского в руках не лира, а золотая арфа. Он так чуток, он передает такие для простых смертных неуловимые звуки человеческого сердца или природы, что кажется чем-то нездешним, небывалым; он, кажется, в самом деле имеет дар слышать, как растет трава».

Ей, близкому духовному другу, Яков Петрович посвятил стихотворение:

*Ползет ночная тишина
Подслушивать ночные звуки...
Травой пахнет, и влажна
В саду скамья твоя. Больна,
На книжку уронивши руки,
Сидишь ты, в тень погружена,
И говоришь о днях грядущих,
Об угнетенных, о гнетущих,
О роковой растрате сил,
Которых ключ едва пробил
Кору тупого закосненья
О всем, что губит вдохновенье,
Чем так унижен человек.
И что великого презренья
Достойно в наш великий век.*

*А там — сквозь тень —
огни за чаем,*

*Сквозь окна — музыка... Серпом
Блестит луна, и лес кругом,
С его росой и соловьем,
И ты назвать готова раем
И этот сад, и этот дом.*

*Страну волков преобразая
В подобие зеленого рая,
Здесь речка вышла из болот,
На тундрах дом возник — и вот
Трудом тяжелым, неустанным
Кругом все ожило: неожиданным
Паденьем безмятежных вод
Возмущены ночные тени,
И усыпительно для лени
Однообразно жернова
Шумят, — и лодка у плотины,
И Термуса из белой глины
Вдали мелькает голова...*

*Здесь точно рай, и ты привыкла
К благополучью своему.
Здесь рай. Зачем же ты поникла,
И вновь задумалась к чему?
Иль поняла, что рай твой тесен
Для гражданина и для песен,
Что мысли здесь займут луна,
Цветы, грибы, прогулки летом,
И новой жизни семена
Взойдут, быть может,*

пустоцветом;

*Что в этом маленьком раю
Все измельчает понемногу.
Иные скажут: «Слава Богу!»
А ты, — ты голову свою
Повесив, будешь, как немая,
Сидеть и думать: «Боже мой!
Как хорошо бежать из рая
И окунуться с головой
В жизнь, поднимающую вой,
Как злое море под грозой...
Мыза Ивановка. 1862*

Существует легенда у жителей мызы Ивановка, что одно из лучших лирических стихотворений «Песня цыганки» (1853 г.) навеяно посещением

этого райского уголка. Но, возможно, это воспоминания о пребывании на Кавказе:

*Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простились на мосту.*

Путешествуя по Европе в качестве домашнего учителя с семьей петербургского губернатора Н.М. Смирнова, он посетил многие европейские города. В Париже Яков Петрович познакомился с девушкой Еленой Устюжской, дочерью псаломщика православной церкви. Роман развивался бурно. В июле 1858 года они обвенчались, а через месяц уже были в Петербурге.

Елена Андреевна записала в дневнике: «Никто и не ожидал, что она так хороша...».

Летом 1859 года у Полонских родился сын, названный Андреем в честь Андрея Ивановича. Крестной матерью была Мария Федоровна. За несколько часов до рождения сына Яков Петрович упал с дрожек и повредил ногу. Эта травма беспокоила его всю жизнь. Руку помощи протянули верные друзья — Штакеншнейдеры. Они предложили своим «милым журавлям» поселиться на все лето в усадьбе. Поэт сам называл себя журавлем.

8 августа 1859 года Елена Андреевна записывает: «Ему не только не лучше, а хуже. Он уже совсем не может ходить. Но когда ему надоедает сидеть, он спускается с кровати или с дивана, и сидя ползет». Дружья наши для Полонских квартиру в Петербурге, где надо было «журавлю вить гнездо».

Несмотря на плохое самочувствие, поэт принял участие в публичном вечере в пользу воскресных школ в зале Пассажа. В это же время тяжело заболел сын: «...только что я ...стал по-

казываться на свет, — заболел мой ребенок». После смерти сына серьезно заболела 20-летняя жена. «Я любил ее всем существом моим, всеми силами моей души» — говорил Яков Петрович. Это горе поэт отобразил в стихах «Последний вздох», «Безумное горе», «Я читаю книгу песен», «Когда б любовь твоя мне спутницей была»:

*Когда б любовь твоя мне
спутницей была,
О, может быть,
в огне твоих объятий
Я проклинать не стал бы даже
зла,
Я б не слыхал ничьих проклятий! —
Но я — один, один, —
мне суждено внимать
Оков бряцанью —
крику поколений, —
Один — я не могу ни сам
благословлять,
Ни услышать благословлений! —*

В марте 1860 года хлопотами Майкова и Тургенева Полонский был принят на должность секретаря Комитета иностранной цензуры, где служил и Майков, а председателем был Тютчев. Через три года Яков Петрович перешел на должность младшего цензора.

60-е годы для Полонского были временем тревог и душевных метаний, он выступает как гуманист и демократ. Не веря в революцию, и не принимая ее, он не знал «одной, но пламенной страсти». Как и А.К. Толстой мог бы то же сказать о себе: «Двух станов не боец, а только гость случайный». За это он подвергался критике Добролюбова, Некрасова, сурового Салтыкова-Щедрина и непримиримого Писарева.

Полонский полемизировал с ними:

*«...Это кучка маленьких бойцов,
Самолюбивых и в припадке гнева
Готовых бить направо и налево.»
«Мне не дал Бог бича сатиры...»*

*«Блажен озлобленный поэт
Будь он хоть нравственный калека,
Ему так искренен привет
Больных детей больного века.»*

В одном из лучших стихотворений этого периода «Чайка» поэт говорит:

*Счастье мое, ты — корабль:
Море житейское бьет тебя
бурной волной.
Если погибнешь ты,
Буду как чайка стонать
над тобой...*

Это стихотворение привело в восторг Фета: «Это священная прелесть». И.Тургенев, верный друг и помощник, сказал, что Полонский на все события откликается искренними строками стихов, отмеченных «честностью и правдивостью».

Тесная дружба связала Полонского на многие годы с Майковым, который высоко ценил его творчество и благородство:

*Стремится речь его свободно;
Как в звоне стали чистой, в ней
Закал я слышу благородной
Души возвышенной твоей.
Полонский!*

*Суждено опять судьбою злою
Нам розно дни влачить. Меж тем
Моя душа сроднилась уж с тобою
Ей нужно так любить!
Да! В мире для нее*

*нужна душа другая,
Которой бы порой хоть
знак подать,
Что мы друг друга понимая,
Свершаем путь земной.*

«Я.П. Полонскому» 1855 г.

На это стихотворное послание Майкова Полонский отвечает:

*Как ты грустишь? Помилуй Бог!
Скажи мне, Майков, как ты мог,*

*С детьми играя, тихо глядя
Их по головке, слыша смех
Их вечно звонкий, вспомнить тех,
Чей гений пал, с судьбой не слядя,
Чей труд погиб...*

*Как мог ты, глядя
На северные небеса.
Вдруг вспомнить Рима чудеса,...
А ты, счастливцев! — любишь ты
Домашний мир. Твои мечты
Не знают роковых стремлений;
Зато как много впечатлений
Проходит по душе твоей,
Когда ты с удочкой своей,
Нетерпеливый, вдохновенный,
Идешь на лов уединенный.
Или, раздвинув тростники,
Над золотистыми струями
Стоишь — протер свои очки —
И жадными следишь глазами,
Как шевелятся поплавки.
И весь ты — страстное вниманье...
Вот — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка над водой —
Плеск, серебро и трепетанье...*

«Майкову» 1857 год.

Через шесть лет после смерти первой жены Яков Петрович встретил Жанну Андреевну Рюльман. Она жила в доме революционера-народника П.Л. Лаврова в качестве компаньонки его жены, а ее брат-студент занимался с сыном Лавровых.

Жанна была одаренной девушкой, увлекалась живописью и скульптурой. Окружающие называли ее «ледяная красавица». Остроумная Елена Андреевна писала: «Он женился на ней потому, что влюбился в ее красоту, она вышла за него потому, что ей некуда было голову преклонить... Голубиная душа отогрела статую, и статуя ожила». Семейная жизнь налаживалась, родились дети: три сына и дочь.

На службе Якову Петровичу присвоили чин действительного статского

советника (Ваше Превосходительство). Дорожа свободой, он оставался на должности младшего цензора:

*С бюрократических вершин
Бог весть за что слетается
 ко мне ненужный чин
Превосходительство дает ли
 превосходство?
Вопрос решенный — не дает.
Так знай же, Муза, наперед,
Что без свободы — благородства
Я никогда не признавал,
И что на службе идеалам
Я никогда не буду генералом.*

С 1878 года у Полонского начались знаменитые «пятницы»: союз искусства и поэзии. Писатель А. Амфитеатров (1862–1938 гг.) вспоминал: «Еду к Полонскому — помню сказал мне с мрачным видом один талантливый поэт русский в какую-то из пятниц».

Зачем?

На душе скверно... Для нравственной дезинфекции...»

Зинаида Гиппиус (1869–1945 гг.) вспоминала: «Гостей всегда много, но не тесно, ибо гости меняются: когда приходят новые — встают и уходят те, кто чай кончил. Уходят через маленькую гостиную в кабинет хозяина... Полонский сидит бодро, сутулясь чуть-чуть. Рядом его костыли. Кого только ни приходилось видеть на «Пятницах» Полонского! Писатели, артисты, музыканты... Тут и гипнотизер Фельдман, и нововременский предсказатель погоды Кайгородов, и рассказчик Горбунов, и семья Достоевского, и Антон Рубинштейн. На ежегодном же вечере-монстре в конце декабря, в день рождения Полонского, бывало столько любопытного народа, что казалось весь Петербург выворотил свои заветные недра».

В конце 1886 года вышло 10-томное собрание сочинений, и Яков Петрович

был избран членом-корреспондентом Академии Наук. Приблизился 50-летний юбилей творческой деятельности поэта, подготовку которого возглавил Майков. Юбиляр возразил против торжества. «Всякое юбилейное торжество есть уже овация. И благо тому, кто с ранних лет привык к венкам и восторгам... Но оглянись на мое прошлое... и ты не увидишь ничего подобного. Ни оваций, ни денег. Если бы не служба, я бы и существовать не мог», — писал он Майкову.

Юбилейные торжества состоялись 10 апреля 1887 года в зале Благородного собрания Петербурга. Майков прочитал стихотворение «Я.П. Полонскому»:

*Друг друга мы тотчас признали
Почти на первых же шагах,
И той же радостью в сердцах
Успех друг друга принимали.
В полустолетье ж наших муз
Провозгласим мы тост примерный
За поэтический наш верный,
Наш добрый тройственный союз!*

Говоря о «тройственном союзе», Майков имел в виду еще и Фета:

*Те трое были... милый мой,
Ты понял? Фет и мы с тобой.*

Юбиляру пришлось по душе и стихи Д. Минаева:

*Твоя задумчивая муза,
Поэта нежная сестра,
Не знала темного союза
С врагами света и добра.
К призывам буйного их пира
Глуха, шла гордо за тобой.
И не была у сильных мира
Ни приживалкой, ни рабой.*

Полонский был удостоен приглашения на прием к императору Александру III в Гатчинский дворец. За дол-

голетнюю службу он был награжден орденом Станислава первой степени.

В 1890 году вышел последний сборник стихов поэта «Вечерний звон». В одноименном стихотворении автор говорит: «Вечерний звон... Не жди рас-света»;

*Но и в тумане декабря
Порой мне шлет улыбку лета
Похолодевшая заря...
Но жизнь и смерти призрак — миру
О чем-то вечном говорят,
И как ни громко пой ты, — миру
Колокола перезвонят».*

«По моим стихам можно проследить всю мою жизнь», — писал Яков Петрович Фету. Итоговое собрание сочинений в пяти томах вышло в 1896 году.

Подводя итоги жизни и деятельности, Полонский говорил: «Я всю жизнь был ничей, для того чтобы принадлежать всем, кому я понадоблюсь».

Творчество поэта высоко ценили

многие его современники и последующие поколения.

Судьба даровала ему долголетие. Он прожил весь «золотой век» русской литературы, продолжил добрые, высокие традиции ее.

Умер Полонский 30 (18) ноября 1898 года и был похоронен в Львовском монастыре. В 1958 году его прах перезахоронили на территории Рязанского кремля.

Апрель, 2008 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полонский Я.П. Лирика. Проза. М. Правда. 1984 г. — 668 с. илл.
2. Три века русской поэзии. М.: Просвещение. 1986 г. 750 с.
3. Тхоржевский С. Портреты пером. Исторические повести.— Л: Сов. писатель, 1984 г. 544 с.
4. Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки (1854–1886). М., Л., Академия, 1934, 586 с.
5. Петрова Т.А. Андрей Штакеншнейдер. Лениздат, 1978 г., 184 с.

ДОРОГИ

БЕЗ КОНЦА, БЕЗ КРАЯ...

Набоков. Павел Борисов, 1998 г.
Из собрания музея-усадьбы
«Рождествено»

Галина Гусарова

*Дороги без конца, без края...
Мою ладонь географ строгий
Разрисовал: тут все твои
Большие, малые пороги,
А жил — реки и ручьи.*

В. Набоков

В жизни В.В. Набокова дороги были бесконечны: пятичасовые прогулки в детстве по утрам, когда ему никто не смел мешать, поездки с семьей на воды каждую осень, крымские дороги в поисках бабочек, где в 1919 году его чуть не арестовали как шпиона (якобы сигнализировал сачком английским судам). Швейцария и Германия, Франция и Приморские Альпы, не говоря об Америке.

Набоков пишет: «Полагаю, что моя способность держать при себе прошлое — черта наследственная. Она была и у Рукавишниковых, и у Набоковых. Было одно место в лесу, на одной из старых троп в Батово, и был там мосток через ручей, и было подгнившее бревно с края, где пятого августа 1883 года вдруг села, раскрыла шелковисто-багряные крылья и была поймана... исключительно редко попадавшаяся в наших краях Ванесса».

И отец рассказывает в ролях и показывает все это. Читаешь его произведения и ловишь себя на мысли, до чего ж все правдиво описано через

столько лет. Но вот, оказывается... это все объяснимо, когда читаешь следующие строки:

«Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе — таково было простое правило матери. Вот, запомни — говорила она с таинственным видом, предлагая вниманию заветную подробность: жаворонка, вспышки зарниц, краски кленовых листьев, следы птиц на свежем снегу. Она необыкновенно бережно относилась ко всем вещам прошлого, рассыпанным и по ее родовому имени, и по соседнему поместью свекрови, и по земле брата за рекой».

«Материнские отметины и зарубки были мне столь же дороги, как и ей, так что теперь в моей памяти представлена... и комната... и отмеченный — тогда молодой, теперь почти шестидесятилетней липой — подъем в деревню Грязно, перед поворотом на Даймищенский большак, — подъем столь крутой, что приходилось велосипедистам спешиваться, — где, поднимаясь рядом с ней, сделал ей предложение мой отец...».

Лето 1905 года мать жила с тремя детьми в Петербургском имении — на «мызе Выра», где и заметил тогда отец, что русской азбуки сын не знает, и было решено пригласить сельского учителя Василия Мартыновича Жерносекова.

В 1906 году учитель этот руководил торжественной встречей в честь возвращения отца Набокова из Крестов, где он пробыл три месяца. Украсили проселочную дорогу арками из зелени и красными лентами. Мать встречала отца на станции Сиверская, а дети выехали им навстречу. «И вспоминая именно этот день, я с праздничной ясностью восстанавливаю родной как собственное кровообращение, путь из нашей Выры в село Рождествено, по ту сторону Оредежи: красноватую дорогу, — сперва шедшую между Старым парком и Новым, затем колоннадой толстых берез, мимо некошенных полей, — а дальше: поворот, спуск к реке, искрящейся промеж парчовой тины; мост, вдруг разговорившийся под копытами: ослепительный блеск жестянки, оставленной удильщиком на перилах; белую усадьбу дяди на муравчатом холму; другой мост, через рукав Оредежи; другой холм, с липами, розовой церковью, мраморным склепом Рукавишниковых; наконец, — шоссе на дорогу через село, окаймленную по-русски бобриком светлой травы с песчаными проплешинами да сиреневыми кустами вдоль замшелых изб; флаги перед новым, каменным зданием школы рядом со старым, деревянным; и при стремительном нашем проезде, черную, белозубую собачонку, выскочившую откуда-то с невероятной скоростью».

Ездили они на разные воды, морские и минеральные, каждую осень. В шестилетнем возрасте жил за границей с родителями целый год. Пятилетним

изгнанником на адриатической вилле летом 1904 года — «чертил пальцем на подушке дорогу вдоль вырского парка, лужу с сережками и мертвым жуком... подкову... при этом у меня разрывалась душа...» Объясните-ка... эту пронзительную репетицию ностальгии!

«В цветущих зарослях аризонских каньонов, высоко на рудоносных склонах Сан-Мигуэльских гор, на озерах Тетонского урочища и во многих других суровых и прекрасных местностях, где все тропы и яруги мне знакомы, каждое лето летают, и будут летать мною открытые, мною описанные виды и подвиды. Именем моим названа — нет не река, а бабочка в Аляске, другая в Бразилии, третья в Ютахе...»

«Далеко я забрел, — однако, бывшее у меня все под боком».

ДОМОЙ

На мызу, милые!

Ямщик Возжою овода прогонит.
И с Богом! Жаворонки тонет
В звенящем небе, и велик,
И свеж, и светел мир, омытый
Недавним ливнем: благодать
Благоуханье... Что гадать?
Все ясно, ясно: мне открыты
Все тайны счастья: вот оно:
Сырой дороги блеск лиловый;
По сторонам то куст ольховый.
Го ива; бледное пятно
Усадьбы дальней; рожи, нивы.
Среди колосьев васильки;

Зеленый склон; изгиб ленивый
Знакомой тинистой реки...
Скорее, милые! Рокочет
Мост под копытами... Скорей!
И сердце бьется, сердце хочет
Взлететь и перегнать коней...
О, звуки, полные былого!
Мои деревья, ветер мой,
И слезы чудные, и слово

Домой!..

Непостижимое:

(1917–1922)

В Петербурге В. Набоков родился, учился, любил и в своих произведениях узнаваемо описывает родной город:

*Я странствую по городу родному.
По улицам таинственно-широким.
Гляжу с мостов на белые каналы.
На пристани и рыбные садки.*

*Я помню все: Сенат охряный, тумбы
И цепи их чугунные вокруг
Седой скалы, откуда рвется в небо
Крутой восторг*

зеленоватой бронзы.

*Мой девственный, мой призрачный!..
Навеки*

*В душе моей, как чудо, сохранится
Твой легкий лик,
твой воздух несравненный.
Твои сады, и дали, и каналы.
Твоя зима, высокая, как сон
О стройности нездешней...*

И слышу я, как Пушкин вспоминает все мелочи крылатые, оттенки и отзвуки:

«Я помню, — говорит, —

летучий снег

И летний сад, и лепет Олениной...

Я помню, как женатый,

Я возвращался с медленных балов

В карете дребезжащей

по Мильонной

И радуги по стеклам проходили;

Но, веришь ли, всего живее помню

Тот легкий мост,

где встретил я Данзаса

В январский день,

пред самую дуэлью...

В Петербурге в железнодорожном агентстве на Невском была выставлена двухаршинная модель коричневого спального вагона, международные составы того времени красились под дубовую обшивку. «И эта дивная, тяжелая с виду вещь с медной надписью над окнами далеко превосходила все мои, хорошие, но явно жестяные и обобщенные, заводные поезда. Моя мать пробовала ее купить; увы, бельгиец-служащий был неумолим».

«Тогдашний величественный Норд-

Экспресс (после первой мировой войны он уже был не тот), состоял именно из таких вагонов, ходил только два раза в неделю и доставлял пассажиров из Петербурга в Париж», правда была пересадка на русско-немецкой границе, где «бокастую русскую колею заменял узкий европейский путь, а березовые дрова — уголь». Иногда название конечной остановки менялось: Ривьера — Биарриц..., но на всю жизнь сохранился несесер из свиной кожи с монограммой, с ним 50 лет путешествовал В. Набоков, а мать брала его в свадебное путешествие.

*Приземистый вагончик темно-синий
Пером скользя по проволоке*

*Через Неву пушистую по рельсам тонкой,
Игрушечным бежит себе...*

Это уже о трамвае. И вот интересно, что, предвидя быстрое развитие автотранспорта, В. Набоков думал, что ... «...трамвай лет через 20 исчезнет, как уже исчезла конка».

Под гостеприимным гаспринском кровом В. Набоков, только что состоявшийся выпускник Тенишевского училища, появился вместе с двумя братьями и воспитателем 18 ноября 1917 года. Через две недели к ним присоединились мать с младшими детьми, прислужой и гувернанткой. Немногим более чем через месяц, познав все прелести революции и чудом избежав ареста, в Гаспру приехал глава семьи, бывший Управляющий делами Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков 1869—1922. Кроме Набоковых, в Гаспру съехалось немало родственников Петруневиче — Бакуниных — Паниных, которые поселились во дворце. Набоковым ответили так называемый «флигель у фон-тана».

Любил я странствовать по Крыму...

*Бахчисарая тополя
Встают навстречу пилигриму,
Слегка верхами шевеля.
И посетил я по дороге
Чертог увядший. Лунный луч
Белел на каменном пороге.
В сенях воздушных капал ключ
Очарованья, ключ печали,
И сказки вечные журчали
В ночной прозрачной тишине,
И звезды сыпались над садом.
Вдруг Пушкин встал со мною рядом
И ясно улыбнулся мне...*

Поэма «Крым». Лондон. 1921г.

В Крыму все овеяно Пушкиным: здесь он жил, здесь он гулял, у этого моря он сидел и т.д. Поэзия его эмигрантской тоски по России началась уже там, в нерусской Гаспре. Здесь Владимир Набоков напишет свою первую пьесу, в которой уже есть многое из того, что неизменно встречается у зрелого Набокова: «Шахматы, судьба, сдвиг реальностей, время как неизбежность потери». В Крыму юный Набоков в полной мере познал радость сочинительства, открыл новые виды бабочек, участвовал в спектакле А. Шницлера «Забава», много читал, особенно в Ливадии, где была императорская библиотека... и впитывал красоту окружающего мира. Здесь же познал горечь утраты, похоронив своего друга детства и юности Юрика Рауша, в Ливадии осталась новая коллекция бабочек. В апреле 1919 года юного Набокова отделило от России Черное море. С 1919 года начались скитания в эмиграции: вначале учеба в Кембридже в 1919—1922 гг., частые путешествия в Берлин к родителям, затем долгий и непростой период жизни в Берлине, где Набоков женился в 1925 году на Вере Слоним и где в 1934 году родился его единственный сын Дмитрий.

*И снова — улочки кривые.
Ворот громады вековые,
А в самом центре городка
Цирюльня есть,
где бился Ньютон...*

И вот крутое изменение в жизни в 1937 году — не каждый решится на это. Из фашистской Германии он с семьей переезжает в Париж.

*Чуден ночью Париж сухопарый...
А мосты — это счастье навеки.
Счастье черной воды. Посмотри:
Как стекло несравненной аптеки
И оранжевые фонари...*

Но из захваченной пожаром войны Франции приходится уезжать. В 1939 году в Париже Набоков написал рассказ «Василий Шишков», в котором поэт рассуждает о своей жизни и находит один способ исчезнуть — раствориться. Морская вода отделяет жизнь от жизни — между Европой и Россией — суша, другие берега — это не Россия, это Америка.

Русский писатель и поэт Сирин исчезнет навсегда — в другом языке. Между Сириным и Набоковым — океан, отделявший английский язык от русского. С 1919 года В. Набоков никогда не был дома. Кельи Кембриджа, номера в пансионах, съемные квартирки, профессорские коттеджи и, наконец, роскошный «Палас-отель» в Монтре.

Такой дом, какой был у Набокова, бывает у человека лишь один раз — в Петербурге, в Рождествено, на мызе Выра — в России.

Два раза вернулся Набоков из английского языка в русский: первый — написав мемуары на английском, перевел на русский, почти заново переписав, второй — сел переводить «Лолиту» на русский сам, никому не доверив.

Возвращался в Россию в фантазиях, в мечтах, — в жизни — никогда.

Для странствия ночного
мне не надо
Ни кораблей, ни поездов.
Стоит Луна над шашечницей сада.
Окно открыто. Я готов.

И прыгает с беззвучностью
привычной.
Как ночью кот через плетень.
На русский берег речки пограничной
Моя беспаспортная тень.

Лечу лугами, по лесу танцую —
И кто поймет, что есть один.
Один живой на всю страну

большую,
Один счастливый гражданин.

Я подхожу к неведомому дому,
Я только место узнаю...
Там, в темных комнатах,

все по-другому
И все волнует тень мою.

Главная дорога В.Набокова — воз-
ращение на Родину. Вернулся Набо-
ков сам, не сразу, но навсегда.

ЭЛЕГИЯ

Я помню влажный лес,
волшебные дороги,
Узорные лучи на дышащей траве...
Как были хороши весенние тревоги!
Как мчались облака
по вольной синеве!

Сквозная стрекоза,
мой жадный взор чаруя,
Легко покоилась на освещенном пне.
Со струнами души

созвучья согласуя.
Чудесно иволга сочувствовала мне:
Я чутко различал в зеленой

вышине —
То плач прерывистый.

То переливы смеха.
Березы, вкрадчиво шумящие вокруг.
Учили сочетать со звуком

точный звук,
И рифмы гулкие выдумывало эхо,
Когда, средь тишины

темнеющего дня.
Бродя по прихоти тропы уединенной.
Своими кликами даль мирную

дразня,
Я вызывал его из роицы отдаленной.

18 января 1918

«КРОВЬЮ СЕРДЦА НАПИСАННЫЕ СТРОКИ...»

Галина Гусарова

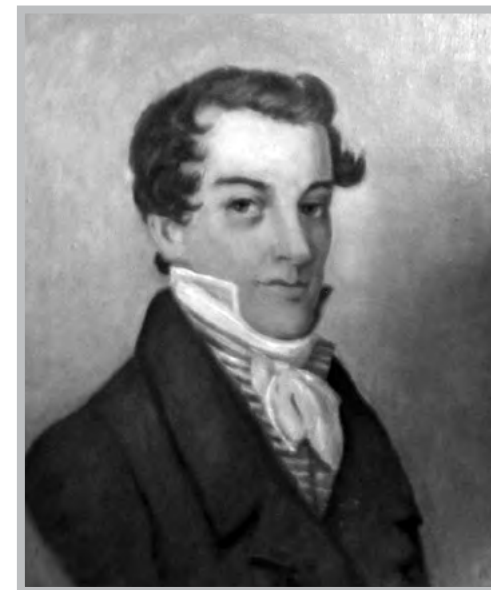
В нашем самом обычном поселке
Есть старинный Рылеевский парк...

Людмила Мазина

В детстве Рылеев был, по словам ровесников, «пылким, славолубивым и в высшей степени предприимчивым сорванцом». В 1801 году, шести лет от роду его отвезли из Батово-«Петродара» в столицу и отдали в I кадетский корпус на Васильевском острове. Там Кондратия любили товарищи, и очень часто наказывали суровые воспитатели, иногда — за чужую вину, добровольно взятую на себя. «Резвун был», — вспоминал эконом Андрей Петрович Бобров.

В 1813 году Бобров явился к директору корпуса с докладом. Прочитав первые строки, тот спросил Боброва: «С каких пор вы сделались поэтом?» Бобров смутился. Оказалось, кадеты подложили вместо его рапорта текст «Кулакияды» — иронично-юмористической поэмы, сочиненной Рылеевым на смерть повара Кулакова, секреты кулинарии которого не успели перенять его преемники, отчего вкус блюд переменялся в худшую сторону.

После учебы в кадетском корпусе Рылеева направили в конную артиллерию. Шла к концу война с Наполеоном и воспитанников корпуса, как и все русское общество, всколыхнула Великая Отечественная война 1812 года. Патриотическими чувствами наполнены литературные оды юного поэта «Любовь к Отчизне» 1813 года,

К.Ф. Рылеев

«Князю Смоленскому» 1814, в которых прославлялись русские полководцы, и воздавалась честь М.И. Кутузову. Свои первые стихи Рылеев переписывает в отдельную тетрадь, но ими нельзя было удивить мир и приобрести славу, а самое главное — не было еще цели, которая в дальнейшем определила смысл жизни, оставив на его стихах особую, рылеевскую, печать.

По возвращении из заграничного похода на Родину в 1815 году и находясь на службе в Воронежской губернии, Рылеев продолжал писать стихи, посвящая их Наташе — своей будущей жене. Острогжский период — это пора овладения стилем и формами психоло-

гической лирики, ранние произведения К.Ф. Рылеева не предназначались для печати — их читали близкие друзья, будущая жена Наташа, многие стихи 1817–1819 годов рождены чувством к ней. В этот период у него не было литературного окружения, необходимого поэту, вступающему на путь стихотворца. Его друзья — сначала товарищи по кадетскому корпусу, сослуживцы по артиллерийской бригаде да острогожские дворяне. Сам он был от природы человеком до отчаяния честолюбивым, вспыльчивым. Однажды стрелялся с обидчиком, и пули выбили пистолеты из рук у обоих дуэлянтов. В другой раз за отказ обидчика от дуэли, вlepил тому пощечину. В родное Батово Рылеев писал матери: «Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть».

Родители невесты также требовали его увольнения из армии. Молодой офицер уходит в отставку. После женитьбы поэт приезжает в 1819 году сначала в Батово к матери, а с 1820 года Рылеевы стали жить в Петербурге, так как Кондратия Федоровича выбрали заседателем палаты уголовного суда от дворян Царскосельского уезда. В Петербурге Рылеев занялся стихами всерьез. Он по-прежнему пишет любовные элегии, дружеские послания, но все сильнее звучит голос поэта «общественной жизни своего времени» /Н. Огарев/. Здесь он сблизается со столичными литераторами, среди которых и будущие декабристы, и начинает сотрудничать в передовых журналах. Именно в это время публикуются первые стихотворения Рылеева. Осенью 1820 года в журнале «Невский зритель» опубликована сатира «К временщику», изобличавшая русского вельможу, фаворита императора, графа Аракчеева, что делает имя автора широко известным.

*Надменный временщик
и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец
и друг неблагодарный,
Неистовый тиран
родной страны своей,
Взнесенный в высший сан
пронырствами злодей!*

«Нельзя представить изумления, ужаса, даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном (Аракчеевым)» — вспоминал друг Рылеева Н. Бестужев.

Взбешенный неслыханной дерзостью, граф обратился в министерство народного просвещения с требованием покарать дерзкого поэта, но толковые люди из министерства ответили влиятельному графу, что, во-первых, стихи переводные, написаны римским поэтом Персием почти 18 веков назад, а во-вторых, желательно было бы узнать, какие именно строчки сиятельный граф принимает на свой счет... Поэт не был наказан. Но как отметил Н. Бестужев, сатира Рылеева целила в самовластье.

Представление о собственном высоком и необычном предназначении усилилось в рылеевских стихах 20-х годов:

*Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!*

*Нет, нет! Тому вовек
Со мною не случится;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится.*

Эти стихи рождены осознанием осознанности своей судьбы, с которым со-

единено представление о славе и чести отечества. Пылкость устремлений Рылеева передает его сослуживец А.И. Косовский: «Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу, так будем же стараться уничтожить и переменить на лучшее».

А.А. БЕСТУЖЕВУ

*Как странник грустный, одинокой
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала,
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.
Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга,
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин.*

В последних трех строках сформулирована эстетическая программа Рылеева. Представители передового дворянства, к которому принадлежал К.Ф. Рылеев питали надежду на успехи просвещения и цивилизации в России, наконец, простое сочувствие к обездоленным соотечественникам — все питало веру в то, что в будущем постепенно сгладится неравенство разных слоев русского общества, и дворянская культура во всем ее объеме (от произведений искусства до хо-

роших манер) станет достоянием всех сословий, будет общим законным наследством свободных и просвещенных граждан России...

Призванием поэта-гражданина Рылеев считал воспитательное воздействие стихов на молодое поколение. Внимание, уделявшееся тайными декабристскими обществами вопросам литературной политики, было закреплено программными требованиями: Устав одного из ранних тайных обществ декабристов — Союза благоденствия (1818–1821) вменял в обязанность «Убедять, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мысли, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих».

Для «возбуждения доблести сограждан подвигами предков» он обратился к жанру исторических песен, которые называл «Думами». Героями рылеевских дум были Вещий Олег, Ермак, Дмитрий Донской, Иван Сусанин, царевич Алексей, Державин....

Он соглашался с Пушкиным, что «Думы» слабоваты, но герои хороши, и «могут быть полезными не для одних детей». При жизни Рылеева «Думы» пользовались широкой известностью. Сам Кондратий Федорович хорошо понимал, что не хватает лирики в его стихах. Он писал о себе: «Я не Поэт, а Гражданин». В его время это звучало вызовом самодержавию.

БЕСТУЖЕВУ

*Хоть Пушкин суд
мне строгий произнес...
И слабый дар, как недруг тайный,
взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.*

*Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу.*

*В чью грудь порой теснится
целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот всегда поэт,
Тот славы требует — не просит.*

*Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа
вертялых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.*

Высокая, общественно значимая тема в творчестве Рылеева этих лет не отменила личную. Поэт продолжал писать элегии, романсы, послания. Две темы существуют раздельно, не пересекаясь. В элегии «Воспоминания», обращаясь к жене, поэт использует стилистические приемы лирики.

*Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.*

Но все же центральная идея в творчестве Рылеева — создание образа героя времени, который становится примером гражданского служения Отчизне. Он воспеваает подвиг боевого генерала А.П. Ермолова, адмирала Н.С. Мордвинова и др. Вместе с А.А. Бестужевым издает альманах «Полярная звезда», где публикуются его стихи и героические Думы.

В октябре 1823 года Рылеев принят И.И. Пушиным в Северное тайное общество. Его творчество приобретает новое направление: на первое место выдвигается поэма и драма. «Войнаровский» — единственная законченная

поэма. Переход к поэмам и драмам совпал с изменением идейных позиций Рылеева. Весной 1824 года он по рекомендации адмирала К.С. Мордвинова назначается правителем канцелярии Российско-американской торговой компании. Служба в ней давала семье К.Ф. Рылеева средства для существования. В это же время продолжает работу над поэмой «Наливайко», вместе с А.А. Бестужевым сочиняет агитационные песни. После встречи с Пестелем заметно углубилось революционное настроение Рылеева. Если в 1821–23 годах поэт еще верил в просвещенный абсолютизм, то, начиная с 1824 года, он отстаивает республиканскую форму правления и от всей души желает гибели самовластью. Вместе с другими декабристами Рылеев готовит план революционного переустройства России.

Служивший вместе с Рылеевым Александр Косовский вспоминал, как горячился тот в спорах с товарищами: «Господа, вы или не в состоянии, или не хотите понять, куда стремятся мои помыслы. Умоляю вас, поймите: Отечество ожидает от нас общих усилий на благо страны...».

Декабристы, думая о революции для народа, но без его участия, все-таки пытались вызвать его сочувствие, сочиняли агитационные песни для распространения их в солдатской и крестьянской среде. И хотя Рылеев не был оратором, он обладал даром привлекать к себе людей, умел увлечь собеседника, как писал Н.А. Бестужев, «жаром простого и иногда несвязного разговора». «Я не знавал другого человека, — писал А.В. Никитенко, — который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев, он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при

более близком знакомстве...». Эмоциональное «заражение» было главным и в поэзии Рылеева.

Свою личную судьбу Рылеев поставил в прямую связь с гражданской историей страны. Но в преддверии восстания декабристов актуальной становится тема одиночества гражданина среди несознательной и холодной толпы.

*Не сбылись, мой друг, пророчества,
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.*

В стихотворении «Я ль буду в роковое время...» Рылеев негодует на «изнеженное племя», покоящееся «в объятиях праздной неги», за равнодушные к «предназначенью века». В этом стихотворении, помимо презрения к политической безучастности «переродившихся славян», можно видеть еще и то, как определяет Рылеев собственное поэтическое предназначение. Он строит полемический образ поэта по отношению к литературной традиции того времени.

Пророческие эти стихи написаны в 1823 году, но и сегодня они не утратили свежести и острой злободневности. Чем дальше уходят от нас кровью сердца написанные строки, тем ярче высвечивается в них вечно живой и актуальный смысл его стихов, как образец гражданского самосознания. Его цель — осудить пассивность недовольной, но нерешительной и не слишком отважной дворянской молодежи, увлечь историческими примерами, образом сурового, непреклонного и смелого борца, живым напоминанием которого был сам Кондратий Федорович Рылеев.

Прошло немного времени и поэт, ценю собственную жизнь доказал, что

слова не расходились у него с делом. Накануне восстания он говорил своим друзьям: «Судьба наша решена... Но мы начнем... Я уверен, что погибнем, но пример останется».

*Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

«Все действия жизни Рылеева озаглавлены были печатью любви к отечеству: она появлялась в разных видах: сперва сыновнею привязанностью к родине; потом негодованием к злоупотреблениям и, наконец, развернулась совершенно в желании ему свободы. В Думах его мы видим жаркое желание внушить в других ту же любовь к своей земле, ко всему народному; привязать внимание к деяниям старины; показать, что и Россия богата примерами для подражания, что сии примеры могут равнять ее с великими образцами древности». Н.А. Бестужев.

Стихи Рылеева несколько десятилетий распространялись нелегально в многочисленных рукописных копиях. Заслуга по воскрешению литературного наследия поэта-декабриста принадлежит главным образом А.И. Герцену и Н.П. Огареву, высоко ценившим гражданскую деятельность К.Ф. Рылеева. Они издавали произведения поэта за границей. Н. Огарев в стихотворении «Памяти Рылеева» писал:

*И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.*

В 1872 и 1874 гг., благодаря дочери Рылеева Анастасии Кондратьевне (в

замужестве Пущина), в России были изданы сочинения поэта-декабриста.

Осталось не так много свидетельств о жизни К.Ф. Рылеева на нашей земле: стела в память К.Ф. Рылеева на месте бывшего усадебного дома в поселке Батово, знаменитый «рылеевский» камень на берегу реки Оредеж, «рылеевский» мост, могила Анастасии Матвеевны, матери Рылеева на старом кладбище в Рождествено с эпитафией «Мир праху твоему женщина добродетельная».

Эрик Михайлов

НАВАЖДЕНЬЕ

*Парк Рылеева старинный
Тихо дремлющий в ночи,
Сладость песни соловьиной
И не видно ни души.*

*Ветерок листву ласкает,
Клен задумчиво шумит.
Вот звезда пленит, сверкая
На восток с зарей спешит.*

*Пред рассветом наважденье,
Как в смещении времен:
Возвращается Рылеев.
Парк оглядывает он.*

*Взгляд пронзительный и
нежный,
Чуть заметна седина,
Сильный духом, как и прежде,*

*Снова жизнь, опять весна.
Красотою упоенный
И взволнованный тоской,
Вновь поэту-декабристу
Светит месяц озорной,*

*И прилив воспоминаний
О далеком и былом:
Как прогуливался с няней
По аллеям босиком.*

*Речка Оредеж сверкала
Темным бархатом воды
И невинные забавы
И разбитые мечты.*

*С детства Батово родное
Никогда не забывал,
Кабы не было острога,
Здесь бы старость доживал.*

*Было времечко лихое,
Не щадили живота,
Ведь на все господня воля,
Русь святая дорога.*

*Но уже пора, светает,
Солнца луч пронзает тьму.
Все, в один момент растаял,
Словно свечка на ветру,*

*И ни шороха, ни звука,
Все застыло в этот миг,
Волшебство священной ночи!
Дух бессмертен! Бог велик!*

19.03.08

В АВГУСТЕ, ПОД ЗНАКОМ ДЕВЫ А.И. КУПРИН.

Алена Тришина

Александр Иванович Куприн (26.08./7.09./1870 г. — 25.08.1938 г.), писатель... В этом году исполняется 70 лет со дня смерти человека, который в Гатчине и Гатчинском районе прожил, пожалуй, очень важные годы своей жизни. Годы и счастливые, и трудные, и очень значимые для него. Биография А.И. Куприна нам достаточно хорошо известна, сюжеты многих его произведений запоминаются на всю жизнь. Что удивительно: слово «классик» не заслоняет, а наоборот оттеняет и подчеркивает его «обыденную человечность». Сын, муж, отец, друг... Он был разным, но искренним, он любил и его любили, да как!

Из эмиграции, которая длилась более 17 лет, чета Куприных вернулась на родину 31 мая 1937 года. Сначала проживали в Москве и Подмосковье, июнь 1938 года провели в Гатчине. После тяжелой болезни (рак пищевода) Александр Иванович Куприн скончался в одной из ленинградских больниц. До последней минуты жизни рядом с ним была его вторая супруга Елизавета Морицовна. Оперированный Куприн просил ее читать молитвы «Отче наш» и «Богородицу», а в бреду произносил женские имена: Ксения, Лиза, Маша.

Ксения — дочь, актриса, которая осталась работать во Франции, Маша — имя первой жены. Самые близкие, любимые женщины А.И.Куприна...

Из книги О.Н.Михайлова «Жизнь Куприна» (М., 2001 г., с. 382):

«Елизавета Морицовна отправила

Марии Карловне телеграмму в Москву: «Сашеньке плохо», а затем — «Немедленно выезжай!». Куприн был уже без сознания. 25 августа 1938 года он скончался.

(27 августа.) Гроб был установлен в большом зале Мраморного дворца, на набережной Невы. Менялся почетный караул. Потом вдруг его поспешно перенесли в маленький зал, где было очень тесно. Из литературного мира были ленинградцы Зоценко, Слонимский, из москвичей — лишь поэт Луговской. На улице собралась тысячная толпа проститься с писателем, но доступ к нему был невозможен. Милиция никого не пропускала.

На Волково кладбище, или, по-теперешнему, Литераторские мостки, в автомобиле ехали Елизавета Морицовна, Мария Карловна, однокашница ее сестры Туган-Барановской Ольга Константиновна Витмер и вдова Щербова. Впереди машины шесть белых лошадей везли на дрогах белый гроб, покрытый белыми цветами. Следом двигалась белая колесница с венками, составленными только из белых цветов.

Хоронили Куприна без речей и музыки. После погребения все очень быстро разошлись. Елизавета Морицовна с Марией Карловной остались у могилы одни.

— Маша, из меня вынули жизнь, — сказала Елизавета Морицовна.

Четыре года спустя, в пору ленинградской блокады, она покончила с собой».

* * *

Ксения Александровна вернулась в Россию через 20 лет после смерти отца — в 1958 году. Работала в Москве, в театре, умерла в 1981 году. В апреле 2008 года исполнилось 100 лет со дня рождения Ксении Александровны Куприной... Похоронена она рядом с родителями — на Волковом кладбище. Любящие и любимые рядом — Александр Иванович, Елизавета Морицовна и Ксения Александровна...

Жизни и творчеству А.И. Куприна посвящено не так много книг. Самые известные из них и наиболее часто цитируемые — это воспоминания первой жены и воспоминания второй дочери: Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. (М., 1960); Куприна К.А. Куприн — мой отец. (М., 1971; М., 1979). Правда, по условиям времени, обе эти книги были как следует «отфильтрованы», Тем не менее...

Они были подругами — Мария Давыдова (1881–1966) и Елизавета Гейнрих (1882–1942/1943?), несмотря на обстоятельства, дружеские взаимоотношения сохранили навсегда. И внешностью, и по характеру они были очень разными: Мария — страстная, пламенная, и Лиза — суетливая, добрая, заботливая, тихая. Так уж случилось, что Елизавета Морицовна и маленькую Лидушу (дочь Марии и Александра Куприных) сначала воспитывала, и Александра Ивановича опекала. Душой, сердцем и по призванию Елизавета Гейнрих была истинной сестрой милосердия.

В свою очередь, с Марией Карловной по-дружески Александр Иванович переписывался и в годы эмиграции. Во втором браке она была замужем за публицистом и общественным деятелем Н.И. Иорданским (1876–1928).

В жизни Александра Ивановича Куприна было еще много близких и

любимых женщин: мать — Любовь Алексеевна (1840–1910), две старших сестры — Софья (1861–1922) и Зинаида (1863–1934), дочери Лидия (1903–1924) и Зина (1909–1912). Судя по воспоминаниям и письмам, ко всем он обращался нежно, ласково: Люлюша, Лидуша, Зиночка и т.д. Смерть каждого из родных А.И. Куприн переживал искренне-тягостно.

Выросший без отца, воспитывавшийся в условиях казенных учебных заведений, Александр Куприн умел ценить заботу, нежность, ласку. Помужски он жил смело и мужественно, пусть это во многих случаях было и не по правилам хорошего тона. Свои проступки Куприн осознавал, искренне раскаиваясь, но, будучи натурой страстной, мучил других, изводил себя.

Он был человеком ищущим, любознательным, не актерствовал, позируя, а жадно-искренне стремился все испытать, понять, прочувствовать. Возможно, он стал бы хорошим отцом своему сыну, но... От дочери Лидии был у Куприна единственный внук — Алексей, однако этого мальчика, родившегося в 1924 году и с десяти месяцев оставшегося без матери, воспитывали в Москве в семье его отца. Жизнь Алексея была недолгой, — после болезни он умер в 1946 году.

* * *

Александр Куприн родился и умер в августе, в августе умер его отец Иван Иванович Куприн (1834–1871). В августе 1909 года происходило венчание А.И. Куприна и Елизаветы Морицовны, а также крещение их дочери Ксении, родившейся до брака — в апреле 1908 года. По насыщенности событиями и впечатлениями жизнь писателя А.И. Куприна — это океан страстей и эмоций! Это поучительно-сентимен-

тальная, душещипательная история. И самое правильное, пожалуй, просто читать-«слушать» самого Александра Ивановича...

«А в приметы я верю!» — так однажды высказался А.Куприн. С самого рождения много необычного было в его судьбе. В семье он был шестым ребенком, и единственным из 4-х мальчиков, который стал взрослым. По совету одного благочестивого старца имя мальчику дали в честь святого благоверного князя Александра Невского. И, самое главное: по мерке новорожденного младенца отмерили дубовую досочку, на ней изобразили святого покровителя. Значит, была у него собственная именная икона. Хорошо известно, как силен и могуч был молодой А.Куприн! Могуч не только в силу характера, а и потому что в течение жизни «перетерпел» такие серьезные болезни, как брюшной тиф (1903 г), ревматизм (1908 г), малярия (1916 г.).

Александр Иванович Куприн прожил немного — всего 68 лет, изданы 6-ти, 9-ти и 10-титомники его произведений. К сожалению, до сих пор не издано полного академического собрания сочинений А.И. Куприна, нет и сборника «А.И. Куприн в воспоминаниях современников», разнообразных материалов для которого предостаточно. Однако, фонд купринистики пополняется, в том числе и благодаря участию гатчинцев, где память о писа-

теле хранят в библиотеках, в музеях, в школах. В Гатчине и самый-самый купринский кинофестиваль: «Литература и кино», главный приз которого — символический «Гранатовый браслет». «Александр Куприн и кино» — отдельная тема, и День российского кино (по случайному совпадению) мы отмечаем именно 27 августа — в день похорон А.И. Куприна...

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ А.И. КУПРИНА:

«...первые детские впечатления — это запас на всю жизнь» (1908 г.);

«Почти все мои сочинения — моя автобиография. Я иногда придумывал внешнюю фабулу, но канва, по которой я ткал, вся из кусков моей жизни» (1917 г.);

«В учителя жизни я не гожусь: сам всю свою жизнь исковеркал, как мог. Для многих читателей я просто добрый товарищ и занятный рассказчик. И все» (1918 г.);

«Я враг ныряния в чью бы то ни было частную, интимную жизнь» (1921 г.);

«Ну что я могу с собой поделать, если прошлое живет во мне со всеми чувствами, звуками, песнями, криками, образами, запахами и вкусами. А теперешняя жизнь тянется передо мною как ежедневная, никогда не переменяемая истрепанная фильма» (1930 г.);

«Добрый бог дал мне маленький дар скромного юмора» (1934 г.).

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ВАЛЬС

Слова Алены ТРИШИНОЙ
Музыка Дины ОГОРОДНОВОЙ

Подвижно, взволнованно

mf $F\sharp m$ G $F\sharp m$

1. По - ста - ре - ли, мой друг, по - ста - ре - ли -
-на - ю те - бя, вспо - ми - на - ю,

B $B m$ $F\sharp m$

се - ди - на при - хва - ти - ла вис - ки,
раз - го - ня - я о - сен - ню - ю грусть,

$B m7$ $E\sharp o$ $F\sharp m$
 E

и дав - но все ко - стры от - го - ре - ли,
бы - ли в жиз - ни а - пре - ли и ма - и,

1. B D $B m$ $G\sharp m7$ $C\sharp sus$ $C\sharp7$
 $D\sharp$

у ко - то - рых мы бы - ли близ - ки. 2. Вспо - ми -

2. $B m7$ $G\sharp m7$ $G\sharp7$ *rit.* *f*

бы - ли буд - ни и празд - ни - ки... Пусть!

a tempo $C7$ $F m$ $F m$ $A\flat$ $G7$ $G\flat7$

Мне те - пло тех да - лё - ких сви - да - ний не рас -

$F m$ $F m$ $E\flat m$ $F7$ $B\flat m7$ $B\flat m7$

тра - тить во - век, ты пой - ми. За - поз - да - лы - е строч - ки при -

$C7$ G $F7$ $B\flat m7$ $Gm7$ $C7$

зна - ний как по - да - рок се - го - дня при - ми.

$C\sharp7$ $F\sharp m$ $B m9$ $E\sharp o$ $F\sharp m$ B
 E $D\sharp$

D $F\sharp7$ $B m$ $B m$ $B7$ $B m7$ $C\sharp sus$
 D

$C\sharp7$ $F\sharp m7$ G $F\sharp m$

По - ста - ре - ли, мой друг, по - ста - ре - ли -

B $B m$ $F\sharp m$

се - ди - на при - хва - ти - ла вис - ки, и дав -

$B m7$ $E\sharp o$ $F\sharp m$ B
 E $D\sharp$

но все ко - стры от - го - ре - ли, у ко -

D $B m$ $G\sharp m7$ $C\sharp sus$ $C\sharp7$ $F\sharp m$
mp

то - рых мы бы - ли близ - ки.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Заветные подробности

Екатерина Сунайт

* * *

*Как занеможете в столицах,
Где всюду шум и суета,
Езжайте в Вырицу лечиться,
Когда здесь талая вода,
Когда запели в соснах птицы,
И дачник красит свой
«модерн»,
Езжайте в Вырицу лечиться
И от тоски и от «каверн».*

*Когда отринут вас столицы
(как проживешь
с законом их?)
Езжайте в Вырицу молиться,
Бродя средь сосен вековых.
Здесь под покровом Серафима
Оттает бедная душа.
И груз проблем неразрешимых
Уйдет, как талая вода.
Ода Селу Рождествено*

Светлана Винокурова

* * *

*Я с надеждой к вам
в гости еду,
С верой в сердце,
с любовью в очах,
Ах, Рождествено,
Ах, Рождествено,
Хлебом-солью ты друзей
встречай,*

*Дом Набокова, речка Оредеж,
Храм стоит на крутом
берегу.*

*Ах, Рождествено,
Ах, Рождествено,
Без тебя я прожить не смогу.*

*Родники здесь целебные,
чистые,
Это милый мой
Гатчинский край,
Ах, Рождествено,
Ах, Рождествено,
На века ты себя прославляй.*

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

*Он не ждал. Как влюбленный мальчик
С разноцветной душой поющей,
Позабывший заветы Солнца
Без его не спускаться воли,*

*По струящимся вниз перилам,
По звенящим ступеням света
Устремился в объятья сада
Акварельным потоком счастья,*

*Абрикосово-нежной лаской,
Чистотой поцелуев свежих
На румяные лики яблок,
Ароматные медуницы.*

*Опустись осторожно в травы.
В них все то, что ты ждешь от жизни:
Они льются навстречу Солнцу
Изумрудной своей надеждой.*

*На сквозящих прохладой вишнях,
Средь ликующих влажных листьев,
Расцветают бутоны утра
Перламутром волшебных радуг.*

ДЕРЕВНЯ МЕНЬКОВО

Андрей Бурлаков

Деревня с таким необычным названием, расположенная примерно на полпути между селом Никольским и поселком Прибыtkово, старейшая в нашем крае. Она впервые упоминается в Новгородской писцовой книге 1499 года как «сельцо Сменово», административно находящееся на территории Никольского Суйдовского погоста. Можно предположить, что название деревни произошло от личного древнерусского имени Смен. Сохранился подробный поименный список жителей сельца Сменова, которым в конце XV века принадлежало 19 крестьянских дворов. Среди них двор Степанки Дорофеева и сына его Федотки, двор Микулки Гридина и двор Сменки Гридина, двор Артемки Михалева и двор Пантелейки Андрейкова, двор Гаврилки Осташцова и других.

Во времена шведского господства русское население деревни, опасаясь притеснений, ожидаемых со стороны заморских врагов, бежало за реку Оредеж, ближе к Новгороду, на территорию, которая не была завоевана врагом. В брошенную, безлюдную деревню шведы в середине XVII столетия переселили прибывших осваивать новые земли финнов из соседней, также находящейся под шведской оккупацией, Финляндии. Исказив историческое, исконное название Сменова, переселенцы, не овладевшие русским языком, стали именовать деревню Менково. Интересно, что на карте Суйдинского погоста, хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве деревня Меньково

обозначена как селение Сменцово. Финны исповедовали лютеранство и были прихожанами обширного прихода Кобринской кирхи. Таким образом, с того времени на шведских картах официально закрепилось географическое название Менково.

Ингерманландский финн. Старинная гравюра

После освобождения Гатчинского края от шведских захватчиков в начале XVIII века эта деревня среди других поселений, приписанных к Сиворицкой мызе, была подарена Петром I графу, герою Северной войны Федору Матвеевичу Апраксину. Под названием Менково деревня обозначена на

карте Ингерманландии 1727 года, составленной по материалам еще более ранней шведской карты, оригинал которой был найден Петром I в крепости Копорье в 1702 году.

Длительный период деревня входила в состав Копорского уезда Санкт-Петербургской губернии. И в разные годы принадлежала Апраксиным, Симоновым, Демидовым и другим известным владельцам загородного Сиворицкого поместья. В конце XVIII столетия к финскому населению деревни добавилось русское. В Менково было переселено несколько семей русских крепостных крестьян из соседнего села Никольское. Поэтому исторически, долгое время, деревня относилась сразу же к двум приходам: к лютеранскому Кобринскому с кирхой Святой Екатерины и православному Сиворицкому с церковью святого Николая Чудотворца. В 1772 году Менково, как и другие окрестные деревни упоминается в «Межевой книге к генеральному плану Тиховицкой лесной дачи».

На рубеже XVIII–XIX веков пост деревенского старосты усердно исполнял меньковский крестьянин Козьма Яковлев, скончавшийся в 1808 году на 69 году жизни. Впоследствии на этом посту его сменил крестьянин Моисей Васильев.

В некоторых документах первой половины XIX века деревня фигурирует под названием Меньково, более благозвучным в произношении. На географических картах это название впервые появилось в 1834 году. С тех пор оно больше не менялось и благополучно сохранилось до настоящего времени.

«Исповедальные росписи» Сиворицкой Никольской церкви за 1817 год, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, сообщают, что в это время в Менькове проживали три

русские крестьянские семьи: Гаврилы Кузьмина, Егора Прокофьева, вдовы Татьяны Егоровой. Из архивного источника известно, что в 1830 году в Менькове находилось 8 русских дворов, в которых проживало 47 крестьян (22 — мужского и 25 — женского пола).

По статистическим сведениям 1862 года в Менькове имелось в общей сложности 27 крестьянских дворов, а ее население (финское и русское) состояло из 147 человек. Сколько домоладцев могло примерно проживать на одном крестьянском дворе, можно узнать, листая страницы «Исповедальной росписи» Сиворицкой Никольской церкви за 1864 год.

В книге под номером один значится крестьянский двор вдовы Феодосии Филатовой 55 лет от рождения. Вместе с ней здесь проживали «внук ея Семен Яковлев» 12 лет, «девица Мария Агапова» 44 лет и «незаконнорожденный сын ея Николай» 9 лет.

Из перечисленных имен удалось проследить судьбу только Семена Яковлева. Благодаря метрическим книгам установлено, что он был праправнуком крестьянина Козьмы Яковлева (1740–1808 гг.), о котором уже упоминалось выше. После отмены крепостного права у Семена Яковлева появляется фамилия — Сковоронский, или как она звучит в ряде документов, — Сковородкин. «Метрическая книга Сиворицкой Никольской церкви» за 1873 год сообщает, что он скончался в возрасте 22 лет. Потомков у него не было. Удалось проследить родословную упоминаемого в «Исповедальной росписи» незаконнорожденного сына Николая, проживавшего в одном крестьянском дворе с Семеном Яковлевым. В 1876 году у Николая Сковоронского родился сын Александр, который впоследствии женился на дочери ям-

бургского мещанина Вассе Дмитриевой. Супруги имели нескольких детей. Одним из них был сын Павел, родившийся в 1905 году. Павел Александрович Сковородкин (эта фамилия официально закрепилась за его родителями в конце XIX века). Его потомки проживают на гатчинской земле до настоящего времени.

В последней четверти XIX столетия старостой деревни Меньково состоял крестьянин, финн Павел Давидович Пенти. По документальным сведениям Кобринской кирхи в 1896 году здесь проживало 199 финнов. А в 1904 — 232 человека лютеранского вероисповедания. В конце XIX века Меньково облюбовали для своего проживания ямбургские мещане (Ямбург — ныне город Кингисепп) Иван Кондратов и Александр Трофимов, а также петербургские мещане Феофилакт Иосифов и Андрей Андреев. Все они имели боль-

шие семьи и зажиточные усадьбы.

Но, наверное, самой яркой фигурой дореволюционной деревни был меньковский староста, владелец торговой лавки, мещанин Николай Иванович Губанихин.

Окрестности Менькова издавна славились своими живописными местами и природными достопримечательностями. Это было настоящее «лесное царство», неслучайно некоторые современники называли этот район самым грибным местом под Гатчиной. Близость реки Суйды, удобное сообщение с селом Никольским и платформой Прибыtkово по Варшавской железной дороге, покой и уединение проложили сюда путь для любителей летнего деревенского отдыха. На рубеже XIX — XX веков меньковские жители успешно занимались здесь дачным промыслом.

Эта деревня упоминается в одном

Берег реки Суйды в окрестностях Меньково

из писем знаменитого поэта Аполлона Майкова, отправленном его жене с Сиверской дачи в 1880 году. В нем он подробно описывает эпизод, который произошел с его старшим сыном Николаем, отправившимся на прогулку в лес. «Коля пошел бродить с собакой — у нас хорошенькая собачина — сеттер, — сообщал поэт, — и приехал домой часов в 6, — это он заблудился, четыре раза все выходил на одно место, плутал, вышел, наконец, в деревню Меньково, две версты не доходя Суйдинской станции. Взял мужика и приехал». Майков ошибся, уменьшив расстояние от деревни до станции Суйда более чем в два раза.

Многим грибникам и любителям лесных прогулок хорошо известен Меньковский бор. Этот топоним впервые фигурирует в рассказе ленинградского писателя Леонида Борисова «Прогулка». Герой его произведения — Александр Грин в начале XX столетия совершил сентиментальную поездку в окрестности Гатчины. Следуя поездом по Варшавской железной дороге, писатель вышел на платформе Прибыtkово и отправился на прогулку в Меньковский бор.

Советская история деревни типично повторяет прошлое многих населенных пунктов Гатчинского района, но и здесь есть свои особенные вехи памяти. В 1934 году Никольский сельский Совет организовал в Менькове колхоз «Восход», ставший передовым хозяйством предвоенного времени. Во время фашистской оккупации в 1943 году немцы заставили финское население деревни уехать в Финляндию. После войны финнов, как «изменников» Родины долго не пускали вернуться в родные места, и они были вынуждены фактически находиться в ссылке в других областях Советского Союза. После смерти Сталина несколько се-

Александр Грин

мей меньковских финнов вернулось в деревню. Захваченные другими владельцами дома им пришлось долго возвращать обратно.

В послевоенный период Ленинградский II стройтрест организовал в Менькове подсобное хозяйство по выращиванию овощей. На работу в практически пустующую деревню были завербованы рабочие из Ленинграда и других мест. В 1951 году стройтрест передал подсобное хозяйство Министерству внутренних дел. В 50-е годы здесь имелось уже 40 лошадей, 3 трактора и 4 машины. Выращенную продукцию, большую часть которой составлял картофель, хозяйство сдавало в фонд МВД Ленинграда. В 1961 году это подсобное хозяйство было передано Ленинградскому Агрофизическому институту для создания опытной стан-

ции — уникального полигона для экспериментальных опытов и проведения лабораторных работ. Данный институт был единственным подобным научным заведением в Советском Союзе. В Менькове строятся теплицы, разбивается сад, испытываются районированные сельскохозяйственные культуры селекции различных институтов и опытных хозяйств. Цель испытания — отработка технологии возделывания сельскохозяйственных культур и научное прогнозирование урожая. В первый год своего существования здесь работало всего 6 сотрудников.

Сегодня уже мало кто знает, что именно на Меньковской опытной станции впервые в Советском Союзе получила распространение полиэтиленовая пленка, без которой сейчас не обходится ни одно сельскохозяйственное предприятие, ни один фермер или садовод. «В опытном хозяйстве «Меньково» Агрофизического института, — сообщала в апреле 1967 года газета «Гатчинская правда», — сотрудники института продолжают исследования по выращиванию плодовых и ягодных

культур под пленкой. В хозяйстве имеется стелющийся фруктовый сад, в котором собраны лучшие теплолюбивые сорта яблонь и груш. Эта работа ведется старшим научным сотрудником И. Н. Катовичем. В прошлом году в пленочном саду удачно перезимовал миндаль». В это время чаще других звучали имена меньковских передовиков: Людмилы Геннадьевны Ребо, Петра Павловича Федосеева, Марии Петровны Титовой, Марии Степановны Лазаревой, Ивана Васильевича Алексева и других.

В конце 60-х — начале 70-х годов на территории опытной станции были построены новый лабораторный корпус, четырехэтажный жилой дом, ферма, здание клуба. В 1975 году в Менькове трудилось более 60 научных сотрудников. В 1990 году здесь была открыта сельская библиотека. В настоящее время ее фонд составляет более 5000 книг. 10 августа 2001 года опытная станция «Меньково» получила государственную аккредитацию на проведение научных исследований.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ К САМСОНУ ВЫРИНУ

(история об экскурсии, которой не было, но которая могла бы быть)

Людмила Колесникова

Ух, и морозит с утра нещадно! А у меня сегодня весь день будет на воздухе, правда, в небольшой компании французских граждан, говорящих по-русски. Потому и согласилась на эту экскурсию... Надо сразу как-то завести контакт.

Возьму быка за рога.

С морозным, солнечным чудесным днем, господа! — Задам-ка я вам для начала такой вопрос: — Верите ли вы, что всего через полчаса мы с вами окажемся в русской Франции? — Если верите, то приготовьтесь к небольшому путешествию из Петербурга в Гатчину, поселение это часто сравнивают с французским Шантийи. Дорога предстоит не длинная, всего сорок шесть километров.

Как вы хотите, на машине, или электричкой? А может, вызовем такси? Нам пришлют, скорее всего, «Волгу», а может быть, даже французский «рено». Сейчас на российских дорогах столько разнообразных импортных машин. Один знакомый мне как-то сказал: «Я бывал во многих странах, но только в России сейчас так много первоклассных машин на отвратительных дорогах»...

Итак, мы едем. По пути у нас будет несколько остановок. Первая у гатчинских Ингербургских ворот на территории бывшей Солдатской слободы. Вторая остановка в Гатчине у Смоленских ворот, название говорит само за себя. Через Гатчину проходил знаменитый Смоленский тракт, по которому мы

только что с вами проехали. (Название дороги несколько раз менялось). Именно здесь, у Смоленских ворот, я предлагаю вам выйти из машины и пройти пешком по тропинке, что приведет нас прямо к Гатчинскому дворцу. Постоем недолго, наслаждаясь тишиной, под раскидистыми, заиндевевшими сегодня на морозе дубами и кленами гатчинского парка, а затем, спустившись, по отлогим ступеням к пруду, позвоним в колокольчик — к нашим ногам, в полынью, приплывут на малиновый звон толстые карпы. Эта забава живет здесь еще с царских времен! — Ой, друзья мои, я, кажется, вас уже заморозила. Погода хоть сегодня и солнечная, но мороз все лютует.

А теперь внимание, господа! От Карпина пруда, где мы с вами только что кормили рыбу, по крутой дорожке поднимемся на берег Серебряного озера.

Особенность этого озера в том, что оно очень глубокое (дно находится примерно на глубине 10–15 метров) и наполнено чистой ключевой водой. В наши дни озеро является источником питьевой воды для Гатчины. В царское время в Серебряном озере испытывали первую в России подводную лодку. Вот какое это знаменитое озеро! И это еще не все. Лечебная, голубая глина, залегающая на дне, придает чистой водной глади действительно сияние благородного металла. Отсюда и название — Серебряное озеро.

Ну что, передохнули? Наша про-

гулка только началась. Впереди еще экскурсия в Гатчинский дворец, где теперь находится музей. Мы пройдем с вами сквозь анфиладу залов романтического замка, полюбуемся богатым собранием фарфора, живописи, старинных гобеленов, созданных на русских мануфактурах по французской технологии, увидим роскошную коллекцию охотничьего оружия — ведь замок создавался первым хозяином как охотничий.

Скажите, господа, какой замок может обойтись без привидений? Вот и в нашем гатчинском замке благополучно живут привидения, только не каждый их может увидеть. Для этого нужно знать, в каких закоулках дворца они обитают. Я это знаю и постараюсь устроить вам встречу с ними, но для этого нужно, вновь вернувшись на берег Серебряного озера, пройти по узкой тропинке, мимо кустов сирени, остановиться перед темным сводчатым входом и сделать несколько шагов по длинному, холодному, сказочному коридору. Наконец, очутившись в подземной галерее и пройдя метров сто под землей, мы — у цели... В открытый проем входа в подземелье, что за нашей спиной, видна гладь Серебряного озера, по ней медленно и важно плывут серые утки и темно-зеленые красавцы селезни, коих здесь великое множество.

Тихо, ни слова! Я знаю одну хорошую примету: если в подземелье нет привидений, то утки проплывут мимо спокойно, а если привидения где-то рядом, но мы их не видим, то селезни начнут шумно бить крыльями по воде и отчаянно кричать, как бы прогоняя духов прочь... Ну вот, кажется, нам не повезло, привидений нет — утки спокойно проплыли в дальний конец озера.

Пойдем и мы вглубь дворца...

Итак, мы оказались с вами в вестибюле. Стены этого помещения отделаны очень лаконично: пудостским желто-красным камнем, как и сам дворец. Первоначально по замыслу А. Ринальди вестибюль был не застеклен. Итальянский архитектор не учел суровости климата здешних широт. Правда, для эксплуатации этой части дворца русская природа себя показала с худшей стороны, когда в холодную пору по помещению гулял порывистый ветер, а дождь заливал через открытые проемы пол вестибюля, превращая лужи в каток. При последующей перестройке дворца архитектор В. Бренна открытую галерею превращает в закрытую. Мы пройдем с вами по этому величественному вестибюлю и остановимся у оружейной комнаты. Здесь располагались кавалерийские и пехотные образцы ружей и пистолетов. Эффектно смотрелся вензель Павла «П», выложенный на стене испанскими, французскими, немецкими и русскими пистолетами. В общем, мы найдем с вами много примет, говорящих о том, что замок задумывался Г. Орловым, как охотничий.

А теперь, господа, я проведу вас по анфиладе парадных залов Гатчинского дворца. Всемирную славу Гатчине принесли дворцово-парковые ансамбли, вошедшие в число одних из самых совершенных произведений зодчества и ландшафтного искусства. В течение столетия, начиная с 1760-х годов, здесь был распланирован и усовершенствован комплекс пейзажных парков, раскинувшихся вокруг озер и прудов, возведены романтический замок-дворец, павильоны, мосты, террасы. Над созданием этих рукотворных шедевров трудились архитекторы В. Бренна, А. Захаров, А. Воронихин, Р. Кузьмин, А. Штакеншнейдер. Словно передавая эстафету, они сумели раз-

вить первоначальную идею художественной гармонии общего впечатления и, при всех изменениях архитектурных стилей, добиться удивительного единства, художественной целостности общего впечатления. Кажется, что гатчинские ансамбли создавались не десятилетиями, по проектам зодчих самых разных направлений, а родились одновременно — как вдохновенное творение одного гениального художника. Гатчинская мыза, то есть гатчинские земли, были подарены императрицей Екатериной второй своему фавориту Григорию Орлову. Затем, после того как граф Г. Орлов 13 апреля 1783 года скончался, она выкупила гатчинскую мызу у наследников в казну и отдала ее сыну и цесаревичу Павлу Петровичу в том же 1783 году. А за 9 месяцев до этого царского подарка, то есть в ноябре 1782 года Павел вернулся из длительного заграничного путешествия, которое он совершил вместе с супругой Марией Федоровной под именем графа и графини Северных. Подарок Екатерины был приурочен к рождению в семье цесаревича третьего ребенка — дочери Александры. У молодой четы будет большая семья: шестеро красавиц дочерей и четыре сына, старшие — Александр и Константин, младшие — Николай и Михаил. Путешествие супругов продолжалось два года и два месяца. За это время цесаревич посетил Италию, Польшу, Австрию, Бельгию и Францию. Впечатления от этой поездки, особенно от осмотра резиденции принца Конде в Шантийи, сказались и в дальнейшем развитии гатчинского ансамбля. По приказу Павла здесь в дворцовом парке возводят павильон Венеры на рукотворном острове Любви. На самой высокой точке Смоленского тракта устанавливается обелиск Коннетабль, но в Гатчине это не памятник герою-

офицеру, а главный элемент ансамбля солнечных часов.

Что и говорить, Франция очаровала русского престолонаследника. Примечательно, что и Франция приняла русского Гамлета с большим интересом, в Версале к празднику в честь Павла во дворце Трианон был приурочен выход поэмы Жака Делиля «Сады», ставшей эстетическим руководством к устройству романтических пейзажных парков.

Известно, что граф Григорий Орлов, первый хозяин гатчинского дворца, состоял в переписке с Жан-Жаком Руссо. Когда гатчинский ансамбль приобрел законченный вид, Г. Орлов писал знаменитому философу: «Вздумалось мне сказать Вам, что в 60 верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок и возбуждают к мечтательности. Итак, милостивый государь, если такой уголок Вам по вкусу — от Вас зависит поселиться в нем».

Мне же хочется воскликнуть, вторя Г. Орлову: дорогие друзья, очаруйтесь этим кусочком русской земли и почувствуйте его так, как я чувствую эти места! Но не считите мои восторги за квасной патриотизм. Все объясняется очень просто, одним старым и емким словом — любовью. Я люблю эти места и живу здесь более сорока лет. Так случилось, что жили в этих краях и мои предки. До сих пор стоит в Гатчине на том же самом месте родительский дом. Так что мои корни проросли в эту землю основательно и глубоко!

Ну что, друзья мои, насладились тишиной и прозрачностью воздуха, заглянули в голубые воды Серебряного озера? Тогда снова в путь! Впереди у нас еще две остановки, это Выра и

Рождествено. Они расположены вдоль того же Смоленского тракта, по которому мы с вами проехали. Места эти, прямо скажем, удивительные! Они всегда привлекали к себе творческих людей: художников, композиторов и писателей (по теории некоторых исследователей выходит так, что мощное Ижорское плато, что находится здесь, излучает какую-то исключительную энергию, которая заряжает творческие натуры). Мне хочется, друзья мои, чтобы вы полнее ощутили всю прелесть этих мест, но к этому необходимо подготовиться: Посмотрите вокруг. Неправда ли, господа, сегодняшний, морозный день — прямая иллюстрация к стихам гениального Александра Сергеевича Пушкина «Мороз и солнце — день чудесный!» Да, да, когда мириадами огней сверкает на солнце свежий снег, когда пощипывает нос и щеки морозец, и на душе от этого великолепия почему-то легко и весело и хочется жить, вдыхать этот свежий, целительный воздух и кричать во всю глотку: «Я люблю тебя, жизни! Господи, как хорошо жить на свете!» Вот вы и почти готовы к восприятию русского быта и русской истории. Притормозим у почтовой станции в Выре. Здесь заменим нашего железного, импортного коня на настоящую русскую тройку, благо есть такая возможность. Все еще скачут тройки по российским зимним дорогам, а ямщики не разучились петь свою заунывную песню под звон бубенцов.

Задам-ка я вам, господа хорошие, такой вопрос. Кто помнит, как пахнут русские наваристые кислые щи из крошева¹ с сушеными белыми грибами после двухчасового томления в чугушке в уже остывающей русской печке? Вот такой ни с чем не сравнимый запах щей из крошева, приправленных для особого смака свежими сливками

и сметаной, когда-то дразнил местных ребятишек, примостившихся на полатах в ямщицкой в избе почтовой станции. Здесь же сушились ямщицкие зипуны да тулупы.

Если вспомнили, то приготовьтесь почувствовать здесь этот ни с чем не сравнимый запах, который и есть русский дух...

Мы сейчас войдем с вами в очень необычный, интересный музей, музей русского быта и литературных героев, что описаны в правдивейшей повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель». По инициативе краеведа и энтузиаста своего дела, много лет возглавлявшей литературный музей в Выре Валентины Максимовны Якушевой, рождался этот музей. Экспозицию сельского музея собирали жители почти всех деревень, что расположены рядом с Вырой. На призыв В.М. Якушевой понесли люди старинную утварь, домотканые половики, ручного шитья бабушкину одежду, деревянные ложки, посуду. Кто-то принес старый медный умывальник. Теперь он висит в ямщицкой. А в светлой горнице, как и в повести Пушкина, на окнах в горшках растут бальзамины, на конторке лежит дорожная, но главное достоинство музея — это сохранившаяся атмосфера почтовой станции и тот несравненный русский дух, который присутствует здесь, как и веет им от повести А.С. Пушкина. Из первой светлой горницы мы перейдем с вами в ямщицкую. В помещении основное пространство занимает русская печь, где перед нашим приездом сварили эти самые щи. Вдоль стены длинный

¹ **Крошево** — в новгородских деревнях издавна заготавливали на зиму верхние зеленые листья кочана капусты вместе с кочерыжкой, затем рубили их в деревянных корытцах сечкой. Всю эту массу засыпали солью и квасили. Крошево имеет свой особенный цвет и вкус, используется в основном для приготовления первых блюд.

стол, а на нем большая тарелка с рассыпчатой отварной картошкой разных сортов и вкуса. На янтарных клубнях плавают кусочки сливочного масла. В мисках моченая брусника, хрустящая квашеная капуста, посыпанная сверху репчатым луком, сдобренная подсолнечным маслом. А заключительным аккордом нашей трапезы, этой кулинарной мелодии, будет чашка крепкого свежего чая.

Смотрите, на столе уже стоит готовый самовар, блюдо со стопкой золотистых, ноздреватых дрожжевых крестьянских блинов, промазанных душистым гречишным медом, прошу вас, отведайте угощение. Впереди у нас последний прогон до прекрасного села Рождествено.

Надо вам сказать, друзья мои, что Александр Сергеевич Пушкин не поведал нам, какой стряпухой была Дуняша, героиня повести «Станционный смотритель», а вот Валентина Максимовна Якушева — главная создательница этого чудесного музея — первоклассная хозяйка и кулинарка, потому и тянутся сюда люди на огонек, на русский дух.

А теперь, господа, приглашаем вас пройти во двор почтовой станции. Посмотрите, как прекрасно здесь оборудованы денники и конюшни, и все стараниями реставраторов, да нашего народного архитектора Александра Александровича Семочкина. В течение многих лет здесь восстанавливалась со всеми атрибутами почтовая станция. Вот и наша тройка уже готова, через минуту-другую мы можем отправиться в путь. Нас ждут еще в одном интересном музее, в усадьбе писателя Владимира Набокова. Посмотрите вперед. Видите, на высоком холме в конце дороги стоит деревянный барский дом с колоннами. Эта усадьба в Рождествено досталась семейству На-

боковых от матери Елены Рукавишниковой в качестве приданого, но главным семейным домом, своим гнездом Владимир Набоков считал дом номер 47 по Большой Морской в Петербурге, где будущий писатель родился в 1899 году. Трехэтажный особняк в классическом стиле, построенный в конце XIX века, до сих пор украшает одну из центральных улиц Петербурга. Здесь почти ничего не изменилось, все так, как и прежде: в окнах сверкают огни, сохранились даже стекла в оконных рамах во дворе дома! Эти нежные рисунки сразу же привлекают ваше внимание: в роскошных вазах красуются пышные букеты, вытравленные по поверхности стекла плавиковой кислотой. Такую сохранность, пожалуй, трудно себе представить. Прошли войны, революции, а хрупкие приметы времени — живы! И все же время многое стирает с лица земли. А что остается? Остается наша память и легенды. Вот одна из них...

По легенде деревянный барский дом в Рождествено закладывали в позапрошлом веке, в воскресенье, на высоком берегу реки, а на противоположном, низком, на зеленом лугу, стоял цыганский табор. Из палатки показалась старая цыганка в яркой цветастой юбке. На ее когда-то красивом лице паутиной отпечатались сетка морщин, по ним, как по книге, книге жизни, можно было прочесть все перипетии ее судьбы. Цыганка корявыми пальцами расплела седую косу, и, перекинув все еще густую волнистую прядь через плечо, подошла к прорабу: Слушай, мил-человек, не строй здесь ничего. Скверное, проклятое это место! — Еще чего выдумала, ведьма! — закричал мужик и смачно выругался. — Верно, говорю, огрызнулась цыганка — Ведь не за копейку, а за правду. Она истово перекрестилась,

поцеловала золотой крестик с белыми камушками, что висел на груди, и пошла прочь, гордо вздернув голову:

— Гореть здесь этому дому не раз и не два... поставила точку цыганка.

И вот когда в 1995 году загорелся дом Набокова, одна из главных достопримечательностей всего района, печали жителей окрестных деревень не было конца и края. Ничего не произошло и последовавшее за этим событием двенадцатилетнее расследование прокуратуры. Только мистика какая-то. Приехал посмотреть на родное пепелище даже сын Владимира Набокова и его супруги Веры Слоним, но чем он мог помочь? Тогда-то и вспомнили про пророчество старой цыганки...

Полжизни живя вдали от России, В. Набоков так и не обзавелся собственным жилищем. Вечно жил в гостиницах, он и умер не дома. А родовое имение в Рождествено уцелело, хотя случались и пожары. Но благодаря стараниям почитателей творчества писателя, а также нашего историка, архитектора и самобытного писателя Александра Александровича Семочкина, удивительно чуткого Человека, многие годы возглавлявшего музей в усадьбе Рождествено, в самый трудный период становления этого культурного центра.

Мы и сегодня смогли приехать к этим дорогим для русского человека стенам.

Как видите, восстановленное деревянное здание с колоннами и бельведером до сих пор стоит на пригорке, у самой реки, а о последнем пожаре напоминают экскурсантам только сохранившиеся обугленные бревна, которые, по замыслу реставраторов, как немые свидетели, дают представление посетителям о масштабе произошедшего здесь бедствия.

Мы приехали с вами сюда мороз-

ным февральским солнечным днем, а вот если бы вы оказались здесь летом, как когда-то впервые побывал здесь юношей Владимир Набоков, то вас непременно очаровал бы этот несравненный благоухающий ковер разнотравья с цветущим клевером и пахучей ромашкой, с летающими повсюду бабочками. Очевидно здесь, в своем родовом имении на берегу Оредежа поймал молодой Набоков первую бабочку. Не знаю, была ли это обыкновенная голубянка, тривиальная капустница, но не совсем обычной расцветки, или прекрасный, благородный фиолетовый махаон, неизвестно как сюда залетевший, но то, что первое, детское книжное увлечение Владимира Набокова бабочками превратилось в пожизненную страсть — это факт. О них он написал десятки научных статей. В его романе «Дар» порхают бабочки. Вся жизнь писателя до конца дней будет отдана двум увлечениям: литературе и прекрасным бабочкам.

А теперь нам предстоит сделать небольшой крюк и от Рождествено повернуть на Извару. Это еще одно уникальное место: во-первых, оно связано с древностью, с вековой российской историей нашей, а во-вторых, с интересными личностями, такими как Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, для которых усадьба в Изваре была не просто летней дачей, а местом творческого вдохновения и научного поиска.

Старинная усадьба Извара возникла на месте древнего новгородского поселения

Взвар Вятской пятины Великого Новгорода в XII–XV веках. Территориальной основой данного района является Ижорская возвышенность с расположенными вокруг нее плодороднейшими землями, водоразделом

устья реки Луги и южного побережья Финского залива. Здесь издавна селились древние финно-угорские племена, население активно занималось охотой и рыболовством. Вот именно на этих землях и расположена старинная усадьба, которой с 1900 года 27 лет владела семья Рерихов. Еще мальчиком поселился здесь Николай Константинович (будущий ученый, гуманист, художник), в дальнейшем он запишет в своем дневнике: «Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре». Здесь Николай Рерих собирал гербарии, проводил первые археологические раскопки, а когда юному исследователю исполнилось тринадцать лет, от местной администрации он получает официальное свидетельство на право собирания яиц пернатых с научной целью. В результате этих исследований появляется работа «Разделение птиц Санкт-Петербургской губернии на подклассы, разряды и отряды». Юноша активно увлекается охотой, свои впечатления он излагает в рассказах для журнала «Русский охотник». Появляются первые археологические находки. Спортивная закалка на охоте, знания по археологии, экологии — все это пригодилось ему, когда он совершил свое знаменитое путешествие в Гималаи уже во зрелом возрасте вместе со своей супругой Еленой Ивановной.

Об экспедиции Н.К. Рериха и его удивительной, самоотверженной жизни можно рассказывать много, достаточно назвать количество картин, которые вышли из-под его кисти, — их тысячи, и каждая — великолепное произведение искусства. «Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались

над равнинами Индии. Картины напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия. Мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великих полотнах», — писал Джавахарлал Неру. Удивительная работоспособность Николая Константиновича Рериха, его неустанный труд в области искусства и науки, общественной деятельности были увенчаны «Пактом Рериха», легшего в основу документов Гаагской конференции 1954 года по сохранению культурных ценностей человечества. Поражало современников все творчество Николая Рериха, полувековое служение гуманистическим ценностям (его высоко ценили Ромен Роллан, Томас Манн, Рабиндранат Тагор, Альберт Эйнштейн). Н.К. Рерих был не только великолепным мастером кисти, но и крупным знатоком культуры, особенно искусства Востока, в частности Индии. Интерес и любовь к Востоку разделяла вся семья Николая Константиновича, и прежде всего его старший сын Юрий Рерих, ставший видным востоковедом и одним из ближайших помощников отца во всех его начинаниях. С годами у семьи Рерихов крепнет желание организовать экспедицию на Восток, в Центральную Азию. В своей статье в 1913 г. Рерих пишет: «Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. Вот к ней мы и направляемся. Заманчив великий Индийский путь». Но только через десять лет (8 мая 1923 г.) они выезжают в Индию, начав свое легендарное путешествие. Экспедиция продлится довольно большой срок — целых пять лет. Ее цель — исследование археологических памятников, сбор материалов по этнографии и языкам,

иллюстрирующим культуру народов Центральной Азии. С этими задачами экспедиция блестяще справилась, пройдя по обширным пространствам Индии, Китая, Монголии. Участники экспедиции собрали огромный научный материал. Основной задачей для себя Н.К. Рерих ставил создание живописной летописи народов Центральной Азии. Непосредственно в экспедиции им было создано пятьсот полотен — это, безусловно, своеобразный творческий подвиг, но самое главное то, что Рерих в своих картинах создал величественную панораму жизни стран и народов Центральной Азии. Итогом экспедиции стало открытие своеобразного художественного стиля, присущего кочевникам Центральной Азии, — так называемый «звериный стиль», тесно связанный с искусством древних скифов. Изучено и сфотографировано множество ранее никому не известных археологических памятников. В этой экспедиции многое было впервые. Впервые Рерихи открыли и описали то, чего до них еще никто не делал.

Завершая рассказ об удивительной семье Рерихов, не могу не коснуться личности супруги Николая Константиновича — Елены Ивановны Рерих. Она родилась 12 февраля 1879 года в семье архитектора Ивана Ивановича Шапошникова и Екатерины Васильевны Голенищевой-Кутузовой в Петербурге. По свидетельствам современников юная Елена на балах чаще всего сидела в глубине зала, окруженная поклонниками. Ее незаурядная внешность обращала на себя внимание — высокого роста, стройная, очень пропорционально сложенная, полная изящества и грации, какого-то внутреннего обаяния, она невольно привлекала к себе все взоры. В нее влюблялись миллионеры, но она, на удивление всем окружающим, отка-

зывала первым женихам Петербурга и говорила, что выйдет замуж только за художника или музыканта. Елена Ивановна и сама прекрасно играла на рояле, ей прочили большое будущее на этом поприще и советовали поступить в консерваторию, но у Елены Ивановны было еще одно увлечение, которое впоследствии захватило ее целиком, — восточная философия и далекая Индия.

Судьба подарила ей в 1899 году встречу с прекрасным художником и философом Николаем Константиновичем Рерихом, молодые сразу же полюбили друг друга. Обвенчались они в 1901 г., а через год у них родился первенец — Юрий, будущий ученый-востоковед. Двумя годами позже рождается Святослав — ныне известный художник. В 1923 г. семья отправляется в Индию. Пять лет Рерихи путешествуют по Гималаям (все, за исключением Святослава, который был с ними в Индии в 1923–1924 гг.), после чего открывают в Кулу институт гималайских исследований «Урусвати», первым президентом его становится Елена Ивановна.

Здесь, в Индии, протекало регулярное сотрудничество Николая Константиновича Рериха и Елены Ивановны с группой философов и Учителей. Под их руководством Елена Ивановна подготовила свой главный труд — серию книг «Живой этики», в которых она выступает как исследователь и философ нового направления — энергетического мировоззрения. Идеи «Живой этики» пронизывали и все творчество Николая Константиновича Рериха — художника, ученого и литератора. «Живая этика» — это система взглядов на внешний и внутренний мир человека. Книги «Живой этики» начали издаваться в 20-х годах 20-го века. Все, что в них пророчески описано,

свидетельствует о тесной связи с рядом важнейших процессов. Например, книга «Беспредельность» — о Космосе как неделимом целом с Человеком. Книга «Братство» указывает путь, по которому человечество может прийти к единству и гармонии. Удивительно гармонична была и сама Елена Ивановна: умна, образована, красива.

Елена Ивановна подготовила и издала в России под псевдонимом Натальи Рокотова фундаментальный труд «Основы буддизма» и книги «Живой этики», под именем Искандер Ханум — перевод «Чаш Востока». Под именем Ж. Сент-Илер издает «Криптограммы Востока». Тем самым были заложены прочные узы дружбы между

двумя великими народами и великими культурами.

Свой жизненный путь Елена Ивановна закончила в 1955 году в индийском городе Калимпонга. На месте ее кремации установили буддийскую ступу, в благодарность за то, что эта женщина из далекой России сделала для великого народа Индии. Позднее Н.К. Рерих писал: «Алтай, Гималаи — два магнита, два равновесия, два устоя, радостно видеть жизненность в связях индо-русских». «Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает магнит индийский сердца русские».

P.S. Материал подготовлен под впечатлением сайта WWW. IZVARA. RU

ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ОДНО ИЗ СТАРЕЙШИХ СТЕКОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ ЗАВОД «ДРУЖНАЯ ГОРКА»

Антонина Кулькова

Прекрасен наш города на Неве. Не менее чудесны и его пригороды, но есть среди множества замечательных мест жемчужинки, которые тоже играют не последнюю роль в истории нашей Северной столицы, да и страны в целом.

Два года назад один из старейших заводов нашей области отметил свое 200-летие. Уникальный, можно сказать, почти единственный по выпуску химико-лабораторной посуды стекольный завод «Дружная горка» был основан в 1801 г. (число и месяц не установлены) купцом 2-й гильдии Иваном Ефимовичем Ритингом в своем собственном имении Санкт-Петербургской губернии Царскосельского уезда, близ станции Сиверская.

О первом Ритинге известно мало. Лишь то, что он приехал в Россию в 1767 г. В документальных материалах завода «Дружная Горка» И. Ритинга в деле «Договоры и переписка по вопросу купли земельных участков» указывается, что размежевание земельного участка для завода было произведено 12 августа 1799 г. На свой завод И.

Ритинг собирал лучших мастеров стекольного дела из Германии, Польши, Финляндии. Первая продукция вышла в 1801 г. В 1825 г. хозяином завода стал сын Ефим Иванович Ритинг, а в 1855 г. завод по наследству перешел к его старшему сыну Ивану, который в семье стал последним владельцем предприятия. Именно он внес большой вклад в его развитие. Иван Ефимович родился в имении «Дружная Горка» в 1837 г. Окончил с серебряной медалью столичное коммерческое училище и, будучи еще совсем молодым человеком, возглавил деятельность семейного предприятия. Он в 1879 г. приобрел все дело в свою собственность, увеличивая ежегодно производство, в особенности по части химической посуды и аппаратов. Если в 1878 г. торговый оборот составлял 90 тыс. руб., то в 1895 г., постепенно повышаясь, достиг 450 тыс. руб. В 1897 г. для дальнейшего развития завод был преобразован в Акционерное Общество под наименованием «Ритинг И. Общество стеклянного производства». Учредителями общества являлись: потомственный

почетный гражданин — Иван Ефимович Ритинг, действительный статский советник Алексей Яковлевич Прозоров и велико-устюжский 1-й гильдии купец Густав Христианович Пец.

Основной капитал общества составлял один миллион руб., разделенный на 4000 акций по 250 руб. каждая. Отличительной чертой стеклянного производства завода являлась необыкновенная точность измерений химической и аптекарской посуды и образцовая чистота выделки всех заводских изделий. В 1881 г. Ритинг, уже купец 1-й гильдии, подает прошение министру Императорского двора о предоставлении его фирме «Ритинг и компания» права именоваться поставщиком высочайшего двора и иметь на вывеске изображение государственного герба. Такое звание даровалось лишь тем лицам, которые с успехом поставляли ко двору какие-либо предметы или исполняли работы на значительную сумму в течение 8-10 лет. Торговая фирма Ритингов более 50 лет поставляла ко двору аптечную и лабораторную посуду, и, по отзыву старейшего придворного аптекаря, «фабрикант Ритинг вполне заслуживает просимого им ходатайства о по жаловании ему звания поставщика».

В Петербурге Ритинги имели собственный дом по Вознесенскому проспекту, 26, купленный у Багге и надстроенный в 1880 г. по проекту архитектора В.В. Шауба. Дом имел 4 этажа, его фасад украшали штукатурные тяги и лепнина. У двух подъездов — чугунные колонны, в комнатах — паркет и голландские изразцовые камины. Входные двери из орехового дерева имели зеркальные стекла. Первый этаж занимали магазины и упаковочная, 2 и 3-й — жилые квартиры, на 4-м этаже размещалась мастерская стеклодувная и контора Общества. К

дому пристроены три флигеля, в которых находилась котельная парового отопления, дворничья, склады стеклянной посуды, ледник.

В имении «Дружная Горка» для Ритингов выстроили двухэтажный деревянный дом, на первом этаже которого был кабинет хозяина и контора управления заводом.

Выпускаемая химическая, аптекарская, парфюмерная посуда, лабораторные принадлежности и аппараты демонстрировались на всевозможных выставках. В 1879 г. в Петербурге архитектором Шаубом для этой цели был устроен павильон. Завод имел ряд наград:

- 1889 г. — на выставке при съезде Общества российских врачей — похвальный отзыв от 31 января 1889 г. за № 12 (высшая награда).

- 1894 г. — на Всероссийской гигиенической выставке - почетный диплом от 29 мая (высшая награда).

- 1896 г. — на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде завод получил право изображать на своих изделиях государственный герб России.

- 1900 г. — на Международной выставке в Париже демонстрировал свои новые стекла и был удостоен золотой медали.

- 1904 г. — на Международной гигиенической выставке — Гран-при.

Свои ежегодные отчеты общество печатало в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли».

В 1908 г. началось строительство узкоколейки легкого типа от завода до торфяных болот. Торф являлся основным топливом на заводе. Стекольное производство и продажа готовых изделий, вероятно, шли успешно. В 1899 г. Иван Ефимович построил доходный дом по Александровскому проспекту, 1. Составление проекта было по-

ручено архитектору В.В. Шаубу. Не забывая он и свое имение «Дружная Горка». Для семейных рабочих были построены дома. Каждая семья имела возможность пользоваться огородом. Холостые рабочие жили в казармах. Были построены баня, школа, больница, аптека, для увеселения рабочих — зал для танцев и домашний театр.

В конце 1915 г. на завод стали поступать заказы от Военного ведомства. В 1916 г. завод являлся единственным в России изготавливающим изделия из химического стекла и единственным поставляющим эти изделия в военное время для нужд государственной обороны. Продукция поступала на заводы пороховые, оружейные, трубочные, патронные, металлургические.

20 февраля 1919 г. «Общество стеклянного производства И. Ритинг» было национализировано и разделено на два самостоятельных предприятия: государственный стекольный завод «Дружная Горка» правительственного правления государственных стекольных заводов промышленности Северного района, и «Райстекло» и торфопредприятие «Дружная горка» Главтопа Наркомата Промстройматериалов.

Много прошло с тех пор времени. Много преобразований, новой продукции стал выпускать наш завод. Две войны не обошли его стороной. В Гражданскую — был на грани закрытия, но благодаря мужеству фактически женщин и детей (мужчины почти все были на фронте) два года вручную шли разработки торфа, чтобы не погасли печи. И завод выстоял. С развитием электроэнергетики завод начал выпуск полуфабрикатов для лампочек, поставлялись они на «Светлану» в Ленинград и вырабатывались до 1932 г. В 1928 г. на заводе работало уже девять стеклоплавильных печей -

по их количеству завод стоял на первом месте в СССР. Впервые в стране был налажен выпуск стекловаты, рентгеновских колб, водомерных трубок для котлов высокого давления, по заданию правительства налажен выпуск покровных стекол. В 1935 г. пущена в эксплуатацию первая в стране ванная печь.

В период Великой Отечественной войны часть оборудования завода успели эвакуировать в Татарскую АССР на завод «Победа труда». После освобождения 14 февраля 1944 г. завод вновь приступил к работе, а уже в 1947 г. достиг довоенного уровня производства.

Многого достиг наш завод за 200 лет своей деятельности. Изделия завода экспортировались в 24 страны. Сейчас завод налаживает производство совсем другой продукции, и уходят интереснейшие профессии стекольных дел мастеров — выдувальщиков и стеклодувов. Но хочется надеяться, что лучшие времена завода еще впереди, и что слова Д. Менделеева будут актуальны для нашего завода и сейчас: «В 50-х годах, бывший студентом, я производил свои химические работы в стекле вашего завода. Прошло более 35 лет, и другого стекла не приходится брать, ваше должно рекомендовать каждому, кто трудится у нас в физических, химических и т. п. лабораториях, потому что достоинства ваших изделий совершенствовались все время и во многих отношениях превосходили изделия известных заграничных заводов, с которыми не раз приходилось делать сравнение. Все это заставляет меня выразить вам глубокую благодарность, желание долгой и прочной деятельности вашему заводу».

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ

Андрей Кордочкин

Просто или сложно хранить время? А чего его хранить, скажете вы, ушло и ушло, просочилось в песок, в туман. Новое придет. В том-то и дело, что придет новое, а ушло живое. Родное. Мы не Иваны, родства не помнящие, и время само подает чуткому сердцу весточку из своих глубин. Увидишь в музее прялку (самодельный примитивный деревянный станок для изготовления шерстяной, льняной пряжи) — и вспомнишь бабушку-старушку, согнувшуюся за работой в полутьме крестьянской избы. Посмотришь на географическую карту, изображающую нашу местность в XVI веке, — и...

Вот о карте и речь. О том, как трудно ее найти, чтоб посмотреть, чтоб вспомнить, чтоб ощутить свое родство со временем и пространством. Знае-

те ли вы, уважаемые читатели, что в самой большой и богатой Публичной библиотеке Санкт-Петербурга имени Салтыкова-Щедрина (Российской национальной. — Ред.) очень сложно, а порой невозможно найти исторические материалы о нашей местности? Конечно, Коммунар небольшой, может быть, невыдающийся населенный пункт. Но все же в нем живем мы и наши дети, внуки и наши любимые люди, вот нам и интересна история нашей земли.

Я подхожу к библиографу, прошу:

— Пожалуйста, помогите мне найти карту Водской пятины 1500 года.

— У нас этой карты нет.

Дважды ответ «нет» я услышал от двух разных людей. И только на третий раз мне повезло: немолодая внимательная женщина-библиограф с мягким взглядом серых глаз принесла вожделенную карту.

Карта составлена архимандритом Сергием в 1905 году по сведениям из писцовых книг и другим источникам. Местность, включавшая земли между рекой Волховом и рекой Лугой и простиравшаяся далеко на север, относилась к одной из пяти территорий Новгородской земли и называлась Водская пятина — по названию племени водь, жившему на южном побережье Финского залива. Там, недалеко от устья р. Луга, и по сей день живут двенадцать представителей воды. Кстати сказать,

сегодня они привлекают пристальное внимание ученых-этнографов, потому что сохранили особый язык, обряды, обычаи. По названию двух других племен, обитавших в наших краях, — словены и ижоры — получили имена реки Словенка и Ижора.

История заселения нашего края уходит в глубину веков. Ильменские словены, пришедшие сюда с юга, мирно сосуществовали с ижорой. Не было ни грандиозных нашествий, ни истребительных войн между племенами. Эти счастливые обстоятельства позволили сохранить в первозданном виде многие географические названия, а самыми ранними из них были как раз наименования рек, озер, холмов. Позже, когда появилась собственность на землю, стали именовать поселения и уголья.

Вот на карте знакомые — наполовину — слова: Лукосица, Гайкуево. Не наши ли это современные Лукаши и Гайколово? Ну конечно, и не надо быть лингвистом, чтобы уловить родственные созвучия. Что же они значат, какую информацию передают нам в этих названиях наши предки? Праславянский корень *luk* значит «кривой».

Если вы вспомните слова лук, лукоморье, излучина, облучок, то найдете в них общее значение «кривизны». А лукошко? Очень похоже по звуковому составу на Лукосицу и означает «корзинка из изогнутого луба». Возможно, Лукаши получили свое название благодаря особенностям ландшафта: селение находится в излучине Ижоры.

А Гайкуево — что это такое? Трудно судить. Почему-то вспоминается строчка из памятника древнерусской письменности: «...врани не граяхут, галице помолкаше, сороки не строкоташа». Что-то птичье слышится в названии Гайколово. Не согласны? А ведь слово «гай» означало у славян «место гнездования птиц».

Наши предки умели воспринимать мир поэтически, в созданных ими словах есть какая-то особая живительная сила. Она-то и остановлена, сохранена в звуке. Подошел к концу уже XX век. И даже если не все в нашей истории может вызвать восторг и радость — прошлое достойно уважения, время достойно сохранения.

В школе № 1 города Коммунара создается краеведческий музей, и я приглашаю к сотрудничеству и юных краеведов, и убежденных сединой историков-любителей, и профессиональных знатоков, и всех вас, уважаемые земляки. Приносите в музей предметы старины, а может, и новизны, документы и фотографии, мемуары и письма. Чтоб в ответ на вопрос о карте, о славе, о труде Коммунара никогда не услышать: «Нет».

БИБЛИОГРАФИЯ:

В статье использованы материалы городского архива.

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ

ИЖОРСКОГО ПЛАТО

В ЭПОХУ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (XII – XV ВВ.)

**(ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ
«ВКЛАД ФИННОВ В КУЛЬТУРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ГУБЕРНИИ».
ПУДОСТЬ, 26 МАЯ 2007 г.)**

Павел Крылов

Новгородская республика была первым государственным образованием, распространившим свою власть на Ижорское плато и создавшим здесь территориальные структуры управления — погосты и сеть укрепленных пунктов, служащих для поддержания военного контроля над территорией.

В российском массовом сознании господствует весьма идеализированный образ Новгорода — «колыбели русского народоправства», однако у одного было два слабых места, и оба они имеют самое прямое отношение к судьбе Ижорского плато.

Во-первых, политическое ядро Новгородской республики сформировалось на землях очень низкой плодородности, в результате чего нехватка продовольствия была постоянной проблемой. В период с 1054 по 1228 гг. окруженный защищавшими его от неприятеля болотными топями Новгород переживает семь упомянутых в летописях голодных лет. В XIV в. с наступлением т.н. «малого ледникового периода» — похолоданием климата, продовольственная проблема еще более обострилась. Могущественные соперники Великого Новгорода: Тверь и Москва, расположенные посреди бо-

лее плодородных и освоенных земель, получили в свое распоряжение дополнительный козырь — продовольствие, что в значительной степени предопределило закат и падение Новгородской республики в следующем, XV столетии.

Во-вторых, концентрация политической жизни в Новгороде — городе-метрополии приводила к концентрации в нем основных богатств, добываемых в результате систематического ограбления подвластных территорий.

В этих условиях интерес новгородских «ветших людей» к Ижорскому плато был совершенно естественным — здешние дерново-карбонатные почвы, сравнительно богатые гумусом, будучи хуже чернозема, оказывались лучше всего того, что было доступно новгородской колонизации на Северо-Западе. Они, разумеется, не приносили урожай, дававший бы гарантии в голодные годы. Под 1215 годом новгородская летопись сообщает нам, что местное население — «вожане помороша, а останъке разъидеся». Тем не менее, земли плато были житницей боярской республики.

Ижорское плато было населено водью (в западной части) и ижорой — в восточной: народами финно-угорской

языковой семьи, способность взаимодействия с которыми отличала новгородцев. Сам Новгород возник на месте трех поселков: будущих Славенского, Людина и Неревского концов, последний из которых получил название по имени финно-угорского племени Нерева (ср. название реки Нарова-Нарва). Среди новгородских фамилий встречаются такие, что свидетельствовали о славяно-финно-угорских контактах: Сумины (от «сумь» — «суоми»), Емины (от «емь» — «хяме»), Чудиновы, Валитовы.

На реках, ведущих вглубь Ижорского плато, новгородцами было построено 4 крепости:

- Городок на реке Лемовже — плохо сохранившийся памятник, единственный на южном скате,
- Воронино на р. Воронка,
- Кайболово на р. Сума
- Копорье — крепость на р. Копорка, ставшая военным и административным центром, маленькой столицей

удельных копорских князей, приглашавшихся новгородцами из Литвы и Белозерска.

Новгород оказывал существенное влияние на материальную культуру населения плато: оружие, производственный инвентарь, украшения. В то же время водь и ижора сохраняли свое этническое своеобразие, доказательством чего служат посылные грамоты митрополитов Макария и Федосия в 1530-е гг., 60 лет спустя после установления власти великого князя московского над Новгородом. Заинтересованный в экономическом освоении Ижорского плато, город-государство, по всей видимости, не ставил своей целью ассимиляцию финно-угорских народов — в этом была особенность Новгородской республики, уникального политического образования русского средневековья, история которого завершилась в 1478 году присоединением к единому и централизованному Московскому государству.

ЖИЛИ-БЫЛИ

ВОДЬ ДА ИЖОРА

Наталья Остонен

Народ мудр — неоспоримая, избито звучащая истина, она чаще вызывает раздражение, чем учитывается общественным или индивидуальным сознанием.

Любой народ, любой этнос обладает такой совокупностью житейской мудрости и представлений о красоте и идеале, чтобы суметь пройти сквозь тысячелетия бытия, сквозь политические и климатические катаклизмы и предстать перед потомками великим этносом или истертым, но превратившимся в соль земли.

*Знаешь ли ты, человек, свое место
Или по-прежнему ищешь свой дом?
Сможешь найти ты его —*

неизвестно.

*Есть ли ночью тепло в холоде злом?
Сколько взывать в темноту*

приходилось?

И на любой ли вопрос есть ответ?

Как же немного мне в жизни

открылось,

*Только Творец знает каждый ответ.
Тертту Лаюнен,*

песня «Будто на крыльях»

Рус. перевод Натальи Цветковой,
Анитты Лепомаа.

В этой песне звучит боль за пережитые невзгоды и житейским опытом добытый вывод: в любой ситуации полагаться на свои силы, высоко держа планку нравственности (в образе Творца).

В Ленинградской области, на гатчинской земле, мы живем бок о бок с представителями коренных народов этих земель: водью, ижорцами. Их, оказывается, так мало осталось в Ле-

нинградской области и в России, что впору бить тревогу: не исчезли бы эти народы, а вместе с ними их культура, языки.

Как природа беднеет с исчезновением какого-то вида флоры, так может обеднеть Россия.

С исчезновением малых народов, их полной ассимиляцией исчезнет язык, исчезнут те пласты культуры, которыми гордится Россия, исчезнут традиции, которые иностранцами приписываются всему российскому обществу.

Чем гордились наши предки, жившие на этой земле, что передано нам в наследство?

Воспользуемся знаниями активистов национальных обществ, плодами трудов фольклорных коллективов и научных работников Санкт-Петербурга. Приносим благодарность всем людям, кто делился знаниями, реликвиями, вспоминая о своих родителях и дедах, о своих семьях.

На приневских землях издревле жили финно-говорящие народы: водь, ижора, карелы, вепсы. Русская летопись впервые в 1069 г. упоминает такой народ, как «водь», а в хрониках папских легатов вожане упоминаются в начале XII века, но не как первобытное племя, а как народ со своей определенной территорией — Ватландом.

С конца XII века (1180 г.) водь подверглась наступлениям на ее земли рыцарей-крестоносцев, поощряемых католической церковью. В какие-то периоды Великий Новгород совершал походы в земли вожан, своих бывших союзников, отвоевывая их в свои пре-

делы. Летопись от 1215 г. свидетельствует о перевесе славян, их победе. Но вожане не смогли оценить этого освобождения: разоренные войной селения вымирали от неурожая и голода. Когда немцы, спустя 20 лет вновь пришли на эти земли, они истребляли вожан, а крепость Копорье переходила из рук в руки, сопротивление было ожесточенным. В Усть-Рудице из болотной руды выплавляли железо, ковали оружие. Ливонским рыцарям удалось истребить вожан как народ в период, близкий к Ледовому побоищу. Еще в период Новгородского владычества вожане приняли православие. Они участвовали в строительстве церкви в д. Ополье (по дороге в Кингисепп), соблюдая все каноны храмового строительства, в XII веке они не могли ждать пощады ни от крестоносцев, ни от католических миссионеров. В 1848 г. вожан было 5 тыс. человек; по переписи 1926-1929 гг. — 705-690 чел.; в 1959 г. — 23 чел.; в 1960 г. — 12 чел., и только одна женщина владела языком. Скорее всего, эти лукавые цифры скрывают то, что большинство вожан записали себя в русские, ведь фамилии и имена звучали по-русски. В советский период таким способом пытались выжить семьями, помалкивая об идее национального развития и сохранения.

Именно самые суровые условия существования, угроза физического исчезновения этноса поспособствовали тому, что водь, несмотря на крайнюю малочисленность, сумела сохранить почти в архаическом варианте костюм. Просто чудо, что сохранился язык, а в деревнях еще в серерине XX века соблюдались традиции наших прабабушек.

Костюмы вожан заслуживают подробного описания. В них все было прекрасно и целесообразно. Далеко не все можно объяснить современному чело-

веку, но ни одна деталь костюма, рисунки вышивок не были случайными.

У всех народов самыми приметными были женские наряды.

Водская девушка носила глухую безрукавную белого полотна рубашку (аму), поверх надевалась короткая блуза-рукавник (он так и назывался «ихад» — «рукава»), обязательны были множество таких узорных поясов, украшенных по подолу кистями, либо бахромой, либо монетками, оловянным бляшками, ракушками. Девичий белого полотна передник был так обильно украшен вышивкой, что смотрелся гобеленом, яркость которому придавали два красных суконных набедренника, которые как длинные полотенца продевались под пояс. Девичий головной убор — полусферическая шапочка (пясисэ), украшенная металлическими бляшками. Сзади к шапочке пришивалась металлическая петля, сквозь которую продевали распущенные волосы.

Именно в этот период жизни вожанки можно было оценить ее природную красоту. Из всех народов приневского края это были самые светловолосые, ярко-голуболазые люди.

Когда подходила пора замужества, ожидали в дом сватов. Сватовство называлось «тупака». Это событие могли предугадывать, но, бывало, что гость — сват являлся неожиданно. Чтобы обозначить свои полномочия и особый этап в жизни семьи, сват брал из печи горшок (чаще не пустой!), бил его, «тарабанил» свою речь, передавал главные подарки и уходил, не дожидаясь ответа. Через две недели следовал второй визит, где выслушивали ответ от семьи невесты, при этом сват приносил табак. Раскуривали его все, включая детей. Первый день свадьба проходила отдельно в доме невесты со слезами, плачем; в доме жениха — с

радостью. Мать отрезала косу дочери и передавала ее мужу, потом коса в течение всей жизни женщины хранилась у мужа в сундуке. А новоиспеченная теща, только что передавшая на хранение мужу «женские чары» своей дочери, должна была проехать на тележке, в которую запрягался жених, в неудобных условиях (на чем-то колючем, горячем или на сучковатых дровах). Такой обычай имела возможность наблюдать в середине XX века в д. Глядино хозяйка маленького музея кукол Л.И. Стеганцева. Известно, что у води существовала традиция пробных браков, но какими традициями сговора он оформлялся, нам пока не известно, знаем только, что такой брак мог закончиться свадебным сговором или молодые расходились по родительским домам. Женщина, отвергнувшая «мужа» так же, как остальные, могла выйти замуж. Рождение ребенка по расторжении пробного брака не являлось грехом. Сразу после замужества женщина должна была носить коническую шапочку белого цвета из полотна (пайкас), после рождения первого ребенка — из красного сукна (пясиэ), повязанную белым покрывалом и шелковым платком, украшенным нашитыми металлическими украшениями. Изменения происходили и в гардеробе женщины: поверх полотняной рубахи (она теперь становилась нижним бельем), надевалась «ручка» — безрукавная рубаха из синего сукна. Красные суконные набедренники — «каатерыд», подпоясывалась теперь женщина кожаным ремнем с металлической пряжкой, а передника теперь женщина носила два: синий, а поверх него белый, нарядный.

Женщины води носили множество украшений: накладные, серповидной формы, нагрудники, богато украшенные монетами, бисером, кораллами,

носили бусы, ушные и височные украшения.

Когда вожанка появлялась в обществе, всегда можно было угадать ее темперамент и настроение по тому, как она звенела и шуршала своим нарядом.

Энциклопедии пишут, что «старые» женщины носили простые белые рубашки — «уммико», голову и плечи покрывали широким белым покрывалом — «ыгалиной». Обычай предписывал носить это женщинам после 35 лет. Таким коротким когда-то в древности был женский век.

Несмотря на то, что костюм води архаичен, казалось, он меньше всех поддавался влиянию более поздних культур, в нем ученые прослеживают влияние западных и восточных племен эпохи «великого переселения народов». Шерстяная безрукавная одежда более всего характерна территории Эстонии, водский рукавник роднит с западноевропейскими народами, головные уборы и нагрудные украшения имеют аналоги у тюркских народов Поволжья и финно-угров.

Привязанность женщин на протяжении многих веков к раковинам каури, как к национальному украшению, свидетельствует о сохранении традиционной торговли с Востоком.

В середине XIX века усилился интерес российской интеллигенции, просвещенного дворянства к национальным истокам, появились печатные работы по этнографии угро-финских народов, в том числе, о води. Казалось бы, в условиях комплиментарности тиражироваться мог бы традиционный водский костюм, но именно с середины XIX века стали носить одежду русского типа: рубаху, а поверх нее сарафан, сначала белый на лямках, с небольшой вышивкой, позже — синий из нанки.

Просвещенные дворяне, верившие в лечебную силу кровопускания, оздоровительную силу паров уксуса, ужасались, читая о том, что своих роженец знахарки-вожанки вводили в бани, топившиеся по-черному, в те времена это было самое теплое и относительно стерильное помещение. Его заранее протапливали, проветривали, окуривали травами. В силу трав вожане всегда верили, знали их множество. Мы сегодня сами верим в лечебную силу знаменитого копорского чая, можжевельного веника. Можжевельником вожане не только лечились, не только использовали ягоды как пряность, но и поклонялись можжевельнику. 23 апреля — святой праздник: в этот день можжевельник выкапывали из леса, подпирали им левый угол под фронтоном дома. И хоть все знают, что «на бога надейся, а сам не плошай», нелишним было и в конце XX века таким образом задобрить «хозяев» дома — духов, а те тепло дома сберегут, от пожара отведут и с иконными ликами никогда не ссорятся.

У вожан вопросами пестования детей, поддержания здоровья у членов семьи ведала хозяйка дома, в трудных ситуациях — деревенская знахарка, а стратегическими вопросами: предсказать будущее, окрестить ребенка — командовал мужчина, предсказатель — «арбуй».

В сознании вожан уживались православное мировоззрение с языческим. Чтобы любимому чаду беспроblemно жилось в условиях государства, его крестили в церкви, но не отнести на «крещение» к арбую, не выслушать его предсказаний в адрес наследника — значило оставить ребенка без покровительства духов. Зачем строго спрашивать с маленького человека, крестьянина или рыбака, если православные князья, такие как Иван III,

неоднократно пользовались услугами арбуев.

У води никогда не было письменности, все, что нам известно о былых временах, о древнем фольклоре, записывалось в русской транскрипции с конца XVII века.

По данным переписи 2002 г. водским языком владели 774 чел., по данным лингвистов, которые пытались поговорить с вожанами, языком владеют не более 2 десятков человек. Тем не менее, на рубеже XX века в д. Лужицы Кингисеппского района был создан водский музей; при нем заработали кружки по преподаванию водского языка, по декоративно-прикладному искусству.

Но, видимо, изгнаны арбуи и «хозяева» из последних водских деревень. Кому-то помешал музей, его подожгли в 2001 г. и, уже восстановленный, в 2006 г.

Ежегодно с 1996 г. бывая на праздниках финноязычных народов, я вижу выступления двух небольших фольклорных водских коллективов из взрослых и детей. Культура води жива.

Не менее драматичной была и остается судьба ижор.

О пребывании этого народа на Ленинградской земле, в приневском крае очень многое напоминает: название возвышенности, реки, есть несколько населенных пунктов с таким названием. Почти каждый при упоминании этого имени вспоминает пушкинское: «Подъезжая под Ижоры...».

Первая предполагаемая столица Древней Руси — крепость Ладога была доверена дружине ижорцев, а в 1240 г. их воевода Пелгусий первым заметил высадку шведских пришельцев и послал гонцов в Новгород к князю Александру Ярославичу за бо́льшой воинской дружиной.

Много их было, на большой тер-

ритории они расселялись, с древних времен они заслужили уважение и память в веках.

Но ранние сведения о них очень скудны. Археологические раскопки не обнаружили древних ижорских захоронений ранее XIII–XIV веков. Хроника Генриха Латвийского в 1220 г. называет «Ингарию» с жителями — «ингаросами». Древнерусские летописи упоминают ижорцев под собирательным именем «чудь». В XII веке ижорцы вошли в состав Новгородской пятины, поэтому, несмотря на многочисленность, не создали своего государства. Существование бок о бок с новгородскими славянами оказало влияние на развитие ижорской культуры. Они приняли христианство в православной форме, именами и фамилиями они не выделялись среди русских. Вынужденные покинуть родные места после Столбовского мира из-за страха лютеранской экспансии, они на новых местах еще более подверглись естественной ассимиляции. Те ижорцы, которые остались в Ингрии, были обращены в лютеранство, утратили этническую принадлежность и постепенно слились с финским населением, заселившим в XVII веке опустевшие земли. После возвращения земель Ингрии Российскому государству в 1721 г., большая часть ижорцев вернулись на прежние места обитания. Впоследствии эта группа дольше других сохраняла свою этническую принадлежность.

Именно в этой среде финноязычного народа больше всего помнили древние предания, легенды. Когда собирали в единое целое песни «Калевалы», их больше всего собрали в ижорских деревнях; они изданы девятью томами из 33, собранных по всем землям, населенным финноязычным народом. Среди 1200 народных певцов самой уникальной оказалась уроженка д.

Мякиенкюля Лемболовского прихода — Параскева Никитина, известная миру как сказательница Ларин Параске. В ижорских деревнях культивировалось женское стихотворчество и пение, Ларин Параске выросла в такой среде. Сегодня песни двухсотлетней давности поет фольклорный ансамбль «Корпи». А сохранилось народное творчество благодаря ижорской Женщине.

Ижорка приветлива, но сдержанна в проявлении эмоций на людях, иронична в тех случаях, когда другая будет хвалиться, она скорее окажет помощь, чем выразит сочувствие на словах, скорее отвернется, чем будет в лицо бросать упреки или проклятия.

*Когда от тоски ты плачешь,
И сердце сжимает в груди,
Ты боль за улыбкой прячешь,
Чтоб люди бы мимо прошли.*

Первоначальным воспитанием детей всегда занимались бабушки, мамы. Они являлись главными хранительницами древних традиций, фольклора, языка. Обучением ремеслу, обучением в школах, церковным воспитанием командовали мужчины. И все-таки благодаря женской памяти, бережливости, упорству, умению выжить, сегодня есть у кого учиться языку, песням.

Культура финноязычных народов води и ижор формировалась по женскому типу — она сориентирована на созидание и гармонию с природой. В этих культурах много непонятого и нецелесообразного на наш взгляд, например, долгие века сохранявшийся в обиходе старинный женский костюм — «аануа». Он состоял из рубахи (рят-синя) и несшитой наплечной одежды.

Рубаха была своеобразного покроя: верх — два оплечья соединялись на спине вставкой, спереди — две обшивки по нагрудному разрезу. Оплечья

и рукава рубахи почти сплошь покрывались вышивкой геометрического характера нитками пастельных тонов или голубого цвета. Поверх рубахи надевались два полотнища на лямках; одно полотнище, нижнее — на правое плечо лямка, низ полотнища украшался бахромой, тканой лентой или вышивкой, верхнее полотнище надевалось на левое плечо, выглядело это как сарафан, распашной на левом боку. Верхнее полотнище давал название всему костюму — «аануа», а нижнее называлось «хурстуксет». Обязателен был тканый пояс, делавший два оборота вокруг талии. Через пояс перекидывали богато вышитое полотенце-передник, в некоторых регионах, ближе к Карелии, носили вместо полотенца передник на одной лямке. Обязательным дополнением к костюму был ридикюль из бересты, его девушка или женщина прижимала локтем.

Головной убор к этому архаичному костюму выглядел тоже необычно. Длинное полотнище складывали втрое и прошивали снизу. Отступая ряд за рядом вверх до пояса украшали плотно лентой, кружевом и бисером. Верхний край полотна складывали вдвое, и пришивали этот край к красиво вышитой широкой ленте. Эта лента должна шапочкой охватить голову, а верхний край большого полотна должен создать кокетливый конус-колпачок.

Этот затейливый головной убор прикрывал волосы ижорки, заплетенные в три косы: на висках и на затылке, и закручивались в спирали. Такая мода сохранялась до конца XIX века, когда на смену такой многослойной одежде пришли рубаха с сарафаном из синей нанки. Своеобразие сохранилось в декоративных элементах и в головном уборе, он упростился, но принцип конструкции сохранился.

В начале XX века появились город-

ские формы одежды: юбки и кофты, но декоративные элементы выдавали не только финноязычную представительницу, но именно ижорку.

Семейные традиции ижорцев тоже стоит описать. Без свата это дело не обходилось. Им мог быть любой взрослый человек. Он являлся в дом невесты, вел иносказательную речь (напри-

Конькова Ольга Игоревна
в национальном ижорском костюме

мер, о купце и товаре), ответа не ждал. Семья жениха следила за реакцией семьи невесты. Второй визит — с подарками будущей родне, но без жениха. Сват наносил третий визит с женихом. Сват нес табак, жених — кольцо невесте, а девушка должна подарить жениху свое рукоделье. Как и у води, закреплялось решенное всеобщим воскурением табака. Венчались молодые в церкви, а за свадебным столом царили традиции и ритуалы от старины. Каким бы ни было настроение невест-

ты, она должна была попричитать, поплакать. Это символизировало ее умирание для своего рода. Она не садилась за стол, стоя кланялась гостям, предлагала им пить и есть. И должна была каждому гостю от новой родни подарить свое рукоделье. Таким образом она переходила в новый род.

При соблюдении таких традиций уже 7-10 летние девочки должны были осваивать ткачество, вязание и другие виды рукоделия, чтобы к совершеннолетию подготовить себе приданое и подарков не менее тридцати. Девочкам-сиротам помогали всей деревней расти, учиться и копить приданое. Из общинного круга и достатка не выбрасывали и мальчиков-сирот. Их, как правило, определяли в бездетную семью или семью ремесленника, за сиротой не было надела, и в будущем он мог зарабатывать ремеслом.

Ижора, как и окрестная водь, обожествляли природу. Любили рябину, березу. Сажали какое-то из этих деревьев в угол дома или у начала дорожки к дому. Обожествляли какую-нибудь березу в лесу, и со временем вся община прокладывала дорогу к этой березе, на нее вешались ленточки, полотенца, у нее гадали, заплетая ветви в косу.

Сосну сажали при рождении ребенка у дома, в поле с наделом. Если умирал ребенок — обрубали сук.

Календарные праздники носили общественный характер. Их отмечали совместно, вскладчину. Варили пиво, веселились все вместе в опрятно убранной и украшенной риге.

На Ильин день, который связывали с плодородием земли, приносили жертву земле или воде, в зависимости от того, какое хозяйство преобладало: земледелие, скотоводство, рыболовство.

На день Флора и Лавра, покровителей лошадей, пекли особый хлеб, в

центр запекали целое яйцо. Яйцо получал человек, отвечающий за выпас лошадей, а хлеб по кусочку скармливали домашнему скоту.

Известен так называемый «бабий праздник», на который не допускались мужчины и девочки. Главными на этом празднике были заслуженные повитухи и молодые мамочки. Кроме общего стола вскладчину делали подношения повитухам и знахаркам.

По последней переписи населения в 2002 г. ижор осталось 177 человек, на ижорском языке никто не общается, несколько человек владеют этим языком, но в силу возраста и квалификации обучать других не в состоянии.

Не государство препятствует развитию и возрождению народных традиций малых народов, а общественная инертность внутри национальных сообществ. Это беда, о которой поведали сказители «Калевалы»: на чужих колыбельных выросло три поколения представителей малых народов.

Но о водь и других малых народах не забудут: решением губернатора Ленинградской области В.П. Сердюкова подписано распоряжение об образовании рабочей группы по созданию музейно-культурного центра коренного населения. Группа приступила к работе и, во вторых, компания «Усть-Луга» и Музей антропологии заключи-

Фольклорная группа «Корпи» исполняет ижорские песни

ли Меморандум о совместной работе по сохранению и развитию культуры коренного населения Усть-Лужского региона. Таких прецедентов прежде не было. Теперь мы все можем следить по печати и в Интернете за решением этих проблем.

В этом году в д. Вистино и Краколье будет организована «мобильная национальная школа», где будут проводиться лекции по истории и культуре водь, ижоры и ингерманландских финнов, будут организованы практические занятия по ремеслам и декоративно-прикладному искусству. Заложено в программу и издание научно-популярных книг по истории и культуре корен-

Н.Г. Остонен
в национальном финском костюме
Скворицкого прихода

Куклы в национальных костюмах ижор, водь и финнов-ингерманландцев

ных народов Ленинградской области, издание книг для чтения по водскому и ижорскому языкам, пособий по народному костюму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Народы России. Энциклопедия. М.: Научное издание БРЭ, 1994.
2. Дужников Ю.А. По ижорской возвышенности. Л.: Лениздат, 1972.
3. Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.
4. Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М., 1965.
5. Соседи. Альманах. Ингерманландия. Культура. Современность, 2004.
6. Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб: Инкери, 2008.
7. Земля Невская православная. Краткий церковно-исторический справочник. СПб, 2000.
8. Водь, ижора и финны Ленинградской области. Народы европейской части СССР. М., 1964.
9. Конькова О.И. Водь. Мы живем на одной земле. СПб, 1992.
10. Конькова О.И. О водь и ижорах не забудут. Газ. «Инкери» № 2, 2008.
11. Гаген-Торы Н.И. О «бабьем празднике» у ижор. Этнография, 1930.
12. Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности. Календарные обычаи и обряды. М.: Наука, 1977.
13. Певчая птица. Песенник. СПб: Миссия «Россия», 1999.

Стеганцева Людмила Ивановна
со своим музеем кукол
в национальных костюмах
Ингерманландии

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Андрей Бурлаков

Панорама села Рождествено. Почтовая открытка начала XX в.

Еще с эпохи основания села Рождествена ведет свою историю Старое кладбище, расположенное на живописном береговом холме реки Оредеж. До его открытия жителей деревни Грезны, как когда-то называлось Рождествено, и других окрестных поселений хоронили на старинном погостинском кладбище, находившемся в районе давно утраченной Никольской церкви, которая впервые упоминается в Новгородской писцовой книге 1499 года¹.

Своим появлением рождественское кладбище обязано сыну Петра I — царевичу Алексею. В 1713 году государь подарил ему эти земли, входившие в состав Куровицкой мызы. При новом владельце на берегу Оредежа начинается строительство усадьбы и возводится деревянная церковь, освящен-

ная по благословию Новгородского митрополита Иова 24 сентября 1714 года священником Федором Федоровым во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Деревня Грезна получает новое наименование и становится селом. С тех пор по названию храма село называется Рождественным.

Эта церковь находилась на вершине холма, там, где сейчас расположено Старое кладбище. Можно предположить, что первые захоронения вокруг храма принадлежали представителям местного духовенства. Как приходская церковь Рождественский храм действовал до 1785 года, пока в селе, ставшем к этому периоду на некоторое время городом, не была возведена новая церковь². Построили ее вследствие ветхости старой, и, как сообщает одно из епархиальных изданий «по не-

удобству восходить на нее, особенно в снежную зиму, так как церковь стояла на крутой горе»³. В 1812 году старую Рождественскую церковь перестроили в часовню. Эта кладбищенская часовня была разобрана до основания в 1926 году. В наши дни на вершине холма среди заброшенных могил и вековых деревьев можно найти место, где когда-то она стояла.

В Метрических книгах церкви Рождества Пресвятой Богородицы XVIII—XIX столетий, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, имеются многочисленные записи о погребении на Старом кладбище рождественских и окрестных крестьян, а позднее, когда село было преобразовано в уездный город — купцов и мещан. Место своего последнего упокоения находили здесь и некоторые местные помещики и дачевладельцы.

Наибольшее количество захоронений было произведено на кладбище в 1831 году, когда в Рождествене и округе, как и во многих губерниях России, хозяйничала холера. Так, в июле этого года от холеры скончалось 37 человек, среди которых была, например, и дочь рождественского священника Василия

Передольского — девица Марина Васильевна, двадцати одного года.

Самое раннее из уцелевших на кладбище захоронений относится к 1824 году. Это могила матери известного поэта-декабриста Кондратия Федоровича Рылеева, владелицы соседней усадьбы «Батово». Метрическая книга сообщает: «Умершего подполковника Федора Андреевича Рылеева вдова Анастасия Матвеевна Рылеева»⁴. Она скончалась в возрасте 64 лет от «горячки» и, как записано в книге, погребена «при церкви на кладбище»⁵. Рылеев глубоко переживал смерть матери. Он обозначил место ее погребения достойным надгробным монументом и старался как можно дольше сохранить о ней незабвенную память. Находясь после декабрьского восстания в тюремном каземате Петропавловской крепости, в письме от 24 мая 1826 года Рылеев просил жену: «Мне бы желалось, мой друг, чтобы ты, устроившись, положила в Банк рублей сто и билет отдала в Рождественскую церковь с тем, чтобы за проценты на него тамошний священник каждогодно отслуживал 2-го июня панихиду на гроб матушки, когда и нас не будет»⁶.

Могила матери Рылеева расположена почти на вершине холма, рядом с главной дорожкой и окружена металлической оградой. На белом мраморном основании, положенном на большой гранитный куб, можно прочитать следующие строки:

«Анастасия Матвеевна Рылеева.
род. декабря 11 дня 1759 г.
сконч. июня 2 дня 1824 г.
Мир праху твоему
женщина добродетельная»

Старинный памятник сегодня находится в неухоженном состоянии, а надгробный текст потемнел и читается с трудом. Местные старожилы вспо-

Фрагмент надгробия на могиле Анастасии Матвеевны Рылеевой, матери К.Ф. Рылеева
Современная фотография

минали, что в былые времена мраморное основание памятника завершала каменная урна, давно утраченная. В последний раз надгробие приводилось в порядок силами местного колхоза в

Т.В. Вячеславова.
Фотография 1978 года

середине 1970-х годов.⁷

В 1983 году в Рождествено во время съемок ленинградским телевидением знаменитого в свое время документального фильма «Элегия» на Старом кладбище мной случайно была обнаружена большая каменная плита с уже едва различимым текстом. Режиссер картины Владислав Виноградов, запечатлевший меня в кадре вместе с заведующей Рождественским музеем Татьяной Васильевной Вячеславовой, попросил найти на кладбище какую-нибудь старую могилу рылеевской эпохи. Эту плиту я заметил не сразу.

Она находилась неподалеку от могилы матери К.Ф. Рылеева рядом с местом бывшей Рождественской церкви и была наполовину завалена мусором, землей и опавшей листвой. С трудом удалось очистить плиту и прочитать текст:

«Во имя Отца и Сына и Святаго
Духа. Аминь.

На сем месте погребено тело
Раба Божия СПб

Мещанина Гаврилы Денисова
скончавшего 1829 года сентября 7
дня на 54 году от рождения и
оставившего после себя детей
своих в горести на произвол
всевышнего творца.

Сея памятник воздвигала из любви
и почтения к чадолюбивому отцу
признательная и сердечно сетующая
покорная дочь

Прасковья Коммисарова»

К счастью, я успел переписать текст, спустя некоторое время снова побывав на кладбище, этой могилы я уже не нашел. В 1991 году, занимаясь исследованием исторических и памятных захоронений Старого кладбища в селе Рождествено, я долго искал утраченную плиту, металлическим прутом протыкал землю и снова обнаружил ее под толстым слоем дерна и травы. Как оказалось, подхоранивая в соседнюю ограду, плиту просто завалили землей и песком. Очистив плиту, я с радостью сообщил о ней в Рождественский музей, но там моей находкой почему-то не заинтересовались. В последний раз с трудом разыскал я ее на кладбище в 1996 году во время очередной пешеходной экскурсии. В настоящее время старинная надгробная плита снова затерялась. Предпримет ли кто-нибудь попытку снова ее найти — неизвестно.

На склоне кладбищенского холма, среди густых зарослей кустов и дере-

вьев, со стороны господской усадьбы находится надгробный памятник, выполненный из белого мрамора. Текст, высеченный на пьедестале, гласит, что здесь похоронена

«Жена профессора Императорской
Академии Художеств
Ольга Антоновна
Шишкина
урожденная Лагода
родилась 3 Апреля 1850 г.
скончалась 25 Июля 1881 г.»

Могилы жены художника И.И. Шишкина
Современная фотография

Каким образом могила жены великого русского художника оказалась на сельском кладбище? Иван Иванович Шишкин на протяжении значительно-

го периода своей жизни в летние месяцы отдыхал на дачах в Сиверской и ее окрестностях. Необыкновенная красота и девственная природа бывшей дачной столицы очень привлекала художника. Отдыхая в деревне Старо-Сиверская, он познакомился с талантливым и самобытным художником Ольгой Антоновной Лагодой, которая в 1880 году стала его супругой. Летом следующего года чета Шишкиных поселилась в дачной усадьбе, расположенной на живописном оредежском берегу в деревне Выра. Здесь на даче 21 июня 21 июня 1881 года у них родилась дочь Ксения, крещение которой состоялось в Рождественской церкви. Однако счастье супругов было недолгим. Неожиданно для всех Ольга Антоновна заболела и вскоре умерла. Тяжело переживал ее смерть художник. В письме своему другу Г.А. Озонишину Шишкин сообщал: «От всей души благодарю за сочувствие — ты хотя далеко, но понял, какую утрату я понес: если бы знал ближе, что это был за человек — женщина, мать и вместе с тем талантливая художница, друг и товарищ. Можно себе представить, каково мое положение; потеряв такого драгоценного человека, я, как ни борюсь, как ни мужаюсь, но тоска и обида судьбы гнетет и давит меня... Сердце замирает от боли...»⁸.

Художник часто приезжал на могилу покойной жены, правда, сменив свой летний вырский адрес на другие места. Боль утраты долго не давала ему покоя. Я застал еще старожилов, которые со слов своих бабушек и дедушек вспоминали художника, приносившего к подножию памятника большие охапки ароматных роз и подолгу сидевшего около могилы. Надгробие, когда-то хорошо просматривавшееся со стороны Киевского шоссе, благополучно пережило многие лихолетья, од-

нако в семидесятые годы на него упало старое дерево. От сильного удара большой белый крест раскололся на несколько частей. Впоследствии пострадал и массивный пьедестал памятника. Создается впечатление, что не так давно его кто-то перетаскивал на другое место.

Захоронение О.А. Лагоды-Шишкиной нуждается в срочной реставрации. К памятнику с трудом можно подойти от главной кладбищенской дорожки. Забытая могила, расположенная напротив восстанавливаемого Набоковского музея, уже давно вызывает о помощи.

Среди других чудом сохранившихся старинных захоронений можно отметить небольшое каменное основание с чугунным крестом. Практически стертая нечитаемая надпись сообщает:

«На оном месте погребено тело
младенца
Александра Васильевича
Харлампиева
сконч. 30 марта 1885 г.»

Памятник находится в крайне неудовлетворительном состоянии.

Не об этом ли кладбище вспоминал наш известный земляк Владимир Владимирович Набоков в своем стихотворении «На сельском кладбище», написанном в 1923 году:

*На кладбище — солнце,
сирень и березки,
и капли дождя
на блестящих крестах,
местами отлипли
сквозные полоски
и в трубки свернулись
на светлых стволах.*

*Люблю целовать
их янтарные раны,
Люблю их стыдливые
гладить листки...*

*То медом повеет
с соседней поляны,
то тиной потянет
с соседней реки.
Прозрачны и влажны
зеленые тени.
Кузнечики тикают —
шепчут кусты —
и бледные крестики
тихой сирени
кропят на могилах
сырые кресты.*

Список достопамятных лиц, погребенных на Старом Рождественском кладбище.

1. Антонов Иоанн (1782–1822 гг.) — дьякон 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса, с 1809 г. — церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено. Семейное захоронение.

2. Бабкин Алексей (1790–1829 гг.) — казенный денщик корнета лейб-гвардии Кирасирского полка Владимира Ключинского.

3. Боротинский Петр (1814–? гг.) — дьякон церкви Рождества Пресвятой Богородицы, церкви Вознесения Господня в селе Рождествено. Семейное захоронение.

4. Быстровский Павел Дмитриевич (1790–? гг.) — пономарь, дьячок церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено. Семейное захоронение.

5. Васильев Иван (1739–1827 гг.) — петербургский мещанин, содержатель Рождественской почтовой станции.

6. Васильев Родион (1730–1803 гг.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено. Семейное захоронение.

7. Васильев Сергей (1765–1808 гг.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено. Семейное захоронение.

ние.

8. Дорофеева Ирина (1807–1833 гг.) — жена унтер-офицера лейб-гвардии Его Императорского Величества полка 3-го эскадрона Алексея Осипова.

1. Евдокимов Федор (1792–1825 гг.) — «Господина камергера Пушкина крестьянин»⁹.

2. Егоров Василий Алексеевич (1795–1825 гг.) — титулярный советник.

3. Иванов Петр (?–1805 гг.) священник церкви Вознесения Господня в селе Рождествено в 1777–1805 годах. Семейное захоронение.

4. Клементьев Давыд (1759–1810 гг.) — отставной солдат Егерской роты лейб-гвардии Измайловского полка.

5. Максимов Илья Максимович (1759–1833 гг.) — отставной унтер-офицер лейб-гвардии Измайловского полка.

6. Матвеева Елизавета (1804–1825 гг.) — дочь умершего коллежского асессора Николая Матвеева.

7. Минина Екатерина (1765–1808 гг.) — вдова порховского купца.

8. Орлов Семен (1762–1820 гг.) — коллежский регистратор, смотритель Вырской почтовой станции с 1815 по 1820 год. Семейное захоронение.

9. Павлов Матвей (1753–1803 гг.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено. Семейное захоронение.

10. Панов Василий Савинович (1799–1850 гг.) — гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, староста села Рождествено. Семейное захоронение.

11. Панов Савин Никитич (1763–1827 гг.) — гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено¹⁰. Семейное захоронение.

12. Прялкин Яков Семенович (1809–? гг.) — гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, ямщик,

содержатель Вырской почтовой станции.

13. Родионов Дмитрий (1858–1808 гг.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено. Семейное захоронение.

14. Русаков Петр Сергеевич (1794–1840 гг.) — гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, содержатель торговой лавки.

15. Рылеева Анастасия Матвеевна (1759–1824 гг.) — вдова подполковника, помещика, первого содержателя Вырской почтовой станции Федора Андреевича Рылеева, владелица усадьбы «Батово», расположенной в окрестностях села Рождествено, мать известного поэта-декабриста Кондратия Федоровича Рылеева. Захоронение сохранилось.

16. Садовский Тимофей Иванович (1775–1835 гг.) — губернский секретарь, смотритель Вырской почтовой станции с 1823 по 1835 гг. Семейное захоронение.

17. Семенова Дарья (1804–1850 гг.) — вдова отставного подпоручика Ивана Иванова.

18. Серебряков Гавриил Иванович (1752–1833 гг.) — отставной коллежский советник.

19. Степанова Феофания (1750–1808 гг.) — вдова гатчинского купца, проживавшего в селе Рождествено.

20. Стефанова Анастасия (1830–1831 гг.) — дочь кучера «Двора Его Императорского Высочества Цесаревича» Саввы Стефанова, младенец, 1 год¹¹.

21. Торошковский Петр Маркович (1788–1833 гг.), дьячок церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено¹². Семейное захоронение.

22. Федоров Василий (?–1777 гг.) — священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено.

23. Федоров Прокофий (1741–1819

гг.) — пономарь церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено. Семейное захоронение.

24. Федоров Самсон (1765—? гг.) — крестьянин, староста деревни Выра. Семейное захоронение.

25. Чернова Мария Пахомовна (1808 г.) — дочь Санкт-Петербургского полицмейстера, надворного советника и кавалера, участника войны 1812 года, впоследствии генерал-майора Пахома Кондратьевича Чернова, владельца усадьбы «Заречье» и деревни Малое Заречье Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии, младенец, 7 недель.

26. Шубин Евстигней Фомич (1778—1829 гг.) — вольноотпущенный крестьянин села Рождествено помещицы Ольги Дмитриевны Ефремовой, содержатель Ящерской и Гатчинской почтовых станций с 1826 по 1829 год¹³.

27. Шишкина Ольга Антоновна, урожденная Лагода (1850—1881 гг.) — художник, жена профессора Императорской Академии Художеств, великого русского художника Ивана Ивановича Шишкина. Захоронение сохранилось.

28. Юнин Семен Моисеевич (1792—1857 гг.) — гатчинский купец 3-й гильдии, проживавший в селе Рождествено, староста церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, перестроенной в 1812 году, сгоревшей при пожаре в 1837 году, содержатель Гатчинской и Красносельской почтовых станций, местный благотворитель. Семейное захоронение.

29. Юнина Наталия Карповна (?—1850 гг.) — жена гатчинского купца 3-й гильдии Егора Моисеевича Юнина, проживавшего в селе Рождествено.

Список достопамятных лиц, погребенных в ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рож-

дествено

Церковный некрополь в ограде Рождественского храма, построенного в 1883 году и освященного в 1885 году, появился, судя по документальным источникам, вскоре после 1812 года. Именно к этому времени были завершены работы, связанные с перестройкой деревянного здания церкви Рождества Пресвятой Богородицы, возведенной первоначально в 1785 году. Случившийся в 1837 году грандиозный пожар уничтожил часть старинного села и деревянный храм до основания. Однако церковный некрополь сохранился, и погребения на этом месте время от времени совершались вплоть до возведения здесь новой каменной Рождественской церкви, существующей поныне. К началу XX столетия в ограде храма имелось уже около трех десятков захоронений.

Изначально у церкви совершались погребения исключительно представителей местного духовенства, церковных старост и почетных прихожан. В Историко-статистических сведениях Санкт-Петербургской епархии, изданных в 1884 году, сообщается о трех рождественских кладбищах того периода, одно из которых находится «на месте сгоревшей церкви; здесь погребают только духовных»¹⁴. Поэтому нельзя согласиться с мнением некоторых местных краеведов, утверждающих, например, что у стен еще старой деревянной Рождественской церкви покоится прах помещика, владельца усадьбы «Заречье», расположенной у истоков реки Оредеж, участника войны 1812 года, генерал-майора Пахома Кондратьевича Чернова (1765—1827 гг.). Записи о его погребении в Метрической книге церкви Рождества Пресвятой Богородицы за 1827 год не обнаружено, и его захоронение, скорее всего, следует искать на петербургских кладбищах.

Одним из первых в церковной ограде был похоронен Моисей Андреевич Юнин — гатчинский купец, почетный прихожанин храма, проживавший в селе Рождествено. Точный год его погребения не установлен. Рядом с ним в 1831 году была похоронена его вдова Ирина Лукинична, которая скончалась в возрасте семидесяти лет. В метрической книге Рождественской церкви указано точное место ее погребения: «при церкви»¹⁵.

В 1886 году здесь у церкви был похоронен Владимир Рукавишников, любимый сын рождественского помещика и благотворителя Ивана Васильевича Рукавишникова, скончавшийся в 16-летнем возрасте от чахотки. Его отец — купец, сибирский золотопромышленник — был главным жертвователем основных средств при строительстве Рождественской церкви и, видимо, поэтому имел полное право похоронить здесь сына. Вскоре над его могилой появился склеп, увенчанный беломраморной гробницей, заказанной и привезенной из Италии. Склеп, по форме напоминающий Пасху, впоследствии стал местом упокоения И.В. Рукавишникова и его супруги, скончавшихся в 1901 году. Уникальный памятник прошлого чудом сохранился до настоящего времени и хорошо просматривается с автостреды Киевского шоссе.

О родовом склепе вспоминал в своих ностальгических произведениях Владимир Владимирович Набоков, мать которого, Елена Ивановна, была дочерью И.В. Рукавишникова. В романе «Другие берега» он писал: «... с праздничной ясностью восстанавливаю родной, как собственное кровообращение, путь от нашей Выры в село Рождествено, по ту сторону Оредежи:... белую усадьбу дяди на муравчатом холму; другой мост через рукав

Оредежа; другой холм, с липами, розовой церковью, мраморным склепом Рукавишниковых...»¹⁶.

1. Вансович Александр Григорьевич (1790-1836 гг.) — отставной полковник, один из владельцев усадьбы «Белогорка» Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии¹⁷. Захоронение сохранилось.

2. Дубровицкий Евгений Онисимович (1846—1911 гг.) — протоиерей, настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы с 1884 по 1911 год. Кавалер Ордена Святой Анны 3-й степени (1898 г.). Законоучитель Рождественского народного училища. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

3. Иванушка Рождественский (?—1836 гг.) — «юродивый, блаженный Иванушка», известный легендарный прорицатель местного края¹⁸.

4. Кашперова Пульхерия Александровна (1767—1831 гг.) — вдова надворного советника и кавалера Якова Александровича Кашперова, владельца усадьбы «Михайловская» Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии и деревень Ящера, Кузнецово, Покровка, расположенных в окрестностях села Рождествено.

5. Корольков Федор Васильевич (?—?) — гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, один из главных устроителей деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы в 1785 году (перестроенной в 1812 году и сгоревшей при пожаре в 1837 году), церковный староста.

6. Передольский Василий Агапович (1781—1839 гг.) — священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы, церкви Вознесения Господня в селе Рождествено. Семейное захоронение.

7. Петров Яков (?—? гг.) — староста церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено в начале

XIX века.

8. Репников Егор Денисович (?–1893 гг.) гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено, руководитель строительства каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы (1885 г.), один из жертвователей средств на строительство храма, в том числе строительного материала, местный благотворитель.

9. Рукавишников Иван Васильевич (1843–1901 гг.) — купец, потомственный дворянин, тайный советник, владелец усадьбы «Рождествено», почетный попечитель народного училища в селе Рождествено, основатель местного театра и библиотеки, дед известного писателя Владимира Владимировича Набокова, местный благотворитель. Семейный склеп. Захоронение сохранилось.

— Рукавишникова Ольга Николаевна, урожденная Козлова (1847–1901 гг.) — вдова И.В. Рукавишникова. Захоронение сохранилось.

— Рукавишников Владимир Иванович (1870–1886 гг.) — сын И.В. Рукавишникова. Захоронение сохранилось.

10. Сапунов Сергей Васильевич (1886–1951 гг.) — иерей, настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

11. Юнин Моисей Андреевич (? — не позднее 1815 г.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено, владелец собственного дома и торговой лавки в городе Гатчина, руководитель перестройки деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы в 1812 году, местный благотворитель. Семейное захоронение.

12. Яковлев Николай Тимофеевич (1852–1915 гг.) — фельдшер Императорского Придворного Конюшенного госпиталя.

Список достопамятных лиц, погребенных на Новом (Вознесенском)

Рождественском кладбище

Это знаменитое кладбище было открыто для погребения в 1851 году по ходатайству сельского схода рождественских жителей ввиду крайне ограниченной территории Старого кладбища. Новый некрополь был создан на месте бывшей городской площади, на участке от шоссе до Вознесенской церкви. Великолепный храм Вознесения Господня, построенный в стиле русского классицизма и освященный по высочайшему указу императрицы Екатерины II в 1786 году, во времена, когда село Рождествено было уездным городом, и считался го-

Вознесенская церковь.
Современная фотография

родским собором. Вокруг него должен был формироваться будущий городской центр, однако этот план так и не осуществился...

После упразднения города в первой половине XIX века городская площадь

использовалась для проведения ежегодных сельских ярмарок, построения и смотров квартировавших в Рождествено кирасирских эскадронов. Утратившая свой соборный статус Вознесенская церковь до открытия Нового кладбища значительный период времени практически бездействовала, а главным храмом села считалась церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Регулярные богослужения возобновились только после обновления обветшавшего храма и его повторного освящения в 1845 году местным священником Федором Румянцевым. После открытия кладбища вся территория бывшей площади была обнесена земляным валом и обсажена липами.

Одной из первых здесь была погребена местная помещица Ольга Дмитриевна Ефремова, вдова действительного статского советника Н.Е. Ефремова, владельца усадьбы «Рождествено». Запись в Метрической книге за 1852 год указывает, что ее похоронили «на учрежденном рождественском кладбище»¹⁹. Ее могила до наших дней не сохранилась.

Большое количество захоронений было утрачено в период последних десятилетий. Так, например, была заброшена и разорена могила барона фон Таубе, расположенная в юго-восточной части кладбища. Первая попытка учета памятных и исторических захоронений Нового Рождественского кладбища была предпринята мной в 1991 году, тогда же был составлен первый список наиболее интересных надгробных памятников.

Среди самых старых уцелевших захоронений следует отметить разбитое каменное основание памятника, находящееся близ храма. Практически стертая надпись надгробия сообщает:

«Отца и сына и святого духа Аминь

На семъ месте погребено
Тело раба Божия Гаврилы
Время его было 63 года
Скончался 1856-го года
Апреля 11-го дня»

Из других сохранившихся погребений раннего периода можно упомянуть каменное основание с отбитым чугунным крестом, находящееся над могилами рождественской мещанской вдовы Феклы Егоровны Шубиной, скончавшейся в 1878 году, и ее сына Гавриила Петровича Шубина, скончавшегося в 1879 году. Близ храма находится семейное захоронение Якова Петровича Щербакова, скончавшегося в 1881 году. Памятник выполнен из черного мрамора и заключен в старинную ограду. Из уцелевших захоронений дореволюционного периода хочется выделить частично поврежденный мраморный надгробный памятник над могилой отставного штабс-ротмистра Николая Ивановича Алонского (1879–1910 гг.), а также захоронения Николая Архиповича Юрьевского (1850–1910 гг.) (чугунный крест на каменном основании), Евдокии Павловны Павловой, скончавшейся в 1916 году (чугунный крест на каменном основании) и других.

Особо хочется отметить сохранившиеся до наших дней надгробные памятники, представляющие художественную ценность. Это, прежде всего, полукруглая каменная стела, установленная над могилой художника, владельца местной дачной усадьбы Николая Николаевича Кривошеина (1846–1909 гг.). Автор необычного памятника петербургский архитектор В.С. Карпов украсил стелу фресками²⁰. К сожалению, почти все они были утрачены в последние десятилетия. Чья-то безжалостная рука варварски уничтожила замечательные творения.

Значительный интерес также представляет родовая усыпальница Быковых, построенная в виде часовни из красного кирпича. Ее возвел над прахом своего отца Николай Васильевич Быков, потомственный дворянин, владелец усадьбы «Песчанка».

На грани полного разрушения находится каменный семейный склеп местного лесопромышленника, владельца усадьбы «Розовые дачи» Андрея Федоровича Менке.

В ужасном состоянии оказалось и семейное захоронение купцов Чикиных, оставивших яркий след в истории рождественского края. В 1996 году кто-то варварски надругался над их могилами. Памятники, выполненные с большим художественным вкусом из черного мрамора, были сброшены с исторического места, а сами могилы вскрыты и разорены. В последние годы живущие в Эстонии потомки Чикиных неоднократно приезжали навестить могилы своих предков. Они были потрясены, увидев в каком состоянии находятся сегодня захоронения их предков. Но своими силами привести в порядок родовые могилы им вряд ли удастся.

На окраине кладбища находится памятный обелиск, установленный на месте захоронения комсомольцев: 16-летнего Коли Шабашова и 15-ти летних Володи Козлецкого и Коли Сеницына. Они были расстреляны фашистами 12 сентября 1941 года за отказ выдать место расположения партизанского отряда, который базировался в окрестностях села Рождествено²¹.

С 1997 года смотрителем этого кладбища является Наталья Васильевна Антипова, замечательная подвижница села Рождествено. По ее инициативе уже несколько лет продолжаются работы по восстановлению Вознесенской церкви и благоустройству территории

исторического кладбища.

1. Алонский Николай Иванович (1879–1910 гг.) — отставной штабс-ротмистр. Захоронение сохранилось.

2. Ананьев Василий Иванович (1868–1903 гг.) — гатчинский купец 2-й гильдии, сиверский дачевладелец, содержатель ресторана и торгового заведения на станции Сиверская, местный благотворитель. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

3. Барабанов Михаил Дмитриевич (1920–1987 гг.) — уроженец села Рождествено, участник Великой Отечественной войны, председатель Рождественского сельского Совета с 1950 по 1975 год, общественный деятель села.

4. Баранов Михаил Якимович (1891–1979 гг.) — уроженец села Рождествено, передовой колхозник колхоза «Завет Ильича» (впоследствии колхоза имени Ленина), участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (1940 г.), заведующий Рождественской молочно-товарной фермой в послевоенный период. Почетный колхозник. Семейное захоронение.

5. Баранова Мария Федоровна (1878–1973 гг.) — жительница деревни Выра, лучшая ученица основанной в 1894 году в селе Рождествено школы кружевниц (на базе народного училища). В 1902 году на Санкт-Петербургской кустарной выставке ее работы в числе других работ школы были удостоены Большой серебряной медали. Знаменитая кружевница. Семейное захоронение.

6. Бирцев Павел Иванович (1892–1946 гг.) — уроженец села Рождествено, передовой колхозник, бригадир колхоза «Завет Ильича», участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Председатель Рождественского сельского Совета с 1944 по 1945 год. Семейное

захоронение.

7. Бланков Иоанн Иоаннович (1845–1908 гг.) — придворный дьякон, местный дачевладелец. Захоронение сохранилось.

8. Брелов Михаил Александрович (1918–1996 гг.) — участник Великой Отечественной войны, директор Рождественской средней школы с 1952 по 1973 год, директор Сиверской санаторно-лесной школы, общественный деятель села.

9. Бургарт София Леонтьевна (1852–1873 гг.) — дочь Леонтия Ивановича Бургарта, коллежского советника, владельца дачной усадьбы в окрестностях села Рождествено.

10. Быков Андрей Михайлович (1819–1864 гг.) — дворянин. Захоронение сохранилось.

11. Быков Василий Михайлович (? — 1864 гг.) — дворянин, действительный тайный советник с 1860 года, владелец усадьбы «Выра» с деревнями Выра, Даймище, Ляды, Замостье, Грезно, Старое Поддубье и Новое Поддубье. Семейный склеп²². Захоронение сохранилось.

12. Быкова Мария Антоновна, урожденная Любошинская (?–1897 гг.), вдова В.М. Быкова.

13. Быков Николай Васильевич (1855–1893 гг.) — дворянин, сын В.М. Быкова, владелец усадьбы «Песчанка» и части усадьбы «Выра», расположенных в окрестностях села Рождествено. Захоронение сохранилось.

14. Власов Константин Филатович (1883–? гг.) — уроженец села Рождествено, участник Первой мировой войны и Гражданской войны, активист колхоза «Завет Ильича», почетный колхозник.

15. Вячеславовна Татьяна Васильевна (1910–1987 гг.) — заведующая Рождественским сортоиспытательным участком, депутат Ленинградского об-

ластного Совета в 1947 г., заслуженный агроном РСФСР, кавалер ордена Ленина, заведующая Рождественским краеведческим музеем с 1973 по 1985 год. Почетный гражданин Гатчинского района. Персональный пенсионер республиканского значения. Семейное захоронение.

16. Грушина Ольга (1899–1901 гг.) — дочь классного художника Александра Михайловича Грушина.

17. Дементьев Иван (1810–1869 гг.) — тайный советник, помощник главного врача Изварского округа Санкт-Петербургского воспитательного дома.

18. Дмитриев Моисей (1818–1899 гг.) — кронштадтский крепостной артист, отставной фейерверкер.

19. Ефремова Ольга Дмитриевна, урожденная Каратыгина (1765–1852 гг.) — выпускница Императорского театрального училища, балерина Императорского Эрмитажного театра, фаворитка графа А.А. Безбородко, вдова Николая Ефремовича Ефремова, действительного статского советника и кавалера, владельца усадьбы «Рождествено» с 1797 года по 1836 год²³.

20. Карасе в Александр Васильевич (1900–1952 гг.) — политработник Красной армии, участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, директор Рождественской средней школы с 1945 по 1952 год. Семейное захоронение.

21. Климова Пелагея Герасимовна, урожденная Моисеева (1880 — примерно 1957 гг.) — уроженка села Рождествено, председатель Рождественского сельского Совета с 1926 года, один из организаторов колхоза «Завет Ильича». Семейное захоронение.

22. Кожевников Юрий Иванович (1915–1973 гг.) — заслуженный гидротехник Казахской ССР.

23. Кончаловская Анастасия (1910 г.) — дочь Дмитрия Петровича Конча-

ловского, дворянина, младенец, 7 месяцев²⁴.

24. Кравцов Петр Иванович (1915–2002 гг.) — участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, главный врач Рождественской районной больницы с 1953 по 1975 год, Дружнотгорской поселковой больницы с 1975 по 1978 год, Сиверского военного гарнизона с 1978 по 1990 год, врач-новатор, делегат Международного конгресса пчеловодства в Москве (1971 г.). Заслуженный врач РСФСР. Председатель совета ветеранов Рождественского сельского Совета (впоследствии Рождественской волости), общественный деятель села Рождествено.

25. Кренин Сергей Николаевич (1879–1963 гг.) — старший сотрудник Санкт-Петербургского уголовного розыска с 1906 года, инспектор отделения с 1915 года, начальник учебной части Петроградской школы милиции с 1922 года, автор научных трудов, основатель Ленинградского музея уголовного розыска в 1925 году. Житель города Ленинграда, в летние месяцы проживал на даче в селе Рождествено.

26. Кривошеин Николай Николаевич (1846–1909 гг.) — петербургский мещанин, художник, владелец дачной усадьбы, расположенной в окрестностях села Рождествено. Захоронение сохранилось.

27. Кузовлева Мария Федоровна (1877–1910 гг.) — жена дворянина.

28. Лаков Виктор Михайлович (1926–2000 гг.) — уроженец села Рождествено, заслуженный строитель РСФСР. Семейное захоронение.

29. Малышев Николай Егорович (1927–1994 гг.) — заслуженный тренер СССР по легкой атлетике (тренировал спортсменов — будущих Олимпийских чемпионов).

30. Менке Андрей Федорович (1961–1916 гг.) — порховский мещанин, лесопромышленник, с 1892 года арендатор Рождественской мельницы на реке Оредеж, владелец усадьбы «Розовые дачи» в селе Рождествено. Действительный член Сиверского пожарного общества (с 1899 года). Семейный склеп. Захоронение сохранилось.

31. Менке Анастасия Александровна (1869–1919 гг.) — вдова А.Ф. Менке. Захоронение сохранилось.

32. Молчанов Георгий Дмитриевич (1830–1901 гг.) — заштатный дьякон Пулковской церкви Смоленской Божьей Матери, отец дьякона церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено Николая Георгиевича Молчанова.

33. Молчанов Николай Георгиевич (?–1932 гг.) — псаломщик, дьякон церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

34. Мурашко Игнатий Михайлович (1836–1899 гг.) — личный почетный гражданин.

35. Мюссар Евгений Иванович (?–? гг.) — маркиз, тайный советник, владелец дачной усадьбы в селе Рождествено в конце XIX — начале XX века. Семейное захоронение.

36. Мюссар Дарья Ивановна (1860–1913 гг.) — вдова Е.И. Мюссара. Захоронение сохранилось.

37. Никонов Иван Дмитриевич (?–1919 гг.) — уроженец села Рождествено, член Рождественского волостного исполнительного комитета Совета рабочих, первый председатель Рождественского сельского Совета, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году. Семейное захоронение.

38. Новожилов Евсей Васильевич (?–1929 гг.) — уроженец деревни Батово, крестьянин, управляющий усадьбой Василия Ивановича Рукавишни-

кова «Рождествено», владелец дачной усадьбы в Сиверской, владелец усадьбы в селе Рождествено. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

39. Подрядчиков Леонид Иванович (1892–1977 гг.) — уроженец села Рождествено, передовой колхозник, бригадир колхоза «Завет Ильича» (впоследствии колхоза имени Ленина), участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, комиссар партизанского отряда. Награжден орденом Ленина, Большой золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (1958 г.), Малой серебряной медалью Выставки достижений народного хозяйства в Москве (1960 г.). Почетный колхозник. Семейное захоронение.

40. Подрядчиков Николай, сын Л.Н. Подрядчикова, учащийся 8-го класса Рождественской средней школы, участник партизанского движения. Погиб при исполнении боевого задания 21 октября 1941 года²⁵. Посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени в 1965 г., его именем названы улицы в селе Рождествено и городе Гатчина. В 1974 году в Гатчине на фасаде одного из домов по улице Коли Подрядчикова была открыта мемориальная доска, посвященная памяти юного героя-партизана. Захоронение сохранилось.

41. Прялкина Антонина Павловна, урожденная Бирцева (1914–1999 гг.) — уроженка села Рождествено, заведующая Рождественской сельской библиотекой с 1935 по 1938 год, с 1944 по 1947 год, технический сотрудник Рождественского краеведческого музея, общественный деятель села.

42. Прялкин Яков Михайлович (1897–1962 гг.) — уроженец села Рождествено, участник Первой мировой войны и Гражданской войны, активист колхоза «Завет Ильича», бригадир по-

ведческой бригады, делегат Второго съезда колхозников-ударников Ленинградской области предвоенного периода, председатель Рождественского сельского совета (1941 г.), участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, заместитель председателя колхоза в послевоенный период, председатель Рождественского сельского Совета с 1946 по 1950 год, общественный деятель села Рождествено. Семейное захоронение.

43. Пуриков Василий Константинович (1904–1980 гг.) — уроженец села Рождествено, участник Гражданской войны, активист колхоза «Завет Ильича», руководитель комсомольской организации, заведующий Рождественским сельским клубом с 1936 по 1941 год, участник партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, общественный деятель села. Семейное захоронение.

44. Репников Александр Егорович (?–? гг.) — гатчинский купец, проживавший в селе Рождествено, владелец собственного дома в городе Гатчине и лесной дачи «Карловка», расположенной в окрестностях села Рождествено. Староста церковью Вознесения Господня и Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено в конце XIX века. Почетный член Сиверского добровольного пожарного общества (с 1899 года), организатор Рождественского пожарного отряда в 1903 году, начальник команды Сиверского добровольного пожарного общества с 1905 года, местный благотворитель.

45. Рябов Александр Иванович (1894–1975 гг.) — уроженец деревни Грезно, участник Первой Мировой войны, механик Рождественской мельницы, изобретатель-новатор, инициатор и руководитель строительства Рождественской гидроэлектростанции в 1936 году, активист колхоза имени

Ленина.

46. Свиткин Петр Григорьевич (?–1862 гг.) – священник церкви Вознесения Господня в селе Рождествено.

47. Семирягина Вера Леонтьевна (1906–1989 гг.) – жительница блокадного Ленинграда (рабочая Кировского завода), заведующая Рождественской сельской библиотекой с 1947 по 1962 год. Участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве в 1956 году. Награждена Большой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Основатель Рождественского краеведческого музея в 1957 году (Музея истории колхоза имени Ленина, ныне музея-усадьбы «Рождествено» – филиала Государственного учреждения культуры Ленинградской области «Музейное агентство»). Награждена Почетной грамотой Министерства Культуры РСФСР «За активную работу с книгой среди населения». В 1959 году Рождественская библиотека была награждена Дипломом «Лучшая библиотека РСФСР». Общественный деятель села Рождествено.

48. Семирягин Петр Андреевич (?–1981 гг.) – участник Гражданской войны, член КПСС с 1920 года, секретарь Лядского районного комитета партии Псковской области, директор Сиверского ветеринарного техникума с 1937 по 1941 год, секретарь Рождественской партийной организации, активист колхоза имени Ленина, персональный пенсионер.

49. Семочкин Александр Андреевич (1913–1994 гг.) – участник Великой Отечественной войны, капитан. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны. Житель деревни Выра.

50. Сидоров Федор Флорович (?–? гг.) – гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, староста

церкви Рождества Пресвятой Богородицы в 1896–1916 годах, казначей церковного попечительства, местный благотворитель.

51. Соколов Александр Сидорович (1905–1965 гг.) – уроженец села Рождествено, участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. Инвалид войны (получил тяжелое ранение на Ленинградском фронте). Известный ленинградский хирург, доктор медицинских наук, подполковник медицинской службы, автор научных трудов. Возглавлял хирургические отделения больниц имени Володарского, имени Свердлова, имени Куйбышева, имени Семашко. Работал старшим научным сотрудником Военно-медицинского музея в Ленинграде. Семейное захоронение.

52. Соколов Иван Федорович (1877–1954 гг.) – уроженец села Рождествено, член Рождественского волостного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году, член КПСС с 1918 года, организатор и первый председатель колхоза «Завет Ильича» (1929 г.), руководитель угона колхозного скота в Вологодскую область в августе 1941 года, местный активист. Его именем названа улица в селе Рождествено (бывшая Церковная). По инициативе Рождественского сельского совета на его могиле установлен памятник. Семейное захоронение.

53. Сюртуков Павел Александрович (1916–1993) – уроженец села Рождествено, участник Великой Отечественной войны, капитан. Награжден орденом Красной Звезды.

54. Терешенко Павел Семенович (1913–1985 гг.) – участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Праги (1945 г.). Пред-

седатель передового рождественского колхоза имени Ленина с 1954 по 1974 год, участник Всесоюзных сельскохозяйственных выставок в Москве, делегат XXII съезда КПСС (1962 г.), кавалер двух орденов Ленина, Большой золотой медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве в 1958 г. и других наград. Персональный пенсионер.

55. Тимофеева Акулина (1786–1856 гг.) – вдова унтер-офицера лейб-гвардии Преображенского полка.

56. Тишинский Владимир Николаевич (1853–1915 гг.) – коллежский асессор.

57. Успенский Николай Васильевич (1894–1963 гг.) – протоиерей. Семейное захоронение.

58. Фомин Евсей (1769–1856 гг.) – гатчинский купец 3-й гильдии, проживавший в селе Рождествено. Семейное захоронение.

59. Фомин Петр Артемьевич (1840–1915 гг.) – гатчинский мещанин, проживавший в селе Рождествено, местный благотворитель.

60. Чикин Иван Филиппович (1830–1892 гг.) – купец 1-й гильдии, владелец медно-прокатного завода и усадьбы, расположенных в окрестностях села Рождествено, почетный член приходского попечительства церкви Рождества Пресвятой Богородицы, попечитель Рождественского народного и Даймищенского земского училищ. Местный благотворитель. Семейное захоронение. Захоронение сохранилось.

61. Чикина Анастасия Ивановна (?–? гг.) – первая жена И.Ф. Чикина. Захоронение сохранилось.

62. Чикин Филипп Степанович (1796–1854 гг.) – вильмондstrandский купец 1-й гильдии, владелец медно-прокатного завода и усадьбы в окрестностях села Рождествено. Семейное захоронение. Захоронение сохрани-

лось.

63. Чикина Анна Алексеевна (1801–? гг.) – вдова Ф.С. Чикина.

64. Чикин Александр Иванович (1871–1917 гг.) – купец 1-й гильдии, прапорщик запаса, владелец медно-прокатного завода и усадьбы в окрестностях села Рождествено, попечитель Даймищенского земского училища в 1892–1897 годах. Семейное захоронение.

65. Чикина Мария (1833–1850 гг.) – дочь Ф.С. Чикина. Захоронение сохранилось.

66. Чикин Иван (1910 г.) – сын А.И. Чикина, младенец, 1 месяц.

67. Чурилов Людвиг (Иван) Андреевич (1814–? гг.) – отставной унтер-офицер Рождественской этапной команды, владелец усадьбы и спичечной фабрики в окрестностях села Рождествено.

68. Чурилова Марина Ивановна (1828–1893 гг.) – вдова Л.А. Чурилова.

69. Шестакова Ксения Васильевна (1819–1892 гг.) – вдова Петра Егоровича Шестакова, отставного унтер-офицера Императорских Дворцовых телеграфных станций.

70. Шубин Петр Евстигнеевич (?–1864 гг.) – вольноотпущенный крестьянин села Рождествено помещицы Ольги Дмитриевны Ефремовой, мещанин, содержатель Ящерской почтовой станции, поставщик лесного материала для перестройки бывшей крепости «Ингербург» в Гатчине в 1830 году.

Братское захоронение советских воинов-освободителей в селе Рождествено

Рядом с Киевским шоссе в центральной части села на берегу реки Оредеж находится братское захоронение солдат и офицеров 120-й Гат-

чинской стрелковой дивизии и других воинских частей, участвовавших в освобождении села Рождествено от немецко-фашистских захватчиков в январе 1944 года. Над могилой установлен памятник воинам-освободителям, на котором указаны имена павших воинов, а также имена жителей села, погибших на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 годах. Памятник был изготовлен в городе Киеве и первоначально находился на мемориале воинской славы в городе Гатчине.

¹ Никольско-Грезненский погост во времена средневековья был одним из административных центров Водской пятины Великого Новгорода. Писцовая книга за 1499 год сообщает: «Погост Никольско-Грезневской. На погосте церковь Велики Никола...» Погостинский центр располагался примерно на восточной окраине современного села Рождествена, там, где сейчас заканчивается старинный усадебный парк и проходит дорога, связывающая бывшее барское поместье с улицей Соколова (бывшей Церковной). Здесь, на берегу реки Грязны, впадающей в Оредеж, при пересечении ее с уже упомянутой дорогой (бывшей старинной Водской дорогой, связывающей в эпоху средневековья Новгород с Европой), как гласит местное предание, стоял когда-то первый рождественский Никольский храм.

² Указом императрицы Екатерины II село Рождествено в 1780 году было преобразовано в уездный город. В таком статусе Рождествено находилось до 1797 года. Вступивший на престол император Павел I город упразднил и издал распоряжение местным купцам и мещанам переехать во вновь учрежденный город Гатчину. Однако его указу подчинились не все, и в селе Рождествено еще долгие годы проживали многочисленные семьи бывших городских жителей.

³ Лавры, монастыри и храмы на св. Руси. Издание С.-Петербургской епархии. СПб, 1909, с.130.

⁴ ЦГИА СПб., ф.19, оп.124, д.406. Метрическая книга церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, 1824г.

⁵ Там же.

⁶ Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рыльева. СПб, 1874, с. 288.

⁷ Московский историк Андрей Чернов, рассказывая в одном из своих очерков о несостоявшемся в 1995 году праздновании 200-летнего

юбилея поэта-декабриста К.Ф. Рыльева, с горечью сообщал о судьбе надгробного памятника на могиле его матери: «Лет двадцать назад памятник вознамерились отреставрировать. Старый камень — серо-желтый из пудожского песчаника куб — увезли, надпись скопировали на мраморе. Правда, подлинник все же вернули. Он долго лежал под полатями русской печи в домике станционного смотрителя в Выре. Прошлой зимой я привычно туда заглянул... И похолодел. Камня не было. Искали недолго — оказался в музейном сарае под дровами. Истинно русская традиция, если вспомнить, как и где были найдены звенигородские иконы Андрея Рублева» (А. Чернов «Тайный поединок, или Прозванный юбилей» Литературная газета, 1995 г., 11 октября).

⁸ Бурлаков А. Сиверские адреса художника Шишкина, Гатчинская правда, 6 ноября 1999г.

⁹ ЦГИА СПб., ф.19, оп.124, д.407. Метрическая книга церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, 1825 г.

¹⁰ Многочисленные потомки С.Н. Панова в настоящее время проживают в селе Рождествено и его окрестностях.

¹¹ ЦГИА, СПб., ф.19, оп.124, д.413. Метрическая книга церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, 1831 г.

¹² Восприемником при крещении детей дьячка Рождественской церкви Петра Торошковского (Михаила в 1809 г., Павла в 1811 г., Александры в 1822 г., Федора в 1827 г.) был действительный статский советник и кавалер, владелец усадьбы «Рождествено» Николай Ефремович Ефремов.

¹³ Смерть Е.Ф. Шубина была предсказана знаменитым юродивым Иванушкой Рождественским.

¹⁴ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8, СПб., 1884 г., с.429.

¹⁵ ЦГИА СПб., ф.19, оп.124, д.413 Метрическая книга церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, 1831 г.

¹⁶ Набоков В. Другие берега. М., 1989 г., с.25

¹⁷ Супруга А.Г. Вансовича Мария Францевна, урожденная Бель, была дочерью Франца Францевича Бея (1758–1833 гг.) — первого владельца усадьбы «Белогорка» (в тот период мыза «Горка») коллежского ассессора и кавалера, предводителя дворян Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии.

¹⁸ Воспоминания о Рождественском Иванушке были опубликованы в сборнике М.И. Пыляева «Старое житье»: «Родом он был неизвестно откуда. Появился в Рождествене, как рассказывали, в 1798 или 1799 году, рано утром, в одной длинной рубашке, босой и без шапки. В этом виде нашла его жена мещанина Екатерина

Русакова: по словам одних, завязшим в канаве, других — сидящим на камне, что и сегодня покоится в конце улицы Слободка, и привела к себе в дом, где он жил до самой смерти.

Роста он был среднего, лицо имел смуглое, волосы и брови — черные; тело было грубое, всегда грязное, как бы покрытое «корой». Круглый год, даже зимой в трескучие морозы, ходил в одной рубашке, босиком и без шапки, заложив руки за спину. Питался всем, что ему давали. Спал всегда — и зимой, и летом — на печке, как бы накалена ни была; случалось, что обжигал себе тело, но ничем не лечился и всегда был здоров. Милостыни он не собирал; а кто из содержания давал ему деньги — опускал их в часовенный ящик. Притом, деньги он брал не от всякого: потому ли, что знал — кто с каким усердием давал ему, или потому, что деньги те неугодны были в жертву Богу. И, замечательно, когда опускал он в кружку монету, каждый раз приговаривал: «Спасибо! Ступай momой (т.е. домой)» и потом три раза пробежал по селу со словами: «Спасибо! Бог дал»...

К церкви Иванушка был весь усерден, но к службе ходил не всегда. Крестился всем кулаком, кланялся в землю и ударял сильно лбом. После службы иногда не одобрял служение, говоря «Поп стака мать», а чаще хвалил священника, приговаривая: «Спасибо, поп! Страх!». Любил провозжать до могил покойников. К духовенству, в особенности, к священнику, всегда был почтителен. Прославился же он тем, что жителям села Рождествена, как и другим, за несколько дней (два, три и более) предсказывал радости и печали: рождение ли у кого сына или дочери, смерть ли чью, пожар ли, гром, бурю, другое ли какое несчастье — он уже объявлял заранее. Вот лишь некоторые из событий, свершившиеся по его предсказаниям.

Так, в 1831 году предвещал он смерть сиво-рицкому священнику и благочинному Евтихию Литвину. Дело было так. Иванушка любил ходить к отцу Василию Передольскому, который принимал его с радением. Однажды, когда Иванушка был у священника, к тому приехал благочинный, которому весьма не понравилось, что рядом с ним находится такой странный и грязный человек. Литвин поинтересовался у священника, зачем тот принимает у себя «всяких людей». Отец Василий начал было объясняться, но слышавший это Иванушка, не говоря ни слова, подошел к благочинному, взял его за плечи и, повернув к дверям, сказал: «Мох! Мох!» и с этими словами вышел. Благочинный сразу же по возвращении домой захворал и вскоре умер.

В Рождествене жил крестьянин Евстигней Шубин, но большей частью пребывал в Гатчине, где содержал почтовый двор. Однажды в дом

Шубина к его жене Евдокии является Иванушка и, поколачивая ее по плечу, говорит: «Плачь! Плачь! Мох!». Озадаченная этими словами Евдокии пошла к Русаковым, чтобы поведать о странных словах их постояльца. Те и говорят, что «что-нибудь да уж предвещает же он неприятное — уж не смерть ли кому в вашем доме». — «Господи! Да кому же у нас умирать? Все в семье здоровехоньки...». Что же? Не прошло и двух часов, как приносят к Шубиной письмо с известием о том, что в Гатчине скоропостижно скончался ее муж.

Еще пример. В 1832 году стоял в Рождествене кирасирский эскадрон и размещался по крестьянским гумнам и сараям, а командир эскадрона князь Гагарин квартировал в доме Русаковых, в верхнем этаже. Однажды утром приходит к князю Иванушка, треплет по плечу и говорит: «Ай, страх! Горел, горел... ай, страх! Спасибо! Страх!». Князь, ничего не понимая и посмеиваясь над Иванушкой, выпроводил его вон. Тот, немного времени спустя, пришел к князю вновь с теми же словами. Князь не вытерпел и спустился к хозяевам дома, чтоб разузнать о значении Иванушкиных слов. Те и говорят, что «не было б где пожара... Это худое предвещание». И действительно, неизвестно от чего загорелось гумно, в котором стояло несколько кирасирских лошадей. Гумно потушили, а две лошади, которых не успели вывести, задохнулись в дыму.

...В последний год своей жизни, т.е. в 1836 году, проходя по Рождествену, несколько раз Иванушка подходил к церкви и... часто говорил: «Ай, горел, горел!.. Страх! Горел. Паши-молоти!». Год спустя, когда Иванушки уже не было в живых, выгорело вместе с церковью почти все село, так что по селу именно «хоть паши, хоть молоти»...

Свою же смерть провидец предсказал за полтора месяца. Тогда попало ему в косточку близ пятки на правой ноге стекло. По приходе домой стекло вытащили; такое случилось и прежде... На этот же раз, на слова пожалевшей его хозяйки он ответил: «Спасибо, бабка! Пора домой!», — и с этого времени заболела у него нога и голова, что продолжалось ровно шесть недель. Наконец, в один из сентябрьских вечеров 1836 года лег он в переднем углу на лавку под образами, дважды ударил себя в лоб кулаком (так он крестился), вытянул ноги и испустил дух. И замечательно, что вечно черное при жизни тело его стало бело как снег и как бы прозрачно...

Похоронили Иванушку возле сгоревшей церкви. На отпевании было все село и многие жители соседних деревень; как говорят, такого стечения народа не бывало в церкви и в Троицын день...».

¹⁹ ЦГИА СПб., ф.19, оп.111, д.588 Метричес-

кая книга церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено, 1852 г.

²⁰ Памятник Н.Н. Кривошеину в селе Рождествено Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Ежегодник общества архитекторов-художников Вып.4. СПб., 1909, с.47.

²¹ В довоенный период Николай Шабашов работал в колхозе «Завет Ильича», а Владимир Козлецкий и Николай Синицын были учащимися Рождественской средней школы. С первых дней фашистской оккупации подросткам была поручена роль связных партизанского отряда, но вскоре они были выданы предателем и арестованы. 12 сентября их повели на расстрел, каждый из них нес лопату. «Мальчишки были настолько измучены и истерзаны, что с огромным усилием несли этот груз» — вспоминала сестра Коли Шабашова Надежда Петровна Улыбина. «Их сопровождали двое немецких конвоиров. Когда ребят довели до леса (а деревья были уже без листьев), то было видно, как ребята копали себе могилу. А потом их выстроили в ряд и расстреляли в затылок. Это было ужасное зрелище, которое я до самой смерти не забуду». Только в 1949 году состоялось перезахоронение юных героев на территорию Рождественского кладбища.

²² По сведениям рождественских старожилов в семейном склепе Быковых находилось четыре захоронения.

²³ О.Д. Ефремова была двоюродной сестрой известного актера Василия Андреевича Каратыгина, первого исполнителя роли Чацкого в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

²⁴ Д.П. Кончаловский в начале XX века в летние месяцы подолгу гостил в усадьбе Рукавишниковых «Рождествено». Вместе с ним сюда часто приезжал и его брат — художник Петр Петрович Кончаловский — дед известного се-

годня режиссера и актера, председателя Российского фонда культуры Никиты Сергеевича Михалкова.

²⁵ О событиях 1941-го года и судьбе Николая Подрядчикова рассказано в очерке ленинградского журналиста Г. Молоткова «Оредежские встречи» («Нева», №12, 1968г.):

«Покинуть родное село пришлось военной осенью сорок первого. Горстка партизан ушла из села в дремучие леса. Ушел из родного дома и бригадир Леонид Иванович Подрядчиков и не один, а с четырнадцатилетним сыном Николаем.

За линию фронта в осажденный Ленинград с важными сведениями нужно было послать связного. На вопрос командира «кто пойдет?» — быстрее всех отозвался смуглый, гибкий, как лозинка, мальчик:

— Я пойду! — сказал он.

— Ну, как, Леонид Иванович, отпускаешь сына?

— Решай, командир...

И он пошел. Оглушенного взрывом снаряда его подобрали у переднего края наши солдаты. Партизанского связного доставили в Смольный. С аэродрома поднялась эскадрилья бомбардировщиков, и в оредежских лесах взлетели на воздух немецкие склады боеприпасов. Связного хотели отправить на Большую землю, к матери, но мальчишка настоял на своем: вновь перешел линию фронта и разыскал свой отряд. Но не намного пережил свой подвиг четырнадцатилетний партизан. Ушел однажды добывать тол и подорвался, разбирая немецкую мину. Его завернули в плащ-палатку и схоронили у высокой березы. Ушли партизаны, скупо поклявшись вернуться и похоронить прах героя на родном погосте....».

У ИСТОКОВ

ОРЕДЕЖА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Дмитрий Рябов

РАССКАЗ

СТАРОГО КРЕСТЬЯНИНА

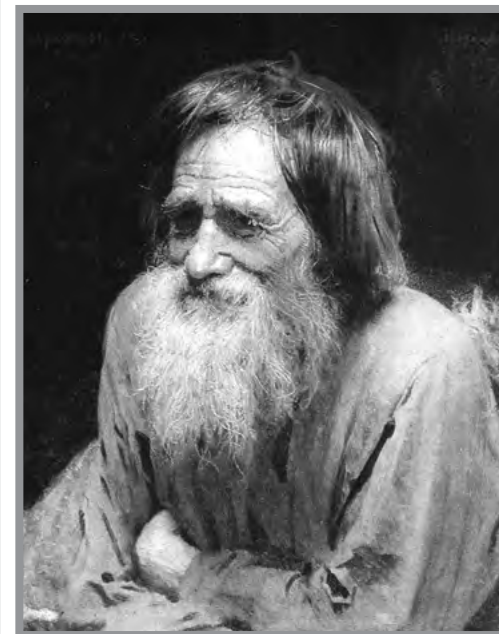
Девяносто шестой год Николаю Кирилловичу Лупанову. Можно сказать, он — один из тех, о ком говорил александровский министр Головин; сморщился, ссохся весь, но глаза его все еще с непогасшим любопытством смотрят из-под поредевших бровей на белый свет...

В глубокой старости особенно, должно быть, остро у человека восприятие жизни, — потому что вот-вот она уйдет и не будет ни солнца, ни этого упавшего с дерева листика, что лежит на коленях у деда Салаки — вот ведь прилипчивы деревенские прозвища! А рядом с дедом устроилась Вера Леонтьевна Симирыгина, первая заведующая рождественским историко-краеведческим музеем, что пришла летним днем в конце 1950-х записать рассказ деда о старине¹.

«Если хочешь знать, так в старое время рождественский мужик только по званию числился крестьянином, — вспоминает Н.К. Лупанов. — Это теперь рабочий — так он рабочий и есть, колхозник — так колхозник, а тогда у нас в пригородных петербургских селах было по-другому. Почти каждый мужик в то время был и мастеровой, иначе бы ему никак не прокормиться. Еще летом туда-сюда, а по зимам в Рождествене одни бабы с малыми детишками оставались, мужики все в отходе: кто на меднопрокатном заводе

у Чикиных в Даймище, кто у Менке на лесопилке, кто в Питере извозом промышляет. А больше работали на лесосеках, лесу у нас тогда изводили видимо-невидимо, косили его как рожь².

Земля не кормила. И мало ее было у нашего брата, и худо рожала... Где тут было взяться доброму хлебу у мужика! Мы его больше покупали у лавочников за денежки, а денежки надо было заработать. Вот и я так же жил...»

И.Н. Крамской. Мина Моисеев. Этюд к картине «Крестьянин с уздечкой». 1882 г.

Говоря о «четырех переменах» на столе крестьянина — помните? — путешественник пояснял, что местные

мужики, хотя и «не похваляются урожаем, чего на горячем песке и ржавчине и ожидать не должно, но живут промыслами довольно порядочно». В условиях Рождественской волости, производившей лишь 40% необходимого хлеба, промыслы перестали быть простым подспорьем и стали главным источником существования населения. Недаром в начале XX в. земские статистики отмечали здесь до 144 видов промысловой деятельности: от легкого и ломового извоза до лесных работ до занятий женщин «древнейшим ремеслом».

Деревня Межно.
С дореволюционной открытки

Наиболее доходным делом в то время, как и сегодня, признавалась торговля. Реформа 1861 г. сняла ограничения с крестьянской торговли и, по воспоминаниям старожилов, в деревнях и селах были лавочки, где торговали всем, начиная с хлеба, соли, керосина и кончая хомутами и колесной мазью. Бутылка молока стоила в то время 5–6 копеек, фунт лесной земляники — столько же, но, добавляя сюда торговлю лесом и скотом да содержание чайных, получим группу промыслов с годовым доходом более полутора тысяч рублей. Это был верный путь стать крепким хозяином, иначе говоря, — «кулаком»³.

Характерным занятием местных

крестьян был дачный промысел. В 1857 г. Оредежа достигает Варшавская железная дорога и по высоким живописным берегам реки начинают строиться дачи. Карельский перешеек в те годы принадлежал Великому княжеству Финляндскому, и одним из самых популярных мест летнего отдыха петербуржцев постепенно становится «Сиверская дачная местность». Считалось, что крестьянин здесь интересуется не столько урожаем на роже, сколько «урожаем на дачников»: в 1912 г. в Сиверской и окрестностях летом отдыхало уже до 36 тысяч человек.

«Наем дач был своеобразный процесс, — вспоминали петербургские старожилы Д.А. Засосов и В.И. Пызин. — На станции дачников ожидало много крестьян-извозчиков на лошаденках... Обычно на окошках дач наклеены бумажки о сдаче внаем, но у возчика свой адрес, и, если дачник просит остановиться у дачки, приглянувшейся ему, извозчик говорит: «Здесь плохо: хозяйка сварлива и клопов много». И везет к себе или к куму, от которого получит магарыч... Наконец, дача оказывается подходящей, цена тоже. Дается расписка, что дан задаток, а хозяин, бывало, ставит три креста вместо подписи. После этого идут в избу хозяина, разворачивают закуски, а хозяйка подает на стол самовар, молоко, душистый хлеб. Съемщик угощает водочкой... Угощают и извозчика, который ждет отвезти дачника обратно на станцию. Перед прощанием договариваются о сроке приезда, о встрече с тележкой для вещей. На станции извозчик просит на чаек, поскольку он очень старался и дачу снял «самлучшую...»

Крестьянские дома на Выре, в Рождествене и других местах сдавались недорого; за 100 рублей можно было

снять прекрасную дачу из нескольких комнат — на берегу реки и недалеко от вокзала. За проезд на извозчике от станции до Выры брали 50 копеек, до Рождествена — 65, Батова и Даймища — 85 и т. д. Так что, заработки крестьян от сдачи помещений и обслуживания отдыхающих (извоз, продукты, грибы-ягоды и пр.) составляли вполне ощутимую сумму.

Наконец, последним средством заработать деньги был для крестьянина специфически женский промысел, знаменитое «питомничество». Этим промыслом занимались преимущественно финские крестьяне из Межно, Большева, Выры, Рыбиц, которые брали в свои семьи детей-сирот из Воспитательного дома и получали от государства на их содержание небольшую денежную сумму.

У Николая Лупанова надела не было совсем: отец и мать умерли рано, земля была продана за долги⁴. В двенадцать лет свезла его тетка в Петербург и определила учеником в шорную мастерскую. Крестьянский мальчик в точности повторил судьбу чеховского Ваньки Жукова, разве что не было у него сердобольного деда, которому можно было бы пожаловаться на жизнь...

Но вот прошли пять долгих лет ученичества, Коля стал подручным мастера, поступил на седельную фабрику Вальтера Коха. После работал на экипажной фабрике «поставщиков высочайшего двора» братьев Брейтгам; пятнадцать лет прожил в столице, овладел профессией, женился. А все равно тянуло его домой, как в тот первый день, когда он весь в слезах долго не отпускал теткин подол. К тому времени бездетная тетка умерла и у Николая в Рождествене появилась какая-никакая крыша над головой.

Зимой он кочевал по окрестным

деревням: кому хомут починит, кому сбрую соберет. Зато, как придет весна, тут его праздник. И полоска чужая, арендованная, и лошадка соседская, но запах вспаханной земли кружил голову и иной раз казалось, что живет он в полную крестьянскую силу.

«Слыхала о Крамском? — продолжает дед. — Я тогда фамилии его не знал, да и не очень при моей малой грамоте понимал, что такое живописец. Прослышал только я однажды, еще в ранней молодости, что в соседней деревне Большево... приезжий петербургский художник рисовал знакомого мне мужика Мину Моисеева. Рисовал его как есть — в рваном армяке, с уздечкой и вожжами в руках, будто бы тут же надо идти Минаю коней запрягать...

Нарочно сделал крюк, захожу в Большево, к Моисееву. «Зачем это, — спрашиваю, — рисовали тебя?» — «А не знаю, — отвечает. — Дал мне барин Иван Николаевич, что на даче в Выре живет, горсть серебра, велел смирно стоять, я и стоял. А для чего, мне ни к чему»...

Умер давно Минай Моисеев⁵, и Крамской умер, а сколько людей и по сей день ходит на ту картину смотреть! Был и я в музее, видел Миная. И сейчас стоит перед глазами: высокий, плечистый, сильный, — даром, что в годах, — он в жизни вроде не такой был. С чего же Крамской его сделал богатырем, ни дать ни взять Микулой Селяниновичем? Потому что разглядел, почуял в нем не только заурядного большевского мужика в домотканых штанах и драном армяке, а как бы сразу все российское крестьянство. Бедное оно было, замордованное царем и помещиками, а гляди, люди, — будто говорит художник, — какая в нем сидит богатырская сила. Придет время — он себя покажет, русский му-

жик, да еще и как покажет!..

И еще я тебе скажу, — закончил свой рассказ старый шорник, — как увидал я в музее Мину Моисеева, а в руках у него мою сыромятную уздечку, — вернее всего, что мою, потому во всей рождественской округе конскую упряжь в те времена делал один я, — так вот, как увидал — возгордился... не собой возгордился, а трудом своим. Всякий человек трудом должен быть горд...»

ЗАВОД БРАТЬЕВ ЧИКИНЫХ

Константин Филатович Власов с шестью братьями и сестрами рано остались без родителей, как и без средств к существованию. Дом вот-вот развалится, земли — на всех две «души»; мать, умирая, строго наказывала всеми способами хранить пос-

Панорама Чикинского завода

леднее достояние — коня.

Лошаденка, верно, спасала. На ней пахали свою полоску, на ней же десятилетний Костя возил сельского врача по вызовам больных в Даймище, Батово, Сиверскую. На заработанный двугривенный мальчик привозил домой хлеб, а иногда и кулек дешевых леденцов.

Взрослея, все перепробовал Костя: работал на лесозаготовках у гатчинс-

кого промышленника Иванова, в Большевце в летнее время обслуживал дачников, нанимался даже санитаром в дом для умалишенных в соседнем селе Никольском. Потом устроился в Питере укладчиком в типографии, получал тринадцать рублей в месяц. Пять отдавал за угол, остальные уходили на одежду и питание — домой братьям и сестрам мало что оставалось⁶. Тут земляки сообщили, что Чикины нанимают людей в новую мастерскую, и Константин, бросив типографию, поспешил домой...

* * *

Промышленное производство в рождественской округе имеет давнюю историю, начало которой положил Мариинский хрустальный завод. Это предприятие, которое в конце XVIII в. открыл близ деревни Тиховицы Якоб Филипп Виддер, было первым и в ту пору единственным в уезде.

К середине XIX в. Царскосельский уезд выходит по количеству фабрик и заводов на третье, а по численности рабочих и «сумме производства» на второе место в губернии. Среди нескольких десятков промышленных «заведений», основанных здесь предпринимателями — главным образом, купцами, — упомянем спичечные фабрики И.А. Чурилова в Рождествене и А. Ивановой на Выре, пивоваренный завод Карла Грейса в Дружноселье⁷, стекольный завод купца Иоганна Фридриха Рютинга «Дружная Горка», работающий и сегодня, наконец, рождественский лесопильный завод, арендуемый петербургским купцом-меценатом Ильей Грозовым. Одним из ведущих предприятий уезда постепенно становится и меднопрокатный завод «поставщиков казенных заводов» братьев Ивана и Александра Чикиных, который из мелкой полукустар-

ной артели за полвека превращается в солидное современное предприятие.

Купец Филипп Чикин, выходец из Выборгской губернии, появился в здешних местах в середине XIX столетия. В 1842 г. Чикины берут в аренду основанный еще в 1825 г. «медно-плющильный» заводик, который согласно описанию губернии числился в Вырской мызе М.Ф. Донауровой, а располагался в глухом лесу в трех верстах за Даймищем на берегу питавшего производство энергией Оредежа. Когда П.М. Донауров начинает распродажу своего имения, завод в 1859 г. приобретает жена Ф.С. Чикина Анастасия, а их сын Иван после крестьянской реформы постепенно скупает здесь обширные земельные участки и со временем становится полноправным хозяином даймищенской округи. Судите сами:

Год 1846-й. 35 рабочих «меди-плющильного завода при с. Дамища» выпускают листовой меди, латуни, томпака на 54 с половиной тысячи рублей в год. Семь действующих «подливных колес» приводят в действие 18 механизмов.

1870-е годы. Чикинский завод становится предприятием средней руки — ведь снятие крепостных «наручников» с рук 10 миллионов крестьян высвободило такую затаенную энергию, что за два десятилетия Россия совершила гигантский скачок в своем экономическом развитии⁸. Согласно описанию 1885 г. завод состоял уже из шести отделений; его каменные корпуса располагались по обе стороны плотины, по которой была проложена железная дорога. В 1909 г. здесь трудятся 217 рабочих; производятся «лента для приготовления патронов», котелки и алюминиевые фляги для войск, военная галантерея (солдаты царской армии имели на ремнях пряжки, а

на фуражках — кокарды чикинского производства), а также мирная продукция: латунные и медные трубы, посуда, гвозди, огнетушители и пр. В самом Даймище работает один из цехов завода на энергии «подливного колеса» в 40 л. с. — это место до сих пор называется старожилками «Маленький заводик».

Год 1913-й. Открывает действия «Акционерное общество Сиверских металлопрокатных заводов, бывших И.Ф. Чикина» с уставным капиталом в миллион рублей. Имея правление в Петербурге и входя в меднопрокатный синдикат, монополия вместе со столичным «Обществом меднопрокатного и трубного завода, бывш. Розенкранца» контролируют всю обработку цветных металлов на северо-западе страны, обеспечивая промышленность региона сырьем и материалами⁹.

Такова история этого предприятия. В 1904 г. стал работать у Чикиных и Константин Власов.

Работа поначалу понравилась парню. Дом в нескольких верстах — за квартиру, стало быть, платить не надо. Харчиться в деревне тоже оказалось не в пример дешевле, чем в Питере. Однако со временем понял, что попал на настоящую каторгу: как ни старался, а больше 80 копеек в день никак у него не выходило. Как ни крепок был, а после двенадцатичасового махания шабером по медным листам еле добирался домой, не переставая ощущать во рту тошнотворный сладковатый привкус меди.

Насколько вредна работа с медью, показывает тот факт, что в медницкой паровозного депо Гатчины, например, за 10 лет от отравления газами умерло 13 учеников-подростков. А в мастерской у Чикиных, вспоминал старожил Рождествена Л.И. Подрядчиков, там, где из нагретой добела болванки ка-

тали тонкий лист, стояла такая несусветная жара, что, когда вальцовщики окатывали себя водой, мокрая одежда на них дымилась, словно люди горели заживо. И вся мастерская, хотя ворота в ней всегда были настежь, тонула в душливом дыму...

По воспоминаниям даймищенского старожилы В.Е. Михеева, работать начинали в половине седьмого, заканчивали в шесть вечера. Платили на заводе по 40 коп. в день — чтобы купить, к примеру, ботинки, нужно было проработать полмесяца. Между тем, столичная Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства установила, что одинокий рабочий должен зарабатывать минимум 21 руб. в месяц. Но даже в металлообработке оплата труда была «более чем скромной»: положение спасало лишь то, что в России фабричный работник был одновременно и земледельцем.

Чикинские рабочие не знали, что такое дикий первобытный капитализм, но отчего так происходит, задумывались давно. Известно, например, что еще весной 1876 г. здесь распространялась и читалась народническая газета «Работник». Осенью 1905 г. рождественский учитель Степан Степанович Трубинский, связанный со столичными социал-демократами, привел к меднопрокатчикам незнакомого человека, оказавшегося агитатором с Путиловского завода. Вечером в даймищенском лесу собрался митинг.

«Чикины, — говорил оратор, — жируют на вашей крови, большие тысячи в карман кладут, а вам за двенадцать часов платят по пять-восемь гривен. Девушки в вашей травильной мастерской харкают кровью: хозяева не хотят тратиться на вентиляцию. Им пятьдесят дороже рабочего человека¹⁰. Долго ли будете терпеть? Наш Путиловский — завод казенный, и то бастуем, а вы

кровососов Чикиных испугались... Покажите хозяевам, что вы люди, а не бессловесные рабы. И то подумайте, что вам терять?»

На митинге решили: предъявить хозяевам требования, а в случае отказа их удовлетворить — начать стачку. В то время завод имел множество заказов и Чикины выписали сюда из Кольчугина с десятков квалифицированных мастеровых. Евгений Маров, Дмитрий Хлынин и другие бывалые подмосковные рабочие учили своих подручных не только профессии, но и «политическому уму-разуму». Выборные от литейщиков, трубников, давилщиков, вальцовщиков, травильщиков, мастеров по оловянной фольге сформулировали требования.

От шабровщиков выбрали Константина Власова. Он вспоминал, что требований было двадцать одно: сократить на два часа рабочий день, прибавить жалование, установить в цехах умывальники, выдать рукавицы, устроить вентиляцию и другие¹¹.

Пришли двенадцать выборных в контору, положили перед хозяином лист с требованиями. И.И. Чикин, не читая, смахнул бумагу со стола.

— Будем бастовать, — сказал тогда Костя, самый молодой, — от своего не откажемся.

— А я завод закрою, надо мной не каплет, — заявил хозяин, — а на вас вот посмотрю, как начнете пухнуть с голоду.

— Ничего, закаплет и над тобой, когда придется заказчикам платить неустойку, — спокойно ответил пожилой вальцовщик. — Айда, ребята, к рабочим — порадуем их хозяйской милостью.

Ни один из 600 человек — столько рабочих числилось на заводе по отчету губернатора — на следующий день не вышел на работу. По утрам стачеч-

ники собирались на «Крольчатнике», лесной поляне у большого камня близ Рождествена; выставив охрану, пели у костров разученную тут же «Марсельезу», слушали рассказы Трубинского о «Кровавом воскресенье». Подходил к концу первый революционный год.

Две недели продолжалась забастовка и первыми не выдержали хозяева. К рабочим, столпившимся у ворот, вышел мастер Потапыч:

Рабочие на заводе Чикина. Фото 1927 г.

— Погуляли и хватит. Давайте завтра с утра на работу. Хозяин удовлетворит ваши требования.

И верно. В мастерских появились рукомытники, благо что их делали здесь же, кое-кому прибавили жалование, выдали брезентовые рукавицы. Но шабровщикам и травильщикам, которых легко было заменить, никакой прибавки не было. Они приходили на завод, но к работе не приступали: итальянская забастовка — так их научили кольчугинцы.

Пришел к шабровщикам хозяин:

— Приступайте к делу или с завтрашнего дня — за ворота!

— Вы нас, Иван Иванович, обманули, — запальчиво заявил Власов, обещали прибавку — не дали, теперь пеняйте на себя. Пока не прибавите жалование — не уйдем... А будете насильничать, полицию на нас натравите

— верстаки переломаете, инструмент в Оредеж побросаете — вам же дороже обойдется. Потребуем фабричного инспектора, пусть рассудит.

Не успел уехать инспектор — на завод явилась полиция с понятыми, мужиками из числа крепких хозяев. Батовский стражник Иван Дудукин хлопнул нагайкой по голенищу сапога:

— Расходись, такие-сякие!

Вперед выступила юная травильщица Евдокия Петрова, успевшая до чикинского завода поработать в Петербурге, набраться рабочей смелости:

— Никуда мы не уйдем, покуда правды не добьемся!

Полицейский урядник Яков Ваганов и Дудукин выхватили из кобур «Смит-Вессон», рождественский староста Никифор Шабашов со стиснутыми кулаками шагнул к Евдокии. Девушка взмахнула над головой вытянутым из-за пазухи куском красного кумача и на стражников посыпался из толпы рабочих град камней и гаек. Полиция и понятые бросились бежать.

С красным флагом бастующие пошли от завода через имение Набокова в Рождествено. По пути к ним примкнули 13 человек с лесопилки эстонца Альберта Менке. До часу ночи митинговали рабочие с присоединившимися рождественскими парнями на лесной опушке за селом¹². Полиция как в воду канула...

Но осенью 1905-го еще не было сплоченности в рядах рабочих рождественской округи. На следующий день на работу не вышло лишь около сотни человек. В результате все демонстранты были уволены, арестовали и увезли учителя Трубинского¹³. Другому лидеру, фельдшеру Прасковье Борисовне, становой пристав пригрозил высылкой в «места не столь отда-

ленные», если не прекратит «мутить народ»; Евдокии Петровой пришлось ночью скрыться из села.

Правда, досталось и рождественскому уряднику Ваганову. Через пару дней его, возвращавшегося затемно из Батова домой, у лесопилки подловили рождественские парни и крепко избили, сломав об него его же «селедку» — шашку. Но, конечно, ничего от этого не изменилось, разве что в соседнем имении Набоковых добавилось два стражника.

Образцы продукции завода

В 1910 г. Константин Власов, отслужив в армии, вернулся в родное село. Извечный вопрос: что делать? Скрепя сердце, пошел недавний солдат на Чикинский завод.

Выходит к нему за ворота мастер, усмехается:

— На работу, значит, хочешь, а не ты ли в пятом году грозился хозяйский инструмент утопить в Оредеже? Проваливай, господин выборный, покуда я полицию не крикнул!

Стал Константин понемногу плотничать, потом научился колодцы копать. Ходил по соседним деревням: где сарай или баньку поставит, где колодец смастерит, короче, окончательно превратился в мастерового. Близилась Первая мировая война...

Что же касается дальнейшей судьбы Чикинского завода, то упомянем, что революционный 1917 год предприятие завершило с убытком более 40 тысяч рублей, что И.И. Чикин вместе с женой-француженкой эмигрировал в Эстонию, где имел торговое заведение, оттуда перебрался во Францию. Завод же в 1918-м был национализирован и в годы гражданской войны продолжал выпускать капсюльную латунь, алюминиевую и медную посуду. В 1921 г. «Красная газета» писала:

«Вот некоторые из... списка героев труда, которых будут чествовать питерские рабочие 1 мая... Осипов Степан — угольщик сиверского отделения Петроградского медеобрабатывающего завода¹⁴. Работает 25 лет. Тов. Осипов в течение недели выжиг 18 куб. саж. угля, работая почти полные сутки. Получив отпуск, пилил для завода дрова... О себе мало думает...

Вот несколько человек из сотен героев и героинь труда, выдвинутых на фабриках и заводах. Всем им за примерную работу Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов и Советом союзов от имени питерских рабочих будут вручены почетные адреса и подарки.

Но главное, конечно, не в подарках, а в том, что великий подвиг труда оценивается совершенно по-новому, не жалкой подачкой фабриканта, а признанием самими рабочими тех из тружеников, которые стоят впереди и высоко несут знамя труда во имя победы над разрухой и нищетой...»

В конце 1921-го завод уже чис-

лился законсервированным, с 1924 г. здесь разместился Сиверский дерево-строжечный завод, располагалась Даймишценская галантерейная фабрика. А ныне? Ныне... Как говорится, «по винтику, по кирпичику»...

Ныне уже ничто не напоминает об одном из крупнейших предприятий губернии, разве что название деревни, чудом сохранившее имя прежнего владельца, да подзабытое название местной птицефабрики «Заводская», которое, впрочем, никто уже и не пытался связать с минувшими событиями. Вот только распродают земельные участки рожденным перестройкой «новым русским», да пестреют газеты заметками о событиях сродни тем, что происходили в США во времена «дикого Запада». История повторяется...

ФИЛАНТРОПЫ И «РАДЕТЕЛИ»

Итак, из рассказов рождественских старожилов мы узнали о дореволюционной жизни большинства населения пооредежских сел и деревень. На этот раз речь пойдет о «господах», именно — здешних помещиках, о тех, в чьих руках в начале XX в. находилась половина окрестных земель¹⁵.

«В России — многие этого и не подозревают — есть народный театр, и театр не антрепренерский, не балаганный, с целью наживы, но настоящий народный, составляющий собственность крестьян и где сами крестьяне играют. Театр этот возник недавно, в одном счастливом уголке Петербургской губернии, где ранее театра появилась школа, амбулатория и больница», — писал в 1895 г. журнал «Театрал».

Что же это был за уголок такой? И каким-таким энергичным людям был обязан своим «счастьем»?

Оказывается, имелось в виду все то же Рождествено. На 75-м километре от

Петербурга, если ехать по Киевскому шоссе, на крутом берегу Грязной речки вот уже два столетия стоит старинный красивый особняк. Сегодня в его стенах располагаются экспозиции музея-усадьбы «Рождествено», что более известен как музей В.В. Набокова. А в конце XIX в. он принадлежал деду писателя, промышленнику-миллионеру Ивану Васильевичу Рукавишникову, который сумел получить дворянское звание и дослужился до чина тайного советника.

Рождествено. Усадьба Рукавишниковых.
Офорт Л.Г. Бошкова. 1994 г.

Семейство Рукавишниковых обосновалось в Рождествене в 1874 г. — в тот год жена помещика Ольга Николаевна приобрела Вырскую мызу, располагавшуюся в районе нынешней плотины ГЭС. Через несколько лет И.В. Рукавишников покупает у наследников коллежского асессора В.Ф. Дмитриева (для своего старшего сына, как свидетельствует Набоков) 528 десятин земли — вместе с тем самым особняком. Но судьбе угодно было распорядиться иначе. В 1886 г. умирает 16-летний Владимир — он вместе с родителями похоронен в семейной, белого мрамора, усыпальнице Рукавишниковых рядом с Рождественской церковью, — и с этого момента начинается отсчет благотворительной деятельности нового хозяина села¹⁶.

Желая увековечить память о временно умершем сыне, Рукавишников внес в банк крупную сумму денег, проценты с которой (1500 руб. в год) предназначались для выдачи пособий рождественским крестьянам. Сохранились отчеты волостного правления о расходовании этих процентов. Так, например, в 1890 г. было выдано:

Авдотье Блохиной на хлеб — 1 руб.,
Марии Александровой на хлеб — 1 руб.,

Ольге Бежанской на корову — 10 руб.,

Ивану Килеву на бедность — 3 руб. и т. д. и т. п.

В 1887 г. И.В. Рукавишниковым в Рождествене была открыта бесплатная амбулаторная лечебница «в память Владимира Ивановича Рукавишникова». А в соседнем Даймище пять лет спустя на средства помещика была выстроена двухэтажная больница со стационаром на 12 коек¹⁷. Жители села и четырех окрестных деревень получали медицинскую помощь бесплатно, остальные платили по 30-50 копеек за прием. Интересен один из пунктов правил, характеризующий нравы тех лет: «Мужское население пользуется врачебной помощью во всех случаях заболеваний, кроме известных, несовместимых для женщины-врача и фельдшерицы с чувством их женской стыдливости...»

Далее. Еще в 1859 г. в Рождествене появилась начальная школа: ее по предложению тогдашнего помещика Н.Н. Манухина открыл местный священник Н.И. Первенский. В 1876 г. школа перешла в ведение Министерства народного просвещения, но смена вывески никак не отразилась на ее бедственном финансовом положении. В этой ситуации как нельзя кстати оказалось пожертвование «почетным блюстителем» училища И.В.

Рукавишниковым 37,5 тыс. рублей, проценты с которых предназначались для создания новой школы. Было построено «прекрасное двухэтажное здание, снабженное такими удобствами и классными пособиями, каких нет и во многих городских школах» — все в память о том же сыне Владимире. Был при новом двухклассном училище «ночлежный приют», имелись сад и огород для детей. А в отделении для девочек на деньги О.Н. Рукавишниковой в 1894 г. был открыт специальный кружевной класс; его воспитанницам доводилось плести кружева даже для парижских модниц.

В 1889 г. в Рождествене по инициативе врача Е.К. Витте-Фовицкой и при участии известного драматурга Е.П. Карпова, отдыхавшего здесь на даче, возникает труппа, дававшая время от времени любительские спектакли. Коллектив, состоявший из местных

Рождествено. Двусветный зал усадьбы.
Фото начала XX в.

интеллигентов и крестьян, арендовал обыкновенную дачу, которая не могла вместить всех желающих, и спектакли приходилось повторять по нескольку раз. Поэтому летом 1894 г. для народного театра здесь строится новое здание. «Исходя из той мысли, что театр — спутник просвещения, — писала «Русская Жизнь», — г. Рукавишников, подарив с Рождествено прекрасным училищем, ассигновал средств¹⁸ и на все приспособления театрального здания... Помещение, где временно происходили спектакли, имеет теперь вид настоящего театра, с возвышенной сценой, «настоящими» (полотняными) декорациями, рампой, суфлерской будкой, занавесом и прочими атрибутами заправского театра».

Драмы А.Н. Островского и Е.П. Карпова, водевили Н.И. Куликова и П.А. Каратыгина, спектакли с музыкальными вставками А.Н. Серова, бесплатные представления для детей, народные чтения с «волшебным фонарем» и «туманными картинками» — вот далеко не полный перечень того, что позволило рождественскому театру стать культурным центром округа. «Считаю, что театру я многим обязан в жизни, — вспоминал старожил села М.Е. Баранов. — Понял я цену плодов просвещения и старался, чтобы дети мои, а их было восемь душ, не ограничились моими «университетами»...»

И не ограничивались. В 1894 г. О.Н. Рукавишников выделила 250 рублей на покупку книг, и в апреле 1896 г. в селе отрывается народная библиотека-читальня. Правда, на ее полках стояла, главным образом, монархическая и религиозная литература (за чтение такой книги как «Мать» А.М. Горького, вспоминал И.Н. Шилин, он получил от жандарма такую затрещину, что на время потерял слух), все же библиотека развивалась и к 1912 г. насчитыва-

ла 302 читателя — количество, весьма внушительное для провинциального села. Впоследствии, уже после революции, вечерами можно было наблюдать необычную картину: к читальне шли люди с небольшими мешочками и узелками. Они несли по килограмму картофеля — плату за вход на лекцию с диапозитивами, ибо библиотекарь О.М. Емельянова в те годы получала «зарплату» продуктами.

Проявлялась забота и о духовной жизни прихожан. Еще в 1845 г. батовская помещица А.П. Галченкова пожертвовала крупную денежную сумму на ремонт старой Вознесенской церкви, которая считалась тогда приходской. А строительство нового храма, во имя Рождества Богородицы, которое велось 17 лет на частные пожертвования, обошлось не без участия местных землевладельцев, главным образом, семьи купца Е.Д. Репникова.

После смерти супругов Рукавишниковых добрые начинания продолжил их зять — один из лидеров партии конституционных демократов Владимир Дмитриевич Набоков. «Как и всякий бескорыстный барин-либерал, мой отец делал великое количество добра в пределах рокового неравенства», — свидетельствует в книге воспоминаний «Другие берега» В.В. Набоков. Так, при Рождественской школе, где занимались до 200 детей из окрестных деревень (это было единственное в округе двухклассное училище), было построено общежитие. В то время девочки, кроме кружевного дела, могли обучаться кройке и шитью, получая по окончании школы диплом мастерицы. В 1908 г. был построен «Училищный дом» с 4-классными сапожным и слесарным отделениями для мальчиков¹⁹. Ежегодно в школе устраивалась новогодняя елка, где дети получали в качестве подарка полушубки, сапоги и

прочие необходимые для бедных людей вещи, а те, кто побогаче — книги.

Последние хозяева рождественской усадьбы: В.И. Рукавишников с племянником В.В. Набоковым

Планировал новый рождественский помещик и строительство сельской ГЭС на Оредеже. Дело расстроилось тогда из-за того, что сумма неустойки, затребованная арендатором водяной мельницы, оказалась непомерно высокой — этот проект удалось осуществить лишь в советское время.

«Таким образом, — заключал журнал “Театрал” свой рассказ, — в этом уголке мужик учится, лечится и развлекается, и по мере возможности отвлекается от кабака».

А теперь посмотрим на округу более широко. В самом деле, чем жили окрестные поселения?

Станция Сиверская. В 1887 г. местный землевладелец доктор В.Т. Никитин пожертвовал большой участок земли и некоторую сумму денег на постройку храма. В 1890 г. при цер-

кви устроена народная школа. В 1900 г. открылась «Народная библиотека-читальня имени поэта Майкова»- А.П. Майков первым внес на ее создание тысячу рублей и пожертвовал ряд книг.

Деревня Ново-Сиверская. На средства Е.М. Гедды и Д.Н. Бородина организованы школа, библиотека-читальня и чайная.

Деревня Даймище. На пожертвования гатчинского купца А.Е. Репникова, имевшего участки земли в Рождестве и Карловке и мелочные лавки в Орлине и Рождестве, содержится начальная школа.

Село Орлино. В 1869 г. на средства графа Н.С. Строганова открыта больница с амбулаторией и стационаром, содержится частное училище.

Таким образом, отношения между помещиком и крестьянином после реформы 1861 г. постепенно становятся чисто экономическими, антагонизм заменяется соперничеством: разница лишь в том, что буржуазная перестройка помещичьего хозяйства идет по прусскому, юнкерскому, а крестьянского — по так называемому американскому типу. Все бы хорошо, если не «роковое неравенство», да не расслоение крестьянства...

Отсюда и — почти исключительно — благодарное в те годы отношение простого человека к господствующему классу. Так, например, крупная кража, случившаяся в имении Набокова, по словам газеты «Царскосельское Дело», «страшно возмутила» местных крестьян. А когда умер владелец соседнего имения князь Ф.Л. Витгенштейн, крестьяне изъявили желание пронести гроб с телом благотворителя несколько верст на руках.

Но вот в двадцатом — жестоком — веке отношение круто изменилось. Тот же Н.К. Лупанов рассуждал:

«Кто землю потом и кровью поливает? Мужик. Кто всю Россию кормит? Мужик. А что он за великий свой труд получает? Шиш да обиду — и ничего больше... Не потому не сожгли мы Рукавишников, что откупался от нас детскими елками, а оттого, что большинство нас, рождественцев, мастеровые были люди. Не подымалась у нас рука на красоту...»

В то время как западные журналы помещали очерки о русских меценатах и цитировали слова Николая Бердяева о том, что в начале века филантропия, так же как искусство, литература, философия способствовали культурному возрождению России, гатчинский краевед П.Н. Новопольский писал, что «не сразу и не каждый чувствовал и понимал, что жертвованные помещиком деньги пропитаны (том и кровью братьев по классу, безжалостно эксплуатируемых где-то на Ленских золотых приисках, совладельцем которых был Рукавишников». И что «филантропия есть не что иное, как проявление буржуазной благотворительности в целях отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы».

Действительно, во все времена «пеший конному не товарищ», а потому у богатого своя правда, у нищего — своя: это и привело страну к революционной развязке. Тем не менее, кто станет спорить, что накормить голодного, вылечить больного, обучить неграмотного — не благородное дело?²⁰

Однако пора вернуться к продолжению нашего рассказа.

«Иван Васильевич сына еще парнем отделил за то, что тот не веровал. Зайдет, бывало, в церковь, с ноги на ногу переминается, а не крестится, — вспоминала А.Е. Алексеева²¹. — После смерти отца Василий Иванович не захотел хозяйничать, отдал землю крестьянам²². Жилось нам тогда хорошо.

За лекарства мы никогда не платили, больных поили миндальным молоком. Три раза была я у царя в Таврическом дворце. Вот, говорю, Ваше императорское величество, осчастливьте, примите подарки от крестьян Василия Ивановича Рукавишникова... Елену Ивановну весной, когда они из города приезжали, школьники цветами встречали.

«Хоть и генеральша, а простая была, — рассказывала о батовской помещице М.Ф. Набоковой уже знакомая нам Н.П. Богданова, — шила с нами вместе платья к елке... А топить в доме она не разрешала. Холодный воздух, говорит, продлевает жизнь. И на пуху не спала. Вот тебе и баронесса».

«В кружевных митенках, пышном шелковом пеньюаре, напудренная, с округленной под мушку черной родинкой на розовой щеке, она казалась стилизованной фигурой в небольшом историческом музее, — добавляет о бабушке В.В. Набоков, — и таким же экспонатом казалась ее голубая кушетка, на которой она лежала целый день, обмахиваясь веером из слоновой кости, поглощая круглые леденцы-бульдегомы...»

«Владимир Дмитриевич... к нам в рождественскую школу после трех классов на экзамены приезжал, — вспоминала Т.П. Моисеева. — Вместе с инспектором из Петербурга. По географии спрашивает:

— Расскажите про центральный край России. Я отвечаю:

— В центральном крае России пятнадцать губерний.

— Умница, — говорит. И учительнице:

— Помогите, — говорит, — эту девочку выучить.

Нет, ничего про них худого не скажу».

А вот у Л.И. Подрядчикова от

Село Рождествено в 1930-е годы.
Офорт И.Я. Айзеншер

школьных лет осталась в душе одна горечь и обида. И было от чего.

Пять лет ходил любознательный мальчик в школу как на праздник. И вот, на выпускном вечере объявили, что семеро лучших учеников поедут за казенный счет на экскурсию в Москву.

Могло ли быть большее счастье для 12-летнего деревенского паренька! Только вот незадача — в семье бедняка не оказалось сапог. У Лени их и сроду не было: зимой бегал в старых бабушкиных валенках, летом — босиком.

Мать вытащила из сундука свои праздничные долгоносые туфли-баретки:

— Сбей наполовину каблуки, чтобы пониже стали...

В назначенный день к подъезду школы подкатила богатая, на резиновых шинах, коляска. Из нее, поддерживаемый соскочившим с облучка кучером, вышел тучный школьный попечитель, Александр Иванович Чикин. Оглядел строй ребят, остановился около Лени:

— Хорош, хорош... Скажи ты мне, пожалуйста, что это у тебя такое на ногах?.. Черт знает, что такое. А ну-

ка, выйди из строя и шагай домой. Не поедешь.

Леня не помнит, как добрался до дому. Была у него любимая книга — «Родная речь» и в ней на картинках — чистенькие и аккуратные мальчики и девочки. Взял Леня книгу ту и все картинки густо замазал чернилами. В тот день кончилось его детство; впервые мальчик усомнился, что в книгах пишут правду...

Многое могут рассказать нам старожилы, что знают о той эпохе не понаслышке. Но, как видим, пасьянс не сошелся, да наверное, и не мог сойтись, ведь каждый видит время по-своему.

Интересные данные о состоянии помещичьего хозяйства собрали и земские статистики. Сравним две соседние усадьбы, принадлежавшие: одна — жене министра юстиции в царствование Александра III М.Ф. Набоковой, другая — местному фабриканту И.И. Чикину.

Батовское имение являло собой пример аграрного хозяйства. 660 десятин земли были здесь под лесом и болотом, 60 — под покосом, 48 — под пашней. На плане усадьбы показаны деревянные господский дом и службы: дома управляющего имением и садовника, каретник, ледники, молочная. Каменные: теплицы, конюшни, скотный двор и людская. Вокруг усадьбы — парк с аллеями вековых лип и тополей, без которых немислимо представить ни одной русской усадьбы, здесь же — оранжерея. Короче, «весьма комильфотная²³ семья, весьма комильфотный дом».

В 1887 г. 8 десятин пашни числилось здесь под рожью, 7 — под овсом, 0,8 — под ячменем, 0,2 — под картофелем: тогда он не стал еще «вторым хлебом». 24 десятины были засеяны травами, остальное находилось под паром. Удобрялось 8 десятин.

На скотном дворе, развалины которого до сих пор возвышаются за конторой агрокомплекса, 9 лошадей, 27 коров с теленком да бык голландской породы, 4 овцы, 5 свиней. С хозяйством управляют 11 годовых и 1 сезонный работник, не считая местных крестьян, трудившихся за аренду выгона. Имеются 4 плуга, борон — 5, сох — 2, веялок и сортировок — 1, наконец, 4 телеги.

Имение содержалось управляющим с жалованьем 350 рублей в год.

Отличие от батовской помещицы, бывавшей здесь наездами, заводчик Иван Чикин жил в своей усадьбе почти постоянно. Его хозяйство являло собой пример того, как малоценные угодья использовались в начале XX века для получения прибыли — ведь цены на землю росли не по дням, а по часам.

На большой поляне рядом с медным заводом им были устроены пруды для разведения форели. Устройство тринадцати прудов обошлось владельцу в 10 тыс. рублей, но, продавая ежегодно до 6 тыс. рыб, форелевое хозяйство близ Даймища, одно из лучших в губернии, получало в среднем по 13 тыс. руб. валового дохода.

И вообще, форелеводство считалось весьма доходным делом как помещиками, так и крестьянами, тем более, что опыт в этом деле был накоплен немалый, а гатчинская форель признавалась лучшей²⁴. Петербургская же знать смаковала чикинскую форель в аристократическом ресторане «Дон-нон»...

* * *

Итак, перед нами пронесся калейдоскоп устных воспоминаний, печатных свидетельств, старинных фотографий. Каждая из них пытается по-своему остановить время. И это весьма кстати, ибо сгорел зимой 1923 г. устроенный

в батовской усадьбе «Народный дом», в 1944-м не стало вырской усадьбы Набоковых, уже в 1980-х заросли непролазным бурьяном ставшие вдруг ненужными и потому спущенные чикинские пруды.

Остановить время... Лучше всего это удалось в своем творчестве нашему земляку, замечательному писателю и поэту Владимиру Владимировичу Набокову. И мы еще не раз вернемся к его свидетельствам и скажем спасибо мастеру за бережно сохраненный для нас кусочек тогдашней России.

ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

Вот так, шаг за шагом продвигаясь по истории Верхнего Пооредежья, мы подошли в своем повествовании к началу двадцатого, полного драматизма, века.

«Чтобы вывести Россию из того анархического состояния, в котором она находится, и которое грозит ей в ближайшем будущем гражданской войной, расчленением ее государственной территории и утратой значения великой державы, — писала в передовице газета «Царскосельское Дело» осенью 1906 г., — необходима огромная работа всех русских граждан». Однако, продолжала газета, «наша работа на пользу родины состоится главным образом к произнесению только речей. Свое дело делают одни сторонники революции. Мы же, сторонники эволюции, — захлебываемся в красноречии»²⁵.

Спор сторонников революции и эволюции вскоре разрешил «пулеметный», по определению Набокова, 1917-й год...

* * *

— Поймите вы, граждане свободной России, — не переставал повторять на возникавших то здесь, то там митин-

гах рождественский колесник Павел Лаков, представитель созданной после Февральской революции волостной управы. — Поймите, что война и земля — один-единственный вопрос. Закончим войну с победой — порешим и с землей. Министр гражданин Чернов не даст крестьян в обиду, потому он есть доподлинный крестьянский вождь и сам из нашего брата!²⁶

Оредежскому же мужику было совершенно все равно, какие министры заседают во Временном правительстве. Ему до смерти осточертели война и разруха, разлука с кормильцами, оторванными от семьи на долгие годы — не даром рождественский помещик В.Д. Набоков, управляющий делами Временного правительства, называл вопрос о войне «оселком всей революции».

Крестьянин веками мечтал о земле — и вот: революция пришла, а положение не изменилось. Годы выпрашивали мужики у князя Васильчикова пару сухостойных хлыстов на дрова или березку на оглобли — и теперь кланяются княжеским приказчикам в ноги...

Нелегко было разобраться мужикам в противоречивых и путаных платформах различных политических партий, которых к тому времени образовалось множество. Но слушали они всех.

В августе в свое рождественское имение прибыл В.Д. Набоков, принимавший участие в разработке закона о выборах в Учредительное собрание. Вместе с сопровождавшим его профессором — коллегой по кадетской партии — он с помощью здешних «политиков» П.В. Лакова и тогдашнего заведующего рождественским училищем В.М. Жерносекова созвал сельчан на очередную митинг.

Стоял погожий воскресный день. В большом набоковском гумне, где про-

исходило действо, собрались все: и стар, и млад.

Слушали докладчиков благожелательно. Набоков, по воспоминанию старожилов, выступал без шапки, волосы зачесаны назад, высокий такой, в пиджачке. Мужики ему: «Когда Вы землю нам раздадите?» А он: «А когда вы мне пошлину отдадите?»

Началось с реплики из задних рядов:

— Слушали мы вас, господа хорошие, во все уши, а насчет землицы так ничего и не поняли. Как же с ней, матушкой, будет?

— С этим вопросом, — ответил Набоков, — спешить нельзя, а тем более самостийничать. Соберется Всероссийское учредительное собрание, оно и решит... Придется подождать: земля — не волк, в лес не убежит.

— Земля — не волк, верно, — раздался голос из толпы, — да на земле волки. Если им лапы не обрубить — век трудовому мужику не видать земли!

— Господин Набоков правильно говорит, — продолжал петроградский рабочий-большевик Василий Александрович Новиков, который, вернувшись из ссылки, женился на рождественской девушке Анне Моисеевой. — Земля в их руках, чего им торопиться! Мало того, они надеются, что вы, мужики, и впредь будете за гроши ломать хребет в их вотчинах, на земле, которую они у вас же отняли. Только не хватит ли, товарищи, плясать под помещичью дудку? Распустите управу, создавайте Совет крестьянских депутатов... Берите землю безо всякого выкупа: она ваша и ничья больше!

Вот уж «святая простота» Владимир Дмитриевич! Сын министра юстиции — автора демократической судебной реформы, и сам профессиональный юрист, человек, который блестящей придворной карьере предпочел поли-

тическую борьбу, став одним из лидеров партии народной свободы, по определению А.Ф. Керенского, «политической элиты нации». Умудрился-таки и среди анархии и двоевластия, а точнее — безвластия 1917-го, увидеть правовое государство!²⁷

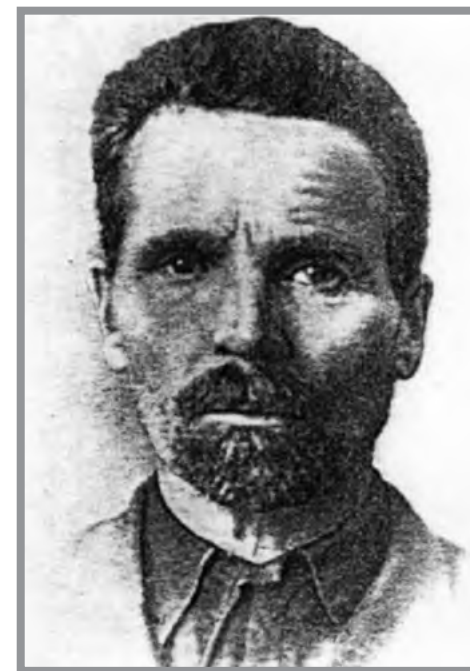
Как заметил историк Михаил Геллер, русская интеллигенция, русские либералы оказались неподготовленными к революции, о которой столько мечтали, которую столько готовили, и их положительные качества оборачивались отрицательными: идеализм превращался в политическую незрелость, жертвенность — в безволие, личная отвага — в беспечность, вера в будущее — в отсутствие представления о реальности. Русский же народ, как и большинство других народов, был погружен в тяжкую и повседневную борьбу за существование, которая оставляла мало времени для раздумий о путях к лучшему будущему.

Нетрудно догадаться, что участники митинга с одобрением восприняли слова Новикова, так наглядно разъяснившего положения «позаимствованной» большевиками у эсеров аграрной программы²⁸. Ибо возрождение большевизма, который поторопились похоронить кадеты, как показал историк Николай Верт, было результатом двух феноменов: радикализации масс, которым полгода спустя после Февральской революции не терпелось воспользоваться ее результатами, и крахом всех созданных революцией институтов. В этих условиях энергичных действий одной, пусть даже малочисленной, но — организованной, пусть даже и экстремистски настроенной, но — решительной, группы оказалось достаточно для того, чтобы авторитет ее вырос до размеров, несопоставимых с ее реальной силой.

Правда, лишь только 24 декабря, со-

гласно инструкции эсеров-меньшевистского губисполкома, волостная управа организовала в Рождестве Совет крестьянских депутатов²⁹. Председателем волысполкома стал брат П.В. Лакова Иван, а председателем рождественского сельского Совета — Иван Дмитриевич Никонов. Но уже в конце января 1918 г. волостное собрание, выслушав угрозу члена исполнительного комитета И.П. Хоккене о применении вооруженной силы для разгона волостной управы и заявление управы о сложении в такой ситуации своих полномочий, постановило «подчиниться силе с пожеланием гласных, выражая волю населения — перевыборов Совета на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

...Осенью 1917 г. рождественский батрак Иван Соколов взял у соседа коня — своего у него не было — и принялся поднимать под зябь угол помещичьего массива у березового леса.

Иван Соколов

Прибежали на поле Иван Пуриков с сыном Василием:

— Не дадим пахать: мы этот участок возьмем в аренду!

Соколов поднял с земли вилы, двинулся на Пуриковых:

— Земля эта наша! Еще мои и твои деда на ней работали... Облюбуй какой хошь участок и безо всякой аренды паши себе на здоровье!

— А мне этот участок люб, который ты пашешь! — засомневался Пуриков. — Я его не раз арендовал в прежние годы.

— Хорошо, — согласился Соколов. — Я участок допашу, раз уж начал, а ты подымай другой, а потом мы с тобой обменяемся.

Ударили по рукам. И хотя газета Царскосельского Совета «Голос трудящихся» писала о самовольном захвате земли беднейшими крестьянами как «основе своего ленивого благосостояния» — ведь самый что ни на есть бедняк Иван Соколов до революции так и не смог обзавестись собственным хозяйством, — соблазн знаменитого призыва «Грабь награбленное!» был столь велик, что на помещичье поле в 80 десятин вышли десятки других пахарей.

И вот замечательный документ тех дней — резолюция крестьян Рождественской волости:

«Мы требуем... отобрания без выкупа всех земель... и передачи их в государственный фонд или местные самоуправления, где каждый желающий работать на земле мог бы получить бесплатно земли столько, сколько ему требуется для прокормления себя и своей семьи... Ни в коем случае земля не должна быть ни продаваема, ни покупаема и ни сдаваема в аренду».

Итак, закон о социализации земли, принятый с подачи левых эсеров III съездом Советов в январе 1918 г., впол-

не отвечал давним чаяниям русского земледельца. Ведь еще в 1904 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин говорил о мелком собственнике как о той ячейке, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. Приняли закон этот, не желая идти против большинства жаждавшего «земли и воли» крестьянства и большевики. Беда оказалась в том, что последние — принципиальные сторонники национализации земли (т. е. конфискации ее в госсобственность), — расправившись со временем с бывшими соратниками, начали последовательно осуществлять положения своей собственной программы. При этом передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает, на деле оказалась фикцией. А чиновник, как много лет спустя констатировал академик Д.С. Лихачев, никогда не полюбит землю...

Среди активной части рождественской молодежи выделялся сын многодетного «середняка» — а таких было большинство — Михаил Моисеев. Он одним из первых сельских парней окончил ставшее в 1915 г. семилетним Рождественское училище, читал газеты разных направлений. В лавчонке Шишкина, где нередко собирались местные «политики», слушал речи кадетов и анархистов, большевиков и меньшевиков, социалистов-революционеров — правых и левых, — и чем больше слушал, тем больше путались мысли.

В августе 17-го Миша поехал в Петроград, чтобы продолжить свое образование. В столице остановился у нового родственника — большевика Новикова и в результате вернулся в село с искренним желанием строить новую жизнь. И вскоре вновь оказался в Питере: Сиверский волисполком командировал молодого активиста на курсы инструкторов по социализации

земли.

Проучившись пять недель, в июне 1918 г. он уже отводил помещичью землю крестьянам деревни Замостье, в конце августа был принят сиверской партиячей в ряды РКП(б).

Сельский совет в ту пору более всего занимался переделом земли и контролем бывших помещичьих экономий и лесных дач. «Бывшему управляющему имением “Дружноселье” г. Крунбергу, — читаем в одном из документов того времени, — к 15 февраля 1918 года освободить помещение и оставить имение. Комиссаром имения назначить тов. Мелехина».

«Признать всякие массовые выруб-ки лесов в волости недопустимыми, — указано в другом документе, постановлении Рождественского волостного земельного комитета. — Имеющиеся в имении Заводье дрова до 3000 сажен реквизируют, предложить их материальной части Северо-Западных железных дорог».

В то же время волостной земком решал десятки, сотни земельных и имущественных споров между крестьянами, ибо случались и фиктивные разделы; не обходилось без попыток, пользуясь случаем, прихватить землицы побольше...

Минуло несколько лет. В 1925 г. был проведен передел земли по едокам. По имени проводившего его в здешних местах землемера Мухина, передел был назван «мухинским».

ЛИТЕРАТУРА

Гальперина Б.Д. Царскосельский уезд. // Борьба большевиков за установление и укрепление Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918): Очерки и документы. [Л.] 1972. С.142–183.

Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. СПб., 1999.

Ленинградская область: Исторический очерк. Л., 1986.

Лучинский А.А., Никитин Н.В. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. СПб., 1910.

Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып.7. СПб., 1892; Вып.12. СПб., 1891.

Набоков В.[В.] Другие берега: Сборник. Л., 1991.

Набоков В.[Д.] Временное правительство. // Архив русской революции. Т.1. М., 1991. С.9–125.

Поляков Е.И. В Рождестве ясное утро: Страницы истории колхоза имени В.И. Ленина. Л., 1961.

Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии. Царскосельский уезд. СПб., 1910.

Рябов Д.С. Рождественские храмы. СПб., 2004.

Семочкин А. Река Оредеж. //Старая Гатчина (сборник статей). СПб., 1996. С.271–294.

Суровенкова Н.А. Крестьянские промыслы в Царскосельском уезде как элемент историко-культурного наследия. //Архитектура Петербурга: Материалы исследований. Ч.2. СПб., 1992. С.89-100.

Тень русской ветки (Набоковская Выра). / Авт.-сост. А.А. Семочкин. СПб., 2002.

¹ Воспоминания старожилов с. Рождествено Н.К. Лупанова и К.Ф. Власова приводятся в литературной обработке ленинградского писателя-очеркиста Е.И. Полякова.

² По данным конца XIX в., из 115 крестьянских семей Рождествено 62 занимались извозом, 21 — кустарным производством и ремеслами, 8 — сдавали внаем помещения, 5 — занимались сельхозработами, 3 — фабрично-заводской деятельностью, 1 — торговлей, 1 — предлагала личные услуги, 22 — прочими промыслами.

³ Накануне первой русской революции во всей волости таких насчитывалось лишь 98 человек; средний заработок остальных 4741 крестьянина равнялся 134 рублям в год.

⁴ Одним из следствий крестьянской реформы было то, что к началу XX в. девятая часть крестьянских хозяйств Рождественской волости числилась безземельными. А у тех, у кого земля была, к 1905 г. от 4-х пореформенных десятин, вследствие прироста населения, на наличную душу мужского пола оставалось в среднем от 1,9 (дер. Батово) до 2,7 (дер. Даймище) десятин.

⁵ Один из многочисленных потомков Мины, Е.П. Примерова, рассказывала, что прадед про-

жил 101 год и похоронен на кладбище деревни Межно. А И.Н. Крамской, кроме этюдов и портретов Моисеева (один из них («Мина Моисеев», 1882 г.) хранится в Государственном Русском, другой («Крестьянин с уздечкой», 1883 г.) — в Киевском музее), в 1874 г. написал с крестьянина Межно Иванова-Максимова картину «Полесовщик»; всего же художником в окрестностях Сиверской выполнено несколько десятков работ.

⁶ К примеру, в 1899 г. цены были следующими: хороший костюм в столице стоил 8 рублей, пальто — 11, швейцарские часы — 10; пообедать в трактире можно было за пару гривенников. А что касается Рождествена, то, по свидетельству священника Н.И. Первенского, в конце XIX в. цены на продовольствие (кроме продуктов, производимых на месте) были здесь на 20%, а на одежду и обувь — на 50% выше столичных.

⁷ По ведомости 1878 г. завод производил в год 30 тыс. ведер пива. Ячмень доставлялся сюда из Польши, хмель — из Баварии. А пиво, по 90 коп. за ведро, продавалось здесь же в уезде, а частью отвозилось и в Петербург.

⁸ Так, уже в 1870-е годы хлеба и картофеля на каждого едока производилось на 4 пуда больше его потребности; потребление сахара за 20 лет выросло с 1 до 2 кг в год. Однако наблюдательный современник реформы Д.Ф. Самарин отмечал, что в Европе с одного квадратного километра кормится 500 человек, у нас же — только 40.

⁹ Как записано в высочайшем утвержденном в 1912 г. уставе, АО было создано «для продолжения и развития действий завода, а равно вообще для производства различных металлических изделий и для торговли ими». Учредителями общества стали сыновья И.Ф. Чикина, прапорщики запаса И.И. и А.И. Чикины и инженер-технолог завода Розенкранца (ныне «Красный выборжец») Альфред Роде, автор печально известной рабочим этого завода «премиальной» системы оплаты труда, оставляющей работнику куда меньше денег, чем до ее введения.

¹⁰ Приведем в пример фабрику купца Чурилова, располагавшуюся неподалеку от нынешней Рождественской ГЭС. В 1860 г. был обнародован указ о вольном производстве зажигательных спичек и петербургский предприниматель организовал их изготовление в Рождествене. Lucifer matches — буквально «дьявольские спички» — появились в мировой торговле лишь в 1833 г. и стоили баснословно дорого: за штуку платили одну копейку — столько, сколько стоил фунт муки. Немалые барыши текли в карман дельца, но о защите рабочих от страшной «фосфорной болезни» он не помышлял. При этом оплата труда в спичечном производстве была одной из самых низких; использовался и детский

труд, а заработок подростков был вдвое ниже, чем у взрослых. Правда, не оставались в долгу и рабочие: у автора этих строк хранится свинцовая, в 200 г весом, медаль, на которой выбито: «Отъ рабочихъ завода за хорошее блядство. 1912». Неизвестно лишь, успели ли ее преподнести адресату.

¹¹ В основу рассказа о чикинской забастовке положены воспоминания К.Ф. Власова. Можно лишь дополнить, что по словам газеты «Царскосельская Жизнь» от 22 сентября 1906 г., в результате произошедшей забастовки «из общего числа 400 рабочих 80 человек было уволено. Остальные стали на работу».

¹² Это место, неподалеку от болота «Рождественский Мох», до сих пор называется Маяк — от слова «маевка».

¹³ Несмотря на то, что Трубинскому так и не было предъявлено официального обвинения, он некоторое время провел в царскосельской тюрьме.

¹⁴ Ныне «Красный выборжец». После того как в Чикине медное производство было свернуто, оборудование и часть рабочих перевели на этот ленинградский завод.

¹⁵ В 1917 г. 47,9% земель уезда составляли крестьянские (31530 хозяйств), 41,4% — частновладельческие (243), остальное — государственные, церковные и пр.

¹⁶ Это не совсем так: уже в 1885 г. существовал детский приют О.Н. Рукавишниковой, где содержались 5 воспитанников. А накануне смерти супругов (в 1901 г.) перечисление лишь благотворительных должностей и званий О.Н. и И.В. Рукавишниковых занимало в справочниках по внушительному абзацу для каждого из них.

¹⁷ Больница, носившая первоначально имя петербургского губернатора гр. С.А. Толя (он бывал в рождественском народном театре), а затем гр. С.А. Татищева, располагалась на Слободке (ныне участок дома № 29 по Большому пр.); здание сгорело в годы последней войны.

¹⁸ Около 4 тыс. руб. Подробнее см.: Рябов Д. Народный театр в Рождествене. //Петербургский театральный журнал. 1993. № 4. С.26–29.

¹⁹ Ныне дом № 83 по Большому пр.

²⁰ По воспоминаниям старожилов, местные помещики не отказывали в помощи: лошадь падет или что — они тебе тридцать пять рублей. «За две недели до елки, — рассказывала Т.П. Моисеева (Рождествено), — мы все писали, кто какой подарок хочет. Конфет приносили — полный картуз... яблоки, апельсины, шоколад. Бери, сколь хочешь...» Новогодняя елка, «настоящая, живая, с электрическим освещением», устраивалась и у Чикиных, где по свидетельству А.И. Куприна, «в эти дни собиралось все, что только бывало в Петербурге талантливого и интересно-го». А по свидетельству В.В. Набокова, дед на

старых снимках был «благобразный господин с цепью мирового судьи, а в жизни — тревожно-размашистый чудак с дикой страстью к охоте, с разными затеями... По позднейшим рассказам матери, бешеный его нрав угрожал чуть ли не жизни сына, и ужасные сцены разыгрывались в мрачном его кабинете».

²¹ 17-ти лет от роду она поступила в няньки к земскому врачу Евгению Евгеньевичу Розанову, принимавшему в даймищенской больнице, помогала доктору.

²² Будучи дипломатом, В.И. Рукавишников большую часть времени проводил за границей; его имение в начале XX в. арендовалось рождественскими крестьянами за 800 руб. в год.

²³ То есть «приличная». Это определение принадлежит известному литератору А.В. Никитенко, побывавшему в Батове в 1866 г. Интересно, что Никитенко, будучи лично знаком с К.Ф. Рылевым, мог бывать здесь и ранее.

²⁴ Накануне революции в Петроградской губернии, помимо государственных рыбзаводов, насчитывалось 28 частных форелевых хозяйств, среди которых не последнее место занимали хозяйства И.И. Чикина и И.Я. Фомина на Оредеже, пруды Н.А. Марковича близ Суйды и другие. А Чикин на Международной рыбопромышленной выставке 1902 г. экспонировал алюминевые рыболовные аппараты, рамки с форелевой икрой, чашки для ее оплодотворения и пр.

²⁵ Газета редактировалась октябристами (членами «Союза 17 октября»). В смысле сказанного показательна реакция публичного собрания, организованного в июне 1906 г. рождественским помещиком, членом Государственной Думы В.Д. Набоковым. Сообщение о деятельности «крамольной» Думы и об ее отношении к тогдашнему министерству завершилось громом аплодисментов и «потрясающим воплем» около семисот собравшихся «Долой министров!»

²⁶ По заявлению «мужицкого» министра земледелия коалиционного правительства, лидера эсеров (социалистов-революционеров) В.М. Чернова, поскольку никто земли не сделал, то и ничьей собственностью она быть не может — землей и всеми ее плодами может пользоваться только тот, кто ее обрабатывает.

²⁷ На выборах в Учредительное собрание, прошедших уже после Октября 17-го, поражения потерпели как правые, так и большевики: народ отдал предпочтение представителям эсеро-меньшевистского «центра». Так, в деревне Куровицы Сиверской волости даже распустили Совет, призвав к исполнению обязанностей прежнего старосту. Проведение же самого собрания было сорвано в январе 1918-го большевиками, а два года спустя — Колчаком как предупреждение: не выдать России правового государства многие лета...

²⁸ Текст одного из первых документов нового режима — Декрета о земле — включал «наказ о земле», выработанный эсерами, самой массовой партией того времени, на базе 242 местных наказов. Декрет узаконивал изъятие земель у помещиков, царского дома и зажиточных крестьян; согласно документу, каждая крестьянская семья должна была получить по 2–3 десятины земли (прибавка существенная, но в то время мало значимая, ибо за неимением скота и техники, земля не могла быть обработана). Эсеры заявили протест: большевики украли их программу...

²⁹ Это были последние демократические выборы, в которых участвовало все население волости, независимо от классовой принадлежности. Тогда же собрание крестьян выразило доверие Совету Народных Комиссаров и его политике мира но, вместе с тем, было заявлено и о необходимости созыва Учредительного собрания.

Елена Кройтор

БАЛЬМОНТУ

Мне не хватает светло-легкой мысли,
Зовущей за полетом мотылька.
Как будто тучи серые нависли.
Их разогнать без Вас не в силе я.

Вы — мимолетность, ветерка прохлада,
Непостоянство, солнце и огонь.
А мне сейчас другого и не надо.
Я мотылька сажаю на ладонь.

И лишь мгновенье — он летит куда-то
За горизонт, в неведомую даль.
И там, быть может, встретит он собрата
Как Вы, как я, и вечная печаль

Утонет вдруг в улыбке Мироздания,
Где каждый счастлив радостью других.
Я Вам пою в стихе моем признание,
Хоть, может быть, не так хорош мой стих.

Но это Вы меня позвали в миге
Всю полноту и силу ощутить.
Увидеть и в луче, и в каждом блике
Бесценный мир. И этот мир любить.

Михаил Бурухин

НЕЖНОСТЬ

Юная песня души моей зрелой!
Полную чашу Нежности тихой,
Словно напитка из ягоды спелой,
Не расплеская, тебе донести бы.

Мягкой походкой несу осторожно,
Будто по травам босыми ногами.
Пей, моя милая, сколько возможно —
Малыми пей и большими глотками.

Если не хватит тебе чаши целой,
Я ее снова наполню до края
Соком души моей любящей, зрелой —
Я утолю твою жажду, родная.

25.07.2001 г.

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

Служение во имя Господне

ХРАМУ В ОРЛИНО – 200 ЛЕТ

Людмила Иванова

Храм в Орлино. Фото автора.

Церковь Преображения Господня, что возвышается на берегу Орлинского озера, является памятником культуры регионального значения. В этом году исполняется 200 лет со дня закладки храма. Поселение Орлино когда-то являлось древним погостом Водской пятины Великого Новгорода, оно упомянуто в письменных источниках 1570 года.

В 1888 году была произведена закладка будущего храма, а через год на его освящении присутствовала сама императрица Елизавета Алексеевна.

Владельцами этих земель были разные именитые роды. Очень много сделал для духовного просвещения в этих местах под Петербургом граф Николай Сергеевич Строганов. Являясь старостой церкви, он неоднократно жертвовал большие суммы на иконос-

тас, колокола, ремонт и ограду, помогал содержать больницу и школу.

В советское время здание, сооруженное в духе строгого классицизма, постигла печальная участь: колокольня была уничтожена, храм использовался под клуб.

Нынче в Орлино бывает на больших службах немало прихожан из окрестных деревень. Приход дружный. Настоятель отец Сергей Барышев прикладывает много сил, для того чтобы люди были не просто «захожанами» в храме, а стали приобщаться серьезно к духовной жизни. У отца Сергея и матушки Елены четверо детей, служат всей семьей: мама поет на клиросе, отец ведет Литургию, дети звонят в колокола. Хочется пожелать православной семье доброго здоровья и Божией помощи!

100 ЛЕТ ХРАМУ ПЕТРА И ПАВЛА В ВЫРИЦЕ

Людмила Иванова

В Вырице завершается капитальный ремонт Храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла.
Фото автора.

В Вырице завершается капитальный ремонт храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Строился храм на многочисленные пожертвования местного населения и впервые был освящен 100 лет назад.

В 1938 году храм закрыли, и в его помещении размещался клуб. В него мало кто ходил — и вскоре закрыли и клуб, а в здании открыли военкомат.

Через три года началась Великая Отечественная война, в Вырице и окрестностях гремели бои. Несколько авиабомб разрушили часть храма. Немцы устроили в нем конюшню.

В 1942 году бывшие прихожане обратились в немецкую комендатуру с просьбой вернуть храм верующим. Как ни странно, просьба была удовлетворена. Жители поселка общими силами взялись за восстановление поруганной святыни.

В 1952 году в храме Петра и Павла был установлен уникальный ковчег

с мощами святых угодников Божиих. Несколько лет назад святыня была утрачена, но с Божией помощью вскоре вновь возвращена на свое место.

К столетнему юбилею было принято решение закрыть и отреставрировать храм. Благодаря благодетелям, прихожане очень скоро получили в подарок рядом с храмом Петра и Павла новую Церковь в честь св. праведного Иоанна Кронштадтского.

В Вырицких храмах всегда много народу, здесь каждый день совершают богослужения два настоятеля — иереи отец Владимир Вафин и отец Алексей Филиппенков.

В сентябре храм Петра и Павла будет вновь освящен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Купола его, восстановленные по старым чертежам, с новой силой станут привлекать в дом Божий местных жителей, паломников и гостей.

ВТОРОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

ХРАМА

Рашид Ганцев

Необходимость строительства первого в Вырице церковного здания возникла после того, как в 1904 году сюда была проведена железная дорога. Строительством обширной сети для нового и перспективного по

Вид храма Петра и Павла со стороны Сиверского шоссе до 2007 года.
Фото В. Мартирова.

тем временам вида транспорта занималось Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Одной из задач общества было продолжение линии от Павловска на Дно и Новоскольники. Эта ветка пересекла вырицкие земли с севера на юг.

Через живописные места пошли поезда дальнего следования и, что было особенно важно, пригородные поезда до Вырицы. Неосвоенные земли по берегам Оредежа вмиг оказались доступными для истосковавшихся по радостям дачной жизни петербуржцам. Вокруг станции Вырица стали расти, как грибы после дождя, дачные поселки. Новые владельцы загородной недвижимости вели преимущественно городской образ жизни, проводя на

свежем воздухе лишь теплые летние месяцы. Однако среди них все больше стало появляться таких, кто предпочитал жить поближе к природе круглый год. Словом, население стремительно росло, и очень скоро стало ясно, что без строительства храма не обойтись, так как ближайшая церковь находилась в селе Введенском, в 8 верстах от станции (около 9 километров).

Интересно, что как только возникли разговоры о намерениях церковного строительства, жители окрестных деревень, большую часть которых составляли финны, стали требовать строительства лютеранской кирхи. Но

Внутренне убранство храма (до 2007 года).
Фото В. Мартирова.

на общем собрании землевладельцев перевес оказался уже не на их стороне. Большинство голосов было решено строить православный храм. Для этой цели была создана Церковно-строительная комиссия по строительству храма во имя святых апостолов Петра и Павла.

Место было выбрано в полутора километрах от станции на углу Сиверского шоссе и улицы, которая вела к мосту через Оредеж и общине христиан трезвенников — чуриковцев. Тогда эту улицу называли Церковной.

Строительство велось на пожертвования будущих прихожан. Среди них оказалось немало состоятельных людей. Архивные записи особо выделяют фамилии В.П. Сомрякова, Н.С. Ларина, К.К. Любомудрова, И.А. Басова, работника Гознака Быстроумова, местного лесопромышленника и благотворителя А.Х. Ефремова. Самый большой вклад — 100 серебряных рублей — был сделан главою общества трезвости Иваном Алексеевичем Чу-

риковым.

Храм был заложен 10 сентября 1906 года и строился по проекту гражданского инженера Н.И. Котовича. Земля под строительство была пожертвована местной землевладелицей госпожой Карнеевой. Рядом выделили участок земли под кладбище.

Несмотря на все старания жертвователей, денег на завершение строительства не хватило. В августе 1907 года Церковно-строительная комиссия обратилась в канцелярию Императорского двора с просьбой о выделении недостающей суммы в размере 1500 рублей. Ходатайство было перенаправлено в Капитул Орденов для исполнения, и к лету 1908 года основные строительные работы завершены.

Появление нового храма вызвало немалый интерес у православной общины Санкт-Петербурга. Церковная газета «Колокол» в двух номерах подряд рассказывала о событиях того лета. В номере 700 от 24 июня читаем: «В Вырице... совершен вче-

Вид внутри храма, 1980-е гг. Фото Л. Ивановой.

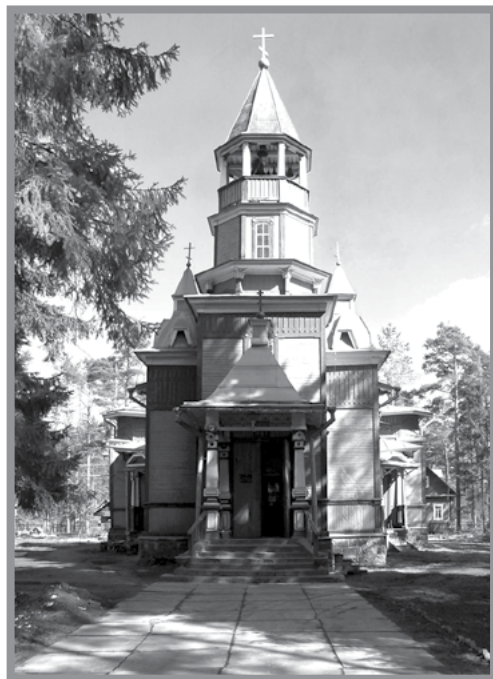
ра, в воскресенье, 22 июня чин освящения нового храма и после него первая литургия. Еще с вечера поселок стал приготавливаться ко вчерашнему торжественному освящению местного храма. Улицы подчистились, аллеи и тротуары посыпаны желтоватым песком, убраны флагами, а местами украшены гирляндами из живой зелени.

Архитектура церкви изящна, проста, но художественна. Постройка тянулась почти два года. Церковь эта освящена во имя святых апостолов Петра и Павла. Так, 29 июня в церкви предстоит большой храмовый праздник и архиерейская служба. Вчера, в воскресенье, 22 июня в новом храме совершен в 10 часов утра, под торжественный звон колоколов, чин освящения духовенством церковью Павловска и Царского Села. Духовенство окрестных церковей отслужило затем литургию».

И в следующем номере: «Храм просторный, светлый, благолепно украшенный... Чин освящения совершал местный Благочинный настоятель Царскосельского собора протоиерей А.И. Беляев... По окончании богослужения в доме И.А. Баусова гостям была предложена трапеза, на которой состоялось чествование строителя храма Котовича... Администрация железной дороги дала в этот день для богомольцев специальную пару поездов. Богослужение в новоустроенном храме будет совершаться при этом местной приходской Введенской церкви».

Деревянное церковное здание имело большой световой купол, высокую стройную колокольню и вмещало в себя более 800 богомольцев. К новому приходу кроме Вырицы отошли также деревни Красницы и Петровка. Поначалу службы проводил священник Введенской церкви Севастиан Воскресенский. Затем на постоянную служ-

бу был назначен священник Георгий Преображенский из Лужского уезда. Он прослужил примерно до 1926 года. Тридцатые годы прошлого столетия были омрачены беспрецедентной борьбой государства с церковью. С 1926 года в храме служил священник Симеон Бирюков. В 1931 был арестован по так называемому «делу церковников». В этом же году арестован и выслан в

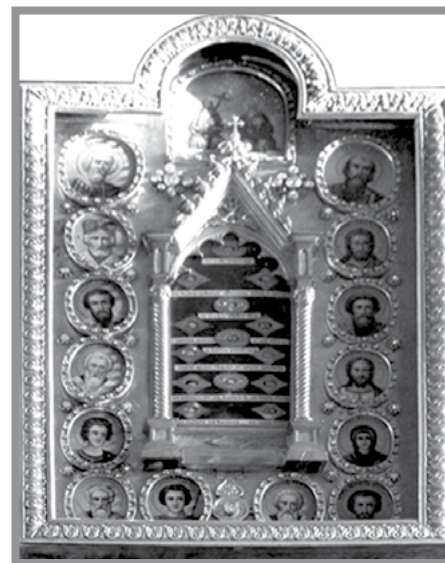

Вид от церковных ворот (до 2007 года).
Фото В. Мартирова.

Ярославль местный уроженец дьякон Аркадий Молчанов, позже священник Андрей Корнилов. После ареста последнего в 1938 году храм был закрыт. В помещении новые власти открыли клуб с танцами под гармошку. Поскольку эта затея успеха не имела, здание приспособили под военкомат. На этот же период времени пришлось первые разрушения. Ни клубу, ни военкомату световой купол и звонница с

колоколами не были нужны.

А вскоре грянула война. В конце августа 1941 года в Вырице уже хозяйничали фашисты. Ожесточенных боев на территории поселка не было,

Ковчежец с мощами.
Фото В. Мартирова.

но авиационные налеты случались. Однажды на церковный двор упала авиабомба. Взрывом повредило часть стены, добило колокольню и купол. На месте падения снаряда образовалась глубокая воронка, она сохранилась до настоящего времени в виде пруда.

Оккупационные власти устроили в полуразрушенном здании конюшню.

В 1942 году верующие во главе с архимандритом Серафимом (в миру Степан Проценко) обратились в немецкую комендатуру с просьбой вернуть храм его прихожанам. Просьба была удовлетворена. Фашисты воевали с Советским Союзом под лозунгом борьбы с советской властью, а она в свою очередь в предвоенные годы активно боролась с церковью. Поэтому ничего удивительного в таком решении нет.

Захватчиком было выгодно поддерживать антисоветские настроения любым способом. Вряд ли они рассчитывали, что верующие будут молиться о победе над врагом.

На этом этапе вряд ли можно говорить о серьезном восстановлении бывшего великолепия храма. Ситуация не позволяла. Вычистили помещения, залатали крышу купольной части, поставили простой работы иконостас да фанерный престол. В этом же году архимандрит Серафим малым чином заново освятил храм. С 1943 по 1944 год его настоятелем был Николай Багрянский. Послевоенная судьба этих священников оказалась вполне предсказуемой: аресты и лагеря.

После освобождения Вырицы от немецко-фашистских захватчиков храм был снова закрыт, однако вскоре приходскому совету удалось получить разрешение властей на его открытие. В 1944 году со дня святой Троицы настоятелем храма был назначен протоиерей Борис Заклинский. К тому времени он уже прошел тернистый путь лагерей и ссылок, где приобрел немало строительных специальностей. На новом поприще этот печальный опыт сослужил добрую службу. Ведь ему пришлось возрождать оскверненный и разрушенный храм, поднимать его, по сути, из руин. От властей ждать помощи не приходилось. Отец Борис, не прекращая богослужений, все свободное время трудился, не покладая рук. Он сам был и за плотника, и за столяра, и за кровельщика. Не хватало материалов, инструментов. Протоиерей собственноручно таскал из леса колючую проволоку, разгибал и делал из нее гвозди. Внучка Б. Заклинского Нина Павловна Морозова в то время была еще довольно маленькой девочкой, но в детской памяти сохранилось многое. Вот небольшая цитата из ее

воспоминаний: «Сделали забор, достроили колокольню, восстановили пробитый купол. Красили все вместе — и дед, и причт, дети, родственники. Краски были плохие, и их приходилось подолгу растирать и готовить самим. Восковые свечи тоже сами делали — но здесь уже все родные были мастерами...». Тот вид, который здание церкви имело вплоть до 2007 года, оно получило благодаря усилиям Бориса Заклинского. Вид этот существенно отличался от первоначального, того, каким задумал его автор проекта Н.И. Котович. Упростились формы купола и звонницы, да и высота их заметно уменьшилась. Стало меньше элементов деревянного декора. Здание стало выглядеть скромнее и строже. Но это было воистину возрождением. Послевоенное время не было благоприятным для служителей церкви. Страна восстанавливалась после страшной войны. Многие города и

Вид церкви Петра и Павла в 1950-е годы

села были разрушены. Властям было не до церквей. И все же отцу Борису удалось не только произвести посильный ремонт храма, его покраску, но и приобрести новые колокола, украсить его новыми иконами, а также Дарохранительницей, Святым Евангелием с серебряным чеканным окладом и серебряной Святой Чашей. В 1952 году из разрушенной церкви села Большие Ящеры Лужского района на пяти подводах были доставлены иконостас, хоругви, паникадило, семисвечник. Из закрытого храма деревни Введенское — Царские врата. Кроме того, был установлен новый престол, украшенный мраморными плитами. 23 ноября того же года храм был заново освящен епископом Таллинским и Эстонским Романом. Под престол были вложены святые мощи.

Об отношении властей к этим переменам говорит такой факт: улица Церковная в пятидесятые годы была переименована в Колхозную.

В 1952 году в истории храма произошло еще одно знаменательное событие. Впрочем, тогда на него мало кто обратил внимание.

После окончания войны к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию Чукову обратились фронтовики, освобождавшие страны Европы. У них в руках оказался необычный трофей: ковчежец с мощами святых ранних веков христианства. Уникальная реликвия римско-католического происхождения была передана митрополиту. При мощевике была грамота, подписанная епископом Остии Константином. Этим документом он заверил подлинность содержимого ковчежца: «Всем и каждому, кто будет читать настоящее послание, даем свидетельство, что Мы, для большей Славы Всемогущего Бога и для прославления Его святых, освидетельс-

твовали священные частицы Святого апостола Петра и Святого апостола Павла, а также костей святых:

Священномученика Климента, папы Римского,
Святителя Григория Двоеслова, папы Римского,
Святителя Льва, папы Римского,
Священномученика Игнатия Богоносца,
Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца,
Первомученика архидиакона Лаврентия,
Великомученика Георгия Победоносца,
Мученика Севастиана,
Святителя Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского,
Преподобного Алексия, человека Божия,
Великомученицы Анастасии Узорешительницы».

*Документ датирован
24 ноября 1876 года.*

Перечень частиц способен привести в благоговейный трепет любого христианина, будь он католиком или православным. Григорию Чукову предстояло решить, где хранить бесценную реликвию?

5 июня 1952 года трофейный ковчежец с мощами святых угодников по благословению митрополита был установлен в вырицком храме. В сопроводительных документах было дано указание, чтобы событие это прошло без особой шумихи.

Строительные работы были закончены в 1954 году, а в 1961 — Борис Заклинский завершил свое служение в вырицком храме, по состоянию здоровья он был вынужден выйти за штат. До начала 1963 года настоятелем был священник Александр Тимофеев, а с 1 января 1963 — указом митрополита Пимена назначен протоиерей Владимир Сидоров. За 35 лет служения в храме он снискал самые искренние любовь и уважение прихожан, а также был награжден крестом с украшениями, митрой и правом служения

Строительные работы по реконструкции храма велись в 2007-2008 гг.

Божественной Литургии с отверстыми воротами до «Отче наш».

В 1997 году настоятелем стал Иоанн Пашкевич. Однако через некоторое время он был переведен в Петербург, а на его место указом митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира назначен иерей Владимир Вафин. На его плечи легла ответственность за подготовку к столетнему юбилею храма.

Вскоре после того, как он начал свое служение, ему выпало испытание. Из храма был похищен мощевик. Шумиха, которой удалось избежать в 1952 году, возникла в 2003. На поиски реликвии были брошены лучшие силы криминальной милиции Петербурга. Прихожане непрестанно молились за возвращение святыни, и чудо случилось! Ковчежец был найден целым и невредимым через три месяца. Об этом удивительном случае рассказали все центральные каналы телевидения и целый ряд газет.

Вскоре настоятелю храма отцу Владимиру пришлось решать очень непростой вопрос. После войны церковное здание, восстановленное трудами Бориса Заклинского и прихожан, простояло более полувека. Последствия разрушительной эпохи и прибли-

жающийся юбилей заставили думать о капитальном ремонте. Специалисты, осмотревшие фундамент, стены и кровлю, предложили два варианта. По первому — здание следовало снести и на его месте построить новое по первоначальным эскизам и рисункам, по второму — реставрировать. И в том и в другом случае ставилась задача — вернуть зданию первоначальный вид. Был выбран второй вариант, более щадящий, но гораздо более трудоемкий и сложный. Для того чтобы не прекращать богослужения, во дворе построили еще один небольшой храм в честь Иоанна Кронштадтского.

День святых апостолов Петра и Павла по новому стилю отмечается 12 июля. Престольный праздник всегда важное и значимое событие в церковной жизни. В этом году он совпадает со столетним юбилеем храма.

МАТЕРИАЛЫ:

1. Материалы РГИА.
2. Материалы Вырицкой церкви Петра и Павла.
3. Материалы Вырицкой поселковой библиотеки им. Ефремова.
4. Рукописи и фотографии В.П. Морозовой.
5. Авторские материалы.

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Сергей Сковпнев

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы

В 1880-х годах ансамбль Егерской слободы пополнился зданием церкви Покрова Пресвятой Богородицы. До тех пор в слободе ни церкви, ни часовни не было. Правда, в казарме холостых егерей была устроена молитвенная комната с небольшим иконостасом, где перед праздниками и воскресеньями гатчинский причт служил всенощные молебны.

После того как император стал почти круглосуточно жить в своей резиденции, дворцовую церковь, в которую раньше ходили егеря, для посторонних закрыли, и уже в 1882 году придворное ведомство принялось хлопотать о постройке для егерей отдельного храма, где могли бы молиться и другие придворные службы.

Проект храма поручили составить

уже в том же году видному зодчему — академику Д.И. Гриму (1823—1898), представителю «византийского» стиля в русской архитектуре прошлого века. В 1848 году он окончил Петербургскую Академию художеств, будучи в ней учеником А.П. Брюллова, и два года спустя отправился совершенствоваться, но не в Европу, а в Закавказье, где увлекся обмерами древних церквей, опубликовав их затем в увраже «Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении» (1859 год).

Византийское искусство определило, но не ограничило талант Грима, ибо уже довольно рано он заинтересовался также «русским» стилем, зачинателем которого в столице считался А.М. Горностаев. В 1861—1864 годах по проекту Грима в Михайловке, име-

нии великого князя Михаила Николаевича между Стрельной и Петергофом, была выстроена дворцовая церковь Святой Ольги. Позднее в этом же стиле по проектам Грима было выстроено еще несколько православных храмов — в Ницце, в память умершего в ней цесаревича Николая Александровича, сына Александра II, посольский храм в Копенгагене и монастырский в Гесфиманском скиту, в Иерусалиме. За границей все эти здания уцелели, но в Петербурге не сохранилось почти ни одно из известных произведений зодчего.

В 1882 году Гримм нарисовал только эскиз Мариенбургской церкви, тогда как детальные рабочие чертежи сделал академик И. А. Стефаниц (1850–1902), опытный практик, который вместе со своим помощником В. Прейсом и Д.А. Тесьминым, молодым выпускником Академии, руководил самим строительством.

Место для храма егерям поначалу было выбрано у железной дороги, но царь, утверждая проект, указал другое на плацу, против центра слободы. Заготавливать строительные материалы и рыть котлован для фундамента начали в декабре 1885 года. Земляные работы вел подрядчик И. Д. Гордеев, который уже весной следующего года все подготовил для забутовки.

Бутовый камень частью везли с близлежащих карьеров у деревни Черницы, а частью от обелиска «Коннетабль» в Гатчине, полностью разрушенного в мае 1881 года ударом молнии. В мае 1886 года, когда фундамент был готов и на нем уложен первый ряд кирпичей, началась подготовка к торжественной закладке церкви. С Монетного двора доставили золотые и серебряные монеты последнего чекана; известный столичный ювелир Сазиков изготовил изящное серебряное блюдо

для закладной лопатки и молотка.

Закладка состоялась 25 мая 1886 года и следующим образом описана «Правительственным вестником» №113: «В воскресенье, 25 мая в третьем часу пополудни, в Гатчине, в Егерской слободе, в присутствии Их Императорских Величеств, Государя Императора и Государыни Императрицы, Государя Наследника Цесаревича и других высочайших особ происходила закладка церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Молебствие с водосвятием совершал протопресвитер Янышев, соборно с придворным духовенством. После молебствия Их Императорским Величеством и Их Императорским Высочеством были положены в гнездо каменного столба золотые и серебряные монеты, вычеканенные в текущем году. Затем углубление было накрыто металлическою вызолоченною доской со следующей надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого духа. Основана сия церковь в честь и память Пресвятыя Богородицы, при державе Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Императора Александра III Александровича при святительстве Преосвященнейшего митрополита Исидора, в лета от Рождества по плоти Бога Слова 1886е, месяца мая 25-й день».

Первый кирпич в основание фундамента был положен Государем Императором. Возле места закладки находились егеря Императорской охоты в парадных мундирах, рабочие и множество народа».

По обычаю рабочие, которых было 47 человек, стояли в подаренных кулачковых рубашках, и на праздничное угощение от начальства им выдали два ведра водки, 50 бутылок пива и семь пирогов.

Летом, после закладки, работа закипела очень быстро. Каменные ра-

боты производил все тот же подрядчик Гордеев. За плотничьи взялся И. Дмитриев. В результате за один год храм был возведен вчерне и подведен под крышу. Оставалось возвести шатер и главы, и можно было приступить к внутренней отделке, поскольку фасад по проекту оставался неоштукатуренным.

Настал 1887 год. Летом штукатуры приступили к работам в интерьере, а каменщики над шатром. Чтобы предохранить его от запотения при службе, на гончарном заводе Курочкина архитектор заказал 7000 штук легкого полого кирпича. Железные каркасы для главок, которые покрывались луженой медью, делал известный столичный завод СанГалли. Там же были изготовлены из чугуна для интерьера две колонны с капителями и базами, а для главок — 7 покрытых червонным золотом железных крестов с медными яблоками. В конце августа эти кресты, поддерживаемые золочеными бронзовыми цепями, были торжественно, по особому чину, подняты вместе с колоколами. Колокола, их было семь, отлил для звонницы мариенбургский меднолитейный завод А.С. Лаврова, который пользовался в своем деле хорошей репутацией.

Снаружи крыша была покрыта цинковым железом, пол застлали «террацовыми плитами» с завода В.В. Гюртлера, четыре голландские печи покрыли изразцами гончарного заведения М.В. Харламова. Для сохранности все наружные детали из чернической плиты сразу штукатурили, а стены покрасили под цвет кирпича.

В конце 1887 года все чисто строительные работы были по плану завершены, и Стефаниц мог приступить к оформлению интерьеров. Сюда входило изготовление иконостаса из дуба с резьбой на три чина, икон на цинке по

золотому фону, двух киотов и икон над дверьми, а также наружных икон. Написание икон было поручено московскому талантливому иконописцу Н. М. Сафонову. Наружные иконы писал художник Исидор Пасс.

Осенью 1888 года должно было состояться освящение церкви, приуроченное первоначально к Покрову. К храму к этому сроку была подведена дорога, и вокруг него сделана ограда из железа. Но совершенно неожиданно Александр III, посетив церковь, остался недоволен ее теснотой и приказал немедленно расширить ее. Сразу начались спешные переделки, в которых участвовало 68 каменщиков и 43 штукатура подрядчика Гордеева. На переделку было затрачено 108806 рублей, и последние работы закончены весной 1889 года.

Освящение церкви состоялось через месяц после спасения императорской семьи во время крушения поезда у ст. Борки, близ Харькова. В «Правительственном вестнике» за 1889 год, № 255 было помещено сообщение об официальном освящении храма, на котором присутствовала вся царская семья, а также высшие придворные и военные чины, строители и полный состав Егерской слободы во главе с начальником императорской охоты егермейстером князем Барятинским. Депутация от егерей, в память избавления царской семьи во время крушения поезда, преподнесла Александру III и его супруге икону Христа Спасителя в прекрасной серебряной золоченой ризе. Образ преподносил оруженосец царя Бабурин.

Журналист из «Петербургского листка» за 1889 год, № 319 сообщал об этом событии следующим образом: «Внутри художественно исполненный мозаичный пол, стены храма, расписанные орнаментом в византийском стиле... и дивный, резной работы в

“русском стиле” иконостас дубовый — все это чарует взор. А над всем этим нависло куполообразное, усыпанное золотыми звездами, голубое небо... (после освящения) молящиеся в церкви направились к зданию канцелярии Императорской охоты в Егерской слободе, которая вчера расцвела флагами и приняла праздничный вид. Длинный ряд чистеньких желтеньких домов с зелеными крышами производил приятное впечатление. В одной из залов канцелярии была сервирована закуска, в другой накрыт длинный стол для завтрака...».

В 1896 году праздновалось столетие со времени основания Егерской роты. К этой дате в одном из домов был организован музей, в котором были собраны записки офицеров, имеющие исторический интерес, жетоны в память событий полковой жизни, знамена, грамоты. Музей просуществовал до 1917 года.

Как уже упоминалось, с прокладкой ветки железной дороги на Гатчину через Красное Село, соседствующий с Егерской слободой, Мариенбург стал расширяться и процветать как фешенебельный дачный поселок. Тем временем в слободе таких резких изменений не происходило, хотя она жила своей собственной культурной жизнью. Здесь был хор егерей, не считая хора Покровской церкви, давал концерты духовой оркестр, давались любительские спектакли, для которых была построена сцена за сараями. Для нее позднее был куплен занавес. В постановках участвовала учащаяся молодежь из учительской семинарии в Новгороде, а также из Петербурга и Гатчины. Жители слободы ходили также на представления, дававшиеся в соседнем Мариенбурге, где был выстроен летний театр, — «красивое и уютное здание». Перед революцией в

дачный сезон здесь выступала с развлекательными пьесками труппа местных любителей, и живший в Гатчине Куприн, а зимой, начиная с 1913 года, показывал фильмы кинематограф «Комета».

В слободе часто проводились гуляния, молодежь каталась на качелях в Дубовой роще, танцевала на лугу на церковном поле. Зимой устраивали катанье на коньках на речке Пильне.

Егерская слобода своей живописностью привлекала к себе много известных художников. Здесь писали свои картины Зиччи, Сверчков, Верещагин, Саврасов, Бегров. С 1902 по 1917 годы тут работал художник Френц, отец известного советского баталиста Френца.

Но все, о чем здесь говорилось, — это славное прошлое Егерской слободы. К сожалению, время не пощадило ее — исчезли многочисленные постройки, перекроена планировка, не осталось и следа былой красоты речки Пильни и ее притока, ушли в прошлое плотины, водопад, запруды, купальни, живые заборы и зеленые поляны. Ветшают егерские домики, исчезают один за другим элементы их своеобразного декора, доживает последние дни одна из оставшихся реликвий деревянного зодчества — караулка на Северной улице. И даже взметнувшиеся в небо стройные купола Покровской церкви не спасают посетителей слободы — любителей старины и русской истории от грустных мыслей и раздумий по поводу судьбы памятника архитектуры.

АРХИМАНДРИТ ИСААКИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Наталья Жданович

В 2008 году исполнилось 113 лет со дня рождения священноархимандрита Исаакия (в миру Иван Васильевич Виноградов).

К этой дате было приурочено издание первой книги, повествующей о жизни и деятельности великого молитвенника и служителя престола Божию.

За минувшие после этого восемь лет выпущено еще две книги, снят фильм, так как духовное наследие архимандрита Исаакия огромно.

Мальчик Ваня родился в большой и дружной семье, в которой искренняя вера в Бога была такой же естественной как человеческое дыхание.

Неудивительно, что с детства ребенок хотел стать священником.

Родной землей его матери Анны Ивановны Лихачевой было село Сиворицы (ныне Никольское) Гатчинского уезда Петербургской губернии. Там же дедушка Иван Михайлович и бабушка Антонина Ивановна Лихачевы были фельдшерами, а дядя Павел священником. Отец архимандрита Исаакия Василий Васильевич Виноградов родился в деревне Кряково, в 12 верстах от деревни Хотыницы, в которой он впоследствии преподавал в школе в течение 39 лет.

Образование Василий Васильевич получил в г. Гатчина, закончив Учительскую семинарию и в Гатчине познакомился с Анной Ивановной Лихачевой на съезде учителей.

Начальную трехгодичную школу Ваня Виноградов окончил в Хотыницах, а затем поступил в петербургское

1-е Реальное училище.

Преподаватель словесности Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов во время летних каникул приглашал Ваню на станцию Струги Белые, где на берегу живописного Щирского озера, в деревне Крукино находилась дача Максимовых.

Ваня был старше мальчиков, проводивших лето в семье Владислава Евгеньевича. Он научил их игре в Рыцари, в которую играл дома со своими сестрами. Эта игра продолжалась долгие годы даже тогда, когда шла I Империалистическая война.

Ваня Виноградов не закончив Духовную Академию, в которую поступил после окончания 1-го Реального

Иван Виноградов

училища, был призван на фронт.

Производство в офицеры происходило в Красном Селе, где Иван Васильевич Виноградов прошел ускоренный курс Владимирского пехотного военного училища.

Попал в отряд полковника Дроздовского, вошедшего в состав армии генерала Деникина, пройдя с ней все тяжкие испытания. (Генерал А.В. Туркул упоминает о штабс-капитане Виноградове в своей книге «Дроздовцы в огне», изданной в Мюнхене в 1948 г.)

С фронта Иван Васильевич писал письма всем членам семьи Максимовых: своему учителю, его отцу, его брату («А помнишь ли, Митюша, лето в Крукшине»), его детям.

Мальчики Максимовы (ставшие впоследствии советскими учеными) напряженно следили за военными событиями, выпусками и иллюстрировали газеты, рисовали карты военных действий.

После 1920 г., оказавшись в Париже, Ваня Виноградов закончил Богословский институт. В монашестве он был наречен Исаакием (в честь преподобного Исаакия Далматского, небесного покровителя Санкт-Петербурга) и направлен служить в Прагу, где в 1936 г. становится архимандритом.

В Праге архимандрит Исаакий прослужил до 1945 г., пока его не арестовали как русского эмигранта и не отправили в Карагандинский лагерь.

После лагеря архиепископ Николай (Магилевский) помог отцу Исаакию получить возможность служить в Алма-Ате (вначале настоятелем в Казанской церкви, а затем настоятелем Никольского кафедрального собора).

В 1957 г. Святейший Патриарх Алексей I (Симанский) направляет отца Исаакия преподавателем в Троице-Сергиеву Лавру в Загорск. Но власти отказывают в прописке бывше-

му белогвардейскому офицеру. Тогда Святейший Патриарх Алексей I назначает его в г. Елец Липецкой области Воронежской епархии настоятелем и благочинным Вознесенского собора, где архимандрит Исаакий прослужил 23 года.

Умер он в 1981 г.

Нескончаем поток паломников к могиле старца на городском кладбище города Елец.

Ректор Елецкого университета совместно с епархией каждые 5 лет проводит международные конференции, посвященные архимандриту Исаакию.

Поражает количество благодарных людей, стремящихся из разных стран мира (многие достаточно немощные по старости, носильные духом) почтить память дорогого врачевателя человеческих душ, обладавшего даром предвидения, способностью бесконечно любить и, даже после смерти помогать.

Архимандрит Исаакий

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

И на Гатчинской земле растут орхидеи

Татьяна Иванова

Если Вас спросят, где растут орхидеи, Вы, скорее всего, ответите: «В тропическом лесу». А я скажу: «И не только! У нас в Елизаветине — тоже».

Вот Венерин башмачок.словно маленькая желтая балетная туфелька, сшитая из атласа. А сверху — завязочки развязались...

Вот кокушник, ятрышник, пальчатокоренник... Стоят ровно, прямо. Будто лилово-розовые свечи из травы светятся...

Конечно, наши северные орхидеи отличаются от своих сестер из тропического леса размером, простотой форм и красок. Но приглядитесь, и вы увидите в скромных маленьких цветочках красоту, изящество и неповторимость, присущую только орхидеям. А их ни с чем не сравнимый аромат! Вспомните «ночную фиалку» — любку двулистную с ее запахом гиацинта, лилии и ландыша вместе взятых или понюхайте кокушник комарниковый, который издает приятный запах гвоздики.

Почему же эти красавицы облюбовали наши Елизаветинские земли? Дело в том, что многие орхидеи предпочитают расти на почвах, богатых химическим элементом кальцием. Ученые даже специальный термин придумали — «кальцефилы», то есть «любители кальция». К кальцефилам относятся все виды башмачков, некоторые ятрышники, кокушники, калипсо, дремлики. А в елизаветинской земле кальция очень много, потому что залегает она на горных породах — доломитах, основными элементами которых являются кальций и магний. Доломит же добывают как полезное ископаемое в специальных карьерах — «Елизаветинском» и «Борницком».

Но не только орхидеи предпочитают кальций в почве. На Елизаветинской земле растут и другие кальцефилы.

...Ранней весной, когда лес еще голый, серо-коричневый, вы вдруг замечаете на прошлогодних листьях трогательные сине-фиолетовые цветочки. Это цветет печеночница благородная, но в каком количестве! В некоторые годы этих цветов бывает так много, что кажется, будто озеро под деревьями расплескалось! А пройдете дальше в лес, увидите кусты, увитые розовым кружевом. Это цветет волчье лыко — дафна. Цветки дафны сидят прямо на стволе кустика и на ветках, словно облепляют. Появляются они, пока нет у растения листьев. На фоне весеннего леса это выглядит очень красиво. Но, внимание! Волчье лыко ядовито! Ни цветы, ни красные ягоды, созревающие к августу, рвать нельзя!

Чуть позже, в начале июня, в лесу можно заметить растение, напоминающее сиреневый горошек. Это — сочевичник весенний, кальцефил из семейства бобовые, самый ранний представитель этого семейства.

Потом, уже в середине лета, буйно зацветет язвенник многолистный, клевер горный. Особенно много этих растений в Борницком карьере «Доломиты» — царстве кальцефилов. Здесь же встречаем куртинки маленького невзрачного растеньица — истода обыкновенного. Окраска цветков истода меняется от количества кальция в почве: чем его больше, тем синее цветки (так реагирует особое красящее вещество в лепестках — антоциан). Интересно отметить тот факт, что и вода в Елизаветине содержит большое количество кальция. Так что при приготовлении растительного чая типа «Каркаде», который тоже содержит антоциан (чай бордового цвета), можно заметить изменение окраски — чай становится сине-фиолетовым!

...Представьте себе лето, июль, жара... Идете по дороге в карьере к озеру на месте бывшей выработки... Кругом — пыль, щебень, каменные глыбы... И вдруг вдоль дороги — маленькие желтые яркие солнышки! Это цветет пупавка красильная, стопроцентный кальцефил. Ей такие усло-

вия нравятся! А подойдете к озеру, и Вас окутает пряный аромат. Зацвела душица обыкновенная. И, как сиреневое облако, накрыла каменистые берега карьера...

Удивительно, но среди кальцефилов встречаются даже грибы! Это — порховка свинцово-серая, которую можно встретить в соседнем с карьером лесочке. Этот гриб похож на дождевик. К концу лета, когда порховка созревает, выбрасывает споры, она напоминает сдутые мячики. Такою она и встретилась. А еще было замечено, что сорняки на полях Елизаветино — тоже кальцефилы. Например, горчица полевая.

Вообще, кальцефилов в природе еще много. Это белозор болотный, горчавка легочная, букашник горный, первоцвет... Но пока эти растения обнаружить не удалось. Видимо, по влажности, по условиям микрорельефа или другим показателям Елизаветинская земля не совсем им подходит, а может быть, нужно внимательнее искать.

Приятно отметить, что в это лето такие поиски увенчались успехом. На краю небольшого пересыхающего болотца была обнаружена одна из красивейших наших орхидей-кальцефилов — дремлик болотный.

Раскрытие секретов Елизаветинской земли продолжается...

ОРХИДЕИ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Орхидеи... Несколько вольный перевод этого слова на русский язык звучит примерно так: «произошедшие от Бога»...

Еще с глубокой древности люди обратили внимание на оригинальность их цветков, на только свойственный им аромат. Орхидеи считались чудом природы...

Хотя основная масса орхидей обитает в странах тропического пояса, на территории нашей страны тоже растут орхидеи. А некоторые из них можно встретить и у нас, в Гатчинском районе, близ поселка Елизаветино.

Конечно, орхидеи северных лесов и лугов уступают тропическим родичам по числу видов, по величине и окраске цветков. Но цветок! Это самая замечательная часть растений семейства орхидные. При близком рассмотрении даже малюсенького цветочка в соцветии по признакам, характерным только для орхидей, можно сразу узнать. Такое изящество и оригинальность редки в природе! Дело в том, что цветок орхидей, по мнению ученых, — вершина приспособления к опылению насекомыми, подчас, только определенного вида. Отсюда — такое разнообразие форм, окраски, запаха...

Шесть лепестков цветка расположены в два круга — наружный и внутренний. Лепестки наружного круга часто срастаются, образуя шлемик, а из трех внутренних один лепесток выделяется размером и формой. Это или вздутая губа, как у Венерина башмачка, или специальная «посадочная площадка», как у ятрышников, пальчатокоренников. Некоторые орхидеи имеют на цветках шпорцы с нектаром для привлечения насекомых (кокушники, любки).

Давайте же познакомимся поближе с нашими оригинальными красавицами — орхидеями Елизаветинской земли.

Чаще всего мы можем встретиться с пальчатокоренниками. Такое название растений связано с тем, что их подземные клубни заканчиваются длинными пальчатовидными отростками, которые в давние времена у одних народов назывались «божьими ручками», а у других — «чертовыми руками».

Пальчатокоренники представляют собой группу орхидей, растущих с одинаковым успехом на почвах различного типа, в отличие от большинства других, предпочитающих в почве химический элемент кальций.

Таких орхидей на Елизаветинской земле встречается много, так как почвы этой местности залегают на горных породах — доломитах, в состав которых входит кальций. Эти орхидеи образуют особую экологическую группу так называемых «кальцефилов» — любителей кальция. Самый яркий представитель этой группы, конечно, венерин башмачок, наиболее крупная и красивая орхидея из числа растущих в пределах нашей страны. Цветок этого растения имеет крупную желтую губу в форме туфельки с завернутым внутрь краем. Такое не-

обычное строение цветка связано со сложной системой опыления растения пчелами, которые, попадая внутрь цветка, в поисках выхода ползают и оставляют порцию приклеившейся к грудке насекомого пыльцы с другого

цветка на рыльце пестика. Интересно отметить, что у разных народов в названии этой орхидеи тоже присутствует слово «туфелька» в разных вариантах. Вздутая губа представляет собой лепесток внутреннего круга, который всегда сильно отличается от остальных двух. У других орхидей этот лепесток обычно крупнее и часто покрыт замысловатым узором или крапинками более темного цвета. Это характерно для пальчатокоренников, ятрышников, губа которых служит привлекательной посадочной площадкой для насекомых-опылителей.

Орхидеи, цветки которых имеют однотонную или белую окраску, нередко для привлечения насекомых-опылителей используют специальный шпорец, заполненный душистым нектаром. Опыляются они часто ночными насекомыми. Наверно, многим знаком тонкий аромат цветков любки двулистной или «ночной красавицы», но не менее приятен запах цветков кокушника комарникового, напоминающий пряный аромат гвоздики. Но, если любка — довольно неприхотливая, часто встречающаяся орхидея, то кокушник можно встретить только

там, где почва обязательно содержит кальций (кокушник комарниковый — кальцефил). В пределах Елизаветинской волости он был замечен только на территории Борницкого карьера доломитов.

Очень декоративен дремлик болотный — орхидея, растущая часто по заболоченным полянам, преимущественно на известняках. (Дремлик, так же, как венерин башмачок и кокушник комарниковый, относят к группе кальцефилов). Цветок дремлика болотного очень оригинален не только по внешнему виду, но и по приспособлению к опылению насекомыми. Цветки — до 2,5 см длины, поникающие; наружные листочки околоцветника зеленоватые со слабыми фиолетовыми полосками, внутренние — беловатые с розовыми полосками. Губа разделена глубокой поперечной вырезкой на две доли: задняя — внутри с оранжевыми бородавочками, выделяющими нектар; передняя доля — широкоовальная, белая, с волнистым краем. Строение и размер губы идеально приспособлены к строению и размерам тела ос-опылителей. Нектар дремлика обладает наркотичес-

ким свойством, так что после посещения нескольких цветков оса не может лететь, а только переползает от цветка к цветку, от соцветия к соцветию, нагруженная пылью...

Почти все орхидеи размножаются семенами, но их жизнь от семени до

семени необычна, довольно существенно отличается от жизни других растений. От момента прорастания семени (а это возможно только при наличии в почве особого вида грибов, которые снабжают семена питательными веществами!) до формирования взрослого цветущего растения проходит иногда десятилетие, а то и больше. Например, любка двулистная зацветает на 11 год после прорастания семени, а венерин башмачок — на 15–17 год!! Одни орхидеи цветут один раз

в жизни, другие могут на несколько лет перейти в подземное состояние при неблагоприятных условиях, например, при сильной засухе или при вмешательстве человека в естественное природное равновесие. Поэтому так редки наши встречи с некоторыми орхидеями. А уж если повезло, орхидея доверилась нам, показалась во всей своей загадочной красе, — оцените это. Тут не грех будет и сказать: «Остановись, мгновенье. Ты — прекрасно!» Любуйтесь, фотографируйте, но не рвите, чтобы наши дети и внуки тоже могли любоваться красавицами-орхидеями в естественных условиях природы. Ведь неумелые попытки перенести их в сады редко кончаются удачей. Обычно большинство растений, насильно вырванных из природной среды, рано или поздно погибает, не оставляя потомства.

Евгений Докучаев

* * *

Я здесь останусь навсегда.
Родные не спохватятся.
Уходит поезд в никуда,
стальной дорогой катится.

Я здесь вчера еще сошел
и помахал билетиком...
Я снова дома. Хорошо
мне жить в Елизаветино.

По шву судьбу свою порву
под этими осинами.
Пусть лето здесь собьет траву
копытами лосяными.

В тумане — листьев мелкий крап
над Авколевом, ночью.
И я туда пойду с утра,
зевая, за грибочками.

Не заблужусь, а забреду
попутно за черникою,
а если нет, — маслят найду
уже у Горки Липовой.

А в полдень самая жара
за ворот потом выльется.
И значит, мне домой пора
обратно, через Дылицы.

Порву судьбу свою по шву,
отброшу все, что сношено...
Ведь я на родине живу,
как людям и положено.

Здесь было счастье и беда...
Пришло сорокалетие.
Прощай тот поезд — в «никуда».
Привет, Елизаветино!

ИМЕНА В ИСТОРИИ

Реализованные возможности

ДОКТОР БЕЛЫШЕВ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Владислав Кислов

Старая Гатчина по праву может гордиться своими замечательными врачами, одним из которых был Василий Васильевич Бельшев, чье имя до сих пор иногда встречается в воспоминаниях старожилов города и публикациях местных краеведов. И дело не только в том, что доктор служил в Гатчине почти четверть века, но главным образом в его доброте, отзывчивости, ревностном исполнении врачебного долга. Заслуги доктора Бельшева в становлении железнодорожной медицины и его деятельность в благотворительных заведениях нашего города велики, равно как и заслуги его жены, Евгении Ивановны — в организации в Гатчине Воскресной школы для неимущих, а также в деле объединения лучших представителей гатчинской интеллигенции в обществе «Просвещение», одним из основателей которого Бельшева являлась.

Родился Василий Бельшев в купеческой семье Петербурга 19 января 1858 года. Окончив 16 января 1884 года Петербургский университет по естественному разряду физико-математического факультета, Бельшев решил стать врачом и поступил в Военно-медицинскую академию, которую и закончил в 1888 году, как видим, уже в достаточно солидном возрасте. Затем служил сверхштатным младшим медицинским чиновником при Медицинском департаменте и одновременно занимался частной практикой в Петербурге.

Бельшев увлекся медицинской на-

укой и в январе 1892 года был командирован в ВМА на три месяца, в клинику диагностики и общей терапии проф. Чудновского, для научного усовершенствования. Уже 21 марта того же года Василий Васильевич защитил диссертацию на степень доктора медицины «Материалы к учению о влиянии соленных ванн в 35 градусов на чахоточных».

Кстати, и у самого Бельшева был вскоре заподозрен туберкулез, а посему новоиспеченный доктор медицины весьма охотно принял предложение занять вакантное место участкового железнодорожного врача в Гатчине, ибо наш город славился как место благоприятное для такого рода больных. Бельшев возглавил 3-й врачебный участок на станции Гатчина-Варшавская. Амбулатория участка размещалась совсем рядом с вокзалом, в самом начале Багговутовской улицы, в доме № 3.

С Бельшевым в Гатчину прибыла жена, Евгения Ивановна, дочь купца

Варгунина, и четверо детей: сыновья — Николай, Василий и Александр и дочь Надежда. Уже в Гатчине у Бельшевых родились сын Владимир и дочь Евгения.

Семья Бельшевых наняла квартиру на Елизаветинской (ныне Достоевского) ул., 13. В двухэтажном доме этом за многие годы сменилось множество квартирантов, некоторые из коих пользовались известностью. Здесь жили, например, поэт К.М. Фофанов и семья будущего знаменитого летчика Б.Г. Чухновского. В 1907 году владельцем дома стал врач гатчинского городского госпиталя доктор Шубенко, друг и единомышленник доктора Бельшева, который, правда, незадолго до этого перебрался на другую квартиру, на улице Багговутовской (ныне Карла Маркса), 17. Но это не мешало Бельшеву по-прежнему часто бывать в гостях у Шубенко. Их встречи даже стали более частыми, ибо просторные, по сравнению с прежней казенной квартирой доктора Шубенко, апартаменты позволяли принимать большее количество приглашенных, к тому же при доме имелся уютный садик со столом для чаепития на свежем воздухе. Более подробно о встречах гатчинской интеллигенции на вечерах у Шубенко можно прочитать в моей книге «Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни. Часть 5», Гатчина, 2008. (Раздел «1907», очерк «Так в осенние дни собирались они»).

Вскоре по прибытии в Гатчину здоровье доктора Бельшева ухудшилось и в марте 1893 года он вынужден был подать прошение об увольнении от службы. Более года понадобилось, чтобы здоровье пришло в норму.

19 августа 1894 года Василий Васильевич вернулся на прежнее место службы в Гатчину, теперь уже на-

долго. Через несколько лет доктор Бельшев, его жена и старшие сыновья стали известны почти всем жителям Гатчины. Он — как прекрасный врач, добрый и отзывчивый человек; его жена — как основательница Воскресной школы и общества «Просвещение»; а сыновья Николай и Александр — как бессменные аккомпаниаторы на благотворительных концертах и спектаклях.

Невысокий, полноватый, веселый и улыбчивый доктор Бельшев прямо излучал добродушие и благожелательность, что привлекало к нему людей. Возможно, именно эти свойства его характера во многом обусловили долгую службу доктора в одном и том же учреждении — амбулатории Варшавского вокзала Гатчины. А, к примеру, во втором железнодорожном медицинском учреждении города — амбулатории станции Гатчина-Балтийская — за время гатчинской службы доктора Бельшева сменилось пять врачей.

Бельшеву повезло с женой. Евгения Ивановна была женщиной заботливой и ласковой, но в то же время целеустремленной и требовательной. Дети в семье рано привлекались к домашним трудам, рано приобретали навыки какого-либо полезного занятия. Не случайно, старшие сыновья еще в детстве научились играть на музыкальных инструментах и позднее в качестве аккомпаниаторов помогали родителям в проведении благотворительных концертов и вечеров. Повзрослев, сыновья преподавали в основанной их матерью в 1896 году Воскресной школе. За время существования этой школы в нашем городе в ней обучалось более тысячи детей неимущего класса.

Несмотря на занятость делами общества «Просвещение» и Воскресной школы, Бельшева находила время преподавать в Сиротском институте

и Женской гимназии. Кстати, доктор Бельшев тоже преподавал, гигиену и медицину, в Учительской семинарии.

Евгения Ивановна была близко знакома с семьей Стасовых: Владимиром Васильевичем и Дмитрием Васильевичем, дочь которого Елена Дмитриевна Стасова стала активной деятельницей революционного движения в России. Бельшева и Надежда Васильевна Стасова вместе учились на Бестужевских курсах.

Жена доктора Бельшева была еще и радушной хозяйкой и в их уютной квартире на Багговутовской улице, 41 в начале 1910-х часто собирались друзья и сослуживцы, врачи и писатели. Бывал здесь А.И. Куприн, изобразивший в одном из произведений, написанных уже в эмиграции, Женечку Бельшеву, маленькую дочурку Евгении Ивановны и Василия Васильевича. Женечка Бельшева позднее, выйдя замуж, стала Евгенией Васильевной Петерсен. (В 1970-х я неоднократно бывал у нее в гостях в Ленинграде, беседовал о прошлых годах, записывал ее рассказы об отце, матери, о гатчинских медиках. Евгения Васильевна позволила переснять некоторые отцовские фотографии и, получив от меня увеличенный снимок отца со служебного удостоверения, взволнованно воскликнула: «Как живой!» Жаль, что тогда я как-то не придавал значения иным темам краеведения, кроме истории гатчинского здравоохранения, а Евгения Петерсен была знакома со многими жителями старой Гатчины, в том числе с летчиками гатчинского военного аэродрома. И о жизни самой Петерсен мне почти ничего не известно. Осталось только вслед за А.С. Пушкиным повторить: «Мы ленивы и не любопытны»...)

И вот Евгении Ивановны, этой опо-

ры в семейной жизни и верного друга, вдруг не стало: она скончалась 8 апреля 1913 года. Доктор Бельшев очень тяжело переживал потерю. Через несколько месяцев после кончины супруги он перебрался из их квартиры на Багговутовской, 17, где все напоминало ему о жене, на новое место жительства — в квартиру № 7 дома по Багговутовской улице, 3. Надо сказать, что Бельшев неоднократно менял адреса: жил на Елизаветинской, Багговутовской (несколько мест), Николаевской (ныне Урицкого) и Александровской (ныне Володарского) улицах.

В Гатчине Бельшеву довелось трудиться и в лазарете Сиротского института. Когда в конце мая 1904 года скончался младший врач Института Э.Г. Павликовский, доктор Бельшев занял его место в лазарете (по совместительству) и служил здесь ровно два года, до прихода нового постоянного врача — А.Н. Колюбакина. Таким образом супруги Бельшевы два года трудились в одном и том же учреждении.

Медицинская служба железной дороги вела многообразную деятельность: лечение больных, оказание первой и неотложной помощи, эпидемиология, школьная санитария, охрана материнства, дезинфекция — это и многое другое входило в круг забот медиков. Некоторое представление о проблемах, с какими сталкивался Бельшев, дают материалы его доклада на 6-ом совещательном съезде врачей Северо-Западной железной дороги в Двинске в декабре 1912 года. В сообщении, озаглавленном «Об эпидемии сыпного тифа на станции Гатчина и о мерах борьбы с нею в интересах ограждения полосы отчуждения», Василий Васильевич описал вспышку сыпного тифа в окрестностях города в январе — сентябре того же года и те мероприятия,

которые позволили не только предотвратить распространение инфекции, но и быстро прекратить эпидемию. Слагаемыми успеха, по мнению доктора Бельшева, стали своевременные, целесообразные и, самое главное, совместные усилия различных ведомств. Так, со стороны железной дороги присылались в Гатчину по мере надобности вагон — дезинфекционная камера, а также аппараты для дезинфекции и истребления паразитов в помещениях, чтобы не посылать зараженные вещи в городскую дезкамеру. Полицмейстер города представил список извозчиков и торговцев, чтобы в случае заболеваний их наложить карантин. Земские врачи взяли на себя запрещение торговли молоком из тех домов, где имелись больные. Общее руководство противэпидемическими мероприятиями приняла на себя городская санитарная комиссия под председательством начальника Дворцового управления. Кроме врачей амбулаторий станций Гатчина-Варшавская и Гатчина-Балтийская, к борьбе с инфекцией были также привлечены земский врач Гатчинского участка Н.А. Колпаков и земский врач Сиверского участка А.С. Кашин.

Медицинская служба железной дороги на территории, подотчетной Бельшеву (в данном случае сюда входила линия железной дороги с полосой отчуждения от Верево до Дивенской), сработала столь успешно, что во время сей вспышки здесь заболело всего два человека, причем это были поденщики. В то же время, плохие гигиенические условия в деревнях Малая Гатчина, Большая и Малая Загвоздка и слободе Александровской стали причиной 25 заболеваний. В самой Гатчине заболело 5 человек. Всего же в эпидемию заболело 32 человека, 6 из которых умерли.

С началом Мировой войны на медицинскую службу станции Гатчина-Варшавская сразу свалилось множество новых забот, главной из которых стало оказание медицинской помощи беженцам-железнодорожникам, в огромном числе прибывающим в наш город. Кроме того, их надо было разместить и накормить. При этом медики строго следили за соблюдением санитарных правил, за доброкачественностью пищи. А еще требовалось не допустить распространения среди беженцев инфекционных болезней. Сделать же это в условиях скученности, нервного и физического истощения людей было очень не просто. Поэтому доктор Бельшев дневал и ночевал на службе. О масштабах деятельности медицинской службы станции Гатчина-Варшавская говорят следующие цифры:

За первые два года войны через наш город проследовало несколько тысяч человек, большинство из которых были железнодорожниками. В Гатчине и ее пригородах осело 1500 человек, из них железнодорожников с их семьями — 1200. Конечно, организовать помощь такому числу людей одной медицинской службе станции было бы не под силу. Все делалось в сотрудничестве с другими гатчинскими организациями, занимающимися проблемами беженцев: Татьянинскими комитетами волости и города, местным комитетом Красного Креста. В связи с тем, что среди беженцев было очень много поляков, в состав Татьянинского комитета волости был введен ксендз. Совместная деятельность всех этих организаций дала свои плоды: беженцы были в достаточной степени обеспечены жильем, и питанием, предотвращено распространение инфекционных заболеваний. Хуже обстояло с обеспечением беженцев работой и с

организацией обучения их детей.

Самые большие трудности у медиков Гатчины появились после падения монархии: началась разруха, продукты питания подорожали, да и вообще начали исчезать. Город наводнили воинские части. Власть постоянно менялась. Ну как тут было трудиться медикам, тем более на железной дороге, которая стала поистине артерией

жизни? А ведь трудились, делали свое дело тихо и с пользой! Не было ни одной эпидемии!

Но и силы человеческие не беспредельны. Изматывающий труд, нервотрепка и недоедание сделали свое дело — доктор Бельшев заболел и в конце 1918 года умер. Похоронили его на городском кладбище, рядом с женой.

Сергей Пузатых

ЛЕС ДЕТСТВА МОЕГО

*Там, где у поля васильки и кашка,
Склоняются под теплым ветерком,
А у лесочка клевер и ромашка,
Ютятся под ореховым кустом,
Там, детство навсегда мое осталось,
Меня там помнят старые дубы,
И в сердце мое, что к ним прижималось,
Вливали силушку былинные стволы.
Там, на полянках в колокольчиках играла,
В оттенках радуги, жемчужная роса,
И утро щедро солнце раздавало,
И птички заливались голоса.
В лесочке земляники поспевали,
И алые мерцали огоньки,
А в кронах ив все иволги кричали,
Жар-птицы, те, что жили у реки.
От этих криков резких и кошачьих
Мерк звонкий и веселый птичий хор,
Их перьев, словно золото блестящих,
Мне не забыть до этих самых пор.
И вот когда я мыслями вертаюсь
В край детства, в тот любимый свой лесок,
Я снова чем-то светлым заряжаюсь,
Как будто пью с берез весенний сок.*

И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ...

Светлана Колобовникова

Утро 6 октября 2007 года встретило нас добрым светом осени. Осень была в самом разгаре, горели всеми красками лес и парки. С веток падали золотым дождем листья: желтые, золотисто-бронзовые, янтарные, красные. Большинство из них благополучно долетало до земли и рассыпью золотых звезд замирало на ней. Но некоторые, планируя, находили последний свой аэродром на лапах вечнозеленых елей и сосен, и эти красавицы казались наряженными ими как новогодними игрушками. Земля и еще кое-где зеленая трава покрыты были тончайшим, как оренбургский платок, узором инея. Солнце, хотя и медленно, но пробивалось сквозь белесые облака, ярко высвечивая голубые прогалыны неба. День обещал быть солнечным и теплым...

Жители Сиверской, гости из Санкт-Петербурга, Гатчины и других мест, летчики-ветераны, представители прессы и телевидения собрались у Мемориала Защитникам ленинградского неба. Именно здесь, у подножия самолета-памятника, установлена мемориальная доска, увековечившая память летчика-космонавта Германа Степановича Титова. Надпись на доске гласит: «Летчику-космонавту-2 Герою Советского Союза Герману Степановичу Титову с 1957 по 1960 г. проходившему службу в гарнизоне Сиверский».

В 1957 году уроженец Алтайского края молодой летчик Герман Титов впервые ступил на Сиверскую землю и отсюда шагнул в космос. На пьедес-

тале установлен самолет номер 45, на аналогичном, под этим номером, он летал. Сиверская явилась для него не только первым местом службы, но и местом, где он встретил свою любовь — Тамару Васильевну, которая стала его верной спутницей жизни...

Герман Титов часто вспоминал то время: «Ведь мы тогда были совсем мальчишками и всего хотелось...». В школе и училище он освоил пилотирование самолетов Як-11 и Як-18, а также реактивные УТИ МиГ-15 и МиГ-15бис и продолжил летать на этих самолетах в 26-м Гвардейском истребительном авиаполку 41-й истребительной авиадивизии 76-й воздушной армии, который базировался в поселке Сиверский Ленинградской области.

В эти годы у Германа Титова возникло совершенно особое чувство к городу Пушкина и Петра. С детства он увлекался стихами А.С. Пушкина, мог часами читать их наизусть (его отец был учителем литературы и детей своих называл Герман и Земфира в честь пушкинских героев). Теперь можно было самому увидеть все то, что создал Петр и о чем писал любимый поэт, пройти по набережным, посмотреть сокровища Эрмитажа.

Герман Титов (1935–2000), Герой Советского Союза, заместитель командующего космическими войсками России, генерал-полковник авиации, депутат Государственной Думы. Родился в селе Верхнем Жилине Косихинского района. Титов был дублером первого космонавта мира Юрия

Гагарина. 6-7 августа 1961 года он совершил второй в истории человечества космический полет на космическом корабле «Восток-2». За 25 часов 11 минут корабль сделал 17 оборотов вокруг Земли, пролетев более 700 тысяч километров. Этот полет Германа Степановича Титова доказал возможность и способность человека жить и работать в космосе. Вслед за Гагариным имя его облетело весь земной шар.

Родина по достоинству оценила труд и подвиг Германа Степановича Титова. Он награжден высшими орденами нашей страны, девять стран мира удостоили его своими наградами. Его именем названы кратер на Луне, подводная гора в Тихом океане и остров у берегов Вьетнама. Герман Титов являлся почетным гражданином 11 городов мира.

Подъехала военная машина, из нее вышли офицеры и солдаты в парадной форме, с автоматами. Вынесли большую гирлянду из хвойных веток, украшенную красными гвоздиками и перевитую георгиевской лентой. Репортеры фотографировали и снимали на видеокамеры Мемориальную доску Г.С. Титову, военных, гостей, природу. Люди, разбившись на небольшие группки, тихо беседовали. Все ожидали прибытия на митинг летчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза Георгия Михайловича Гречко...

НАЧАЛО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

К сожалению, не все помнят эту дату — 4 октября 1957 года. Сейчас запуск ракеты — почти обычное дело, за 50 лет произошло много событий, космическими полетами уже никого не удивишь. Мы разговариваем, ис-

пользуя спутники, смотрим телевизор через космос, наблюдаем с орбиты за погодными изменениями... Но, если вдруг на экране ТВ вы увидите, как расходятся захваты, и в языках пламени стремится вверх ракета с четырьмя конусообразными двигателями вниз, знайте: начало этому восхитительному событию было положено именно тогда, полвека назад, когда советские ученые вывели на орбиту небольшую алюминиевую сферу — первый в мире искусственный советский спутник Земли!

Спутник представлял собой герметичный контейнер диаметром 580 мм и массой 83,6 кг. Внутри находились: радиопередатчик мощностью 1 Вт и массой 3,5 кг, блок питания с тремя батареями серебряно-цинковых аккумуляторов массой 51 кг, дистанционный переключатель, вентилятор, системы терморегулирования, реле, а снаружи — четыре усика антенны.

Первый искусственный спутник Земли, набрав при помощи ракеты-носителя, стартовавшей в 22:28 по московскому времени, первую космическую скорость (7,9 км/с), вышел на геоцентрическую орбиту. На 314,5 сек. после старта произошло отделение Спутника и он подал свой голос. Тысячи людей планеты приняли на свои приемники его позывные: «Бип! Бип! Бип!». Он летал 92 дня, совершив 1440 оборотов (около 60 млн км) вокруг нашей планеты, и сгорел в атмосфере. Но след его и память о нем остались, как о выдающемся событии, положившем начало космической эры. Во всем мире признан приоритет нашей страны, как первооткрывательницы Космоса.

В декабре 1999 года Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период с 4 по 10 октября Всемирной неделей космоса, с тем, чтобы отмечать тот вклад, который вносит косми-

ческая наука и техника в улучшение благосостояния человека. Эти даты воскрешают в памяти такие события, как запуск 4 октября 1957 года первого искусственного спутника Земли «Спутник I» и вступление в силу 10 октября 1967 года Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства.

В 2007 году весь мир отметил эту знаменательную дату. Во многих странах были выпущены монеты, марки, плакаты, майки с изображением Первого спутника Земли, сувениры модели Спутника.

2–3 октября 2007 года в Санкт-Петербурге в гостинице «Прибалтийская» состоялась Международная научно-практическая конференция с участием ученых, космонавтов и ветеранов космической отрасли.

В обращении к участникам конференции губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко подчеркнула, что первые шаги по освоению космоса были сделаны в нашем городе. Она отметила, что и сегодня славные традиции пионеров ракетостроения и теоретиков освоения космического пространства в Петербурге продолжают флагманы российской космической индустрии Завод и КБ «Арсенал», ВНИИТрансмаш, ОКБ «Орион» и многие другие организации.

Гатчинская земля тоже внесла немалый вклад в освоение космоса. Ученые, инженеры, испытатели принимали участие в различных космических программах.

Например, Валерий Егорович Филатов — один из тех людей, которыми Гатчина может по праву гордиться. Разработку уникальной системы автоматической посадки корабля много разового использования поручили институту радиоаппаратуры. Валерий

Егорович в рамках этого проекта был назначен руководителем научно-испытательной группы при институтском летно-исследовательском центре. Образно говоря — это был человек, который посадил «Буран». И он был не один... Именно поэтому Фонд «Моя малая родина» и Федерация Космонавтики решили провести Областную конференцию на Гатчинской земле.

Чтобы отдать дань уважения памяти всем людям, известным и неизвестным участникам создания космических аппаратов, наш благотворительный фонд «Моя малая родина» организовал и провел в Сиверской 6 октября 2007 года Областную научно-практическую конференцию «Космос и люди», которая началась митингом у Мемориала.

МИТИНГ. МУЗЕЙ. ДРУЖНОСЕЛЬЕ

Митинг у Мемориала был назначен на 11 часов.

Бесстрашные летчики-ветераны в парадной форме и с наградами выглядели торжественно и взволнованно. Еще бы, ведь им предстояла буквально через несколько минут встреча с собственной юностью. Ну, как не волноваться было Михаилу Терентьевичу Меченкову, который был в числе первого набора кандидатов в космонавты. Он, летчик-испытатель, освоил 26 типов летательных аппаратов, в том числе вертолеты «МИГ-8», налетал более десяти тысяч часов, совершил 760 прыжков с парашютом, много лет испытывал радиоэлектронную аппаратуру ближних и дальних навигационных систем, полуавтоматической и автоматической посадки. Рядом с ним — ветераны авиации Виктор Павлович Шубников, летчик-истребитель, служил и испытывал самолеты вместе с Германом Степановичем Титовым в

Сиверском авиагарнизоне и Михаил Алексеевич Геращенко — ныне председатель Гатчинского районного совета ветеранов, благодаря энтузиазму которого в 2002 году была установлена мемориальная доска космонавту-2 Герману Титову.

Пришли на митинг наши замечательные земляки, летчики полковник Николай Максимович Савченко, много лет командовавший Сиверским авиагарнизонам, и подполковник Виктор Васильевич Полулях, его боевой заместитель.

Приехал из Петербурга вместе с супругой гордость нашего поселка генерал-майор Федор Алексеевич Мясников, бывший ученик Сиверской средней школы № 1, жизнь и судьба которого описаны в очерке «Боец невидимого фронта» (автор Галина Хохлова, «Гатчинская правда», 2002 г.).

Задолго до начала митинга пришла за все болеющая душой и везде успевающая Мария Ивановна Мадатова — уважаемая наша Глава.

Но думаю, что больше всех волновался внешне сохраняющий полное спокойствие и завидную выдержку заместитель командира части подполковник Александр Иванович Кузнецов — ему нужно было достойно представить свою войсковую часть космонавту Гречко.

Нет возможности рассказать обо всех прибывших на митинг. Пришли самые разные люди, но сейчас всех объединило ожидание необычной встречи...

Без пяти одиннадцать подъехал автомобиль, и из него вышли космонавт Георгий Михайлович Гречко в сопровождении вице-президента Северо-Западной организации Федерации космонавтики России Олега Петровича Мухина и помощника президента Федерации Ирины Анатольевны Исаевой.

Космонавт медленно пошел по дорожке, усыпанной осенними листьями, как по ковровой дорожке космодрома, а ветераны дружно двинулись ему навстречу. Это был незабываемый момент. Думаю, что Георгию Михайловичу хотелось обнять каждого, каждому пожать руку... Сразу завязалась дружеская беседа. Общих тем и воспоминаний было много...

Выступая на митинге, Георгий Михайлович рассказал, что он был в числе тех инженеров, которые готовили первый спутник к запуску. Лично он рассчитал траекторию полета спутника, выполнил другие важные расчеты и отладку систем. Он сказал, что никто из них не видел ничего исторического, а тем более великого в своей работе, и только после запуска, когда мир взорвался от восхищения, появилось чувство своей личной причастности к свершившемуся. Показал собравшимся фотоснимок, сделанный на космодроме Тюра-Там (Байконур), датированный 4 октября 1957 года, на котором он стоит в полной форме испытателя, такой еще совсем молодой и бравый. Вспомнил о своей дружбе с Германом Степановичем Титовым. Поблагодарил сиверчан за сохранение памяти об этом замечательном человеке.

Митинг закончился необычно и торжественно. Воины Сиверского гарнизона произвели троекратный залп из боевого оружия в память летчика-космонавта Героя Советского Союза Германа Степановича Титова.

После митинга всех присутствующих пригласили посетить Музей воинской славы в авиагарнизоне. Для многих это было редкой возможностью осмотреть экспозиции закрытого для гражданского населения Музея. Здесь сохраняется память не только о боевых подвигах в годы войны, но

и освещаются военные будни мирной жизни. Всех поразила рассказ подполковника Кузнецова о подвиге майора Виктора Нестерова, который отказался от катапультирования, когда понял, что самолет рухнет на деревню Куровицы. Самолет упал в стороне от деревни, летчик погиб, но жители не пострадали...

По желанию Георгия Михайловича Гречко была организована поездка в бывшее имение фельдмаршала П.Х. Витгенштейна «Дружноселье». Он, коренной ленинградец, считал своим долгом отдать дань уважения герою 1812 года — «спасителю Петрополя».

«МЫ СТОЯЛИ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ»

«Своими достижениями мы обязаны тому, что стояли на плечах гигантов», — этими словами Исаака Ньютона Георгий Михайлович Гречко закончил свое выступление на митинге у Мемориала и эти слова стали лейтмотивом его воспоминаний на конференции, которая началась в 13 часов и проходила в Сиверском кино-культурном центре «Юбилейный».

...Почти два года Санкт-Петербургский культурно-патриотический благотворительный общественный фонд «Моя малая родина» готовил этот проект. Начали с переписки со Звездным городком, установили контакты с Федерацией космонавтики России и с Северо-Западной межрегиональной организацией, которые поддерживали наши предложения по проведению конференции. Детально проработали программу конференции, изготовили в типографии цветные афиши и приглашения, оповестили население. За

месяц до конференции Фонд разослал информационные письма и приглашения в администрации губернаторов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в администрацию Гатчинского района и г.п. Сиверский, во ВНИИТрансмаш, более 100 приглашений было вручено лично представителям общественности. Были подготовлены научные доклады вице-президентом О.П. Мухиным и доктором технических наук, профессором М.И. Маленковым, была подготовлена резолюция конференции.

Все это было проведено заранее и без всякой спешки. И никто не мог предположить, какой «сюрприз» нас ждет: вечером 5 октября мы узнали, что на 6 октября запланировано отключение поселка Сиверский от электроснабжения в связи с ремонтными работами...

За двадцать минут до открытия конференции свет отключили.

Мы не смогли предложить уставшему космонавту и сопровождающим его лицам даже по чашке горячего чая.

Народ прибывал. Света нет, зал темный. Микрофоны не работают. И тогда милые хозяйки СККЦ «Юбилейный» приняли единственно правильное решение: проводить конференцию в фойе, которое было залито солнечным светом.

И вот здесь, в фойе сельского кинотеатра, произошла уникальная встреча композитора Исаака Иосифовича Шварца и космонавта Георгия Михайловича Гречко, которую Исаак Иосифович назвал исторической. В процессе беседы они выяснили, что учились в одной школе Ленинграда, только в разные годы. Всем известно, что космонавты перед полетом смотрят фильм «Белое солнце пустыни», музы-

ку к которому написал И.И. Шварц. Этот фильм и песня «Ваше благородие, госпожа удача» на слова Булата Окуджавы стали для космонавтов своеобразным талисманом.

Г.М. Гречко подчеркнул, что музыка этого фильма настраивает на полет, как камертон, внушает оптимизм, гордость за свою страну и веру в благополучное возвращение на Землю.

Свое выступление на конференции Георгий Михайлович начал с того, что всех успокоил по поводу отсутствия света, сказал, что на Байконуре тоже свет отключали, а мы ракеты все равно запускали...

Больше часа Георгий Михайлович отвечал на вопросы присутствующих. Мы многое узнали и о запуске Первого Спутника, и о полетах космонавтов, и о фактах его биографии, и еще о многом и многом. Но главное в его выступлении было то, что он воздал должное первопроходцам Космоса: Юрию Гагарину, Герману Титову и другим. Сам он полетел в Космос 34-м в возрасте 44 лет.

Он трижды летал в космос в качестве бортинженера. Всего пробыл в Космосе 134 дня 21 час 32 минуты 52 секунды. Во время второго полета он выходил в открытый космос. Им установлены рекорд СССР и мировой рекорд по продолжительности космических полетов.

Г.М. Гречко — дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, доктор физико-математических наук, кавалер трех орденов Ленина, кавалер орденов многих зарубежных стран. В 1975 году награжден Золотой медалью им. К.Э. Циолковского Академии наук СССР, удостоен ордена «Роза Ветров» с бриллиантом Международного Комитета по авиации и космическим

полетам. Является действительным членом Международной Академии астронавтики (1975 г.), почетным членом ряда Академий зарубежных стран. Перечень титулов и наград Георгия Михайловича не умещается даже на трех страницах.

О таких людях говорят: человек-легенда. А мы увидели простого, обаятельного, чрезвычайно доброжелательного человека.

Сиверчане проявили максимум гостеприимства и высокие гости оценили это. А о том, что жительница села Рождественно Валерия Александровна Соловьева на прощанье преподнесла Георгию Михайловичу Гречко сеточку яблок из своего сада, которые они с удовольствием ели по дороге в Петербург, он рассказывал даже в Звездном городке.

ЭПИЛОГ

Мы прожили незабываемый день. Хотелось, чтобы он не кончался. Георгий Михайлович должен был быть в 16 часов на правительственном приеме в Константиновском дворце, но никак не мог попрощаться с нами: так тронула его душу эта встреча. Мы стали не просто свидетелями, а непосредственными участниками встречи двух ярких звезд мировой величины: знаменитого космонавта и знаменитого композитора, которые много лет знали друг о друге, были духовно связаны через музыку, но никогда не встречались. Г.М. Гречко от имени Федерации Космонавтики России за заслуги перед отечественной космонавтикой вручил Исааку Иосифовичу Шварцу медаль имени Юрия Гагарина... Медали и грамоты были вручены и другим людям, внесшим свой вклад в развитие и пропаганду достижений космоса.

13 мая 2008 года в день 85-летия нашего любимого композитора Исаака Иосифовича Шварца с борта 17 экспедиции Международной космической станции (МКС) командир Сергей Александрович Волков и бортинженер Олег Дмитриевич Кононенко присла-

ли ему свое поздравление. Они пожелали ему крепкого здоровья и долгих лет жизни и выразили уверенность, что встретятся на Земле.

Космонавт Г.М. Гречко вручает медаль им. Ю. Гагарина композитору И.И. Шварцу

Участники митинга с Г.М. Гречко

Г.М. Гречко с летчиками-ветеранами Сиверского гарнизона

Мемориал защитникам Ленинградского неба

Зоя Бобкова

КОМПОЗИТОРУ И. ШВАРЦУ

*Гармонией все звуки рождены,
Исток их у подножия весны,*

*Плывут они над сиверской землей,
Крыла раскинув, предрассветной мглой.*

*Подснежник раскрывает лепестки,
Ему те звуки ясные близки,*

*Они в едином танце озорном
Встречают утро на балу лесном.*

*Сосновый бор вступает в танец тот,
Он на басах, как в сапогах, идет.*

*Березка трепетно прошелестит
О том, что время искрою летит.*

*Под плавную мелодию воды
Над Оредежью запоют сады.*

*А, проплывая мимо, облака
Добавят света, чтобы на века.*

*Придет на бал и тихий человек,
Он звукам — свой, пусть даже ляжет снег,*

*И чтоб не захлебнулись в зимнем плаче,
Их познакомит с госпожой Удачей.*

Екатерина Сунайт

Не могу не согласиться с мыслью о том, что выживает и процветает не то государство, где прекрасно развита экономика, а то, где больших высот достигла культура. В свете этого тем более интересно писать о Татьяне Сергеевне Томиной, ко-

Татьяна Томина

торая как человек истинно творческий имеет прямое отношение к культуре. Вместе с тем она — учитель, кандидат педагогических наук, руководитель студии рукоделия женского клуба при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова, жена и мать двоих детей. Около двадцати лет Татьяна Сергеевна проработала в общеобразовательной школе № 1 учителем трудового обучения девочек, сейчас

работает в Санкт-Петербургском институте педагогического образования РАО старшим научным сотрудником лаборатории дидактических исследований в педагогическом образовании.

Татьяна Сергеевна — активный читатель поселковой библиотеки, но особо хочется рассказать об ее увлечении — авторской кукле. И детей и взрослых радуют изготовленные ею игрушки, выставка которых открылась в библиотеке с началом летних каникул.

Впервые я встретилась с Татьяной Сергеевной Томиной на праздновании Нового года в женском клубе. Запомнилось ее необычное поздравление: она достала из сумки куклу, которая была с одной стороны настоящей крысой — символом года по восточному календарю (длинный хвост, острая мордочка, характерные лапки), но с другой стороны — сутуловатой, мудрой и доброй бабушкой в круглых очках из какой-то английской книжки. Все восхищенно ахнули. Далее из сумки доставались по очереди: очаровательная желтая крыска с колокольчиком на шее; смешной зубастый зверек с розовыми ушами и большим орехом в лапках, совсем как настоящая серая мышка-норушка из русских сказок... У каждого персонажа было свое имя и своя история жизни. Как и положено под Новый год, все почувствовали себя немного детьми. Каждой женщине хотелось потрогать милые игрушки, поддержать их в руках, сделать фотографию на память. Татьяна Сергеевна рассказала, что шить игрушки — это

была мечта с детства. Еще девочкой одевала в собственноручно изготовленные платья и шляпки своих кукол, шила и вязала забавных зверушек. Отличные способности к творчеству передались ей от родителей. Великая отечественная война не позволила ее отцу — Сергею Васильевичу — получить художественное образование, но желание рисовать сопровождает его всю жизнь. Домашние интерьеры детей, родственников и знакомых украшают замечательные картины, написанные маслом: жанровые зарисовки, пейзажи, натюрморты. Пожилой отец и сейчас великий выдумщик. Запек к празднику мясо в духовке, а в итоге — и блюдо, и зверек с ушами и хвостом. Вот они — истоки творчества дочери! Мама — Галина Иосифовна, из педагогической династии, замечательный филолог, педагог с 40-летним стажем, реализовавшая свои способности в литературно-педагогическом творчестве.

По образованию Татьяна Сергеевна химик, закончила Белорусский государственный университет по специальности «радиационная и химическая технология». Конечно, родителям хотелось, чтобы дочь восходила в своей серьезной профессии к вершинам, и, упорная и организованная, она, видимо, могла бы это сделать. Но что-то ей мешало. Проработала химиком всего год. «А потом, — как она сама говорит, — началось... Закончила различные курсы по рукоделию и народному костюму». Круто, как может сделать только решительный человек, изменила свою жизнь. Пошла работать учителем труда в среднюю школу № 1 п. Вырица. Со стороны могло бы показаться, что это неразумно: идти не на самую престижную работу, но это только со стороны... А она была счастлива, как может быть счастливым человек, занимающийся любимым

делом. Творческая натура в учителе труда обнаружилась быстро. Татьяна Сергеевна начала работать по экспериментальной программе «Трудовое обучение девочек с основами русской культуры». Ученицы были без ума от своей учительницы: «Уроки Татьяны Сергеевны — это фантазия, это полет, это мечта и вдохновение» — пишет Наталья Иванова, учащаяся 10 класса («Вестник Золотой книги», СПб, 2004, № 6). В работе помогло еще одно увлечение педагога — она собирает предметы крестьянского быта, старинные изделия женского рукоделия: вышивки, полотенца, салфетки, столешники и пр. В основу коллекции легли старинные дореволюционные этнографические народные мужские и женские костюмы, приобретенные мамой Татьяны Сергеевны, и переданные ею дочери. Собранные старинные изделия крестьянского быта легли в основу мини-музея в школе. Изучение народной культуры, использование средств народной культуры в обучении и воспитании учащихся послужило толчком к реализации творческого потенциала учениц в декоративно-прикладной деятельности. Совместными усилиями учительницы и заинтересованных учениц были созданы большие текстильные куклы Иван и Марья, Старик и Старуха (по сказке А.С. Пушкина), Пьеро, Буратино, Книговичок; коллективные панно, выполненные в технике лоскутного шитья: «Наш мир», «Карта Ленинградской области», «Моя голубая планета», «Жаворонки прилетают...», «Земля — наш дом». Все работы отмечены дипломами разного уровня, каждая имеет неповторимый отпечаток авторской индивидуальности и оригинальности.

Преподавательская деятельность в школе дала толчок к созданию собственной методики работы с учащимися

по развитию творческих способностей. Татьяна Сергеевна ринулась в бездонное «творческое море», не расплескивая при этом педагогических мыслей, изучая научные труды по педагогике, психологии творчества, народной культуре, по развитию творческих способностей учащихся к декоративно-прикладной деятельности. В результате был написан ряд статей, методические пособия для учителей. Попытка найти свой путь в деле обучения и воспитания молодежи, приобщение учащихся к истокам родной культуры вылилась в успешно защищенную в 2007 году кандидатскую диссертацию.

Свой жизненный девиз Татьяна Сергеевна Томина сформулировала лаконично и ясно: «Один видит проблему, другой видит возможность». Думается, что не так уж часто человек воплощает в жизнь свою детскую мечту, используя данные талант и возможности, не пугаясь проблем, успешно совмещая работу, семью и увлечение.

Кстати, пятнадцатилетнюю дочь Алину также привлекает рукоделие: она вяжет сумочки, изготавливает стильные украшения из различных материалов.

Т.С. Томина создает свои авторские куклы, придумывает особый сказочный мир, в котором живут они, каждая со своим характером. Мир этот загадочен и нежен, как детская душа. Ее куклы, как полагается произведениям художника, выражают в чем-то характер своего создателя. Замечательные разноцветные медведи с выразительными глазами (Мак, Василек, Мартик, Маргаритка) добры и немного печальны. Лепная кукла Пьеро — утонченный и мечтательный эстет. Кот Ученый из Лукоморья — спокоен и мудр (Кот привлекал всеобщее внимание на прошедшей в июне выставке в с. Воскресенском на областном Пушкинском празднике, а на областном фестивале православной культуры «Праздничные звоны» 6 июля 2008г. в г. Тихви-

Авторские игрушки Татьяны Томиной

не победил в номинации «Приз зрительских симпатий»). Как рождается творческая идея? Кто-то из читателей библиотеки заметил, что на выставке нет смеющихся кукол. Я задумалась на эту тему... И вот, пожалуйста! Через пару дней на выставку принесли «новорожденную» куклу. Она радостно улыбалась, а ей в ответ улыбались посетители.

У талантливого учителя обязательно бывают талантливые ученики. Ученицы Татьяны Сергеевны Томиной — участницы, дипломанты и победители региональных, всероссийских и международных выставок, конкурсов и фестивалей декоративно-прикладного творчества. Работы учащихся Вырицкой средней школы №1 участвовали в выставке творческих работ в Швеции: в 2006 году был реализован совместный шведско-русский проект «Русское рукоделие» в городе Эскильстуна. На конкурсе творческих работ в Москве, объявленном журналом «Наука и жизнь» сразу две девочки стали победителями: Людмила Журавлева и

Мария Григорьева. Т.С. Томина внесена в общероссийскую энциклопедию «Одаренные дети — будущее России» (рубрика «Учитель»), награждена высшей общественной педагогической наградой — медалью «За вклад в развитие образования», Почетной грамотой Министерства образования РФ, имеет более 30 грамот и дипломов.

Говоря о наградах героини очерка, победах ее учениц, возвращаюсь к мысли, что не это то главное, что вызвало желание о ней рассказать. Думаю, что главное в том, что ей удалось остаться верной своей мечте, воплотить ее в жизнь. Это прекрасный пример для нерешительных. Порой вокруг нас так много говорят и так мало делают. Помните прекрасный девиз Татьяны Сергеевны Томиной? Может эти слова станут близки еще кому-то, помогут сделать шаг вперед, дадут возможность раскрыть свой творческий потенциал, реализовать свою мечту, сделать окружающий мир немного лучше. Ведь так хочется жить в стране неупущенных возможностей.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Этюд как одно дыхание

«Крыса». Авторская игрушка Татьяны Томиной

«...МОЖНО И СЕЙЧАС УВИДЕТЬ ЭТОТ МОТИВ»

Валерий Лукин

Известный русский художник Исаак Ильич Левитан за свою короткую жизнь, а он умер на сороковом году от неизлечимой тогда болезни сердца, объездил не только многие страны мира, но и побывал во многих малоизвестных уголках России, которые он увековечил в своих произведениях.

Большинство этих мест вошли в историю и стали известны только благодаря кисти Левитана, поэтому и сегодня о них знают и помнят не только исследователи творчества художника, но и простые люди, его почитатели.

Все эти места перечислить просто невозможно, но наиболее известные из них, это: Москва, Звенигород, Химки, Алексин, Юрьевец, Кинешма, Мелихово, Бабкино, Богородское, Успенское, Подсолнечное, Дугино, Максимовка (Московской обл.), Крым, Васильсурск и Плес (на Волге), Затишье, Горка и озеро Островно, (Тверской обл.), Болдино (Нижегородской обл.), Окуловка (Новгородской обл.) и другие.

Справедливости ради нужно сказать, что жители этих мест до сих пор хранят память о Левитане. Это подтверждает и С.А. Пророкова, автор книги о художнике, она пишет: «Интересная подробность. Куда бы вы ни приехали, где когда-то жил Левитан, вам расскажут, что именно здесь писались наиболее знаменитые его картины».

Как возникали идеи написания и писались Левитаном эти картины? Об этом в книге Пророковой рассказывается на примере его работы в Плесе

так: «Красота города поддерживала Левитана в непрерывном состоянии озаренности. Он вставал очень рано, до солнца. В охотничьих сапогах, в холщовой блузе, с этюдником через плечо этот человек шел по пустынно-му, сонному городу. В калитках домов показывались лишь заспанные женщины, выгонявшие коров в стадо, рожок пастуха заставлял художника далеко от дома. Он любил эти сизоватые туманы раннего утра, когда противоположный берег заволакивает легкая пелена, а по воде стелется прозрачная дымка. Часто Левитан уходил по утрам в более дальние походы, и сапоги его оставляли темный след на траве, блестящей от росы... Дневные часы Левитан посвящал работе в комнате, по натурным наброскам создавал картины, потрудившись у мольберта, вновь уходил с этюдником, хотя не очень любил краски середины дня: все кажется тогда обесцвеченным высоко стоящим солнцем. Но до полудня выдавались интересные сюжеты. Один уголок Плеса Левитан написал с таким напором чувств, с такой гибкостью кисти и точностью мазка, что поныне знатоки дивятся этому. Можно и сейчас в натуре увидеть этот мотив. Другими стали дома, но общий характер улочки, цепляющийся за холмистый рельеф, сохранился. Писался этюд как бы одним дыханием...»

Это все написано о Плесе, маленьком городке на Волге, но точно так же это могло быть сказано и о каком-то другом месте, где когда-то бывал и

работал Левитан, — сельце, деревеньке или хуторке.

Но сделать это можно только тогда, когда точно знаешь, что именно здесь была написана та или иная картина. А если этого не знаешь? Ведь сколько красивейшие места нашей необъятной России, запечатленные на полотнах великих художников, так и остались без «привязки» к конкретной местности. Обычно всегда известен только год написания полотна, а вот о том, где находилось это место, что изображено на нем, не всегда говорило даже само название картины. Иногда за основу брался сюжет реальной местности, а вся дальнейшая работа выполнялась уже в мастерской художника где-нибудь в Санкт-Петербурге или Москве, и место нахождения первоначального замысла полотна отходило на второй план и уже не имело ни какой важности.

Может быть, кому-то эти рассуждения могут показаться странными. Какая, казалось бы, разница, где именно написан художником тот или иной его пейзаж, ведь люди любят красоту природы изображенной на картине, особенно не задумываясь о том, где именно находилось то место, которое он на ней изобразил. Я тоже так раньше думал, пока сам не столкнулся с одной ситуацией, о которой речь пойдет ниже. Но обо всем по порядку.

Как-то при просмотре альбома с репродукциями картин И. Левитана мое внимание привлекла одна из них, под названием «Лесистый берег. Сумерки». Она была написана художником в 1892 году, и была не очень известна по сравнению с другими его полотнами. Вообще-то по части сумерек у Левитана большой подбор, это и просто «Сумерки», и «Сумерки. Стога», и «Сумерки. Сарай», и вот теперь передо мной лежали «Лесистый

берег. Сумерки». Очевидно, сумерки для Левитана были одним из любимых, предшествующих заходу солнца, периодов состояния природы. Но что же там было такое нарисовано, что привлекло к себе мое внимание? Да, в общем-то, ничего особенного, за исключением того, что мне показалось знакомым изображенное на картине место, где я в действительности уже когда-то побывал. Поверить в это сразу было, конечно, невозможно, но сомнения все же остались. Все это требовало проверки, об этом и пойдет речь далее.

На полотне изображен летний пейзаж: хвойный лес над обрывом, под которым голубой лентой с небольшим изгибом протекает река, а в ней отражаются лес, берега и облака. Конечно, ни сам лес, ни река не имели каких-то исключительных особенностей, которые наводили бы на какие-нибудь размышления, а вот обрыв был очень живописен, такой встретишь не часто. Это песчаный склон, спускавшийся к реке под углом 45 градусов. Подобный обрыв я мог видеть только в окрестностях поселка Сиверский, на реке Оредеж, в местечке под названием Песчанка. Но возможно ли было поверить в то, что местность, написанная Левитаном более чем 115 лет назад, совсем не изменилась? Чтобы это проверить, необходимо было еще раз туда съездить.

Но перед тем как это сделать, я просмотрел некоторые статьи и книги о жизни и творчестве Левитана с целью найти информацию о его пребывании в начале 90-х годов XIX века в Санкт-Петербургской губернии, и не где-нибудь, а именно в Сиверской и ее окрестностях. Но никаких упоминаний об этом мне найти не удалось.

Вот что пишет о самой Песчанке местный краевед А.А. Семочкин в

своей статье, напечатанной в сборнике «Старая Гатчина»: «Сосновый бор Песчанка принадлежал до революции господам Любошинским-Быковым. На высоком берегу, сухой и светлый, он еще во второй половине прошлого (XIX В.Л.) века был облюбован петербургскими артистами; в добротных съемных дачах в русском стиле много лет прожили Варламов, Вяльцева, два сезона отдыхал здесь Шаляпин. Беседки, павильоны, лодочная станция на реке, китайщина и туретчина. Но — красиво. Потом здесь был дом отдыха Песчанка, граждане отдыхающие гуляли по тропинкам вдоль обрывов, а вечером заполняли танцевальную веранду. Нечего и говорить, что местная молодежь тоже тут вся толкалась, и розовые амуры с полными колчанами роем вились над этой верандой. Ходили еще пить бывшую радоновую воду из артезианского источника, что на границе Песчанки и Выры. Скважина, пробуренная еще в 1914 году, дала фонтан минеральной целебной воды, был даже проект строить здесь санаторий. Потом, по мере износа обсадных труб, стала к глубинной воде примешиваться верховодка, а там и вовсе замолк источник...»

Отсутствие информации о пребывании Левитана в здешних краях не разочаровало меня, а даже наоборот заинтересовало еще больше. Это значит, что исследователям жизни и творчества художника ничего не известно о посещении им Песчанки, в которой он не просто бывал, а и работал здесь, писал картину.

Но прежде чем выехать в Песчанку, я еще раз внимательно рассмотрел репродукцию картины Левитана,

и как оказалось не напрасно. Раньше глядя на нее, я не придал значения чуть розоватому пятну, вытянувшегося на заднем плане картины, а это оказалась очень существенная деталь. Ведь, если на ней изображены сумерки, значит это пятно, наполовину выступавшее над хвойным лесом не что иное, как закат солнца, видимо, на пике лета в конце июня начале июля. И значит, если сейчас приехать на этот лесной обрыв, в это же время года и время суток, то закат солнца на нем должен быть там же что и на картине, и если это окажется так, то мои предположения будут верны.

В конечном итоге так все и оказалось. Пейзаж, написанный Исааком Левитаном в 90-х годах XIX столетия обрел свое местоположение на реальной местности в XXI веке.

В качестве доказательства привожу здесь репродукцию с картины И. Левитана «Лесистый берег. Сумерки» (фото 1), сама картина хранит-

(Фото 1)

ся в Тверской картинной галерее, и фотоснимок этого же места, сделанный мной в Песчанке уже в наши дни (фото 2). Имеется ли между ними сходство, судить уже вам. Чтобы это

(Фото 2)

проверить, поезжайте в Песчанку, и убедитесь сами что «можно и сейчас в натуре увидеть этот мотив». Но есть одно «но».

Рядом с этим красивым уголком природы находятся стены не достроенного здания, то ли санатория, то ли дома отдыха. И может быть то, что его не удалось достроить и ввести в эксплуатацию и спасло от уничтожения «левитановский пейзаж», которым можно любоваться и сегодня. Но на-

долго ли? Устроенный неподалеку вначале песчаный карьер, а затем в нем грандиозная помойка ставят это под большое сомнение. Поспешите успеть увидеть это чудесное место. Будет очень жаль, если для грядущих поколений оно будет уничтожено неразумным вмешательством человека, и сохранится только лишь на картине И. Левитана. Спасти его от гибели наша с вами задача: время для этого еще есть!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пророкова С.А. Левитан. — Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1960, стр. 79, 81.
2. Старая Гатчина. «Лига, СПб., 1996, стр. 287.
3. Исаак Ильич Левитан. «Издательство Академии художеств СССР, М., 1963. Перечень репродукций: № 16.

ВАЛЕРИЙ ШЕВЧЕНКО —

ВАЯТЕЛЬ, ПРОСЛАВЛЯЮЩИЙ ГАТЧИНУ

Галина Хохлова

Среди трех основных видов изобразительного искусства скульптура занимает особое положение. Если живопись отличает наибольшая элитарность, камерность (исключение составляет лишь станковая живопись), то архитектура и скульптура — это та среда, что окружает всех без исключения, помимо нашей воли воздействуя на эмоциональное состояние, влияя на наше сознание и подсознание. От того, какая это среда, вырабатывается плохой или хороший эстетический вкус человека и многое другое. И если архитектура, помимо эстетического воздействия, выполняет всегда утилитарные функции, то скульптура свободна от этих задач. Не случайно изваяния всегда старались поместить в ключевых точках городского пространства. А как скульптура украшает сады и парки! Попробуйте представить петергофские фонтаны без скульптуры, что получится? Выражая замыслы автора, она призвана развивать, просвещать людей. Вспомните статуи-аллегии XVIII века или «План монументальной пропаганды» большевиков.

Далеко не каждый районный город может похвастаться, что имеет своего скульптора. Гатчине в этом отношении очень повезло. В ней более сорока лет живет и творит талантливый, самобытный ваятель Валерий Владимирович Шевченко. За эти годы ему многое удалось сделать не только в городе, но и районе. Мог бы сделать неизмери-

мо больше, но скульптура — дорогое удовольствие, и подчас заказанные работы остаются невостребованными. Мастер полон идеями, а его мастерская набросками, но такая уж видно у скульпторов планида: трудно складываются их отношения с властью предрежащими (вспомнить хотя бы историю заказанной Микеланджело Буонарроти гробницы Папы Юлия II).

Гатчина стала для Валерия Владимировича второй родиной. И все годы он творит в ее славу. Родился Шевченко в страшном 1937 г. в столице Таджикистана Душанбе, здесь на среднеазиатском востоке прошло его детство и юность. Свое призвание он выбрал раз и навсегда. Поэтому после службы в армии осуществил свою мечту, приехав учиться в Ленинград, в 1969 г. заканчивает скульптурное отделение Ленинградского художественного училища им. В. Серова.

В Гатчину он попадает после женитьбы, здесь выросли его сыновья и внуки, здесь он стал мастером своего дела. И помогла в этом особая аура нашего города, дружественная художественная среда, которая редко складывается в больших городах. Совсем не случайно основной темой творчества Валерия Владимировича стали великие зодчие, художники, писатели, чьи судьбы связаны с историей Гатчины. Это Николай Львов, Винченцо Бренна, Антонио Ринальди, Федор Васильев, Александр Куприн,

Павел Щербов. Мемориальная доска на доме 18 по проспекту 25 Октября, посвященная безвременно ушедшему из жизни нашему земляку, художнику Федору Васильеву, одна из первых работ мастера в Гатчине, ставшая его визитной карточкой. Доска-барельеф настолько оригинальна, что невозможно пройти мимо, не обратив на нее внимание. В этом доме помещается сегодня Музей истории города, здесь же недавно была открыта большая ретроспективная выставка скульптур Валерия Шевченко, показавшая огромный потенциал мастера.

Уже с 1970 г. работы гатчинского ваятеля достойно представляют наш город на ежегодных Всесоюзных, Всероссийских, зональных и зарубежных выставках. В 1980 г. он становится членом Союза художников. Именно в эти годы его скульптуры, среди произведений других талантливых скульпторов, стали истинным украшением молодого города Навои. Сегодня изваяния гатчинского мастера резца находятся во многих музеях страны и мира, но для нас главное, что они есть в Гатчине.

Известен бронзовый бюст писателя А.И. Куприна перед городской библиотекой его имени, но мало кто знает, что Шевченко созданы 15 вариантов скульптур, целая куприниана. Среди его последних работ особенно хороша и, несомненно, достойна выйти на всеобщее обозрение, украсив наш город, беломраморная голова Николая Львова. В развевающихся волосах, во взгляде ваятелю удалось передать момент воодушевления, творческого порыва этой необычайно одаренной натуры, русского Леонардо. Странно, что гатчинцы до сих пор не имеют памятника зодчему Приората, дворца, давно ставшего брендом города. Стоять бы этой чудной головке перед

Приоратом.

Особая тема — шевченковская пушкиниана. Сюда относятся прекрасные бюсты поэта, а также его легендарного прадеда Абрама Ганнибала, оживляющие всю экспозицию суйдинского музея. Образ петровского крестника придуман скульптором, но оказался чудесным образом столь похожим на самую ганнибалистую из всех потомков знаменитого арапа Татьяну Васильевну Игнатьеву, что просто диву даешься такому прозрению мастера. На выставке, развернутой среди яркой зелени стриженных кустов на фоне воссозданной рождественской усадьбы, что проходила во время последнего областного Пушкинского праздника, совершенно великолепно смотрелись терракотовые скульптуры стоящих рядом попарно Пушкина и Набокова, ящика и зрителя. Но особенно удалась Валерию Шевченко выполненная пока в глине скульптурная группа Арины Родионовны и маленького Саши Пушкина. Эта работа готовилась скульптором к конкурсу, объявленному в год 250-летия няни поэта. Валерий Васильевич и здесь показал свой незаурядный взгляд. Он достоверно, правильно выбрал тот возраст Аринушки и ее ненаглядного Сашеньки, когда она могла рассказывать будущему российскому поэтическому гению свои чудные сказки да прибаутки, ставшие, наряду с европейским образованием, живительным началом его творчества. У Шевченко няне 40-43 года, Пушкину — 7-8 лет. Замечательно передано движение руки Арины Родионовны — «мамушка» словно пытается взять под крыло поэта. Пока эта работа выполнена в глине, но очень хотелось бы в скором времени увидеть эту композицию в родном селе няни А.С. Пушкина в мраморе. А пока суть да дело, мастер продолжает совершенствоваться

модель в податливой глине.

Самое подходящее место в садике возле музея «Домик няни» сказочным персонажам Шевченко. Мне посчастливилось наблюдать, как на глазах из деревянного полена он извлек Абрама Ганнибала в полный рост в шинели и треуголке. Интересно, что первым в ряду терракотовых изваяний, представленных в Рождествено, стала скульптура нашего замечательного земляка Александра Александровича Семочкина, упорным трудом которого восстановлен в первозданном виде сгоревший усадебный дом.

Когда-то Валерию Шевченко представили под мастерскую разрушенную старую хозяйственную постройку. Он превратил ее в удивительный дом. Среди булыжников, из которых сделаны стены, то тут, то там появляются головы, кисти, торсы людей, головы и копыта животных. Получился дом-загадка, в котором может жить только добрый волшебник. Под стать дому двор: он населен изваяниями добрых львов, котлов-котофеичей, других сказочных персонажей. Во дворе Шевченко можно увидеть оригинальные композиции со всеми двенадцатью животными зодиака, причем как восточного, так и западного календаря. Вот бы все это буйство фантазии ваятеля да в скверы и на детские площадки города! Из «Знаков зодиака» получились бы отличные скульптурные группы под фонтаны. Это вам не безликие лось и медведь, каких и в других городах пруд пруди!

Имея в Гатчине подобного уровня ваятеля, можно было бы постоять возле бронзового «гатчинского затворника», императора Александра III, с увлечением ловящего карпа с мостика, что у дворца. Давно пора озаботиться городским властям и статуей другой покровительницы Гатчины, императрицы Марии Федоровны. Супруга Павла I, право, достойна, не менее несчастного императора, быть увековеченной именно в Гатчине статуей в полный рост, не уступающей по величию дворцовой статуе ее царственного супруга. Весь центр Гатчины, включая здание нынешней мэрии (бывший госпиталь для ветеранов войны), построен во время правления городом вдовствующей императрицей. Она вообще первая из императорского дома занялась и поставила на должный государственный уровень дело благотворительности. Наконец, подарила России двух императоров. Мемориальной доски в ее честь на здании военного госпиталя, сделанной Валерием Шевченко, явно недостаточно для этой достойной женщины.

В Гатчине, хорошеющей с каждым годом, становящейся похожей на убоженый курортный городок, должны быть в ближайшее время востребованы работы самобытного, влюбленного в этот город ваятеля, Валерия Владимировича Шевченко.

Валерий Шевченко.
Фотография Людмилы Ивановой

ОН МНОГОЕ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ПАМЯТИ В.К. МОНАХОВА

Алена Тришина

Он был художником. И его хорошо знали гатчинцы. Он не просто любил свой родной город, Россию — он изучал окружающий мир чувственно, зрительно, на слух, в цвете. То, что осознал, — фиксировал и живописно, и литературно. Он внимательно присматривался к людям, наблюдал природу и животных. В своих картинах, рисунках, стихах и прозе он отражал мир так, как в данный момент ему было нужно. «Литература — мое увлечение с юности» — в предисловии к своим сборникам писал В. Монахов. С 1996 по 2004 год издано было 3 авторских книги, работа над составлением следующего сборника продолжалась...

Глубоко и серьезно увлекаясь историей, он задумал собрать то, что составляло обыденное, повседневное. В течение ряда лет Владимир Монахов собирал экспонаты для народного музея, которому придумал название «Быт Гатчины в XX веке».

Он был открыт для общения, оставаясь человеком свободным и независимым. Он работал не на заказ, а был автором, который творит осознанно-вдохновенно. Творит, и это — его работа. В доме, который теперь так пострадал от пожара, хранилось более 300 написанных им картин, множество рисунков, рукописи. В квартире и в мастерской, а также на чердаке были размещены предметы и вещи для будущего музея. Чего там только не было!!! Беспощадный пожар поглотил почти все, оставив немного. Гатчинец,

художник Владимир Константинович Монахов погиб... Это произошло утром 24 ноября 2007 года.

Судьба художника... Еще пожарники заливали тлеющие помещения в двухэтажном четырехквартирном доме на улице Солодухина, еще кусты рядом с домом были покрыты каплями слезинок, тревожно дрожащих, а друзья и ученики В.К. Монахова с разрешения спасателей выносили на улицу пострадавшие картины. Выстроенные у забора соседнего дома закопченные картины, самовары и некоторые другие предметы сбились в кучку, словно стыдясь за свой внешний вид. Первая посмертная выставка... Она, как любил художник, была кратковременная и на улице. Выставка-боль.

Сгорели фотографии и рукописи, сгорели документы. Большинство из работ он подарил — в школы, в библиотеки и музеи. На многих из этих работ — виды Гатчины и окрестностей. А какие запоминающиеся он создавал натюрморты!

История города и страны состоит из крупниц наших жизней, — из песчинок бытия каждого. Творческий человек натура особенная: он эмоциональнее, глубже видит — изучает окружающий мир. За последние несколько лет из жизни ушли такие люди, как музыкант и поэт Николай Терентьев, художники Борис Морозов, Михаил Ткаченко, Александр Кузнецов и Станислав Пономарев, музыкант Владимир Моисеев, автор-исполнитель Виктор Соколов, фотографы Юрий Кузьмичев,

Константин Буш и Борис Куликов. Они оставили нам картины, песни, стихи, художественные фотоработы. В историю Гатчины мы запишем их имена, памятные и дорогие. Не дописаны книги, не осуществлены замыслы...

Изучая жизнь, Владимир Монахов размышлял обо всем — о Боге, о смерти, о вечности. С упоением он читал мифы, любил философствовать, во многих своих работах применяя символику. В течение года он устраивал несколько выставок. Самые, пожалуй, удивительные и оригинальные — в свой день рождения, который был у него 9 мая. Этот весенний праздничный день художник Монахов отмечал вместе со своими друзьями, поклонниками и учениками, среди которых были люди разных профессий, возраста и увлечений. Он — Монахов — объединял всех, заражая своим энтузиазмом, удивляя работоспособностью, мастерством, разносторонними знаниями. Он умел слушать и умел веселиться, он страстно интересовался тем, что связано было с историей нашего края. К сожалению, судьба отмерила ему недолгую жизнь — всего 60 лет, но и за это время он успел сделать так много!

Художник Владимир Монахов был новатором, предлагая гатчинцам одностенные выставки своих картин то у Березовых ворот парка, то в сквере «Юность», то в зеленом «зале» Собственного сада у Дворца-музея. Выставки сопровождались выступлением бардов, музыкантов, поэтов. Это были праздники знакомств, праздники откровения, объединявшие людей разных профессий и возраста.

В мастерской художника, которая имела название «Открытая галерея Владимира Монахова», бывали разные люди, например — и школьники, и гости нашего кинофестиваля «Литература и кино», и рядовой обыватель.

Неоднократно в галерее Владимира Монахова побывали кинематографисты: здесь снимали как фильмы о нем, так, зачастую, и просто умело использовали антураж интерьеров этого, наполненного интереснейшими вещами и предметами дома.

Художник... Каждая авторская книга рассказов и стихов Владимира Монахова была издана в обложке другого цвета: желтого (1996 г.), красного (1998 г.), зеленого (2004 г.). «У меня рукописей — на все цвета радуги!» — посмеиваясь приговаривал Владимир Константинович, потому что он действительно любил записывать свои впечатления-размышления, иногда — к случаю — зачитывая что-либо вслух. В текстах он оставался самим собой, то есть и патриотом, и художником, и просто откровенно-искренним рассказчиком. Его рассказы и статьи — в гатчинских сборниках «Творение» (1996 г.), «Сирень» (2005 г.), краеведческий материал — в брошюрах «Гатчина» (1998 г.) и «Добро пожаловать в Гатчину!» (2001 г.), а последние публикации воспоминаний — на страницах гатчинской газеты «Приневский край».

Две тематических подборки были изданы к 200-летию Гатчины: «Старая Гатчина. 12 рисунков Владимира Монахова» (Текст Т.Ф. Родионовой) и «Времена года в гатчинском парке. 12 акварелей Владимира Монахова» (Текст И. Жилиной). Черно-белые рисунки В.К. Монахова из цикла «Старая Гатчина» были опубликованы в журнале «Аврора» (1996 год, № 8).

В 2002 году были изданы маленькие календарики с некоторыми работами В. Монахова и большой календарь-плакат, на котором воспроизведены 12 цветных работ под общей рубрикой «Гатчина в картинах Владимира Монахова». Кроме того, изданы два набора открыток — «Гатчина» (Фотографии

В. Горбачева, текст В. Монахова) и «8 фотокomпозиций из фондов Открытой галереи Владимира Монахова» (Фотографии К. Буша).

Одна из опубликованных статей В. Монахова называется так: «Прогулка по Гатчине середины XX века, или Воспоминания нестарого гатчинца». Этот материал написан в 2000 году, когда художнику было 53 года. Прошло семь лет...

В свои 60, прожив трудно и ярко, многострадально и осознанно-чувственно, Владимир (то есть «владеющий миром») остался романтиком, — человеком, летящим вверх — к Мечте! Символом своей судьбы он избрал птицу, которую рисовал многократно. Птица была то белого цвета, то цветная, а с некоторых пор стала уже черная. Птица Феникс... Десять лет назад — то есть в мае 1997 года — в этом же доме № 20 на улице Солодухина тоже был пожар: тогда трагически погиб 27-летний Глеб Монахов — старший сын Владимира Константиновича, сгорело и пострадало немало картин, часть из которых самим художником впоследствии была восстановлена. Мужественно переживая случившееся, именно тогда Владимир Константинович сделал попытку систематизации своих

работ: он задумал составление (и издание?) каталога, но... Сколько за всю жизнь было создано художником Владимиром Монаховым не знает никто: мы говорим — много! Очень много!!!

Спасенные при пожаре картины находятся в плачевном состоянии, восстановление их потребует длительной реставрации. Сохранилась некоторая часть рукописей, необходимо составить и отпечатать каталог работ художника Владимира Монахова.

За время, прошедшее со дня гибели Владимира Константиновича Монахова, проведены художественные выставки его работ в ЦГБ им. А.И. Куприна и в Приоратском дворце-музее, уже было организовано несколько благотворительных концертов в фонд поддержки реставрации картин художника. Изданы несколько видов открыток с репродукциями работ В.К. Монахова, сыном художника Даниилом Монаховым ведется работа по систематизации наследия отца.

Время и память... В сердце, в душе — эпизодами ЖИЗНИ.

В. Монахов. Из серии «Старая Гатчина»

КОГДА УХОДИТ ДРУГ

Дина Огороднова

Кажется, что так будет всегда: ты наберешь знакомый номер домашнего телефона, и прозвучит строгое и сухое: «Монахов слушает». И, предвкушая, как изменится интонация, ответишь шуткой, или приветствием, или вопросом. Голос сразу теплеет, и начинается разговор: иногда неторопливый, подробный, иногда - деловой, короткий, но всегда оставляющий место для нескольких фраз или даже слов, сигнализирующих: рады слышать друг друга.

Ну, а жизнь опять преподает один из своих главных уроков: нет в нашем бытии место слову «всегда». А вот слову «никогда», оказывается, место есть. Конечно, ежедневно можно найти тому подтверждение, но в суете и мелькании событий твоей жизни, жизни близких людей не очень задумываешься над смыслом слова — «никогда». И только тогда в полный рост встает это слово, когда уходит друг. Оно бродит в тебе и каким-то ледяным пунктиром обозначает то опустевшее место в душе, где, оказывается, этот человек пребывал. И уже неважно, что отношения с ним отнюдь не были безоблачными, а временами прерывались вовсе, что ты считал его слишком категоричным в суждениях и часто прямолинейным в действиях.

Теперь на первый план выходит то, что все-таки привлекало и связывало: масштаб личности, уровень понимания проблем и глубина суждений; широчайший круг интересов и многоликость творческих проявлений: живопись, литература, поэзия.

Свобода. Для Монахова не было запретных тем, не было рамок, которые бы ограничивали суждения; не было авторитетов, которые могли бы подавить самостоятельность в выработке точки зрения. Все и вся подвергалось проверке с позиции своего опыта — жизненно практического, духовного, чувственного. Владимир Монахов был свободным художником, занимался только творчеством, преодолевая и претерпевая материальные трудности избранного им самим образа жизни.

Искренность. Он обладал свойством говорить то, что думает — и о вещах, и о людях — в глаза. Лицемерие отсутствовало полностью, и должное и хорошему, и, с его точки зрения, плохому воздавалось в полной мере, не взирая на лица. Не нравится — не приходи, не общайся.

Говоря о том, что привлекало, хочу упомянуть одно обстоятельство, ценное для меня как для женщины. Сколько бы ни собиралось у него в доме народу — а компании бывали иногда очень многолюдными, — можно было не опасаться, что услышишь какую-то двусмысленность, пошлость, сальный анекдот — Монахов всегда сурово и очень резко пресекал такого рода разговоры. По моему ощущению, ему было органично присуще высокое, с точки зрения морально-этической, понимание отношений между мужчиной и женщиной, и я не помню случая за долгие годы, чтобы он этой внутренней нравственной планке не соответствовал.

Когда уходит друг, приходят воспо-

минания. Они разные: веселые и грустные, приятные и — царапающие душу и по сей день. И среди этого хоровода памяти вдруг какой-нибудь эпизод поражит неожиданной ассоциацией, ранее немислимой.

...Начало нашего знакомства. Мы всей семьей идем в гости к Монаховым, тогда еще жившим на улице Чкалова. Настроение у меня взволнованное, приподнятое: я несу с собой песню, которая как-то неожиданно сочинилась. Я еще не знаю, что этот первенец окажется далеко не последним детищем, и для меня — это единственная и потому очень дорогая композиция. Мое сообщение о том, что я сейчас исполню песню собственного сочинения на слова Вадима Шефнера, вызывает удивление и интерес. Все стягиваются к пианино, и я начинаю:

*«Отлетим на года, на века.
Может быть, вот сейчас,
вот сейчас
Дым но — огненные облака
Проплывут под ногами у нас»
Господи! Дымно —
Огненные Облака?!
Прости, Володя.
Прощай, Володя.*

Ирина Кройтор

«Быть пусту месту сему»

Евдокия Лопухина

«Не бывать пустому месту,
Злому умыслу не быть!» —
Так сказал Небесный Вестник,
Заложив сюда магнит.

И с тех пор земля святая
Русским гением Петра
Побеждала, охраняя
Золотые купола.

Навсегда, навечно с нами!
Гордый славою побед!
Защитим тебя сердцами,
Отстоим у тысяч бед.

Наталья Пунжина

* * *

Чай с малиной на веранде
Ранней ранью — час шестой.
За окошками с геранью —
Леса тают очертанья,
На небесной синей глади —
Звезд стеклярус золотой.

Идеальная картина!
Лишь поспеть бы до жары.
Ради ягоды малины —
Сапожищи из резины,
Две на поясе корзины,
Мошкара и комары.

А пока с вишневой ветки
Месяц смотрит к нам в окно.
Мы глядим на дом соседки:
Та проснулась, будит деток,
Плачет Гришка, воеет Светка,
Но поспать не суждено.

Вот уж целую неделю
Ходим по лесу селом.
Скажешь — алчность?
В самом деле:
Ноги тащим еле-еле —
Тонна в торбе, тонну съели.
Завтра — вновь ночной подъем.

Июль 2003

Анатолий Степанов

Ой ты Русь, моя Русь дорогая.
Бесконечная замять снегов.
Цвет зари на плечах Иван-чая,
песен плач и величье стихов.

Лик знамен твоих красен от крови,
твои праздники вечно в дыму.
И нахмурены Господа брови
отчего же? Зачем? Почему?

Может быть за поруганность храмов,
за октябрьскую плаху твою,
за тяжелую ношу курганов,
что стоят в половецком краю.

Не с того ли татарского лиха,
не с того татарского зла
расцвела на полях повилика
и ковыльная степь полегла.

Ой ты Русь, ой ты Русь дорогая,
по околицам свиты берез
желтой осени поздняя стая
и июльский рассветный покос.

Все слилось, все смешалось до края.
Твою тризну справляла Чека,
на клинках и победах Чапая,
и проклятий колымских зека.

Так Россия, ты шла на голгофу,
тяжек пир был в похмелье твоём,
где усища расправил Иосиф,
а Никита хватил сапогом.

Кремль сиял от речей и застолий,
от подарков вождю самому,
а в Афгане свинцовые доли
доставались сынку моему.

И теперь когда брезжат рассветы
ты еще кровийшь закат
И свои краснотелые меты
ставишь в новом заплати дат.

Ой ты Русь, моя Русь дорогая,
неужели бесталанная ты?
Неужели свой крест поднимая,
ты знаешь его высоты?

Неужели по светлому полю
не засеешь надежды мои,
не поднимешь тяжелую долю
в храме вечном надежд и любви.

Я к тебе, я в зацветье, я к дому
на Поклонную гору твою.
Мне никак уж теперь по-другому
не войти в эту песню мою.

Дай-то Бог нам,
заблудшим и падшим,
вознестись в светлом знамени лет,
в сонме кущь, не бедою пропавших,
а весеннею песней побед!

23.03.1993 г.

Зоя Бобкова

Эту фразу в разговоре со мной часто повторял сиверский художник Дмитрий Степанович Паных. Теперь и в моей квартире навсегда поселилась картина его кисти, написанная на пленэре. А на ней красивейшее место в окрестностях Сиверского. Там, на картине, остановлено прекрасное мгновение: замерли плавные воды реки Оредеж и шумы в мохнатых ветках сосен. Деревянный домик на берегу перестал стареть, он теперь навсегда останется таким. На земле пройдет время, домик обветшает, его снесут и на этом месте возведут новое сооружение, а, может быть, ничего не построят, но в памяти, запечатленной на полотне, домик останется навсегда таким.

Картина называется «Красная гора». Это то место, где доступны глазу

красные почвы над Оредежью. Такого не увидишь нигде. Пески здесь какие-то неземные, похожие на марсианские, согласно нашему представлению о красной планете.

В Сиверской, в военном городке, в 2000 году открыли «Гарнизонную картинную галерею Д.С. Паныха». В нелегкое время администрация Гатчинского района и руководство аэродрома сумели выделить необходимую для этого дела площадь, прекрасно понимая, что без искусства, без чувства прекрасного человек жить не может.

Картинную галерею охотно посещают и гости Сиверской, и местные жители.

— От общения с Вашими работами, — пишет в книге отзывов командир Сиверского авиационного полка полковник А. Волков, — остается чувство чистоты и вдохновения. Так показать красоту русской природы мог человек искренне и глубоко любящий Россию. Дай Вам Бог силы и вдохновения, чтобы Вашим творчеством восхищались, чтобы его знали. И открытие картинной галереи в нашем гарнизоне — еще один большой шаг в познании нашей великой, красивой и могучей Родины. Огромное Вам спасибо от всего личного состава воинов-авиаторов!

Тоже из книги отзывов.

— Дорогой Дмитрий Степанович! — пишет воспитательница специального Сиверского детского дома. — Пришли мы с ребятами ознакомиться с Вашими работами. А получили гораздо большее: и общение, и доброту, и рассказ о каждой картине. А картины сказочные! Все подмечено с любовью

— и камешки, и лучики, и изморозь. Спасибо!

Выставки картин Д.С. Паныха бывают постоянно. География их обширна: Таганрог, Сальск, Ростов на Дону, Москва, Гатчина, Выра, Рождествено, Петербург и т.д. И где бы художник ни выставлял свои полотна, везде восторженные отклики благодарных почитателей его искусства.

— Спасибо огромное! — пишет Т.Б. Юрко. — Это, как глоток родниковой воды. В очередях, в суете, мы отвыкаем от радости, чуда, красоты. А чудо есть! И радоваться есть чему, пока живут такие люди, как Вы. Пусть никогда не устают Ваши золотые руки и доброе сердце!

— Бесподобно! «Борьба за жизнь» — поистине геройское стояние. «Уголок смешанного леса» — залюбовалась. «Ганнибаловский дуб» — приобрела бы, вижу в нем себя. «Полевые ромашки», «Майская зелень» — поистине живое воплощение. Большое спасибо за удовольствие, полученное от Вашей выставки, — еще один отклик благодарного поклонника.

Недавно отшумела удивительная дата в жизни Дмитрия Степановича — ему исполнилось 80 лет. Были благодарные слова его почитателей, были поощрения и дипломы от руководства области и Гатчинского района, ведь он признанный певец красот сиверской земли. Я смотрела видеоматериалы о праздновании его 70-летия, смотрела видеофильм, созданный к его юбилею, но уже более почтенному, 80-летию, и невольно отметила, что за прошедшие годы он совсем не изменился внешне. Тот же живой блеск в глазах, та же жизнерадостная манера общения с окружающими людьми. Он и работает с прежним, и даже молодым, задором и упорством.

А полюбил он искусство рисования

с детства. Родился Дмитрий Степанович в селе Соленое, Калмыцкой республики. Родители были хлеборобами. Да и сам он, по рассказам матери, родился под скирдой, но «в сорочке». А у рожденных «в сорочке», по народным приметам, счастливая жизнь. И Дмитрий Степанович считает, что эта примета верная, он чувствует себя счастливым, состоявшимся человеком. В 14 лет он поступил учеником художника в художественную мастерскую в Нижнем Тагиле, где они тогда жили. За год освоил основы мастерства, и в 1940-м году поступил на заочное отделение Всесоюзного Дома народного творчества имени Крупской, в Москве.

Учиться бы ему и учиться, но началась война и в положенные 18 лет его призвали в армию. Дмитрия Степановича направили в 3-ю Отдельную учебную бригаду, в противотанковый полк. Вскоре он получил звание сержанта, его оставили при учебной части. Он подавал четыре рапорта об отправке на фронт, но учить солдат ратному делу тоже нужно кому-то, все его рапорты были отклонены. Курсы учебной бригады участвовали в знаменитом сражении на Курской дуге, в форсировании Днепра и других водных препятствий. От тех лет у него есть награда — медаль «За победу над Германией».

И во время войны Дмитрий Степанович не расставался с красками и кистью. Он делал копии с портретов вождей, с картин художников-передвижников, занимался оформительской работой.

В 1947 году он демобилизовался, и дальнейшая его работа протекала то в художественных мастерских, то на заводах — художником-оформителем. В 1962 году он окончил заочный Московский университет с отличием, факультет рисунка и живописи. Думал

Д.С. Паных

сначала заняться графикой, но заинтересовался работой с маслом, и это стало его призванием на всю оставшуюся жизнь. С 1959 года стал создавать самобытные, композиционно выверенные, картины, а до этого предпочитал писать копии с полотен известных художников.

В 60-е годы Дмитрий Степанович жил в городе Сальске, где создал изостудию и руководил ею. Он и теперь туда приезжает, дарит свои картины, рассказывает о гатчинском крае. Бывает он и в селе Соленое, в котором родился. Недавно подарил местной школе шесть своих картин.

Село Соленое обогатило его жизнь еще одним подарком. Его супруга, Александра Ивановна Красова, тоже уроженка этого села. С тех пор, как пересеклись их жизненные пути, много воды утекло.

— Моя хозяйшюшка, — говорит Дмитрий Степанович, — замечательный человек. Она работает преподавателем в Сиверском техникуме бухгалтеров. За ответственное отношение к своей работе ей присвоено звание «Заслуженный работник социальной защиты населения». Александра Ивановна — вдохновительница многих моих картин, у меня надежный тыл и за это я ей безмерно благодарен.

Дмитрий Степанович — живописец разноплановый. Прежде всего, он — мастер пейзажа. На его картинах запечатлены красоты сиверской природы — необыкновенно колоритные берега реки Оредеж, ее плавные воды, лесные дороги и тропинки, россыпи луговых цветов. Как пейзажиста, возможности художника безграничны.

Но Дмитрий Степанович пишет полотна и краеведческого плана. Это — «Дом Арины Родионовны», «Музей-усадьба «Рождествено», «Дуб Ганнибала», «Домик станционного смотрителя». Это все места всемирно известные.

Пишет он натюрморты, автопортреты и портреты. Мечтает создать портреты А.С. Пушкина, полководца Жукова.

Долгих и плодотворных лет, вам, Дмитрий Степанович!

На снимке: картина Д. С. Паныча

ЧЕЛОВЕЧИЩЕ

Я была наслышана о художнике Леониде Птицыне давно. Да и кто о нем не слышал? Многие видели его картины, они часто выставляются. Сейчас, например, их можно увидеть в музее-усадьбе «Рождествено». Знала я, что Леонид Васильевич живет в этом селе.

И вот я с ним познакомилась. Он

невысокого роста, худощавый, как подросток, речь быстрая, скачущая, слова бегут, как вода по камушкам, спотыкаясь, это следствие контузии военных лет. Роскошная седая грива и борода патриарха. Возраст у него солидный, а он исторгает молодую энергию и жизнелюбие. Особо привлекает его искренность и непосредственность. Общась с ним, поневоле попадаешь в его жизненное пространство, где нет места унынию и нытью, столь свойственным некоторым современным людям, которых подсекли перестроечные реформы.

Леонид Васильевич Птицын

Алексей Маресьев летал с обрубками ног, это его жизненный подвиг, а Леонид Птицын — создает картины обрубками рук, и, поневоле, начиная о нем говорить или писать, хочется характеризовать его только в превосходной степени, потому что это личность с

большой буквы, это — человечище.

— Поначалу, — рассказывает Леонид Васильевич, — я рисовал, зажав кисть обоими локтями. Но диаметр размаха кисти получался небольшим. Тогда я изменил методу, стал брать кисть культиями. Диаметр стал шире, и возможностей появилось больше.

Я на себе попробовала его способ, но у меня карандаш вообще не держался. Попробуйте и вы это сделать. Уверена, ничего не получится. А Леонид Васильевич не просто держит кисть культиями, а рисует ею. Рисунки у него получаются четкие, выверенные, каждая веточка у нарисованной березы, каждый сучок у сосны — это хорошо просматриваемая точность.

Леонид Птицын родился в селе Кулеверь Псковской области, недалеко от Великих Лук. Его отец, Василий Сергеевич, воевал в Первую мировую войну. За личное мужество и отвагу был отмечен высшей солдатской наградой, имел два Георгия. В мирное время он работал в колхозе конюхом, в кузнице, заведующим мельницей. Мать тоже трудилась в колхозе. В семье было пятеро детей. Старший брат Иван хорошо рисовал, он и стал первым учителем мальчика. Но Иван на художника учиться не пошел, после службы в армии поступил в танковое училище. Под Воронежем, в звании старшего лейтенанта Иван погиб, сгорел в танке. Прежние танки, не Т-34, горели, как фанерка. Второй брат тоже погиб в первые недели войны.

С пяти лет Леонид рисует все, что видит вокруг. Но поначалу его способности приносили ему сплошные неприятности. Сестра рыдала, когда он в ее тетрадке по чистописанию крючки и закорючки превратил в забор и дом с трубой. Мать ругалась, когда он на побеленной недавно печи нарисовал

картинку — лес, собака с хвостом колечком. У матери даже в сердцах вырвалось: «У всех дети, как дети, а у меня сын — одно мучение».

Но уже в школе Ленины способности были востребованы. Во втором классе он стал главным художником школы, делал стенгазеты, писал лозунги к праздникам, а позже рисовал портреты вождей, писателей и репродукции с картин известных художников. По другим предметам успевал он плохо, задачки почему-то не решались, а ошибки в диктантах росли, как грибы в сезон. Но учителя не особо донимали его за это, считали, что из мальчика вырастет художник.

1941 год. К Псковщине подступала война. Несколько семей из села Кудеверь, в том числе и Птицыны, собрали свой скарб, погрузили на телеги, прихватив скотину, и отправились в эвакуацию. Жили недалеко от города Холм, в пятидесяти километрах от линии фронта. В их доме часто останавливались солдаты. А в январе 1943 года прошла мимо них на передовые позиции дивизия, о которой до сих пор вспоминается с болью. Это были семнадцатилетние солдаты (1926 г. р.) Они, за редким исключением, погибли в первом же бою, за город Холм.

Как только наши войска пошли на Запад, следом за ними потянулись и Птицыны. Им военные говорили: «Куда вы торопитесь? Вдруг мы отступим?» Но Птицыны упорно ехали домой, в Кудеверь. На третий день после освобождения, они вступили в родное село. Вокруг деревни еще лежали трупы. Их нужно было срочно убирать, в воздухе стояло зловоние, июньская жара быстро разлагала не погребенные тела. Из местных жителей, под эгидой КГБ, создали истребительный отряд. Вошли в него и подростки. Леонид тоже. Ему выдали винтовку. В обязанности

входило: обшаривать окрестные леса, в поисках немцев, охранять по ночам государственные здания, собирать по лесам оружие, с пушек снимали только замки. Но сначала они собирали полуразложившиеся трупы. Брали лопатами с двух сторон и перекладывали в гробы. Немцев закапывали, где находили, а наших солдат свозили в братскую могилу, в центре села.

В округе было много заминированных мест. Приехали саперы, но их оказалось недостаточно, и в военкомат вызвали подростков 1927, 28, 29 годов рождения. В течение двух недель их обучали минерному делу. И вот Леонид на поле: длинной палкой с железным штырем на конце мальчик медленно обшаривает землю. Наткнувшись на твердое, он осторожно подкапывается сбоку и медленно вытаскивает из земли не разбуженную смерть. Семьдесят мин обезвредил Леонид, а семьдесят первая оказалась необычной и неожиданно взорвалась в руках. Ему оторвало левую кисть, на правой — действовал только большой палец, остальные безжизненно висели. Его быстро довели до деревни, остановили кровотечение, перевязали руки, а потом шестьдесят километров везли на телеге до больницы. Началась гангрена. Первый врач, увидев раненого мальчика, сказал, что уже поздно делать операцию, все равно умрет. А второй — не побоялся рискнуть. «Живо на стол», — скомандовал он и сделал невозможное. Обе руки пришлось обрезать почти по локти.

Немного подлечили, выписали домой, остатки рук в бинтах, повреждены глаза, нарушена речь, но мальчик остался жить. Мать одевает его, причесывает, кормит с ложечки. И так изо дня в день. Неужели он всю жизнь будет зависеть от окружающих, будет им обузой? Нет, не таков у Леонида

характер. Руки подзажили, и мальчик начал приучать себя к новой жизни. Он был на седьмом небе от счастья, что смог принести на кульнях ведро воды из колодца или достать кринку с молоком из погреба.

Постаревшая от горя мать утешала его, как могла: «Проживем, станешь пастухом, это тоже дело». Из райкома комсомола принесли Леониду книгу: «Повесть о настоящем человеке». Он впитывал ее в себя. Пошел в шестой класс, не умея даже держать в кульнях карандаш, а к концу года его уже хвалили за хороший почерк.

А он мечтал рисовать. И пока учился в шестом и седьмом классах осваивал эту премудрость, все заново, уже в другом состоянии. И добился своего: стал опять выпускать стенгазеты, рисовать репродукции с картин. А потом поехал в Ленинград поступать в художественное училище, что на улице Таврической. Его допустили к экзаменам только в виде исключения. И он поступил учиться.

Поначалу не получалась акварель, попробуй, выпиши каждый штрих кульнями. Но Леонид не сдавался, рисовал, смывал, опять рисовал. После лета, проведенного дома, он привез семьдесят пять этюдов. И все признали, что акварели хорошие и сделали вместо общей выставки летних работ учащихся только его выставку.

Но вот и училище позади. Куда идти дальше? Конечно, в Академию художеств (институт живописи, скульптуры, архитектуры имени И. Е. Репина). Туда отбирают самых одаренных. Леонид прошел по конкурсу и стал заниматься в мастерской профессора Ю.М. Непринцева. В 1962 году он окончил институт и сразу влился в жизнь художников Ленинграда. Выделили мастерскую, стал участвовать в

выставках. Первую скромную картину купили за 250 рублей, была большая радость.

20 июля, супруги Птицыны, Дина Ивановна и Леонид Васильевич, отпраздновали юбилей своей свадьбы. А познакомились они в Рождествено, где теперь и живут в небольшом домике, у леса. У них есть сын, Константин. Он тоже художник, пишет пейзажи, портреты. В разговор вступает Дина Ивановна: «У мужа только на Псковщине было десять выставок. Он участник многих ленинградских, зональных, всесоюзных, международных выставок. Неоднократно награждался медалями и дипломами. Его картины находятся в музеях России, США, Японии, Франции, Китая. Репродукции с картин печатались в альбомах и календарях».

— В то время, — продолжает разговор Леонид Васильевич, — я не думал о том, что нужно бы оформить документы о признании меня инвалидом войны, я признан только инвалидом детства вследствие ранения, связанного с боевыми действиями в период

ВОВ. Вся моя воля и все мои силы были направлены на преодоление своей немощи после ранения. Учился держать в культах карандаш, ручку, кисточку. Работал до изнеможения. И осуществил свою мечту, стал художником. Только в 1980 году я обратился во ВТЭК. Но из-за отсутствия справки из госпиталя (она была потеряна) мне отказали в моей просьбе пересмотреть группу инвалидности. К тому же инвалидами войны признаются люди, получившие ранение в действующей армии. Но у меня есть справки трех свидетелей, что ранение я получил, будучи мобилизованным в истребительный отряд при КГБ.

Леонид Васильевич и теперь плодотворно трудится. Он пишет пейзажи, акварели, натюрморты, портреты известных людей, только автопортретов пятьдесят девять. Его колоритная внешность хорошо смотрится на полотне. У него много картин на военную тему. Есть интересные задумки новых картин, к которым уже создаются этюды.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ НОВИЦКИЙ (1937–1998 гг.)

Галина Сумина

Каталог работ Л.Н. Новицкого выпущен к 10-летию со дня смерти художника. В 2008 году по оценке экспертов Русского музея акварели художника названы открытием года. В частной коллекции семьи Суминых находится часть работ Льва Новицкого. Материалы к печати предоставлены Тайцкой поселковой библиотекой.

*И ощутить сиротство
как блаженство*

Художник Л.Н. Новицкий родился в 1937 году в городе Пскове. Во время войны был в эвакуации под Уфой, где умерла его мать. До 1946 года воспитывался в детском доме. Отец вернулся с войны и забрал его в Псков, но вскоре в Эстонии погиб. Затем жил с бабушкой, послевоенное сиротское детство скрашивали занятия в художественном кружке при Псковском музее.

Школу закончил в 1957 году и поступил в Ленинградское Таврическое художественное училище. После армии и 6-летнего бесприютного скитания обосновался в поселке Тайцы, Гатчинского района.

Здесь он черпал вдохновение с живописных окрестностей. Жил Лев Николаевич очень многотрудной, неустроенной жизнью. Но работы его радостные и жизнеутверждающие.

Из рассказа Льва Новицкого, записи с диктофона:

В 70-е годы многие художники ушли в модернизм, отталкиваясь в своем творчестве, как правило, от западноевропейской живописи нашего века и

русского авангарда 20-30 х. годов. Я модернизмом переболел теоретически. Рационального зерна, которое бы перевесило достоинства реализма, я в нем не нашел. Творчество Э. Мане, Александра Иванова, Веласкеса, Врубеля для меня по сей день остается эталоном. Пейзаж с детства был

Л.Н. Новицкий. Автопортрет

моим любимым жанром. По натуре я созерцатель. Мне ближе позиция наблюдателя.

Революции приходят и уходят, а пейзаж практически не меняется. Каждый день всходит солнце, дует ветер. В отличие от других жанров в пейзаже — отключение от социальной жизни. Мне кажется, что старое всеобъемлющее положение «Остановись мгновение — ты прекрасно» — остается и по сей день основной задачей искусства.

За последний век в русском пейзаже разительных изменений практически не произошло. Провинция до сих пор остается очаровательной и сентиментальной, с деревянными домами и дореволюционной резьбой. Сохранились еще уголки, какие в свое время могли видеть Саврасов, Каменин, Левитан. Русская деревня мало изменилась с тех пор.

30 лет я живу в поселке Тайцы. Люблю подгородчину. Пожалуй, и пейзажи, которые я пишу, невозможно назвать деревенскими.

Я никогда не выхожу с этюдником и не ищу специальных точек, с которых открываются картинные виды. Основной набор зрительного материала происходит во время прогулок. Я хожу и смотрю, либо по поселку, либо в окрестностях, когда иду просто за покупками или в лес за грибами.

Черемуха цветет. 1986 г.

Пишу по памяти. Акварель — моя любимая техника. Чем она хороша, так это оперативностью. 2-3 часа и результат налицо: попал или мимо. Свежесть впечатления в акварели иной раз убедительнее, чем в масля-

Околица. 1986 г.

ной живописи, которая предусматривает длительность и многосеансность работы. Акварель же всегда пишется на одном дыхании.

В классическом виде акварель предусматривает прозрачность, просвет бумаги, отсутствие белил. Я не всегда пишу прозрачно. Иногда мои акварели — это подготовка к маслу. Пишу плотно пастозным мазком. Стараюсь использовать максимум возможностей в этой технике. Перерабатывать акварель очень легко. А исправлений, переписываний она не терпит.

Если акварель позволяет мне быстро фиксировать впечатление, порыв, то метод позволяет иногда немного видоизменять натуру в композиционных целях. Таким образом, мне ближе импровизация, а не фиксация и не документализм.

Солнечное освещение и пространство в пейзаже — неисчерпаемая тема для пейзажиста. Художники XIX столетия блестяще разрешили пластические задачи, связанные со световой воздушной средой. Эти задачи интересны

и мне. Восходы для меня закрытая тема. Я — сова, поэтому утро не мое время. Трезвый полдень просто не люблю. Полуденное освещение не гармонично. В нем есть элементы пестроты, и сводить их в гармонию достаточно сложно. Полуденные пейзажи не лиричны. Какая может быть печаль или грусть в полдень? Наверное... может быть в природе и такое уникальное состояние. А вот солнце послеполуденное, предзакатное, в котором есть золотинка — мое любимое солнце, И. Левитан любил работать к вечерочку.

Для каждого времени года характерна своя палитра. Колоритна очень зима. Здесь я согласен с Сислеем.

Люблю писать зиму. Зимой свободнее. Натопил печь и работай.

Зимний снег! Бесконечная вариативность белого. Русским пейзажистам повезло больше всех.

Больше других у меня зимних пейзажей. После зимнего затворничества весной и летом тянет из дома. Больше пребываешь на воздухе, отсюда меньше работ.

Живопись предшествующих веков неслась в себе элементы литературы, что ей и ставили иногда в упрек. Живопись же нашего столетия литературу заменила на философию, отчего она, как таковая, ничего не выиграла.

Приобретая излишнюю аналитичность, она утратила чувства и сердечность, став простой иллюстрацией различных концепций. Концепции заменили красоту. А человек — творение и подобие Божье, а не компьютер или схема. Без красоты ему никуда.

Росстань. 1986 г.

СЧАСТЬЕ АРТИСТА — ДАРИТЬ РАДОСТЬ ДЕТЯМ

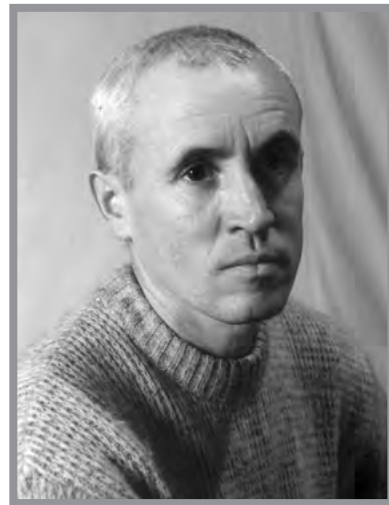
Зинаида Скорнякова

Фото **Константина Буша**

Предлагаем нашим читателям три небольших очерка о ведущих артистах театра «Встречи» — наших земляках. Благодаря их самоотверженному труду, а порой и творческому подвигу, сохранялись и развивались театральные традиции, на спектаклях театра выросло несколько поколений юных зрителей. Сегодня, когда из-за бесконечных телевизионных шоу-программ профессия актера стала особенно популярной, важно понять, что не каждому дано стать настоящим артистом. К этой профессии человека приводит не столько его желание, сколько — призвание. И на то, чтобы услышать его зов, порой уходят годы. Свое повествование об артистах театра «Встречи» мы начинаем с рассказа о творческом пути Бориса Николаевича Соколова.

Борис Соколов родился в Гатчине в 1957 году и стал гатчинцем в первом поколении. Его отец Николай Григорьевич — выходец из Калининской области, окончил Ленинградский сельскохозяйственный институт в городе Пушкине, работал главным зоотехником на агрокомплексе в п. Новый свет. Мама Вера Тимофеевна, приехав в Гатчину из Новгородской области, трудилась на 157 Механическом заво-

де, была гидроиспытателем. Будущий артист учился в школе № 5, которая располагалась тогда на ул. Чкалова. Ярким пятном в воспоминаниях

Борис Соколов

о школьных годах осталось участие в КВН вместе с одноклассниками. Учеба в Ленинградском электромеханическом техникуме запомнилась поездками со стройотрядом в Астрахань.

После техникума работал он в НИИ при заводе «Электросила», а позже — служил в рядах Советской Армии, в частях Военно-Морской авиации под Калининградом, где занимался подготовкой курсантов для службы на

радиолокационных станциях системы слепой посадки самолетов. Одно из сильных переживаний тех лет: напряжение тока на такой станции доходило до 20 тысяч вольт. Но и в годы армейской службы пульсировала у Бориса Соколова творческая жилка: популярный тогда КВН проводил он со своими курсантами. На вопрос: «Как вы пришли в театр?» Борис Соколов сегодня буднично отвечает: «У меня ощущение, будто я из него никогда не уходил», и добавляет, что примерно в 13–14 лет после просмотра фильма его озарило предчувствие: он станет артистом. Помнит, как прибежал к маме и поделился с нею сокровенным: «Я буду артистом!»

После службы в Армии он вернулся в Гатчину и однажды, идя по улице, увидел афишу, в которой объявлялся набор в театральную студию Народного театра городского Дома культуры. Шел 1982 год, Борис Соколов был уже семейным человеком. Однако сразу кольнула мысль: «Вот оно, призвание!» Не догадывался тогда молодой человек, как ему повезло. Театральная студия при Народном театре переживала пору своего расцвета. Ею руководил талантливый и опытный театральный педагог из Ленинграда — Сергей Алексеевич Рытов, с которым будет связана вся дальнейшая творческая судьба артиста. Среди студийцев были его будущие партнеры по профессиональной сцене — Елена Приказчикова, Светлана Зехова, Наталья Лекаркина, Людмила Карпова, а также ставшие позже друзьями: Сергей Елагин, Михаил Курбатов, Олег Машенко, Наталья Воробьева. Неожиданно для себя попав в театральную среду, он понял, что нашел, наконец, то, что все годы подспудно искал.

В атмосфере театра он чувствовал себя очень хорошо. В ту пору в теат-

ральной жизни города студия играла поистине неоценимую роль. Через нее прошло огромное количество творческой молодежи. На занятия собирались каждый вечер. Сценическую речь и актерское мастерство преподавала выпускница Ленинградского института культуры им. Крупской Людмила Карпова. Кроме того, много времени уделяли занятиям по сценическому движению. Вскоре у Бориса Соколова появились первые роли — роль солдата Жоры в популярном тогда спектакле «Сашка», поставленном С.А. Рытовым по повести В. Кондратьева. Огромное впечатление произвело на молодого актера участие в Областном театральном фестивале в г. Луга, на котором он получил за эту роль свой первый почетный диплом.

В его творческой судьбе заметную роль сыграли и такие постановки тех лет, как «Мелкие случаи из личной жизни» по М. Зощенко и «Уроки музыки» по пьесе Л. Петрушевской. В «Уроках музыки» у него была роль скандалиста Иванова, вернувшегося в семью. Уже тогда, в начальную пору своего служения театру, он играл диаметрально противоположных по характеру героев: от скандалиста до мечтателя. С таким героем, как Иванов, но уже в спектакле «Снега», ему долго не хотелось расставаться. С этой постановкой коллектив даже выезжал

На занятиях в студии

на театральный фестиваль в Лодейное Поле.

Бехами в профессиональном становлении артиста стали роли в постановках режиссеров, которых театр приглашал из Ленинграда. Работа над спектаклем с режиссерами Юрием Муравьевым, Ниной Евдокимовой, Еленой Котельниковой стала для Бориса Соколова не только школой актерского мастерства, накоплением театральной культуры, но и обретением новых творческих горизонтов.

— Первой работой Ю.Муравьева — вспоминает артист, — был спектакль «День рождения Кота Леопольда», где я играл Серого Мышонка. В Коте Леопольде режиссер видел Гамлета, а в Сером Мышонке — хулигана, «навороченного» юношу. Вспоминать о работе над спектаклем — одно удовольствие. Режиссер заряжал нас колоссальной энергией и был при этом требовательным. Я никогда не забуду и его второй спектакль — «В руце Твои, Господи», в котором я исполнил несколько ролей,

Сцена из спектакля «Ковбойское счастье»,
реж. Е. Котельников

а также его постановку «Финист — ясный сокол», где у меня была роль Кашея Бессмертного. Работая с ним, мы прошли школу высочайшего мастерства, так как он прививал нам строгие требования к себе. И в этом, я думаю, залог творческого долголетия нашего театра.

Не менее важным в биографии артиста был спектакль «Плуфт, или маленький призрак» до сих пор существующий в репертуаре театра, где он играл главного героя — мальчика-привидение Плуфта. Спектакль, поставленный, по его словам, очень интересным человеком и талантливым режиссером Ниной Евдокимовой. А также спектакль режиссера Елены Котельниковой «Ковбойское счастье», в котором он сыграл роль благородного ковбоя Ронни.

— У меня нет ролей, которые я не любил бы, — делился артист, — мне интересно играть разнохарактерные роли, которые требуют перевоплощения. Чем привлекательна работа с разными режиссерами? Тем, что дело одно и то же, а угол зрения на жизнь — иной.

С 1991 года театр «Встречи», будто предчувствуя, какую роль ему придется играть в жизни города, начал заполнять свою афишу детскими спектаклями. У артистов театра появилось много новых замечательных ролей, которые только на первый взгляд такие простые. Среди них выделялся новогодний спектакль «Николкина елка», поставленный режиссером Борисом Маркевичем. Борис Соколов играл в нем роль молодого Волчонка. Это был Волчонок с простодушным, наивным характером. Играть его было очень легко, так как его озорной характер предполагал непосредственную импровизацию на сцене. Вторую постановку Б. Маркевича — сказку петербург-

ского писателя С. Раца «Волшебные крылья» артисты «Встречи» играли уже на прославленной сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге при полном зрительном зале.

С приходом в театр «Встречи» режиссера Юрия Калугина актеры вплотную познакомились с академической петербургской театральной школой. В этот период Борис Соколов сыграл несколько крупных и сложных ролей. В спектакле «Жил был Кот» он получил роль главного героя — кота Филофея — философа и верного друга своей неверной хозяйки. Новые навыки емугодились и в работе над спектаклями Ю. Калугина «Диоген», «Древо превращений» и «Сыское агентство — Деревянное море». В «Древе превращений» Борис Соколов сыграл роль Факира — неземного существа, которое на протяжении всего спектакля почти не произносит слов, но является камертоном всей постановки. Устремленная к небу, совсем бестелесная, фигурка восточного мудреца без слов и движений указывала зрителям, где нужно искать истину. Образ Факира — одна из самых филигранных работ артиста, напоминающих по совершенству восточную миниатюру. С большим изяществом сыграна им и роль классического героя детского репертуара — Буратино в спектакле Ю. Калугина «Сыское агентство — Деревянное море».

— Во время спектакля, — вспоминает он, — не обошлось без казуса, у Буратино отвалился нос и неожиданную ситуацию нужно было артистично обыграть.

Как Борис Соколов работает над ролью? По признанию артиста, все начинается с выяснения характера героя. Актеру необходимо понять его внутренний мир. Но это только начало, так называемый «застольный

период». Зато после него появляется внутренняя свобода во время многочисленных репетиций на сцене.

— Работа в театре приносит артисту счастье, — говорит он, — ведь ты играешь для детей, и у тебя возникает ощущение, что ты даришь им радость.

Не меньшее счастье приносит Борису Соколову и его работа в детской студии театра «Встречи», где он впервые испытал себя в режиссуре. Студии недавно исполнилось 10 лет. За эти годы студии участвовали в 12 театральных фестивалях, включая международные, и с каждого из них привозили почетные дипломы.

— Мне интересно, — рассказывает он, — работать не только с материалом, который не идет на сцене театра, как спектакль «Маленький принц» по Сент-Экзюпери, но и восстанавливать с детьми старые постановки. Двери театральной студии для желающих открыты всегда. Набор в студию идет постоянно.

ЗОВ ТВОРЧЕСТВА

Николай Бажин родился в Гатчине в 1967 году. Семья его бабушки Инны Николаевны переехала на жительство в Гатчину из Ленинграда. Бабушка всю блокаду работала в военном госпитале, и в трудные послевоенные годы решила обосноваться в пригороде. Всю свою жизнь она была страстной театралкой и, поселившись в Гатчине, выступала на сцене Народного театра при городском Доме культуры. Одной из самых известных ее ролей была роль Вассы Железновой в одноименной пьесе М. Горького. Мама Николая Бажина — Светлана Евгеньевна тоже унаследовала от нее привязанность к театру. В Народном театре познакомилась она со своим будущим

мужем Николаем. И таким образом их сын — маленький Коля стал сыном кулис с самой колыбели. Родители брали его с собой на репетиции и, устав, он засыпал прямо в креслах театрального зала. В возрасте 8-9 лет Николай уже относился к театру как к родному гнезду и ничуть не сомневался, что будет артистом. Повезло ему и со школой № 3, где он учился. Драмкружком там руководил Михаил Иванович Кислов — человек, преданный театру, и умевший передать эту любовь своим ученикам. В школьном драмкружке ста-

Н. Бажин в роли Сапожника в спектакле «О страшном драконе и храбром сапожнике»

вили тогда очень серьезные спектакли: «А зори здесь тихие» по Б. Васильеву, «Снежную королеву», в которой Николай Бажин в 12 лет сыграл роль Советника. Посещая в эти годы студию бального танца в городском Доме культуры, Николай всегда проявлял интерес к репетициям спектаклей Народного театра и, посмотрев однажды спектакль «Встречи», стал посещать занятия театральной студии.

И, тем не менее, после окончания 8 класса юноша поступил в профтехучилище, где стал осваивать профессию

газоэлектросварщика, но проучился там всего один год. Театральная жизнь с поездками на фестивали была привлекательнее этой, в общем-то, неплохой профессии. Тайком от мамы стал он искать справочник по театральным учебным заведениям. Затем начал обзванивать театральные училища и узнавать, есть ли там набор студентов. В тот год объявляло набор театральное училище в г. Днепропетровске. Мама в этом непростом для юноши решении его поддержала, за что он остался ей благодарен на всю жизнь. Николай выслал документы и поехал в незнакомый город. Конкурс в училище был 100 человек на место. Учебное заведение имело высокую репутацию — все его педагоги были воспитанниками Театрального училища им. Б. Шукина в Москве. Перед приемной комиссией он предстал в тщательно отутюженном костюме и с розой в руке, чем сразу сделал заявку на амплуа театрального героя-любownika. Все три тура прошел с высшим баллом.

В студенческие годы к нему пришло понимание, что актер должен уметь делать на сцене все, а тому, чего не умеет — обязан научиться. Артист с удовольствием вспоминает свои студенческие роли: Рогожина в «Идиоте», учителя в спектакле «Завтра была война», Лакея в мюзикле «Тетя Чарлея». Днепропетровское государственное театральное училище Николай Бажин покинул уже профессиональным артистом. Но впереди его поджидало еще одно испытание — призыв в ряды Советской армии. И вскоре он начал службу в стройбате под Москвой. Узнав от друзей, что артисты могут проходить службу в театре Советской Армии, он стал добиваться перевода туда в Главное полуправление и по воле счастливого случая молодой артист

оказался на одних подмостках с великими русскими актерами — Олегом Борисовым, Ниной Сазоновой, Владимиром Зельдиным, Людмилой Чурсиной. И вскоре был введен в спектакли на небольшие роли: Бурдовского в «Идиоте», Малькольма в «Макбете». Три раза отправлялся он с труппой театра на месячные гастроли в Ленинград, Минск, Днепропетровск.

— Это был сказочный период моей жизни, — вспоминает Николай Бажин, — я репетировал на одной сцене с корифеями русского театра. И это стало для меня еще одной школой, можно сказать, театральной академией.

Возвращение Николая Бажина в

Н. Бажин в роли Петра I

Гатчину совпало по времени с распадом Советского Союза. И все же в эти годы он успел сняться на «Ленфильме» в двух картинах Г. Рябова —

«Претерпевшие до конца», в роли великого князя Константина Романова. В фильме рассказывается об убийстве в Алапаевске великих князей, и в нескольких эпизодах картины «Конь белый», съемки которой частично велись в Гатчине. Позже работал исполнителем диктором, оператором, журналистом в телекомпании «Арит», а в 1996 году вернулся в театр С.А. Рытова «Встречи», который уже имел статус муниципального. Здесь Николай Бажина ждали роли репертуара детского театра. Он колоритно сыграл роль попа в «Сказке о Попе и его работнике Балде», ковбоя в «Ковбойском счастье», а в новогодней сказке выходил на сцену в величественной роли Деда Мороза.

— Мое глубокое убеждение, — делится он, — у актера не должно быть амплуа. Ему нельзя постоянно находиться в неких заранее заданных рамках. Профессиональный интерес у артиста вызывает или характер героя, или ситуация, в которой тот находится. Одна из сторон профессии актера состоит в том, чтобы превратить свои недостатки в достоинства. Возвращение в театр «Встречи» приготовило ему еще один подарок судьбы. Здесь Николай Бажин встретил свою единомышленницу и жену — Светлану Бажену.

Одна из последних ролей артиста — роль Кота Марчелло в спектакле петербургского режиссера Ю. Калугина «Сыскное агентство — Деревянное море». Роль, в которой немало важное значение имели сценические данные артиста: высокий рост, красивые черты лица. Но главным, конечно же, было в ней — умение выстраивать пластический рисунок роли. Марчелло Н. Бажина покорила не только Кошка Мурысю, но и весь зрительный зал, так как артист точно и артистично выстроил внутреннюю мелодию своей

роли — одиночество бывшего рок-музыканта.

В 2000 году у Николая Бажина вышла в свет книга стихов. По его словам, стихи — это еще один способ самовыражения. Время от времени он выступает на концертных площадках с чтением стихов и в роли ведущего городских праздников, а во время проведения Российского кинофестиваля «Литература и кино», бывает, озвучивает фильмы. Складывается впечатление, что рамки детского репертуара несколько узки для творческого темперамента артиста.

— Сергей Алексеевич Рытов, — говорит он, — вдохнул в нас не только любовь к театру, но и дух творческого поиска. А театр — это одна семья, в которой все без слов понимают друг друга. Артист служит театру уже более 30 лет.

ГОРИ, ГОРИ МОЯ ЗВЕЗДА

Елена Приказчикова

Елена Приказчикова родилась в Гатчине в 1958 году в семье, где музыкальные интересы родителей занима-

ли отнюдь не последнее место. Папа, Борис Петрович, инженер по профессии, играл на контрабасе. Мама, Галина Кузьминична, обладала красивым сопрано и была солисткой гатчинского хора медиков. Бабушка, две сестры и брат по маминной линии играли на музыкальных инструментах. Во время учебы в школе № 4 Елена активно участвовала в пионерской и комсомольской работе, пела в хоре городского Дома пионеров и мечтала стать артисткой. На обаятельную и активную девушку обратила внимание руководитель городского пионерского штаба Людмила Михайловна Иванова. Она стала для Елены тем человеком, кто впервые глубоко повлиял на творческое развитие молодой девушки. Людмила Михайловна научила многих ребят быть раскованными и непосредственными.

— В театральную студию к Сергею Алексеевичу Рытову, — вспоминает Елена Приказчикова, — я пришла в 1975 году сразу после окончания школы. До этого мама не разрешала ходить туда на занятия, так как это могло бы отвлечь меня от учебы. Моим первым спектаклем и первой ролью была Снежная королева. Помню, как мы отправились со спектаклем на гастроли в Нарву. По ходу действия моя героиня выбегала на темную сцену из-за кулис. Сцену мы, по неопытности, заранее не проверили и я, выбежав в темноте на сцену, провалилась... в суфлерскую будку. Всех нас объединил тогда незабываемый дух студийности, который терпеливо воспитывал в нас Сергей Алексеевич Рытов. Мы были как одна семья. Все, кто находился рядом — свои, родные люди. Весь спектакль мы делали своими руками. Самоотдача была полной. Участвуя в Областных театральных фестивалях, наш театр завоевывал

«Ковбойское счастье». Лошадь

первые места, обычно с формулировкой «за лучший актерский ансамбль». А участники фестивалей интересовались, откуда у С.А. Рытова такие актеры-самородки.

В те годы, параллельно с занятиями в студии Елена Приказчикова училась в гатчинском филиале Приборостроительного техникума, а позже работала радиомонтажницей в НПО «Электронстандарт». В спектаклях Народного театра она получала самые разные роли, но было заметно, что С.А. Рытов предлагал молодой актрисе довольно часто роли пожилых особ, что ее порой сильно огорчало. В «Уроках музыки» Л. Петрушевской она сыграла острую на язычок бабушку, в спектакле по повести В. Кондратьева «Сашка» — немолодую женщину.

— На мое счастье, — вспоминает актриса, — к нам в театр была приглашена ленинградский режиссер Нина Евдокимова. Она оказалась очень близкой по духу нашему театру и дала мне шанс почувствовать себя в других ролях. В постановке «Плуфт, или маленький призрак» Н. Евдокимова увидела во мне маму Плуфта — роль, которую я играю уже более 20 лет. Это одна из моих любимых ролей, потому что это спектакль, в котором можно импровизировать. В спектакле Н.Евдокимовой «Дожди-Снега» Еле-

на Приказчикова сыграла тогда роль своей современницы, очень близкой себе по духу героини.

С приходом в театр режиссера Елены Котельниковой, поставившей на гатчинской сцене ряд мюзиклов, актрисе достались комедийные и отрицательные роли. Работа над ними проходила увлеченно: в поведении персонажа требовалось выстроить многоходовую комбинацию. По словам Е. Приказчиковой, и С.А. Рытов, и Н. Евдокимова, и Е. Котельникова — режиссеры одного стиля, одной школы, применяющие этюдный метод работы над спектаклем, что всегда горячо приветствовалось артистами театра «Встречи».

Тем временем список ролей Елены Приказчиковой увеличивался с каждым годом. Принцесса в спектакле «Кот в сапогах», Баба Яга в постановке «Замок с секретом», Лошадь в мюзикле «Ковбойское счастье», Фекла в спектакле «Финист — ясный сокол», Бабушка, Коза, Мышь в спектакле «Приключения Кота Леопольда», Свекровь в спектакле «Диоген», Кошка Мурыся в постановке «Сыскное агентство — Деревянное море».

— Поделитесь, как у вас складывается сценический образ? — спрашиваю актрису, пытаюсь заглянуть в ее

«Древо превращений». Лавочница

творческую лабораторию.

— Из наблюдений за людьми в разных жизненных ситуациях. У артиста хорошо разбита зрительная память и при работе над ролью она обычно включается. Чтобы прийти к нужному результату, приходится иногда помучиться, даже поплакать от бессилия. К счастью, актеру всегда помогает режиссер, направляет творческий поиск в нужное русло, — рассказывает она.

Будучи по природе характерной актрисой, умеющей вылепить на сцене яркий, живой, запоминающийся образ, Елена Приказчикова всегда ждала ролей иного плана, мечтала о серьезной чеховской драматургии. Но такова, увы, судьба артиста, что работать ему приходится над той ролью, которую предлагает режиссер. Спасает актера в такой ситуации не что иное, как профессиональный азарт. Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты, говорят в театре.

Наблюдать за героинями Елены

Приказчиковой с каждой новой постановкой театра становится все интереснее. Творческая зрелость актрисы проявляется не только в завершенности сценического образа, точных, запоминающихся деталях, но и его живой человеческой наполненности.

В обычной жизни Елена Борисовна называет себя «домашним человеком». Она благодарна своему мужу Юрию, тоже творческому человеку, и дочери Алине за понимание судьбы актрисы, за терпение, которое они проявляют, когда мама находится на гастролях.

— Чем старше становлюсь, — признается она, — тем больше люблю и понимаю животных, особенно кошек и собак. С годами у меня появилась тяга к земле: что-то посадить своими руками и получить урожай.

Но театр по-прежнему для нее — «одна, но пламенная страсть».

— Я рада, что у меня есть театр, — говорит актриса. — Возможно, поэтому я не замечаю времени и мне кажется, что я до сих пор девчонка.

НА ЭКРАНЕ — СТАРАЯ ГАТЧИНА

Андрей Бурлаков

С давних пор кинематографисты очень любят Гатчину и ее окрестности. В разное время здесь проходили съемки многих художественных и документальных картин. Среди них такие знаменитые работы как «Суворов», «Музыкальная история», «Уходя — уходи», «Объяснение в любви», «Шаги императора», «Левша», «Бедный, бедный Павел», «Юнкера» и другие. Некоторые из этих картин вошли в золотой фонд отечественного кино. Именно поэтому наш город смело можно назвать самым кинематографическим городом Ленинградской области.

В Гатчине зарождался отечественный кинематограф, и здесь были сняты первые отечественные киноленты. В наш город приезжали многие великие режиссеры, операторы и актеры. В съемках ряда картин принимали участие и местные жители. На сиверской земле почти сорок лет живет известный композитор, народный артист России Исаак Шварц, автор музыки более чем к 100 кинофильмам. Наконец, именно в Гатчине уже четырнадцать лет подряд проходит единственный в своем роде кинофестиваль «Литература и кино», программа которого целиком состоит из экранизации литературных произведений. К сожалению, по истории гатчинской кинематографии до сих пор нет каких-либо серьезных исследований. В нашем городе можно было бы создать замечательный музей кино. В связи с этим «Музей города Гатчины», рас-

положенный на проспекте 25 Октября, подготовил и открыл необычную краеведческую выставку «Гатчина снимается в кино». Посетив ее, действительно можно убедиться в том, что «местная фильмография» уникальна и неповторима. Представленные на выставке экспонаты: фотографии, документы, автографы актеров и режиссеров, книги, киноплёнки и другие подлинные раритеты представляют интерес для многих посетителей. Попробуем проследить хронологию съемок самых ранних гатчинских кинолент дореволюционного и раннего советского периодов.

1896-й год

В Гатчине, а также в Москве, Санкт-Петербурге, Петергофе и Царском Селе проходили съемки одного из фрагментов первой документальной киноленты «Восшествие на престол императора Николая II». Для этой цели в наш город приезжал французский оператор К. де Серф. Крошечный по времени хроникальный фильм уцелел до настоящего времени. Сейчас он хранится в Российском центральном государственном архиве кинофотофонодокументов в подмосковном городе Красногорске.

1901-й год

Царская резиденция в Гатчине стала местом съемок кинохроники «Посещение государем императором Нико-

лаем II и государыней императрицей кирасиров в Гатчине». Шестиминутная лента хранилась в Красногорском архиве. В 1982 году она была списана и уничтожена как не представляющая историческую ценность. За годы советской власти здесь были уничтожены многие уникальные дореволюционные киноленты, созданные придворными операторами, имена, которых, как и названия фильмов, уже давно забыты.

1914-й год

В нашем городе проходили съемки нескольких сюжетов документальной кинохроники «Подвоз раненых к вокзалу», «Размещение и гатчинском лазарете» и других, посвященных событиям Первой мировой войны. Четырехминутная лента находится в Красногорском архиве.

1917-й год

«Гатчина. Жертвы борьбы за свободу, убиты 1-го марта 1917 года» — хроникальный фильм с таким названием был снят известным оператором, кинодокументалистом тех лет В.А. Поляковым. Наш город той эпохи в картине хорошо узнаваем: госпитальная деревянная часовня, улицы Константиновская (ныне Радищева) и Соборная, дорога на городское кладбище. Один из сюжетов четырехминутной ленты называется «Панихида и вынос убитых из царской часовни». Проводить в последний путь павших за дело революции пришли многие гатчинцы. В кадрах хорошо просматриваются лица военных и представителей местного духовенства. Историческое здание часовни, расположенное по соседству с бывшим городским госпиталем (ныне здание администрации) до наших дней

не сохранилось. Интересны и кадры похорон на городском кладбище. Фильм также хранится в Красногорском архиве. Его копия имеется в фильмотеке «Музея города Гатчины».

На экране — послереволюционная Гатчина

В далеком семнадцатом году

Советское кино тоже начиналось в Гатчине. Именно в нашем городе был снят первый большевистский документальный фильм «Гатчинский фронт», рассказывающий о подавлении вооруженного выступления Керенского — Краснова 10–16 ноября 1917 года.

Вот что вспоминал по этому поводу режиссер картины, заведующий рабочим отделом Скобелевского комитета Г.Н. Болтянский.

«Самыми интересными и возможными еще для съемки, — писал он в своих воспоминаниях, — были эпизоды борьбы на Гатчинском фронте. Пошел в управление делами Совнаркома. Товарищ Бонч-Бруевич выдал записку: «Предоставить товарищу Болтянскому автомобиль для поездки на фронт». Возни, однако, было много с автомобилем, и я предпочел отправиться с оператором П.Н. Новицким железнодорожным путем. По дороге мы сняли вокзал одной из станций, разрушенный пушечными ядрами.

В Гатчине был штаб Военно-Революционного комитета, во главе которого стоял товарищ Дыбенко (первый народный комиссар по военным и морским делам). И товарищ Дыбенко, и популярный товарищ Ротало, вскоре погибший на Румынском фронте, и Гатчинский Совет оказали нам большое содействие в работе на месте. Но отправиться на фронт, что было самым интересным для за-

печатления в кино, не было возможности по военным условиям.

Но и в Гатчине, ближайшем тылу военных действий, нам удалось заснять многое: отправление и полеты на фронт летчика Локайчука, единственный аппарат (летательный) и единственный разведчик, который имел Военно-Революционный комитет, выступление матросов совместно с красногвардейским отрядом из Гатчины на помощь нашим в Лугу, привал отряда на пути, съемку матросов на площади у дворца Павла I, где за несколько дней до этого на митинге матросы постановили выдать генерала Краснова, поезд со сдавшимся нам 9-м Донским казачьим полком, только что сражавшимся против красноармейцев, посадку в вагоны с Красновым гвардейского артиллерийского батальона».

Так, из отдельных сюжетов «Бои под Гатчиной», «Отправки артиллерии в Гатчину для разгрома остатков войск Краснова», «Похороны погибших под Гатчиной» и других, была создана лента в 400 метров. Этот документальный фильм в настоящее время хранится в Российском центральном государственном архиве кинофотофонодокументов в подмосковном городе Красногорске.

Качалов и Ливанов приезжали в Лампово

Довоенная кинолетопись гатчинской земли своими корнями уходит в далекий 1928-й год, когда творческая группа студии «Совкино» выбрала старинную деревню Лампово для съемок художественного фильма «Иудушка Головлев» (по одноименному роману М.Е. Салтыкова-Щедрина). Сегодня уже трудно поверить, что для участия в съемках этой картины сюда

приезжали такие знаменитые мастера театра и кино, как Василий Иванович Качалов (1875–1948 гг.) и Борис Николаевич Ливанов (1904–1972 гг.). Однако это исторический факт. Великий драматический актер Качалов к моменту выхода ленты на экраны кинотеатров имел уже звание народного артиста РСФСР, которое он получил в 1927 году. Картина была «немой» и впоследствии демонстрировалась в кино недолго.

В 1934 году на экраны кинотеатров вышел звуковой фильм с таким же названием. Вследствие этого старый фильм был передан на хранение в Российский центральный государственный архив кинофотофонодокументов в подмосковный город Красногорск. Дальнейшая судьба картины неизвестна.

Ламповские старожилы вспоминают, что съемки «Иудушки Головлева» проходили главным образом в доме местного крестьянина, а впоследствии председателя колхоза «Красное знамя», Афанасия Степановича Емельянова. Этот дом, построенный еще в середине XIX столетия, находился на Центральной улице, рядом с кладбищем и до наших дней не сохранился. Он сгорел в годы Великой Отечественной войны. Потомки Емельяновых проживают в деревне Лампово и в наши дни.

«Мальчиш-кибальчиш» по имени Федька

В 1937 году известный советский режиссер киностудии «Ленфильм» Николай Лебедев работал в нашем городе над фрагментами художественного фильма «Федька». Картина была рассчитана на детскую и подростковую аудиторию. Основные съемки проходили в Гатчинском парке. Эта насыщен-

ная романтическими приключениями картина была посвящена событиям Гражданской войны и ее юному участнику Федьке, ставшему впоследствии признанным бойцом Красной Армии.

Впоследствии режиссер фильма вспоминал: «Когда мы приступали к работе над “Федькой”, то поставили своей задачей: дать картину о детях в гражданской войне, которая была бы одинаково близка и понятна и взрослому, и детскому зрителю. Известно много случаев беззаветного героизма таких 14–15 летних бойцов. И не один комбриг и комдив нашей Красной Армии начал свою боевую жизнь мальчишкой-посыльным при штабе дивизии, повозочным пулеметной тачанки, ординарцем при командире партизанского отряда. О них надо рассказать нашему сегодняшнему зрителю...».

К сожалению, молодому поколению наших дней историко-патриотическая лента неизвестна. В архиве автора этой публикации хранится любопытный документ, связанный с историей съемок этого фильма. На пожелтевшем от времени фирменном бланке кинофабрики «Ленфильм» имеется запись:

«Гатчина. Ст. Татьянино. Парк к водопаду. Съемки карт. “Федька”. “Ленфильм”». Пояснительная записка, адресованная Н. Лебедевым неустановленному лицу, чудом уцелела у сына режиссера картины.

Танкисты любили купаться в Оредеже

Летом 1939 года на берегах реки Оредеж проходили съемки документального военно-патриотического фильма «Танкисты» (режиссер З. Драпкин, он же автор сценария ленты), прославляющего доблесть и славу советских танкистов. Картина, со-

зданная кинематографистами студии «Ленфильм», выдержанная в духе сталинской эпохи, осенью того же года уже демонстрировалась в клубах, кинотеатрах и, конечно же, военных частях. Зрители узнавали в ней знакомые места, где разворачивались учебные танковые состязания.

Местом реконструкции танковых сражений был выбран Дерновский поселок, а именно береговой склон реки Оредеж в районе Медвежьей горы. Молодые бойцы, снимавшиеся в эпизодах картины, в течение нескольких дней жили на территории одного из местных домов отдыха и в свободные минуты с радостью купались в Оредеже. В Сиверской и сегодня живы старожилы, которые помнят съемки этого фильма.

Сергей Лемешев катал Зою Федорову по Белому озеру

Одной из самых популярных картин довоенного времени, фрагменты которого снимались в 1940 году в Гатчине, остается художественный фильм «Музыкальная история» («Ленфильм», режиссеры Александр Ивановский и Герберт Раппопорт, автор сценария Евгений Петров). Эта лирическая лента была поставлена в жанре музыкального обозрения, с широким использованием классической оперной и легкой музыки, с обаятельным и благодушным юмором. Большое значение в картине имеет музыка композитора Дмитрия Кабалевского.

Милый, бесхитростный фильм, созданный по образцам модных в те годы американских лент, рассказывает о судьбе талантливого певца, выходца из народа, и о его пути к успеху и славе. Главного героя — Петю Говоркова, шофера из таксопарка, играл кумир тогдашней молодежи, артист оперной

сцены Сергей Лемешев. Актриса Зоя Федорова снялась в роли его подруги, диспетчера таксопарка Клавды Белкиной, «простой советской девушки», как писал о ней рецензент фильма. Роль отрицательного героя — шофера Тараканова — сыграл Эраст Гарин.

Лента имела очень большой успех. Авторам удалось создать хоть и приукрашенную, но все же верную атмосферу советской повседневности. Все перечисленные актеры приезжали в наш город на съемки фильма. В

картине хорошо узнаваем Гатчинский парк, особенно в сцене катания на лодке по Белому озеру. За свою роль З. Федорова была удостоена Сталинской премии. Сергей Яковлевич Лемешев и впоследствии бывал на гатчинской земле. Летом в 1974–1975 гг. он отдыхал на даче в Сиверской. «Музыкальную историю» время от времени показывают по телевидению...

Продолжение следует...

*Материал предоставлен корреспондентом
газеты «Гатчинская правда»
Владимиром Николаевым*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

*Небо загорелось, звезды падали,
Ослепленные неистовым огнем*

В год 30-летия победы на страницах «Гатчинской правды» был открыт публицистический военно-патриотический клуб «Подвиг». Пятый его выпуск — 22 марта 1975 года — был посвящен встрече с ветеринарным врачом Михаилом Александровичем Васильевым, которому в августе-октябре 1941 года довелось, спасая молочный скот красногвардейских колхозов от немецко-фашистских захватчиков, эвакуировать его в Вологодскую область. Так в газете появился интересный очерк В. Белоногова «82 дня трудных дорог».

Напомним некоторые события той поры.

5 июля 1941 года немецко-фашистские войска в районе города Остров вступили на территорию Ленинградской области (в то время в ее состав входили нынешние Псковская и Новгородская области). В тот же день Военный Совет Северного фронта (с 23 августа он станет Ленинградским) принял постановление «О порядке эвакуации населения, зернопродуктов, тракторов, МТС, скота колхозов и совхозов, промышленного оборудования и других ценностей из сельских районов Ленинградской области».

Пункты 9-й и 10-й постановления определяли порядок эвакуации колхозного и совхозного скота. На каждые 100 голов крупного рогатого скота (КРС) полагалось выделить 4-х пеших человек, 8 подвод, 10 доярок, необходимое

количество топоров, пил и молочного инвентаря, на каждые 200 овец — 4-х пеших и 4 подводы. Свинопоголовье, независимо от возраста, молодняк КРС в возрасте до 6 месяцев и птицу предлагалось забить, а мясо сдать для снабжения Красной Армии.

С 13 июля немцы стали бомбить населенные пункты Красногвардейского (Гатчинского) района. Но еще была надежда, что их наступление будет остановлено на Лужском рубеже. Однако дальнейшее развитие событий надежд не оправдало, и с 15 августа началась эвакуация имущества колхозов, совхозов, МТС и других сельхозпредприятий в восточные районы страны.

О том, как это происходило, и рассказывается в очерке В. Белоногова.

82 ДНЯ ТРУДНЫХ ДОРОГ 1. В дальний путь

Тишина вечерних сумерек и утренних зорь все чаще нарушается глухими раскатами орудийных залпов. В эти дни в районе выполнялась последняя ответственная директива командования: любыми средствами спасти от уничтожения основные производственные фонды колхозов района, племенных, высокоудойных коров общественного животноводства, отправить их в глубокий тыл. День и ночь в колхозах шла напряженная работа по формированию гуртов и подбору сопровождающих лиц.

«Земля, как бы ее ни изгадили во-роги, всегда была, есть и будет наша, а вот скотину-то надо сохранить для расплода». Так сказал председатель колхоза, коренной землепашец П.П. Васильев, прощаясь земным поклоном с родной деревней Большое Жабино.

Гатчинский район и в довоенное время являлся одним из крупных поставщиков молока. Он был в числе передовых не только по количеству молочного скота, но и славился его высокой породистостью и продуктивностью.

Как раз в 1941 году в районе появилось еще пять племенных ферм. Ведущей была ферма колхоза «Алку» в деревне Шпаньково, где годовой надой молока от коровы превышал 5000 килограммов. За большие успехи все племенные фермы были удостоены права участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а колхоз «Алку» награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Поэтому понятно, что спасение такого стада для послевоенного восстановления экономики района имело важнейшее значение.

Один за другим по мере формирования отправлялись гурты скота. Куда? Пока только было известно направление — на северо-восток, на Тихвин, Вологду, а возможно, и дальше. Наконец, 19 августа сформирован и отправлен последний, восемнадцатый гурт.

Около трех тысяч коров, более четырехсот человек (в большинстве пожилые мужчины и женщины с детьми), растянувшись почти на двадцать километров, двигались в далекий неизведанный путь по лесным тропам и болотным топям.

Ответственным за эвакуацию скота вглубь страны был назначен ветеринарный врач М.А. Васильев.

В Пудости с помощью ветеринара

Е.П. Кузнецова они взяли необходимые инструменты, перевязочные материалы, медикаменты. Когда все это грузили на телегу, к ним пришел старик и принес тулуп с громадным меховым воротником. Врач удивленно спросил:

— Ты что, дед, никак со мной собрался?

— Не обессудь, чем богат, тем и рад. Возьми, бог знает, может, в поле холодные осенние ночи с малыми детишками коротать придется.

Прав оказался старик, сколько раз в холодные октябрьские ночи мать и малые ребятишки с великой благодарностью вспоминали деда Егора, отдавшего единственную ценную вещь своего хозяйства.

А над Гатчиной уже слышался гул самолетов. Васильев едва успел свернуть с дороги и залечь в канаве, как над его головой в боевом развороте пролетели шесть немецких бомбардировщиков. Через несколько секунд в районе Варшавского вокзала потрясли землю бомбовые разрывы. Густое облако пыли и щебня высоко взвилось в привокзальной полосе. В вихре огненного смерча над горевшими вагонами высоко в небо взвивались горящие обломки.

И под этот страшный вой Михаил Александрович осознал, какую ответственность ему надлежит принять на свои плечи. Ему удалось нагнать гурт, свою семью и других, остановившихся на ночлег в деревне Валасинки.

С этого дня началась новая, кочевая жизнь животноводов, последнюю ночь проводивших на границе своего района.

Поздно ночью на стоянку приехал заведующий райзо И.А. Пальмов. Он вручил Васильеву командировочное удостоверение, планшетку с крупномасштабной картой соседних районов.

На ней наметили схему маршрута следования. Почти весь остаток ночи прошел в прощальных беседах.

2. Тревоги и испытания

В эту ночь ветврач Васильев провел первое совещание гуртоправов, на котором присутствовали П.П. Васильев, возглавлявший большой гурт, ветфельдшер А.П. Янес, исполняющий обязанности директора Госплемрасадника В.И. Моисеева и другие.

На этом совещании Васильев сказал, что враг уже переходит границы Волосовского и Красносельского районов, сообщил о своем назначении ответственным за эвакуацию племенного скота колхозов. По-деловому была организована группа управления.

Постоянная связь между гуртами осуществлялась из мальчишек и отчаянных девчонок-подростков. И, как показала жизнь, в условиях кочевья более надежной связи для разрозненных групп и не придумаешь. Там, гдемышь проскочит, там и мальчишка пройдет. Дай ему коня — без седла, босой проскачет, а если еще вдвоем с приятелем да Бобик увяжется за ними, тогда никакими лешими и русалками в лесу темной осенней ночью не запугаешь. Слава и вечная память вам, — связные тех огневых лет!

Впереди лежал первый труднопроходимый марш через Сусанинский лес по лесным дорогам и лосиным тропам, порой через топкие болота по зыбкой слани из жердей, едва скрепленных продольными перекладинами с обеих сторон. Дорожка, прямо сказать, не для коров.

На утро, за идущими впереди гуртоправами с шестами в руках, потянулись стада коров, одно за другим, медленно, осторожно. Порой, утопая по брюхо в болотной жиже, местами

почти вплавь, скачками устремляются вперед коровы, проваливаются в проломы жердей, рискуя поломать ноги, но идут и идут, оглашая воздух жалобным мычанием, как будто жалуясь на свою долю горькую.

Солнце уже перевалило за полдень, животные выбиваются из сил, а на пути ни одной подходящей для остановки полянки. Но вот впереди замаячил верховой мальчишка. Он сообщил, что в двух-трех километрах — большая поляна, где можно устроить привал. Да, казалось бы, недалеко, но по такому пути пройдешь не менее двух часов, а некоторые животные уже отказываются идти, ложатся, требуя отдыха. Приходится им дать постоять, а жалостливая доярка сует корове кусочек хлеба, либо картошку, и опять шаг за шагом, понуря голову, с хрипом двигаются буренки.

Два часа полудни, а пройдено всего десять километров. Наконец-то долгожданная поляна. Скот, придя на лужайку, сразу ложится и с жадностью хватается траву.

А расторопные хозяйки уже разожгли костры, и вскоре над табором потянулись ароматные дымки от варева. И вот доярки с ведрами отправились подоить коров. Молодежь уже забыла усталость, девушки с парнишками сбиваются в стайки, появилась неприменная гармошка, и звонкие молодые голоса затягивают песни.

Немного отдохнув и приготовив телеги и шалаши к ночевке, старшие собрались в кружок, чтобы обсудить свои дела. И тут обязательно кто-нибудь из группы управления ведет беседу — либо о первой помощи пострадавшим в пути людям и животным, либо о важности военной дисциплины на марше, или о том, как действовать при налете авиации.

Наконец-то преодолены Сусанинс-

кие леса, дальше предстояло двигаться полями и лугами по различным проселочным дорогам. Установленные маршрутом дороги зачастую приходилось менять. Реки переходили вброд или вплавь, так как большинство мостов было разбито техникой или сожжено. После трудных переходов намечался суточный отдых на бывшем аэродроме Шапки. Большая площадь, засеянная нетронутыми травами клевером и тимфеевкой, — сулила хороший отдых скоту. Подходившее стадо с жадностью набрасывалось на сочную траву, а люди, располагаясь вокруг костров, с наслаждением подкреплялись горячей пищей. Женщины повели невеселые разговоры о надвигающихся дождливых, холодных осенних ночах, делились с теми, у кого малые ребята, теплой одежкой. Но часа через четыре мирный отдых был прерван нарастающим из-за леса гулом приближающегося самолета. Люди уже научились по звуку и по форме определять немецких разведчиков. Совершив три круга над аэродромом, и, видимо, озабоченный появлением здесь такого количества коров, дав несколько пулеметных очередей, самолет улетел в сторону Новгорода. Быстро по команде начальника лагерь снялся и тронулся в путь. И во время: ночью на место лагеря были сброшены бомбы.

Наконец гурты вышли на трассу Волхов — Тихвин. Все медленней продвигался усталый скот. Уже начались холодные осенние затяжные дожди.

Подходя к реке Волхов, у местечка Андреево армейский пост задержалдвигающиеся гурты.

— Куда вы прете, черти? К немцам, что ли, захотели, или оглохли и не слышите, что там, впереди идет бой! Немцы прорвались, а мы их сдерживаем. Меняйте направление на север

и двигайте на Волховстрой, да побыстрей постарайтесь переправиться через Волхов, а то попадете в окружение.

Выехав на велосипеде вперед гуртов, врач Васильев действительно увидел неподалеку паром, охраняемый двумя моряками. Спустя несколько часов показался первый подходивший гурт. За кружкой молока легко завязалась дружеская беседа с воинами, охранявшими переправу. Более двух суток, день и ночь работал паром, переправляя через седой Волхов гатчинских «кочевников».

3. ЧП— ящур

Благополучно переправившись на восточный берег Волхова, гурты скота попали в затор войсковых частей, двигающихся сплошным потоком с большой техникой по направлению Чудово — Кириши для уничтожения прорвавшейся немецкой группировки. «Кочевники» были оттеснены с дороги и вынуждены всю темную осеннюю ночь провести в поле, под проливным холодным дождем.

А к утру далеко вокруг все было свободно. О проходивших войсках свидетельствовали лишь пустые бидоны с теплым парным молоком на обочинах, выставленные доярками.

Не отдохнув и не обогревшись в эту ночь, гуртоправы двинулись вперед. Пришлось вброд перейти реку Сясь, только после этого удалось выбиться на шоссейную дорогу Ладога — Тихвин. Наконец-то появилась возможность дать длительный отдых скоту, да и людям надо было обсушиться и отдохнуть. На другой день, как обычно, ветврач Васильев, проверяя состояние скота, обнаружил в головном гурту коров, отказывающихся поедать жесткую траву. Даже беглый осмотр животных показывал, что надвину-

лось страшное ЧП — в стаде появился ящур.

Эта болезнь распространяется молниеносно, в течение нескольких часов может быть поражен весь скот. И это в то время, когда двигаться все-таки надо, скот еще не выведен из угрожающей зоны. Сочных кормов нет, концентраты на исходе, а зерно даже на питание людей строго нормируется. Неизвестно, будут ли по дороге картофельные поля. Запаривать нечего, да и не всегда возможно. Сырое молоко пить нельзя, мясо есть опасно, а ведь это единственный ненормированный продукт питания. Страшно погубить скот, но еще страшнее возможность заражения людей.

Ждать помощи неоткуда, да и некогда. Приходится принимать решения на свой риск и ответственность. Не зря же у тебя в кармане диплом врача, а под руками опытные доярки, пастухи, гуртоправы.

Не теряя времени, ветфельдшер приступил к перепрививкам скота, трое суток работал без отдыха.

О возникших трудностях доложили Ленинградскому обкому партии.

Буквально на второй день из Вологды в Тихвин поступает три вагона жмыха и хлеба. Четко организуется ежедневный завоз жмыха в гурты и по килограмму хлеба на человека.

Двадцать дней стоял скот на месте. Уже наступили октябрьские похолодания, иной день выпадала снежная пороша. Все женщины и дети были размещены в соседних деревнях. Скот охранялся только пастухами, они же были доярками и кормачами. Хотя и трудно перегонять больной скот, но надо. Надо выходить из опасной зоны, спастись от наступающих холодов. Когда проходили Тихвин, то были встречены начальником ветслужбы В.Н. Чередковым и начальником вет-

баклаборатории В.П. Житниковым, вылетевшими самолетом из Ленинграда, чтобы помочь в пути и подготовить прием в Устюжском районе Вологодской области. Дальнейший путь до Устюжны прошел более легко и без особых приключений. В момент подхода гуртов они встречались руководителями района, сразу направлялись в намеченные и заранее подготовленные к приему колхозы. Для скота были подготовлены помещения и завезены грубые корма, а измученные и изголодавшиеся люди были радушно приняты в домах колхозников, где для них нашлись тепло и ласковый, русский прием.

...Отгремели раскаты войны на гатчинской земле. Вернулись со своим скотом, спасенным в тяжелые дни испытаний, колхозные животноводы.

Низкий поклон вам, здравствующие и поныне М.А. Васильев, А.П. Янес, М.И. Васильева, Е.А. Янес, М.А. Федорова, А.В.Дмитриева, П.П. Корнеева, А.С. Рям и другим, совершившим этот подвиг в годы войны.

МОЯ ДОМИНАНТА

Анна Евсеева-Хмырова

*Моя доминанта — людские дороги.
И мне не уйти от дорожных тревог.
В пути я встречаю овраги, отроги,
А ровной тропы не найти под залог.*

*Живя в зыбком мире, учусь превозмочь,
То жгучие полдни, то мрачную ночь.
Во мне бродит право — сказать, что могу
Его подняла на людском берегу.*

*Вы, добрые люди, судите по чести;
Ошибки со мною, я в дружбе без лести.
Нельзя не страдать мне — бессилие гложет,
Так осень у жизни на горечь похожа.*

*А путь одаряет не всех по заслугам...
Тот чем осчастливлен, что ходит за плугом?
Натружено сердце и кровь на пределе,
Уставшие вены теснятся на теле.*

*А я вспоминаю о преданном друге,
Да звуки печальные стонут в округе:
Зов смертных моторов, ворчанье колес,
Молю о терпении под шелест берез.*

*Но я не ропщу, красотой наслаждаюсь,
В поток торопливый я словом вливаюсь.
И теплой рукой прикасаюсь к беде.
О, силы мои, не теряйтесь ни где!*

*Прощаю обиду, бросаю тревогу.
Гляжу я на небо, молюсь тихо Богу.
Мою доминанту храню я в дороге...
Нас счастье всех ждет на родимом пороге.*

МОЙ КРАЙ

Александр Фаловский

*Мой край, озерный и лесной,
Приневский край былинный!
Ты славен мачтовой сосной,
Своей историей завидной,*

*Ты создавал и мастерил
Морские быстроходы,
Пути к победам находил
И строил новые заводы.*

*Ковал железо и крошил
Препоны и заторы,
В чужие дали не манил,
Не вел пустые разговоры.*

*Позволь, в твой славный юбилей
По-дружески поздравить,
Пусть будет жизнь твоя светлей,
А разум каждым шагом правит.*

Алена Тришина

Выпускникам 1941 года
посвящается

Звучала музыка в саду,
Где пары медленно кружились,
Где светлых мыслей чистоту
Аккорды нежно вам дарили.
Но праздник юных — выпускной —
Хрустальных слез печальный вечер —
Непредсказуемой бедой
Лег на взрослеющие плечи
И словом огненным «ВОЙНА!»
Жизнь расколол на ДО и ПОСЛЕ...

Вещуньей-птицей тишина
Вам подсказала вашу взрослость:
Шла девочка, надев шинель,
И юноша, что стал солдатом —
Они понять сумели цель —
Они достичь стремились даты,
В которой слезы и цветы,
Огни салюта, боль, и радость!

Священной памятью войны
Июньский вальс плывет над садом.

Июнь 1995 г.

«БЕРЕЗКА»

Галина Хохлова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОДНОГО СИВЕРСКОГО ДОМА

По левому берегу Оредежа, примерно в середине пути от станции Сиверская к Ново-Сиверской, расположена давно сросшаяся с ними часть поселка с финским названием Кезево. Кобринский пастор Ф. Берг еще в 1848 г. писал, что первоначально здесь располагалась финская деревня Kesola — от финской же фамилии Kesonen (1). Не только сиверчане, но и петербуржцы знают находящийся здесь детский санаторий «Березка», который до недавнего времени так и назывался — «Кезево». В нем лечатся, учатся и отдыхают ребята из Санкт-Петербурга, страдающие бронхиальной астмой и другими аллергическими заболеваниями, а также дети с различными нарушениями эндокринной системы. Свою историю как детский санаторий он ведет с ноября 1918 г., являясь старейшим учреждением подобного типа в нашей стране. Но так было не всегда...

Самое старое двухэтажное каменное здание, что стоит ближе к шоссе под углом к нему, где сейчас располагается I отделение санатория, было

построено еще в 1896 г. на средства одной петербургской купчихи, единственный наследник которой погиб во время стычек студентов с полицией. Оно и возводилось и использовалось до 1917 г. как пансионат для отдыха нуждающихся студентов. Известно, что благотворительность в купеческой среде в конце XIX — начале XX века приобрела особенно широкий размах, так что поступок безутешной матери был вполне в порядке вещей.

Место постройки выбрали на редкость удачно. Пансионат окружал девственный хвойный лес. Высокий берег, глубокое залегание грунтовых вод гарантировало всегда меньшую, чем в низинных местах, влажность воздуха. Сразу за территорией пансионата шел длинный пологий спуск к реке, приводящий к большой поляне, за которой закрепилось народное название Лялин луг. И по сей день это самое популярное место летнего отдыха, географический и живописный центр Сиверской. Лялин луг украшают самые высокие (около 100 м над уровнем моря) красочные обрывы — Медвежья и Золотая горки. Пешеходный мост соединяет берега Оредежа, извивающегося здесь подобно змею трижды. Не знаю, был ли здесь мост сто лет назад, а вот брод и чудесный источник, конечно, были и тогда. Не случайно, в советское время подавляющее большинство детских оздоровительных учреждений тяготело к Лялиному лугу, приводя сюда ребятню загорать и плавать. На

территории пансионата были также построены добротные одноэтажные деревянные коттеджи для врачей и другого персонала. Почти все они погибли после последней войны, но один сохранился, реставрирован, и в нем сейчас расположены администрация и лаборатория санатория.

Высокая детская смертность от туберкулеза и общее резкое повышение заболеваемости этим страшным недугом привели к необходимости организации детского туберкулезного санатория. Его пациентами стали в те суровые годы главным образом беспризорные дети. Этот профиль санаторий сохранял долгое время — с 1918 по 1973 годы. Многие петроградские, а с 1924 г. ленинградские дети обязаны санаторию и благодатному сиверскому микроклимату улучшением здоровья, а порой и жизнью.

Великая Отечественная война, конечно, внесла свои коррективы в историю здания. Известно, что уже 30-31 августа 1941 г. в Сиверской вслед за мотоциклистами появились и на долгих без малого три года расположились немецкие войска. До февраля 1943 г. в здании санатория размещался штаб 18-й армии Вермахта. Именно эта армия будет противостоять Ленинградскому фронту, в который входила и 123-я Ордена Ленина Лужская стрелковая дивизия, освободившая Сиверскую. Она капитулирует лишь 8 мая 1945 г., после кровопролитных боев в Курляндии. А тогда, ранней осенью 1941 г., офицеры штаба обживали коттеджи, где прежде жили врачи.

Этот период истории дома я узнала недавно из книги мемуаров ныне гражданина Австралии Сигизмунда Дичбалиса, которую он любезно подарил санаторию (2). Жизнь этого человека — особая, увлекательная и поучительная история. Нас в данный

момент интересует тот ее период, когда молодой спортивный парень из Ленинграда, попавший в плен после контузии под Новгородом, оказался в концлагере в районе нынешнего скотного двора в Старо-Сиверской. Дело происходило в ноябре 1941 г. Первое время Дичбалис трудился в «лесной команде», занимаясь в Орлинском лесничестве заготовкой дров для отопления штаба и нужд фронта, но вскоре расторопного парня перевели в кочегары при штабе.

«В подвальном помещении здания бывшего санатория, теперь штаба немецкой армии, помещался котел, снабжавший здание паром для отопления, горячей водой и служивший также мусоросжигателем из-за своего огромного горна. В особенности было много возни с нескончаемыми километрами лент аппаратов Морзе. За эту работу мы часто получали сигарету или часть пайка от унтер-офицеров, благодарных за то, что им не надо лезть в пекло», — пишет Дичбалис.

Вместе с ним работал пожилой кочегар из местных жителей, родившийся, по его словам, возле этого горна. Весь другой обслуживающий персонал штаба был так же подобран из местных жителей. Уже весной 1942 г. Сигизмунду удалось войти в полное доверие к немцам, так что к Пасхе паренька впервые отпустили в гости, провести знакомую старушку. Надо сказать, что перед войной он не раз бывал вместе со своей подругой Валею в Сиверской у ее бабушки, занимаясь после окончания школы обкаткой мотоциклов марки «Л-8» на ленинградском мотоциклетном заводе. Через Валину бабушку ему удалось наладить связь с партизанами.

Первое задание от так и оставшегося неизвестным «Старшего» Дичбалис получил неожиданно через работавше-

го с ним бок о бок пожилого кочегара, вечно заискивающего перед немцами. От него требовалось передать скатанную в трубочку записку пленному генералу Власову. Именно на территории бывшего санатория в отдельной специально обустроенной землянке находился после сдачи в плен Власов. Во время ежедневных допросов-бесед здесь, в штабе, разрабатывались планы создания будущей Российской освободительной армии (РОА). А по Кезевской дороге в Сиверской, а также в Вырице жили сдавшиеся вместе с ним в плен бывшие советские бойцы (3). Пленный генерал всегда был в сопровождении конвоя. Известно, что немецкое руководство не доверяло ему и вооружило РОА лишь в последние дни войны. Закончилось это тем, что власовцы под угрозой неминуемой скорой расправы от наступающей советской армии повернули оружие против отборных частей SS и тем спасли красавицу Европы Прагу от полного уничтожения. Варшавская история в Праге не прошла.

«Меня трясло, как заговорщика, когда пополудни, увидев пленного, выходящего в сопровождении двух конвоиров из штаба после допроса, я схватил приготовленную охапку дров и побежал к землянке. Дверь была на замке, и я, переступая с ноги на ногу, поджидал конвоиров и очень высокого суховатого человека, шедшего между ними. Расстояние в 50 м казалось мне целым километром, так медленно шло время. Как сделать, чтобы “он” нашел записку, втиснутую в специально сделанную трещину в полене, запрятанном в середине связки? Подойдя к землянке и увидев меня с вязанкой дров за плечами, конвоиры приказали мне оставить дрова и мгновенно пропасть самому. Они меня хорошо знали, но, наверное, был приказ не допускать

контакта пленного с посторонними. Я все же рискнул. Обращаясь к конвоирам лицом и глазами, скороговоркой и по-русски, я выдал из себя что-то вроде: “Не сжигайте записку в одном из поленьев”. “Was?! Was?!” — заорали на меня оба конвоира, и я тут же, как бы перепутав языки, объяснил по-немецки, что я не уверен не длинны ли чересчур дрова для этой печурки. “Schon gut! Dos! Raus!” (Вполне хорошо! Пошел вон!) Я просто растворился в воздухе. Прочел ли записку Власов, и что в ней было — я не знаю... Подходили первые дни осени 1942 года. Пленный генерал исчез незаметно»(2).

Потом Сигизмунд наострился, пользуясь полным доверием немцев, прятать в пустые упаковки из-под сигарет обрывки с ленты аппарата Морзе. Запихивая коробки в рукав свитера, он с ежечасным риском быть разоблаченным, выносил их из кочегарки, передавая связной. Зимой 1943 г., по всей вероятности после новой, более удачной попытки прорыва блокады Ленинграда, штаб 18-й армии Вермахта, а с ним и весь лагерь, был переведен в более надежный тыл, в Эстонию, в город Тарту.

Далее целый год, до 30 января 1944 г., когда Сиверскую освободили советские войска, на территории бывшего детского санатория располагался госпиталь для раненых немецких летчиков. В коттеджах, где жили офицеры штаба, поселились немецкие врачи. Густой сосновый бор служил отличной маскировкой, и за ним во все годы оккупации немцы тщательно ухаживали. Спустя годы многие местные женщины из персонала санатория рассказывали о непривычной для них пунктуальности, чистоплотности и профессионализме госпитальных врачей. Так у Анастасии Кекконен они не только приняли роды, но и обеспе-

чили грамотный послеродовой уход и дополнительное питание. Нонне Афанасьевне Шаховой немецкий хирург спас ногу, а после сложной операции, которую по его настоянию делали в госпитале, этот врач регулярно навещал свою симпатичную пациентку в Старо-Сиверской больнице, вплоть до ее полного выздоровления.

К 1943 г. наша армия уверенно набирала мощь. Воздушные бои становились все ожесточеннее. За один год существования госпиталя врачам не удалось спасти жизнь 243 немецким ассам. Возле здания бывшего детского санатория появились внушительные ряды могильных холмиков с березовыми крестами над ними. Остатки немецких захоронений в виде бугорков сохранялись еще в семидесятые годы. Так Лилия Сергеевна Пурденен, зав. педчастью санатория, хорошо помнит как в 1974 г., когда она работала пионервожатой, и праздновалось 50-летие пионерской организации, они с ребятами сажали в честь этого события аллею березок. При копке ям под дерева, они то и дело натыкались на неистлевшие куски немецких мундиров, металлические пуговицы и пряжки. В 80-е годы через территорию бывшего кладбища прокладывали водопровод от 1-го отделения к стоящему возле забора двухэтажному деревянному дому. Тогда неожиданно начали выкапывать кости, черепа, неистлевшие волосы, так что просто жуть брала. Траншея стояла не закопанной месяц, пока не проложили трубы. И если детей санатория воспитателям еще удавалось сдерживать, то местная ребятня вдоволь рылась в земле, добывая кости, каски и прочее.

После этого участок, где было кладбище, заасфальтировали под баскетбольное поле. И только в сентябре 2001 г. останки умерших в госпитале в

1943 г. немецких летчиков были, наконец, полностью извлечены и перезахоронены на специальном кладбище под Мгой. Интересно, что дотошные немцы сохранили точный план захоронений. А еще при погребении они клали в гробы жетоны с указанием имени, звания покойного и номера захоронения в соответствии с планом. Поэтому даже через 60 лет идентифицировать останки не составило большого труда. Последние пять могил, расположенных почему-то отдельно, за забором санатория, помогли найти старожилов. Среди них и могилу брата-близнеца, живущего в Германии старого фронтовика. Он каждый день звонил, интересуясь, не нашли ли его брата. Когда же ему, наконец, сообщили о находке, то на другом конце провода послышались рыдания...

Все работы выполняла компания «БиК». На месте раскопок они обустроили новую спортплощадку. Финансировала и курировала перезахоронение Ассоциация международного сотрудничества «Военные мемориалы». Немецкие представители Ассоциации сообщили, что в Сиверской есть места компактного захоронения их соотечественников в районе нынешнего летного поля и в Белогорке. Но в обоих случаях извлечь останки воинов для перезахоронения уже невозможно. Всего же на территории Северо-Запада России оборудовано 4 могильника: два в Ленинградской области и два в Новгородской.

Кое-кто считает такое положение неправильным. Но сегодня люди имеют возможность посещать Европу и видеть, в каком идеальном состоянии поддерживаются захоронения не только советских, но и русских воинов, попавших в плен еще в первую мировую войну. Наша страна, наконец, заключила соглашения не только с Герма-

нией, но и с Японией, Финляндией, Италией, Польшей, Чехией и другими европейскими странами, по которым договаривающиеся стороны обязаны осуществлять на взаимной основе безвозмездный уход за погребениями иностранных военнослужащих, находящихся на их территории. Только в Германии существует 3598 российских и советских воинских захоронений, в которых погребены более 700 тыс. человек (4).

Сиверский старожил, ветеран санатория Людмила Ивановна Смолина помнит, как во время войны и в первые годы после нее Лялин луг был разработан. Немцы получали на нем хорошие урожаи капусты. Сразу после войны главным врачом санатория был назначен Рафаил Ефимович Эпштейн. Первыми сюда приехали очень ослабленные дети, многие перенесли блокаду, не посещали несколько лет школу. Так что подлечиться и одновременно нагнать сверстников в учебе в Сиверскую направлялись не только дети, но и юноши и девушки до двадцатилетнего возраста. Многие работники, служившие во время войны в госпитале, продолжили работу медсестрами и санитарками в санатории (Мария Голубева, Паня Шабидзе и другие).

Василий Михайлович Павлов пришел работать в возрождавшейся санаторий вскоре после демобилизации, в 1946 г. Он преподавал здесь математику и физику 53 года! Василий Михайлович помнит щитовое здание бывших немецких конюшен, которое было переоборудовано под зал для отдыха детей. Там же разместили и архив санатория. К сожалению, архив полностью погиб при пожаре здания.

Помимо корпуса I отделения интерес представляло самое, на мой взгляд, красивое здание деревянного модерна

в Сиверской — собственный дом той самой купчихи, что построила пансионат для нуждающихся студентов. Эта просторная двухэтажная постройка с затейливой башенкой, вся изукрашенная пряничной резьбой, долго служила III отделением санатория, в ней располагались также классы школы. К началу девяностых здание успели только внешне реставрировать: окрашенный в зеленый цвет, в белоснежном кружеве резьбы дом красовался под ярко-красной крышей. Дальнейший ремонт в виду прекращения поступления средств был надолго приостановлен. Здание простояло несколько лет бесхозным, подвергаясь нашествиям местных вандалов и бомжей, которые в августе 1997 г. его окончательно спалили.

Против входных ворот и здания I корпуса через дорогу находится одноэтажный, недавно обшитый белым кирпичом дом, где живет в данное время главный врач санатория Сергей Александрович Чепелев. Стоявший некогда на этом фундаменте двухэтажный, богато украшенный резьбой дом принадлежал прежде известной петербургской драматической актрисе Вере Федоровне Комиссаржевской. Говорят, что эту дачу ей преподнес в качестве подарка один из горячих поклонников ее таланта, отставной майор, местный землевладелец.

Свой профиль санаторий изменил в 1971 г., став из туберкулезного пульмонологическим. Большую роль в развитии научно-методической базы сыграл ныне покойный Андрей Георгиевич Кунин, возглавлявший санаторий с 1978 по 1986 гг. Пришедший ему на смену С.А. Чепелев стал инициатором нового направления, которое оказалось, к сожалению, таким же востребованным, как и астма. Это лечение детей, страдающих излишним

ожирением и другими нарушениями эндокринной системы.

Это хорошо, что дети теперь не ходят по трупам. Да и у санатория, стойко выдержавшего все передраги последних десятилетий, сохранившего основной костяк коллектива, дела после акта перезахоронения пошли в гору. Старинное здание I корпуса на глазах помолодело после ремонта. Вокруг него появились новые клумбы, зазеленел газон, внутри оборудован современный тренажерный зал, галочка, кабинеты сауны и гидромассажа.

Но каждая новая смена детей непременно спросит: «А правда, что в подвале этого дома живет призрак Шинель?» Это наша местная достопримечательность, наше приведение. Я с ним лично не знакома, как-то все не удается увидеть, но знаю, что Клавдия Федоровна Кузнецова, бывшая санитарка, из тех, что работали еще в немецком госпитале, видела в подвале бродящую окровавленную немецкую шинель. Это случилось после смерти приглянувшегося ей немецкого летчика, когда она брела, заливаясь слезами. Но все это было давно...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дмитрий Рябов «Топонимия Верхнего Поореджья». С.-Пб., 1995 г.
2. Сигизмунд Дичбалис «Зигзаги судьбы». М., 2003 г.
3. Галина Хохлова «Живет такой человек», воспоминания старожила и фронтовика В.И.Богданова. Газета «Приневский край», 2005г.
4. Альбом «Российские (советские) воинские мемориалы и захоронения на территории Германии». М.2000 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

...И тянется рука к перу, перо к бумаге...

КОЛЫБЕЛЬ НЕ КАЧАЕТСЯ НАД БЕЗДНОЙ

Александр Семочкин

Колыбель не качается над бездной. Она надежно утверждена в углу малой комнатки, и потому, собственно, колыбелью именоваться не может: колыбель обязана колебаться, колыхаться, качаться на худой конец, а не быть впечатанной в пространство угла. (Что многократно и ревниво проверено тетками). Да это и не колыбель вовсе, а старая бельевая корзина на двух табуретах, и там, среди ваты и тряпкой набитых тюфячков лежу я.

В этом доме вот уж пятнадцать лет не рожали младенцев. В нем вообще

пока никого не рожали, потому что он был выстроен пятнадцать лет назад, и в нем нет — даже на чердаке — зыбок, люлек и ходунков, что хранятся в чуланчике над стрехой до поры до времени.

Поэтому я лежу в бельевой корзине. Хотя это розовое, пахнущее молоком, хозяйственным мылом и еще какой-то странной затхлостью (это все-таки, наверное, корзина), существо столь же я, что и лежащий на столе старик с задранной бороденкой и полуоткрытым мертвым ртом, который безуспешно пытаются прикрыть безутешные родственники с помощью длинного скользкого шарфа. Мое будущее столь же не принадлежит мне, сколько и мое прошлое. Узкая полоска, проекция вечности на мое сознание — это и есть то единственное место во вселенной, где мое Я реально.

И как странно звучит это обыденное «Я родился...» как будто во мне есть уверенность в том, что это был именно я, и что я действительно родился, а не придумали то сердобольные тетки, и что там что-то вообще от меня зависело (а частица «ся» это явно утверждает), — нет, пожалуй, формула: Я был рожден — много более приемлемая. Она, во всяком случае, перекладывает ответственность за случившееся на свидетелей и участников случившегося, меня оставляя в пассиве и даже выражая мне некоторое сочувствие.

Еще лучше: мать родила меня, тут жесткий логический узелок, потому

как родившая есть мать, родившая меня есть моя мать, и раз она моя мать, то она просто обязана была меня родить, иначе она не была бы мать и моя мать.

Итак, мать родила меня. Утром седьмого сентября это произошло, и я бесконечно благодарен ей за эту семерку и за этот сентябрь, эту девятку; за великолепие звенящего сень-сен, за все сентябри и за все семерки моей жизни.

Если столь же внимательно рассмотреть год рождения, в нем тоже будет обнаружено немало интересного. 1939. Там тоже присутствуют семерки, их три, но пока они старательно прикрыты дородными девятками и смущенной тройкой между ними, под бдительным присмотром единицы.

Первое сложение дает 10 и 12 (сильная заявка!), второе сложение даст 22 — те самые три семерки с почетным конвоем единицы, взявшей «на караул». Впрочем, это может оказаться конвой с трехлинейкой, прогуливающий трех сутулых арестантов. Все зависит от крохотного мальчика в старой бельевой корзине, да и зависит ли?

Это еще предстоит выяснить, и для этого выяснения мальчику предложена некоторая временная протяженность именем жизнь. Но до осознания этого ему еще далеко. Для начала нужно познакомиться с родителями, и здесь сразу предусмотрен сбой, некоторое многоточие, которое невозможно объяснить без объяснения внешних факторов. Они таковы, что мои отец и мать в ту пору были, так сказать, людьми государственно-востребованными, хотя и самого неприятельного свойства. Государство в те времена старалось как можно больше людей, своих граждан, вовлечь в сложно-себе-подчиненные предложения, и от этих предложений было трудно отказаться.

Впрочем, оба моих родителя с явным желанием включились в эту тогда молодую, кипучую жизнь, в этот восторг созидания небывалого и доселе невиданного, что выпал на них, на их им широко улыбающуюся судьбу. Потом эта улыбка окажется оскалом, но это много, много позже.

Отец, Александр Андреевич, назывался еще Сашкой, пожалуй, когда получил повестку в армию. На шахте, в Донбассе, где он работал, нужно было взять расчет, начиналась жизнь другая и уже было ясное предчувствие, что это надолго. Молодой здоровый парень из самых что ни есть пролетариев свято верил всему, что ему говорили и жадно впитывал все, что ему внушали. Настолько было все оглушительно просто, что хотелось обнять мир и каждому прокричать в лицо открывшуюся истину, чтобы побыстрее обнялись все и стали счастливы.

Я очень понимаю отца, мне тоже дано было пережить восторг неопитства уже иного свойства и я жалею тех, кто не прошел школу трех любовей.

Впрочем, об этом — потом, потом, а пока — к Сашке, успевшему стать Александром, но не успевшему стать Андреичем. Служил он ревностно, после шахты служба казалась малиной, да и возраст был не шалопутный, в армию тогда брали 21-летних. Когда командиры, приглядевшись к стройному молодцу, предложили идти на курсы младших политруков, с радостью согласился. Истины конечные, прозрачные до кишок, гениальные в своей простоте и простые в своей гениальности стройно входили в пустующие помещения, переоборудованные под казарму, и укладывались, каждая на ей отведенное место. «Жизнь есть форма существования белковых тел». «Свобода есть осознанная необходимость». «Религия — опиум для наро-

А. Семочкин. Июнь, 1941 г. 1 год 8 мес.

да». «Коммунизм — светлое будущее всего человечества». Это походило на патроны в обойме — одинаково ладные, тускло сияющие медью, и каждый способен поразить врага насмерть.

Отцу так и не далось потом принять истины комплексные, которые всегда парадоксальны, он здоровым чутьем ухватывал в них ту гнилинку, тот душок разложения, который может быть приемлем для медведя или собаки, но который с презрением отвергает кошка. В самом деле, если — «подвергай все сомнению» — то почему бы не начать с того, что подвергнуть сомнению надобность подвергать все сомнению? «Человек — мера всех вещей» — это хорошо, но тогда он и мера той вещи, которая именуется человек, то есть он мера самого себя, из чего отчетливо следует — да пошли вы все! А партия? А идея?

Должно признать теперь мне эту отцову правду, свойство натур целостных. Провидение хорошо готовило их к предстоящей схватке, там — там тоже идеальные построения не оставляли места сомнению, и, значит, должен был победить менее сомневающийся, а, значит, более сильный.

Отца определили на эстонскую границу, а Псковский укрепленный район, укрепрайон, как тогда говорили. Буржуазная Эстония была — вот она, а у властей не было иллюзий относительно того, на чьей стороне будут эстонцы в случае любого конфликта.

Ну вот, правая сторона моей авансцены, та, где отец, полностью готова, чего нельзя сказать о левой. А ведь вот-вот они познакомятся, а там и до моего появления рукой подать. Во всяком случае, так утверждают свидетели. Которых, правда, давно уже нет.

Моя мать — Елена Никифоровна Фомина. Боже, какая пропасть (вместо убогого тире), — между левой и пра-

вой частью этого заявления! Мягкость, почти нежность МО-МА отвергается жестким ЕЛ-НИ-ФОМ, и это так, и это моя мать, она будет — МАМ, она будет МА, но она будет только иногда МАМА и никогда — мамочка.

Курносая красавица. Лицо странное, славянская мягкость линий подчеркивает некоторую капризность рта и вот эту, совсем жесткую складочку у левого крыла носа, глаза большие, умные, широко расставленные, разные. Один глаз почти зеленый, другой почти карий. Я потом всю жизнь искал такие глаза, или хоть что-то к тому приближающееся.

Она была третьим ребенком в семье, их было пять девочек и два мальчика, один из которых умер младенцем. Их отец, а мой дед, был фигура замечательная, во всяком случае, в масштабе деревни. Уже по своему происхождению.

Он был сыном Петра Фомина и внуком Артемия Фомина, купца 2 гильдии, записанного за городом Гатчиной, хотя жил в родной деревне. По деревне проходил бойкий тракт — из столицы в южные края, — а у Артемия на этом тракте стоял постоялый двор, и дела его шли совсем неплохо.

Женился он тоже удачно, его Варварушка была из Шишковых, дворяночка, и как уж эти заносчивые, а то и скандальные Шишковы отдали ее за купчину — Бог весть. Может, лицом не вышла или там статью, но женой она была хорошей, нарожала мужу кучу здоровых деток и дела по обширному хозяйству вела исправно. Тут все было хорошо. Беда подошла с другой стороны, неожиданной. В 1857 году построили Варшавскую железную дорогу, прошла она через Сиверскую, в пяти верстах восточнее нашей деревни, по общему направлению своему совершенно дублируя шоссе.

Вскорости весь поток движения перекинулся туда, на «железку», и для Фоминых настали не лучшие времена. На старом нажитом жирке дети еще продержались, а внуки уже писались мешанами и должны были хлеб свой насущный добывать вполне самостоятельно.

Никифора призвали на действительную, вследствие общей грамотности своей состоял он при штате дивизии и в запас ушел унтер-офицером.

Вернулся в деревню, нужно было заводить семейное гнездо. Его отец, Петр Артемьевич, дом сыну выделил, на это хватило. Но рассчитывать на состоятельную невесту и не приходилось и не хотелось. Присмотрел себе Никифор юную девицу из самых вроде бы непритязательных, она ходила за детьми в семье дачников, те из города и ее с собою на дачу привезли. Невелика ростом, худенькая, сероглазая, — впрочем, глазки те еще увидеть нужно, — темноволосая скромница о семнадцати годках. Татьяна.

Оказалась тоже Фомина. Дед понял, что судьба. Но венчавший их священник того не понял и потребовал доказательств, что не родственники. Доказательства, впрочем, были изустные и добылись легко.

Никифор Петрович женился и вскорости понял, что приобрел золотой клад.

Девица оказалась совсем не так проста, как вначале думалось. Она была из странной семьи, если это и семьей назвать было можно: мать, вдовушка соломенная, с кем только не валандалась, характер имела жесткий, если не жестокий, властный и жадный к телесным радостям. Сколько она деток успела народить, никто этого знать не может, потому как воспитывать их она желанием не горела и при возможности даже самой малой

стремилась от них освободиться. Дети были при этом здоровые и красивые, так что проблем с их устройством особых не возникало.

Татьяну, бабушку мою, Василиса нагуляла с каким-то офицером, что за офицер, какого рода-племени и какой наружности, никто этого потом не узнал, у Василисы был уже другой любовник, а прежних она вспоминать не имела привычки. Впрочем, и от начала Таня у нее в любимых дочках не ходила, если вообще приходится говорить тут о родительской любви.

Большую привязанность Василиса испытывала к старшей дочери и даже придержала ее при себе, пока та не устроилась в жизни. Устроилась Софья необычно, поступив в добровольческий, ставший потом знаменитым, женский батальон. Имея характер почти мамин, она сделала на военной службе неплохую карьеру, к роковому 1917 была уже командиром взвода.

После известных октябрьских событий след ее затерялся. Говорят, с каким-то офицером смогла выбраться за границу. Где жила и как, этого семья не знала и не торопилась узнавать, времена наступили иные, и родственники за границей не приветствовались новой властью.

Таню же никак с тринадцати годов мать отдала в люди, и в этих людях она пребывала до замужества. Хлебнувшая с детства жизненной горечи, Таня и на свое будущее радужных надежд не питала и себя в подарок судьбы кому-то отнюдь не готовила, ни в чем не самообольщалась. И все это вместе сделало из нее идеальную жену. К Никифору, мужу своему, относилась скорее как к отчиму, благо он и старше Тани был на пятнадцать лет, и характер имел «нордический» — что-то все читал, что-то все думал, мало говорил и уж вовсе редко выра-

жал эмоции. О любви мечтать тут не приходилось, да и не нужно это было — времена наступали жестокие, а санитары только мешают выживать в таких случаях.

У Татьяны Федоровны только-только родилась моя мать, как началась германская война и мужа призвали по мобилизации. Впрочем, поначалу семья не бедствовала, какие-то запасы были, да и родственники мужние заботой не оставляли.

Никифор Петрович оказался на род-

А. Семочкин. Выра. 8 лет, с мамой

ном Северо-Западном фронте и как-то быстро дорос до штабс-капитана, но тут случился февраль 1917 года, и армия стала осыпаться все более и более стремительно. Осенью Никифор вернулся домой, снял погоны и надел поддевку. Новые слова, новые названия, из одних согласных состоящие, а их становилось все больше — его зацепили. С детства знакомые христианские, Христовы истины вдруг отчетливо стали узнаваемы в том, что печатали газеты и о чем кричали с трибун на митингах молодые, невеста откуда взявшиеся люди.

Все было узнаваемо: жили до сего времени скверно, жили не так, как должно, не по-христовому жили, поволчьи, и теперь нужно все это изменить, избавиться нужно от проклятого

«МОЕ!», от коросты собственности, очиститься и жить светло и просто, как жил Христос.

И не один такой оказался в деревне Никифор. Были еще три-четыре мужика, не крестьяне тоже, мещане, рукодельники, готовые слушать и думать, не клеймленные крестьянской жадностью и крестьянской тупостью, но способные слово принять и на слово откликнуться. Собирались часто, говорили много и по-разному, сходились в одном — пора начинать другую жизнь. Самое время и место.

К лету 19-го, когда помелькал и сгинул Юденич, и стало окончательно ясно, что новая власть всерьез и надолго, мужики решились.

Вырская коммуна, ими организованная, включала в себя четыре отнюдь не крестьянских хозяйства со множеством баб и ребятишек. Обобществили все, даже кур. Впрочем, кроме кур было три козы, четыре огорода, один приличный сад, одна пасека и изрядный массив леса, правда, в пяти километрах находящийся. Огороды могли себя окупить овощами, зерна не было вообще и пахотных земель тоже. Попытки как-то договориться с крестьянами миром, с общиной деревни, за рекой на горе расположенной, ни к чему не привели — деревенские стояли насмерть и на призывы к новому мироустройству не отзывались. Волостная власть, здесь же, в деревне находящаяся, вроде бы и держала сторону коммуны, но и с миром ссориться вовсе не желала.

Подумав, мужики коммуны решили сделать ставку на животноводство. С большими усилиями им удалось отбить лесные покосы по Зареченской дороге, аж в семи километрах от себя, самую неудобь на краю болота. Но и этому были рады. Завели несколько нетелей, благо пасты было где, лесные

заросли с их полянками были общим достоянием.

И потянулись мои тетушки, тогда почти еще дети, на эти лесные заимки почитай на все лето — косить, сушить, сгребать, сметывать в стожки, ломать и сушит веники для коз, а там грибы, а там болотные ягоды, и можно, наконец, передохнуть от слепней и комарья. Жили в шалашах, еда готовилась на кострах, вернее сказать, на костре, потому как был общий котел, и только чай готовили отдельно, каждая семья себе. Едой любимой, да и почти единственной был кулеш, пища косарей и чумаков.

Хвалили кулеш за простоту, быстроту и «нажористость», в нем и вправду было все, что нужно организму при тяжелой работе: пшено, картошка и кусочки свиного сала. Готовился кулеш жидким, так что был вместо первого и второго.

Годилась в него старая прошлогодняя картошка с уже дважды обломанными ростками, годилось и пожелтевшее, в крупной соли прошлогоднее сало, признавалось негодным только прогорклое пшено, потому его тщательно промывали, а то и кипятили прежде чем отправить в котел.

Коммуна, однако, не протянула, и трех лет. Мужики рвали пупы в ожесточении, с надсадом, меж тем как труд на земле требует привычки и радости, пусть и самого простого свойства. Начались внутренние дразги, преимущественно от женщин происходящие, и мужикам руководствоваться одной только идеей стало не с какой руки, коммуна распалась, к торжеству крестьянской части деревни.

Никифор Петрович оказался в очередной раз перед выбором.

К этому времени отобрали у него большой, на два жилья, дом управляющего, в котором он с семьей благо-

получно помещался. Теперь во всем имении должен был разместиться техник, лесных мастеров готовящий вместо старых обездчиков. Никифор возражать не мог, в 1920 году вступил он в партию и что есть партийная дисциплина и партийное «надо!», ему было ведомо. Подумав, принял он единственно правильное решение — подался в пролетарии.

Деревенский человек, не избалованный происхождением, Никифор умел держать и топор, и рубанок, и вот теперь это пригодилось. После некоторых поисков устроился на «Баварию», ставшую уже, впрочем, «Красной Баварией». Основной продукцией завода тогда, как и теперь было пиво. Но его нужно не только сварить, но и доставить потребителю, а для этого существовала деревянная тара — бочки, бочонки или анкерки, все это где-то делалось и потом доставлялось на завод и, увы, не всегда в пригодном к употреблению виде. Вот тут Никифор Петрович и был нужен — поправить, переделать, доделать или сделать заново было его обязанностью.

Надобно сказать, что в те поры, в 20-е годы, все еще как-то придерживалось дореволюционных норм. На заводах уравниловки не было, мастера получали хорошие деньги, в разы больше тех, кто считался подмастерьем, что уж говорить об учениках или неумехах «на подхвате».

Так что дед смог спокойно содержать семью, мало того — он начал строить свой, теперь уж собственный дом в деревне.

Тогда же получил он через заводской профсоюз комнату в городе, на Малом проспекте Петроградской стороны, правильно посчитав, что лишней она не будет.

Питерский рабочий тогда еще являл собой резко неоднородный слой обще-

ства. Жива была и здравствовала рабочая аристократия, хотя и появились первые признаки ее постепенной ликвидации. Эти ходили в шляпах, габардиновых пальто и «тройках» английского сукна, с серебряными «Буре» не цепочке. Совсем необязательно это были немцы, хотя, должно признать, процент их в петербургской рабочей аристократии был весьма высок.

Это были люди, к которым, зайдя в цех, хозяин завода спешил, широко улыбаясь: «Доброго здоровья, Петр Фридрихович! Как супруга ваша, Дарья Степановна? Как детки? Старший-то успел ли гимназию закончить или еще нет, я запомню, простите...»

Приказчик в мясной лавке подходил к ним с поклоном — постоянная клиентура, никогда в долг и все самое лучшее: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи».

Конечно, было уже не то. Не то время, не те люди. Все шло отчетливо к измельчанию, хотя и тшилось держать прежнюю марку, но все больше отдавало провинцией, серело, ветшало, дрязло. И странным образом соответствовало тому молодому, что громыало и ухало за углом. Какое-то глухое предчувствие беды висело в воздухе, какое-то смутное сознание вины, как бывает в лесу — сбившись, находишь первую попавшуюся тропу и уверяешь всех тебе доверившихся, а больше себя, что эта тропа выведет, и все идет как надо.

В двадцать пятом году дед Никифор построил дом. Это была примитивная клеть на четыре бревна, в деревне уж давно не строили таких убожеств. Три на три сажени давали тридцать пять квадратных метров площади, из которых пять метров заняла русская печь.

Это и был дом моего детства, моего счастья, моей благодарной памяти. Только ли моей, впрочем, — сколько

мужчин и женщин нашего семейства ему кланяются уже из того далека, что зовется вечностью, сколько еще предстоит поклониться этому дому завтра, потом, всегда.

Дом был построен «на своей земле», теперь уже, правда, переставшей быть «своей», а ставшей государственной, построен в той южной оконечности нашей деревни, что зовется Нижней Вырой и спокон веку числилась за Фоминой семьей.

Правда, после постройки железной дороги, как уже говорилось, постоянный двор — основа благосостояния семьи до того — перестал быть кормильцем, и пришлось самим ужиматься и тесниться, а земли продавать под дачи, благо спрос был и с каждым годом возрастал.

Пришлось расстаться с самой лучшей частью владений — тех, что примыкают к реке и тянутся вдоль реки на километр с лишком. Берег здесь низкий, редко где обрывчиком поднимется на метр — полтора, да и речка наша буйная тут вовсе другая — течет, струится, валяжится среди зарослей рдеста и водяной осоки. Роскошные заливные луга с разнотравьем, а там старица полужаросшая, видно родники на дне, а там увал настоящего берега, и начинается лес. Начинается разом, без подготовки, сосны в обхват и елки шатрами, с лапами до земли.

Земля — песочек голый, беленький, поверху мхом подернутый, поэтому тут никогда не пахали и не сеяли, все одно впустую.

Выкупил этот кусок земли от прадеда некий Молодяшин. Кто такой — неизвестно, давно было, да и не до того потом стало, чтобы их помнить. Одно имя осталось, да благодарность ему, что не хищничал, не свел лес подчистую, в видах скорой, хотя и разовой поживы. Тогда по всей реке в деревнях

дачи начали строить, а наша благословенная деревня числилась дачным местом едва ли не лучшим по всей округе. Вот и Молодяшин нарезал участки по полгектара и стал их продавать под дачную застройку. Похоже, что и сам выстроил несколько домов под летний съем.

Один из этих домов нашу деревню на весь, почитай, белый свет прославил. Поселился в нем Иван Иванович Шишкин, поселился со своей молодой и любимой женой Ольгой. Собственно, Ольга была его, Ивана Ивановича, студенткой, потому как он был уже профессором императорской Академии Художеств, вдовцом и знаменитым живописцем но, главное, — человеком, еще способным влюбиться и любить.

Здесь прожили молодые несколько счастливых месяцев, родили дочурку Ксению, а закончилось это внезапной смертью Ольги.

В бытность свою молодым человеком я неоднократно сталкивался с тем, как небрежно-презрительно приятели мои комментировали вырезанные из «Огонька» картинки, где могучие сосны подпирали ватные облака и сторожили лесной ручеек, или сосенки помоложе нежились в июльском солнце, и пахло смолой, шишками, озоном и еще чем-то пьянящим, невыразимым.

Что ж, это были они, пейзажи моего детства, и приятелям было трудно объяснить, почему это так узнаваемо. Я только теперь смогу это объяснить, пожалуй. Попытаться объяснить.

В этих пейзажах было то, что покупает душу влюбленного отрока, потом — память молодого мужчины о влюбленности отрока, потом — грусть мужчины стареющего о памяти молодости об отроческой беззаветной влюбленности — в этот сияющий мир, в эту милую и милующую землю, в эту сли-

янность, растворенность во всем, что вокруг и что — ты сам: эти сосны, этот песок, эти валуны, эта вода.

У Ивана Ивановича было благоговение перед совершенством мира, у отрока это называлось — любовь первая.

Потом художники перестанут благоговеть, хотя еще будут хранить способность восхищаться. Потом и это пройдет, капризность и раздражение тем, что — вот — нужно доказывать всем, что ты — гений, хотя это так очевидно...

Да и у отрока любовь первая сменяется любовью другой, второй, так жадной тому, чтобы все знали — это — мое, и только мое, и единственно мое. Однако это будет — потом, но это будет, потому что обязано быть, не имеет права не быть.

После похорон Иван Иванович жить на даче, где все помнило Ольгу, не смог. Два года прожил в соседней Сиверской, потом вернулся — тень любимой уже не рвала сердце, напротив, утешала. Все шло к тому, что уж скоро и сам... а там надежда робкая, но неотменимая, в самом деле, не может же это совершенство мира быть лишь туманным намеком, или лживым обещанием, или, что еще хуже — маской тупого равнодушия ко всем, ко мне, к той первой и всепокоряющей любви. Тогда — зачем?

В след за дедом и его дочери, а мои тетки потянулись в пролетарки, пошли на заводы, определилась на завод и моя мать, Елена Никифоровна Фомина, да не на какой-нибудь завод, а на Краснопутиловский гигант, где ей надлежало затеряться среди тысяч краснокосяночниц, призванных партией к станку.

Но бойкая красotka и певунья, обладательница прекрасного грудного контральто недолго побыла за стан-

ком. Уже скоро ее выберут комсомольским секретарем цеха, потом будет она секретарем комитета завода, а там станет инструктором Кировского райкома комсомола.

В пору великих чисток летели головы не только партийные, за один захват мог быть уничтожен комсомольский обком или крайком. Но и карьеры делались тогда быстро - вакуум, образовавшийся нужно быстро заполнить, и кем, как не горячими от станка?

Лену Фомину вызвали на красный ковер и объяснили задачу — усилить собою Псковскую комсомолию. В прежние годы туда под шумок пробралось немало врагов, подкулачников и примиренцев, и недавно там хорошо поработали товарищи из НКВД, расчищая эти авгиевы конюшни. Нужно, по сути, заново сколачивать штаб псковской комсомолии, и партия и комсомол доверяют вам, — в числе прочих ленинградских товарищей — это трудное дело. Докажите преданность делу партии конкретным трудом.

Я думаю, душа молодой комсомолки запела и зазвенела от волнения и чести. Во всяком случае, я бы ощутил нечто подобное.

Так мы все оказались в этом городе, столь же прекрасном, как и убогом, в городе, в котором мне подлежит первый раз побывать четверть века спустя, да и то мельком.

Меня еще нет, я лишь потенциально присутствую в матери, я могу родиться, а могу и не родиться, меня могут убить раньше. Да и каким я буду, материнское тело еще знать не может, оно лишь радостно предчувствует возможность этого знания, узнавания, и уже готово принять, любить, довериться.

И есть рядом с Псковом, совсем не далеко от Пскова — граница с буржу-

азной Эстонией. А на границе, рядом с границей, расположен псковский укрепрайон, основательно, как казалось подготовленной к тому, чтобы дать отпор любому зарвавшемуся агрессору. А в одной из рот укрепрайона, служит младший политрук, кареглазый рыцарь без страха и упрека, вечная мечта комсомолки. Ну как, как они могли, не встретиться!

Они встретились, конечно. А, встретившись, тотчас признали друг друга. Судьба.... Был первомайский бал, устроенный комсомолом Пскова с приглашением офицерского состава укрепрайона, — ярмарка невест, если хотите, но она же — ярмарка женихов. Эти девушки уже хорошо знали себе цену, да и права хозяйек бала что-то значили, и потому были девицы неотразимы, а мальчики в военном, — еще не офицеры даже, юнкера — были неотразимы втрое. Уже потому что девственно чисты и неловки были, половина из них вовсе танцевать не умела, их пришлось обучать: «Ах, простите... Ах, ничего... Извините, я плохо... Ну что вы, я понимаю... А вас как зовут?...»

Они были первым поколением того светлого будущего, ради которого было совершено хождение по мукам поколений предыдущих, и это поколение, уже не испачканное кровью братоубийственной войны и еще не ожесточенное кровью войны подступающей, накатывающей, это поколение было прекрасно. Плохая им досталась доля, именно им по казавшемуся злему капризу судьбы придется ответить за все неправды тех лет, когда они были малыми детьми и в тех неправдах участвовать никак еще не могли.

Сын за отца не отвечает?

О, еще как отвечает — и кровью отвечает и жизнью.

В марте 1938 года Александр и Еле-

на посетили учреждение со странным названием «Запись актов гражданского состояния», откуда короткое время спустя они вышли мужем и женой. В большом четырехэтажном доме в центре города им выделили маленькую комнатку, и какое это было счастье — своя семья, своя жилплощадь, свое гнездышко, под все более с запада багровеющим небом.

По улицам Вены, чеканя шаг, красивые и радостные шли немецкие солдаты, когда мать поняла, что беременна. Рожать решили в деревне, у бабушки, куда мать заблаговременно и переехала.

Деревня та была воистину прелестный уголок, особенно нижняя, южная, заречная ее часть, где и проживали Фомины. Дедов дом был еще молод, бабушка Таня расторопна и ловка в работе, да иначе было никак, двое младшеньких были еще при ней, дед работал в Ленинграде и приезжал только на выходные. Но и приезжая, в хозяйственных делах участвовал лишь по случаю крайней нужды. Был он книгочей и заядлый рыболов, впрочем,

рыбой признавал только благородную форель, остальное было сор и пустая трата времени.

В речке нашей тогда этой форели водилось много, рыба была крупная, до полупуда весом, а дед был рыболов опытный и настойчивый.

Для одной рыбки, правда, делалось исключение — именно для карася — но назвать то рыбалкой было уж как-то неловко. Недалеко от двухэтажного дома, где жила семья до революции, и недалеко от того, где она жила теперь, а, почитай, ровно между ними — был еще во времена последних владельцев усадьбы, Дурново, — выкопан большой, протяженный пруд.

Туда и ходил дед за карасями. Брал он с собою жменю отрубей или кусочек хлеба — и манок, тонкую самодельную свистульку. Посвистывая и бросая крошки в воду, дожидался, пока под мостки не подплывут ленивые, с тарелку, караси — и выхватывал пару или трех большим сачком. Вот так, пару заходов, и жаренка на обед состоялась. Бабушке надлежало хорошо потушить, потомить карасей в

А. Семочкин, мама, двоюродный брат Виктор

сметанной заливке, а уж вкуснее это-го... Ну, разве только форель.

Мать поселилась у бабушки в крохотной угловой комнате, специально для такого случая устроенной. Здесь ей, впрочем, было и удобно, и уютно. Живот все рос и не отвисал, а все торчал вверх, и уж всем бабам деревни было ясно, что там — крупный мальчик, каковой первенец и должен по всем правилам быть. Тревоги не было, добровольные повитухи все исследовали, в том числе и наследственность по линии отца. Там одно настораживало — ранняя смерть отца отца, в сорок пять, от разрыва гнойного аппендикита, так называемого перитонита. Ясно, что и ребенку, и отцу ребенка этого бояться должно. Впрочем, никто как Бог...

Отец действительно едва не умер от этой хвори в свои сорок два. Армейские врачи в госпитале вытащили его из уже бессознательного состояния, готового сменится вечным покоем.

Для меня в мои сорок пять все это обойдется уже малой кровью, двумя неделями в больнице.

Впрочем, я ведь еще не родился. Наверное, это было изрядное потрясение — увидеть свет и первый раз вздохнуть. Я не помню. Не помню ничего из того, что было тогда в первый раз — теплый, мягкий, брызжущий сладким молоком материнский сосок, ее счастливую воркотню, ахи и охи близких и дальних родственников. Я был первенцем в этой большой семье, и все неудовлетворенное или еще не состоявшееся материнство теток сосредоточилось на этом младенце, бессмысленно рассматривающем их, гугающих и агукающих.

Они ловили любой проблеск внимания, любую попытку сосредоточиться на них, чтобы тотчас с восторгом объявить это матери, и уже примеряли к себе, на себя, и в себя, это глу-

бое младенческое средоточие, и этот вдруг ставший снисходительно-мудрым взгляд матери. Она была нежной и трепетной, та моя мама, о которой я ничего не знаю, кроме того, что она была — что-то большое, теплое, вкусно пахнущее, мягкое.

Приехал получивший по такому случаю отпуск отец, осмотрел, одобрительно крякнул, на руки взять не решился и предложил съездить к своей матери на Смоленщину. Мать отмахнулась, была поздняя осень, и рисковать она не хотела. Решили, что съездят весной, или в начале лета.

Далее по закону жанра нужно было бы сказать: но летом была война. Нет, не была. Еще не была. Вернее была, но не летом, а зимой, и не та война была, был небольшой военный эпизод, что-то вроде Халхин-Гола, нам стоивший десяти дивизий, а Финляндии — изрядного и лучшего куска ее территории. И все в этой войне можно понять, но все же я оставляю за собой право назвать имя Виипури или Койвисто पहले их теперешнего имени. Но только не Якисалми, пожалуйста.

Отца та война не коснулась, они вообще были на особом счету, именовались погранвойсками и подчинялись руководству НКВД. Это были элитные войска, хотя элита элит была и для них закрыта. Власти сформировали всего три дивизии, могущие считаться псами режима. Они именовались, при всей тогдашней советской любви к сокращениям не весьма благозвучно — ОМСДОН, отдельные московские специальные дивизии особого назначения, первая ОМСДОН, вторая и третья. Туда набирали парней после жесточайшего просеивания на решетках НКВД, желательно сирот, чтобы при надобности стрелял в толпу без тени сострадания, чтоб знал — своих там нет, свои — здесь, рядом и только.

О судьбе одной из этих дивизий о страшной ее судьбе отец рассказывал мне, уже взрослому, особо и в подробностях, будет и у меня потом, Бог даст, время эту историю пересказать.

Пока же вернемся в богоспасаемую нашу деревню. Там в эту время совершаются события драматические, потому как тяжело заболевает дед, Никифор Петрович Фомин, и вот уже его не стало. Быстро ушел Никифор, дай Бог так уйти всякому, хотя и казалось его здоровье несокрушимым, и не болел он ничем сколько-нибудь серьезно за всю свою жизнь.

Он мог быть отнесен к тому, ныне уж редкому подвиду российского, русского мужика, который без видимых усилий мог себя «поставить» везде, куда бросила его судьба — будь то война, нужда или семейная жизнь.

Последнее, пожалуй, главное всего, потому как дети видят насквозь и суд их бывает беспощаден. Дед Никифор не воспитывал детей, он ими вообще никогда не занимался и я при всем напряжении своей фантазии не могу представить его, склонившегося с глупой улыбкой над младенцем. Все делалось как-то само собой. Тетки рассказывали, что Никифору достаточно было поднять глаза на расшалившихся отпрысков, чтобы те разом смолкали. Достаточно было ему негромко сказать, чтобы это сказанное быстренько выполнялось. Притом при всем ни тетки мои, ни дядька мой единственный паиньками отнюдь не являлись и были так же бесшабашно свободны, как и все почти деревенские дети. Но это было на улице, дома царил дух культа отца.

Уже сам, став отцом, я долго не мог понять, почему мне так трудно дается то, что Никифору — да и только ли одному ему, впрочем, — не составляло по видимости никакого труда, не тре-

бовало никаких видимых усилий.

Потом я понял, что как короля играет, созидает свита, так отца в семье делает мать, жена. Именно она своим даже не словом, а поведением определяет и сформирует авторитет отца у детей, сама им руководствуясь.

Бабушка Татьяна была достаточно умна, чтобы следовать этому правилу. Что, впрочем, вовсе не мешало ей иметь собственные жизненные принципы и их придерживаться четко и неукоснительно.

Была она твердо верующим человеком, дедовы левацкие заносы не принимала и не понимала, и в конце жизни Никифора могла не без ехидности спросить его: «Ну что, Петрович, помогли тебе твои большевики?» На что, полагаю, Никифору сказать оказалось нечего.

Новую власть бабушка Таня ненавидела всей душой всю свою жизнь, прекрасно сознавая эту фальшь игры в новых христиан без Христа и эту немотивированную жестокость там, где она, очевидно, была разрушительна.

То есть, будучи русским человеком и русской женщиной, она прекрасно понимала надобность строгости, а то и жестокости с нашим народом, но понимала она и то, что оправдаема эта жестокость лишь, когда держава качается и готова рухнуть, а последствия этого много более кровавы, чем те жестокости. То есть из зол однозначно кровавых выбираем то, где крови меньше, полагая, что совсем без нее обойтись не получится.

В этом, пожалуй, что, заключался смысл мною непонятого оправдания ею Сталина. Никаких иллюзий не питая относительно Ленина, а уж тем более относительно Хрущева, бабушка Таня Сталина жалела какой-то совсем русской бабьей жалостью, считая его — как я теперь понимаю единственным

честным государственнымником в стае так или иначе хищников, жадных и жестоких псов, где псарю нужно держать свору в постоянной боязни арапника, чтобы не быть растерзанным самому.

Как, кстати, смыкаются эти: ПСАРЬ — ЦАРЬ, и как неслучайно должно быть это смыкание... бедный Алеша, бедная Настя, Маша, бедная Оля и Танечка, бедный Николай Александрович, бедная Александра.

Деда похоронили на Серафимовском кладбище, дети к тому времени уже подросли и были самостоятельны, так что на семье это почти не отразилось. Младшенькой Машеньке было пятнадцать, и она одна оставалась при мамкиной юбке, уж больно хороша была девка, и бабе Тане боязно было отпустить ее от себя.

Мать уехала в Псков — Новый год нужно было встретить вместе, новообразованной семьей, втроем, чтобы не разлучаться потом в этом, еще не набравшем роковой полноты, еще — никак, одна тысяча девятьсот сорок первом году.

Там, во Пскове, произошли за это время изменения, — город перестал быть пограничным, граница отодвинулась далеко на запад за счет присоединенных Эстонии и всей Прибалтики.

Отец в присоединении этом участвовал, правда, в одном всего эпизоде участвовал, о котором потом не без юмора вспоминал: «Нам приходит секретный приказ о переходе границы. Такого то числа, такое то время, по зеленой ракете. И инструкция — как вести себя с местными, как избегать возможных провокаций и даже несколько эстонских слов нужно было запомнить.

Но, видно, кто прочитал вс, а кто — только приказ, остальное не обязательно. Это ж не приказ, а так, поже-

лания.

Ладно. Ждем зеленой ракеты. Наши обучены, боекомплект при себе, но стрелять нельзя, это ж мирное присоединение.

Ракета. Бежим к границе, там эстонцы поднимают шлагбаум и сдают оружие. Порядок. И вдруг слышим — на соседнем участке стрельба и взрывы гранат. Ну, думаю, началось. Мы туда. Прибегаем, городишко малый, с нашу деревню, стрельба стихла, и только музыка какая-то. Прислушались — это через пень-колоду наш «Интернационал». Посреди площади стоит оркестр городской и разучивает новый гимн.

Кто стрелял? Откуда шум? Выяснилось. Подняли этих по зеленой ракете в атаку. Добежали, «Ура!», погранпост закидали гранатами, как учили, эстонские пограничники трясутся, руки поднимают, ничего понять не могут.

Ну, поарестовывали наших вояк и под конвоем в штаб, телеграфируют в Москву — так, мол, и так инцидент случился неприятный. Что делать?

Два дня Москва молчит. Те сидят. На третий — телеграмма: «Победителей не судят точка Берия точка». Вот так».

По случаю ли этой победы, или просто время подошло, но отец получил отпуск, и в этот раз настоял на своем — съездить к своей матери, на Смоленщине живущей.

И они — мы — поехали.

Я никогда не был в тех краях в памятном своем состоянии, никогда, кроме того первого раза, который и разом то назвать вроде бы нельзя, по причине моего ничего о том незнания.

Говорят, бабка Ирина оглядела меня темно-карым глазом и прорекла: «Ну, этот не жилец. Умен больно». И потеряла ко мне всякий интерес. Потерянная мать сказала отцу: «Пошли

отсюда! И чтоб больше...» Последовали рыдания, обалдевший отец собрал вещи и они уехали, с тем чтобы больше действительно никогда там не бывать.

Поэтому та, отцовская ветка моей родословной оказалась обрублена раз и навсегда, счет велся лишь по ветке фоминской, материнской, да и самоощущение было таково — вот моя кровь, вот моя земля, вот оно тут, мое все.

В мае месяце мать снова везет меня к бабушке в деревню, ну-ка в пыльном городе летом оставаться, да и у самой

работы прибавилось, она уж в горькоме инструктором. А потому, погостив у матери недельку, возвратилась она в Псков, надолго, на четыре года растеряв и мать, и сына, и мужа.

Был жаркий июнь, отгорела сирень и в лесах западнее Выры зацвела ночная фиалка, любимые материнские цветы. Они настолько же невзрачны, насколько пронзительно пахучи тонким, изящным, из века восемнадцатого взятым напрокат бледно-зеленым ароматом.

Продолжение следует

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВ Геннадий Николаевич

Контр-адмирал. Кандидат военных наук, доцент. Исследователь-пушкинист.

БОБКОВА Зоя Степановна

Закончила Ленинградский фин.-эк. институт им. Вознесенского, автор более десяти книг стихов и прозы.

БРАЖНИКОВА Оксана

Композитор, автор текстов, лауреат международных конкурсов. Работает на районной телерадиокомпании «Викинг».

БУРЛАКОВ Андрей Вячеславович

Директор Музея города Гатчины, краевед, член Союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Создатель музеев. Автор многочисленных публикаций по истории родного края.

БУРУХИН Михаил Иванович

Военный летчик.

ВИНОКУРОВА Светлана

Педагог в Дружносельской психиатрической больнице, член ЛИТО «Сиверское братство».

ГАНЦЕВ Рашид

Журналист, краевед, работает на телеканале «Ореол» в Гатчине.

ГУСАРОВА Галина Петровна

Возглавляет Батовскую сельскую библиотеку.

ДОКУЧАЕВ Евгений Глебович

Выпустил сборник стихов «До востребования».

ЕВСЕЕВА-ХМЫРОВА Анна Павловна

Проживает в селе Никольское, пенсионер, ветеран войны и труда, инженер-механик. Автор пяти поэтических сборников: «Откровения», «Венок откровений», «В мире откровений», «В прекрасном мире Каиссы», «Владимир – креститель Руси».

ЖДАНОВИЧ Наталья Андреевна

Архитектор-реставратор в реставрационной мастерской. Внучка Владислава Евгеньевича Максимова.

ИВАНОВА Людмила Сергеевна

Получила благословение снимать православную церковь. Автор нескольких передвижных выставок. Сотрудничает с православными издательствами. Выпустила несколько художественных фотоальбомов.

ИВАНОВА Татьяна Павловна

Со студенческих лет увлекается ботаникой и экологией, фотографией. Учитель Большеколпанской средней общеобразовательной школы.

КИСЛОВ Владислав Аркадьевич

Врач. Краевед. Печатался в газетах, автор книг.

КЛЮШИНА Наталья Александровна

Заведующая музеем «Домик няни А.С. Пушкина». Публиковалась в газетах.

КОЛЕСНИКОВА Людмила Анисимовна

Писатель, журналист и научный сотрудник Петербургского института ядерной физики Российской академии наук (ПИЯФ РАН). Работает в информационно общественном центре ПИЯФ РАН. Член союза журналистов России и Петербургского союза писателей. Писатель.

КОЛОБОВНИКОВА Светлана Павловна

Соучредитель и председатель Санкт-Петербургского культурно-патриотического благотворительного общественного фонда «Моя малая родина». Ее очерки и статьи неоднократно публиковались в периодической печати.

КОРДОЧКИН Андрей Павлович

Работает учителем географии. Краевед.

КРОЙТОР Елена Ивановна

Медсестра. Религиовед. Преподаватель обществознания и философии в Салезианском Центре Дона Боско. Состоит в ЛИТО г. Гатчина. Печаталась в газетах.

КРОЙТОР Ирина Ивановна

Художник-педагог, религиовед. Преподаватель истории в Гатчинском филиале ЛОИЭФ. Состоит в Товариществе Гатчинских художников. Ведет кружок изобразительного искусства в Елизаветинском ДК. Пишет стихи.

КРЫЛОВ Павел Валентинович

Пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворицкого прихода.

КУЛЬКОВА Антонина Евгеньевна

Заведующая Дружногорской поселковой библиотекой.

ЛЕЙКИН Михаил Иосифович

Сценарист и режиссер, заслуженный работник культуры России. Заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства. Поэт.

ЛУКИН Валерий Евгеньевич

Инженер-геодезист. Научный сотрудник Центрального военно-морского музея. Подполковник запаса. Действительный член Русского географического общества.

МЕЛЬНИКОВА Алла Ивановна

Филолог Ведущий методист Центра культуры Кобринского поселения.

МИХАЙЛОВ Эрик

Родился в 1965 году, образование высшее, частный предприниматель, живет в с.Рождествено.

МИХЕЕВ Геннадий Михайлович

Радиоинженер. Член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», автор сборника стихов «Дневник раздумий», составитель сборника «Гардемарины Гатчины». Публикации стихов и статей в газетах Гатчины.

ОГОРОДНОВА Дина

Композитор, певица. Преподаватель в Войсковицкой ДШИ. Выступает, печатается.

ОСТОНЕН Наталья Георгиевна

Заведующая Пудостьской сельской библиотеки.

ПУЗАТЫХ Сергей Юрьевич

Работает в Петербургском Институте Ядерной Физики. Пишет рассказы, стихи и картины. Является членом гатчинского товарищества художников. Имеет публикации.

ПУНЖИНА Наталия

Окончила филологический факультет Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого. Стихи пишет с детства. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Нина Петровна

Член Международной организации «Русская культура», награждена Патриархом Алексеем II орденом Святой равноапостольной княгини Ольги III степени.

РЯБОВ Дмитрий Сергеевич

Специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм. Краевед, внештатный сотрудник музея-усадьбы «Рождествено». Автор брошюр, публикаций в газетах, журналах, сборниках.

САВИЦКИЙ Илья

Профессиональный фотохудожник.

СЕМОЧКИН Александр Александрович

Архитектор. Много лет являлся директором музея-усадьбы «Рождествено». Кавалер Ордена почета. Лауреат Горьковской премии по литературе 2007 г. Российского фонда культуры. Почетный гражданин Гатчинского муниципального района

СКОВПНЕВ Сергей Леонидович

Окончил Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств. Главный редактор информационного историкокраеведческого бюллетеня «Приорат» — печатного органа Гатчинского районного отделения ВОО «ВООПИиК».

СКОРНЯКОВА Зинаида Васильевна

Член Союза журналистов России и Гатчинского Товарищества Художников. Лауреат премии им. Екатерины Дашковой 2004 года в номинации «Журналист».

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна

Краевед, пушкинист, автор статей.

СТЕПАНОВ Анатолий Александрович

В годы войны был увезен немцами в Эстонию вместе с матерью, сестрой и братом, где находился до 1944 года. Последние годы живет в Гатчине. Член Союза писателей Ленинградской области и С.-Петербурга.

СУМИНА Галина Ивановна

Живописец.

СУНАЙТ Екатерина Германовна

Детство и юность прошли в маленьком латвийском городке на берегу Даугавы. Закончила Ленинградский институт культуры. Работает в Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова

ТРИШИНА Алена Александровна

Главный библиотекарь гатчинской Центральной городской библиотеки им. А.И.Куприна. Пишет статьи, прозу, стихи, является участником 26 литературных и краеведческих сборников. Имеет более 220 газетных (с 1978 года) и журнальные публикации. С 1991 г. является помощником руководителя гатчинского Литературного объединения «Меридиан», основные занятия и встречи которого проходят в ЦГБ им. А.И. Куприна.

ФАЛОВСКИЙ Александр Васильевич

Родился на Смоленщине в 1936 г. Кандидат с/х наук, автор 10 сборников. Живет в Белогорке.

ФЕДОРОВА Мария Александровна

Инженер-механик. Заведующая Жабинской сельской библиотекой.

ХОХЛОВА Галина Гертрудовна

Культпросветработник, кандидат с/х наук, селекционер. Медсестра детского санатория «Березка». Поэтические сборники, постоянный корреспондент газеты «Гатчина. Район».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
Геннадий Михеев. Прогулка.....	4
НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА	5
<i>Михаил Лейкин. Звезда Арины</i>	<i>6</i>
<i>Алла Мельникова. Юбилейные частушки в честь Арины Родионовны</i>	<i>22</i>
<i>Наталья Ключина. Прошлое и настоящее кобринской усадьбы</i>	<i>23</i>
<i>Михаил Лейкин, Оксана Бражникова. Птицы</i>	<i>28</i>
<i>Дина Огороднова, Анна Огороднова. Звездная дорога</i>	<i>29</i>
<i>Геннадий Антонов. А.С.Пушкин в современных скульптурных композициях</i>	<i>30</i>
ИМЕНА И УСАДЬБЫ.....	37
<i>Мария Федорова. Одной судьбой с Россией связаны. Хозяева жабинской усадьбы</i>	<i>38</i>
<i>Галина Хохлова. Таинственный замок.....</i>	<i>45</i>
<i>Галина Хохлова. Суйда.....</i>	<i>46</i>
<i>Андрей Бурлаков. Прогулки по дачному поселку Прибыtkовo</i>	<i>47</i>
<i>Марина Смородина. Мир русской усадьбы. Батово</i>	<i>53</i>
<i>Нина Рождественская. Родовое гнездо Рождественских</i>	<i>60</i>
ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ	63
<i>Марина Смородина. «Задумчивая муза» поэта Полонского.....</i>	<i>64</i>
<i>Галина Гусарова. Дороги без конца, без края.....</i>	<i>74</i>
<i>Галина Гусарова. «Кровью сердца написанные строки...»</i>	<i>79</i>
<i>Эрик Михайлов. Наваждение.....</i>	<i>84</i>
<i>Алена Тришина. В августе, под знаком девы. А.И. Куприн</i>	<i>85</i>
<i>Дина Огороднова, Алена Тришина. Ностальгический вальс.....</i>	<i>88</i>
КРАЕВЕДЕНИЕ	90
<i>Екатерина Сунайт. «Как занеможете в столицах...»</i>	<i>91</i>
<i>Светлана Винокурова. «Я с надеждой...».....</i>	<i>91</i>
<i>Наталья Пунжина. Грибной дождь.....</i>	<i>92</i>
<i>Андрей Бурлаков. Деревня Меньково.....</i>	<i>93</i>
<i>Людмила Колесникова. Морозный день</i>	<i>98</i>
История промышленности	107
<i>Антонина Кулькова. Завод «Дружная Горка»</i>	<i>107</i>
Вглубь веков	110
<i>Андрей Кордочкин. Что в имени тебе моем</i>	<i>110</i>
<i>Павел Крылов. Финно-угорские народы Ижорского платo в эпоху Новгородской республики (XII-XV вв.).....</i>	<i>112</i>
<i>Наталья Остонен. Жили-были водь да ижора</i>	<i>114</i>
<i>Андрей Бурлаков. Рождественский некрополь</i>	<i>122</i>
<i>Дмитрий Рябов. У истоков Оредежа</i>	<i>141</i>
<i>Елена Кройтор. Бальмонту</i>	<i>162</i>
<i>Михаил Бурухин. Нежность</i>	<i>162</i>

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ.....	163
<i>Людмила Иванова. Храму в Орлино 200 лет.....</i>	<i>164</i>
<i>Людмила Иванова. 100 лет храму Петра и Павла в Вырице</i>	<i>165</i>
<i>Рашид Ганцев. Второе возрождение храма</i>	<i>166</i>
<i>Сергей Сковпнев. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы.....</i>	<i>173</i>
<i>Наталья Жданович. Архимандрит Исаакий возвращается.....</i>	<i>177</i>
ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА.....	179
<i>Татьяна Иванова. Секреты елизаветинской земли</i>	<i>180</i>
<i>Татьяна Иванова. Орхидеи елизаветинской земли</i>	<i>182</i>
<i>Евгений Докучаев. «Я здесь останусь навсегда...».....</i>	<i>184</i>
ИМЕНА В ИСТОРИИ.....	185
<i>Владислав Кислов. Доктор Бельшев</i>	<i>186</i>
<i>Сергей Пузатых. Лес детства моего.....</i>	<i>190</i>
<i>Светлана Колобовникова. И звезда с звездой говорит</i>	<i>191</i>
<i>Зоя Бобкова. Бал звуков.....</i>	<i>198</i>
<i>Екатерина Сунайт. Реализованные возможности, или Вслед за сказкой.....</i>	<i>199</i>
ЛЮДИ ИСКУССТВА	203
<i>Валерий Лукин. «...можно и сейчас увидеть этот мотив»</i>	<i>204</i>
<i>Галина Хохлова. Валерий Шевченко — ваятель, прославляющий Гатчину...208</i>	
<i>Алена Тришина. Он многое хотел сказать. Памяти В.К. Монахова.....</i>	<i>211</i>
<i>Дина Огороднова. Когда уходит друг</i>	<i>214</i>
<i>Ирина Кройтор. Санкт-Петербургу.....</i>	<i>216</i>
<i>Наталья Пунжина. «Чай с малиной на веранде...»</i>	<i>216</i>
<i>Анатолий Степанов. Русь.....</i>	<i>217</i>
<i>Зоя Бобкова. «Иду на пленэр»</i>	<i>218</i>
<i>Галина Сумина. Лев Николаевич Новицкий.....</i>	<i>225</i>
Муза театра и кино	228
<i>Зинаида Скорнякова. Счастье артиста — дарить радость детям.....</i>	<i>228</i>
<i>Андрей Бурлаков. На экране — старая Гатчина</i>	<i>237</i>
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.....	242
<i>В. Белоногов. Поклонитесь сельчанам</i>	<i>243</i>
<i>Анна Евсеева. Моя доминанта</i>	<i>248</i>
<i>Александр Фаловский. Мой край.....</i>	<i>249</i>
<i>Алена Тришина. Июньский вальс</i>	<i>250</i>
<i>Галина Хохлова. Новь и призраки санатория «Березка»</i>	<i>251</i>
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	257
<i>Александр Семочкин. Колыбель не качается над бездной.....</i>	<i>258</i>
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	272

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 5

Главный редактор Т. Иванова
Ведущий редактор М. Инге-Вечтомова
Дизайн Т. Иванова, О. Белова
Верстка О. Белова

ООО «Издательский Дом «ОРЕОС»
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, 21
Телефон: 777-05-17

Подписано в печать 20.07.2008 г.
Формат 165х230. Гарнитура Literaturnaya. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.